Аркадия
Дария Беляева

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

История о юношах и девушках из современного Стокгольма, попавших в сказочный и злой мир, где им пришлось стать принцами и принцессами волшебной страны, которая вовсе не является такой спокойной и безмятежной, какой кажется. Сказка о смерти и любви, что сильнее, чем смерть, а кроме того, о дружбе и гигантских насекомых.

- Дарья Беляева
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21

Дарья Беляева
АРКАДИЯ

Глава 1

Я смотрела документальные фильмы про насекомых уже больше четырех часов. Часть меня надеялась, что все забыли о том, что в мире есть я, и заняты своими делами. Я бездумно пялилась в экран, осмысляя пролетающих над прозрачным озером стрекоз, блестящих, как девчачьи заколочки и выглядевших примерно так же. Диктор сообщал мне, и еще, наверное, жалкому количеству отчаявшихся найти что-то поинтереснее людей, что на каждого человека приходится двести миллионов особей насекомых. Я представила себя и, для начала, хотя бы миллион насекомых. Получилось плохо, не потому, что я дура, а потому что визуализировать большие числа, в принципе, сложно. Хотя один раз я видела миллион евро. Наконец, на оптимистичной ноте о бесчисленных насекомых, которые сопровождали землю с какой-то там эпохи, вроде бы Силурийской, диктор закончил свою речь. Он призвал юных зрителей писать в студию, присылать свои наблюдения и рисунки. Я сегодня официально вышла из круга юных зрителей, так что проигнорировала предложение. Вообще-то были годы, когда я с готовностью слала в какую-то Стокгольмскую телестудию многостраничные письма о том, как я наблюдаю за биогеоценозом озера в лесу или жизнью муравейника. Я знала наизусть все дорожки муравьев, я ухаживала за новорожденными мышатами, которых едва не растерзала кошка, я выходила вороненка, и он стал большой вороной, далеко-далеко улетел, и с тех пор мы не виделись. Я, в общем, успела побывать юным натуралистом, исследуя мир вокруг нас. Но никто не ответил мне, не пригласил меня в эфир, чтобы я помахала ручкой своим одноклассникам, безмерно собой гордясь. В общем, ничего не получилось. А теперь я мало что могла написать.

То есть, конечно, всегда можно было написать правду. Как-нибудь так: Привет, меня зовут Делия Яснич, и вот осень моего первого года без школы. Я хочу стать ветеринаром, но жизнь не очень справедлива к животным, потому что мой папа — глава самой крупной этнической преступной группировки в Стокгольме, и я поеду учиться в Оксфорд на юридическом факультете, чтобы отец и дальше отмывал деньги. Сегодня мой день рождения и Хеллоуин, но мне не хочется праздновать. Внизу все разоделись монстрами, то есть сербами, и громко желают мне здоровья и счастья, а я хочу провалиться сквозь землю. Я вымолила у папы год, в течении которого надеюсь упросить его остаться в Стокгольме, чтобы учиться лечить зверушек, но это

даже звучит глупо. Но я не забросила исследования фауны нашего города, сейчас я спущусь вниз и буду изучать сербов. Жду вашего ответа и помощи в моих исследованиях. Искренне ваша Делия.

Я фыркнула, как будто этот нелепый текст мне кто-то предложил, а не я сама его придумала. На экране замелькала реклама шоколадного батончика, который непременно утолил бы мой голод. В животе заурчало, но спускаться добровольно я не планировала.

Мне послышались шаги за дверью, и я, будто перепуганная фильмами про маньяков девчонка, схватила телефон. Хорошо, что номер моего лучшего, и единственного тоже, друга стоял на быстром наборе.

— О, Хакан! — нарочито громко сказала я. — Спасибо! Такое трогательное поздравление! Ты меня очень порадовал.

Хакан, не успев еще слова сказать, молча слушал, как я благодарю его за несуществующее поздравление. Мог бы, кстати, и раньше поздравить.

— Не за что, — сказал Хакан. — С днем рожденья, кстати. Тебя что хотят заставить праздновать с семьей?

— Ты совершенно прав, — ответила я. — Спасибо, что позвал! Разумеется, можешь заехать за мной.

— Я-то могу, но вот твой папа мне башку отстрелит, — ответил Хакан спокойно. — Так мне собираться?

— Собирайся прямо сейчас.

Хакан в этом году тоже планировал бездельничать. Он, как и все готы, кроме меня, мечтал поступить в медицинский, чтобы стать патологоанатомом. Однако, не прошел и вынужден теперь мечтать о чем-то другом. О смерти, наверное, потому что готические мечты это большая часть нашей с ним жизни. Мы были друзьями, сколько я себя помню. Он мой сосед, и мы были обречены вместе наматывать сопли на лопатки, играясь в песочнице. В первом классе мы не сговариваясь сели вместе, и с тех пор мало что изменилось — мы все так же близко общались, и ничто не могло нас разлучить. Может, потому что мы оба так и не завели себе никаких других друзей. В средней школе мы переоделись в черное, и наши без того не слишком высокие шансы на социализацию снизились до нуля. Что до меня — я ни о чем не жалела. Фильмы с Белой Лугоши всегда нравились мне больше, чем шумные вечеринки, а Эдгар Алан По и Говард Филлипс Лавкрафт заменили первые подростковые влюбленности. Хакан говорит, что если бы у меня был психотерапевт, он сказал бы, что я пыталась всеми силами декларировать, что я не такая, как моя семья. Подростковый

нигилизм сделал меня озлобленной, но в остальном все получилось. Увидев меня на улице, никто не будет думать, что я — богатенькая дочка сербского псевдобизнесмена. Все будут думать, что я — чокнутая. Что и требовалось доказать.

— Ладно, — сказал Хакан. — Я думал покончить с собой, но если на сегодня есть еще дела, отложу, пожалуй.

— Всегда успеешь, дружок.

— Смерть ждет каждого.

— И в Аркадии я есть.

Мы одновременно засмеялись. Я нажала на сброс, в полной уверенности, что спасена. Однако, когда я повернулась, чтобы положить телефон на тумбочку, увидела, что в дверях стоит Роза. Роза, вообще-то, моя мать, никакая не мачеха. Но она с самого детства требовала, чтобы я называла ее по имени. Раз мне восемнадцать, Розе должно быть что-то около сорока пяти, однако выглядела она лет на двадцать пять, не больше. Я уж не знаю, что она делала — резала себя или жрала таблетки, но ее можно было запросто спутать с моей старшей сестрой. Наверное, на это она и рассчитывала, требуя называть ее по имени. Роза, вообще-то, красавица. В детстве я считала, что она королева какой-то далекой и очень сказочной страны. Со временем я рассталась с иллюзиями, но ангельски прекрасный вид Розы по-прежнему вызывал у меня дочерний трепет. У Розы были длинные, всегда идеально завитые светлые волосы. Она не была сербкой, то ли она немка, то ли австрийка — мы с ней мало говорили даже обо мне, не то, что о ней. У Розы были совершенно волшебные глаза, такие синие, как Нептун на картинках в интернете — именно совершенно инопланетного цвета. Я была уверена, что она носит линзы, однако это так никогда и не подтвердилось. У Розы были правильные черты, бледная кожа и пухлые, чувственные губы. Она была такая качественная жена гангстера, что мне иногда было смешно. Фигуристая, вечно пьяная супермодель. Но, думаю, папа любил в ней не это. Роза была самым злым человеком, которого я когда-либо знала. В ней не было ровным счетом ничего хорошего, она никогда не думала ни о ком, кроме себя и заботилась в жизни исключительно об удовольствиях. И хотя я знала, что Роза — очень образована, у нее вроде была степень по химии, и она иногда оставляла в своей ванной толстые монографии рядом с догоревшими свечками и полупустой коробкой шоколадных конфет, однако я никогда не воспринимала это всерьез. Роза производила впечатление тщеславной пустышки, но, наверное, все же не была ей. Кем Роза точно была, так это чокнутой алкоголичкой. Однажды она пригрозила моей учительнице, что отрежет ей язык, если та будет сплетничать обо

мне с другими учителями.

Мне не нравилось, что мама вспоминает обо мне только ради того, чтобы в очередной раз с кем-то посканадалить. В общем и целом, мои родители друг друга стоили. У Розы с папой была любовь или вроде того. Мое самое яркое воспоминание о детстве — то, как меня отпустили с кружка по рисованию пораньше, и я застала их трахающимися в машине. Прошло с того момента уже десять лет, а страсть кипевшая между ними до сих пор была сравнима по температуре с жерлом вулкана. Мне это казалось глупым.

Вообще-то внешне я была похожа на Розу — у меня были те же черты, те же глаза, только я — брюнетка, как папа, и нос у меня папин. Чтобы Роза видела, что я не хочу походить на нее ни в чем, я красила глаза так черно, чтобы меня скорее приняли за дочь панды, чем за дочь Розы. Папа, конечно, запрещал мне стричь волосы, так что они доходили мне почти до колен, зато я выбрила виски, чтобы демонстрировать Розе свое презрение к ее стандартной, классической красоте. Розе, впрочем, было плевать на все, пока у нее были выпивка и власть. Этого у Розы всегда оказывалось в избытке.

Я смотрела на нее, а она на меня. Она улыбалась, показывая белые, ровные зубки, но взгляд у нее всегда оставался холодным. У нее были зимние глаза, глаза, которые никого не отогреют.

В детстве она никогда не брала меня на руки, может я поэтому так злилась на нее всю жизнь. Холодные матери вызывают либо ненависть, либо восхищение.

— Ну, что? — не выдержала, наконец, я.

— С днем рожденья, куколка.

Роза всегда называла меня куколкой, как будто я была папиной игрушкой, прихотью, и ничем больше, никак не относилась к ней и ничем с ней не была связана. Раньше это обижало меня, потом злило, а сейчас я и сама была рада, что между мной и Розой толстая стена без единого зазора. Роза покрутила в руке бокал с вином, вдохнула аромат. Взгляд у нее уже был расфокусированный от выпитого, и это придавало ее лицу какое-то кошачье выражение, недоброе и игривое.

— Спасибо, Роза, — ответила я и без паузы добавила: — Чего тебе? Ты с самого утра не заходила. Могла бы и завтра поздравить.

Роза вдруг одним рывком оказалась рядом со мной. Я вздрогнула. У Розы был характер маленькой, кровожадной хищницы, но что было еще более странным — у нее и движения были такие — игривые и ловкие, мягкие, а потом неожиданно ясные, резкие.

— Твой отец хочет тебя видеть, — сказала Роза.

— Я договорилась с Хаканом.

— Ничего, Хакан подождет. Если будет ждать Хакан, ничего не случится, максимум, он промокнет под дождем. Если будет ждать твой отец, кто-нибудь останется покалеченным. Но мне плевать, дорогая, решай сама, — промурлыкала Роза. Она наклонилась ко мне, потянула за волосы и принялась заплетать мне косу. У нее были ласковые, тонкие пальцы с наточенными ноготками, блестящими от лака.

— Не трогай мои волосы.

— Я заплету тебе косы, ты порадуешь своего отца тем, что помнишь о культуре его народа, к которому, как он считает, ты принадлежишь, а я смогу хорошо провести вечер. Все будут довольны, поэтому не дергайся.

Роза ощутимо потянула меня за прядь волос, и я замерла.

— Почему я не могу отпраздновать день рожденья, как я хочу?

— Не ной, милая моя, — Роза сделала большой глоток, на треть опустошив бокал, и поставила его ко мне на тумбочку, прямо на «Сияние» Стивена Кинга. Я скрестила руки на груди. — Тебя никто не заставляет сидеть там и смотреть на пьяных. Сиди где-нибудь в другом месте и пей сама. Но перед этим удели отцу полчаса. Если все еще хочешь остаться в Стокгольме, научись не строить такую мину, когда он тебя о чем-то просит.

— Ты что пытаешься научить меня жить?

— Если бы меня это интересовало, я бы уделяла твоему воспитанию больше времени прежде, чем ты достигла совершеннолетия. Так что закрой свой милый ротик и не порти вечеринку, дорогая.

Я нахмурилась и замолчала, делая вид, что вовсе ее не слушаю. Если на отца я могла влиять, то все перепалки с Розой оканчивались моей капитуляцией. Мне хотелось вопить, что она мне не сдалась, послать ее куда подальше и сказать, что ее милое личико будет сниться мне в кошмарах даже после десятка лет психотерапии, но я усвоила одно — нельзя показывать Розе, что у меня есть эмоции по поводу нее. Роза поймает меня на крючок, и мне уже не сбежать. Я послушно дала ей заплести мне косы, но сказала:

— Переодеваться не буду.

На мне были кожаные штаны и рваная майка с надписью «Joy Division». Название группы я написала сама на простой черной майке. Если Йен Кертис смотрит на меня с небес, пусть знает, что я не продалась. Роза начала мурлыкать себе под нос какую-то песенку на немецком, которого я не знала. Она наклонилась ко

мне, атлас ее розового платья прошелся по моей руке, как мягкий язык какого-то хищного существа. От Розы пахло дорогими духами, я отчетливо ощущала цветочно-медовые ноты, но с лугом парфюм Розы не ассоциировался, только с койкой. Роза закинула ногу на ногу, и я увидела край ее чулка, плохо скрывавший синяк на бедре. Быстро отвернувшись, я уставилась в стену.

— Ты все? — буркнула я. Никто не мог заставить меня почувствовать себя так неловко, слова не сказав, как моя собственная мать.

Роза встала, оглядела меня, покачала головой.

— Вариация на тему. Но вполне сносно. Жду тебя через пять минут, куколка.

Мама называла меня куколкой, а папа — принцессой. Я сама понятия не имела, кто я такая. Когда Роза ушла, я допила вино из забытого ей бокала. Со стен на меня одобрительно глядели иконы готической музыки. Я методично заполоняла комнату пластиковыми черепами, плакатами, кристаллами, висящими на стеллаже, высушенными цветами и черными свечками, но с обоями поделать ничего не могла. Мои мрачные плакаты с трудом справлялись, заклеивая обои со сплетенными друг с другом геральдическими лилиями — флер де лисами, или как их там. Одно меня утешало — лилии все-таки погребальные цветы во многих культурах.

Я посмотрела в зеркало. На голове у меня была национальная гордость, черные косы такие длинные и так хитроумно заплетенные, что впору было орать «Косово это Сербия!». Я взяла с тумбочки духи, название у них было говорящее — «Похоронное бюро», но пахли они скорее как первый учебный день — чернильная горечь, белые цветы и дождевая прохлада. Я щедро обрызгала себя духами, отдернула и без того длинную майку и отправилась вниз. Дом у нас богатый, даже не просто богатый, а что называется кричаще роскошный. Вилла на берегу озера Меларен, в престижном курортном районе не слишком далеко от Стокгольма. Люди заполоняют побережье летом и убираются подальше зимой. Меня это всегда устраивало. Домом явно занималась Роза, здесь чувствовалась ее жадная рука. Хрусталь, красное дерево, винтовые лестницы и позолота — все так, как Роза хотела. Что до моего папы — он увлеченный человек, ему плевать, чем обиты кресла и чем обклеены стены. Единственное, на чем папа настоял — фотографии на стенах. Каждый раз спускаясь вниз я видела себя маленькую, плескавшуюся в ванной, отца, обнимающего меня и Розу, стоящую рядом, большой воздушный шарик, вызывавший у меня, судя по выражению моего лица на фотографии, дичайший восторг. Словом, смириться с

этим сложно, поэтому я не водила никого домой. Но это только вторая причина. Первая состояла в том, что мне некого водить домой.

Еще спускаясь по лестнице, я услышала визгливую скрипку, вливающуюся в трели балканской музыки, надоевшей мне до чертиков. Меня на секунду одолело желание подняться наверх и запереться у себя в комнате. В детстве я любила сербскую музыку и праздники, но с возрастом почти все, что нравилось тебе в детстве становится каким-то до комка в груди стыдным. Я старалась ступать как можно тише и замерла на лестнице, не выходя из тени. Людей было много — на них были одинаковые черные костюмы и коктейльные платья примерно одного фасона. Серьезные люди, я прекрасно знала, чем они занимаются. Игорный бизнес, торговля людьми и оружием, наркотрафик. А ведь с виду такие приличные, довольные своей жизнью люди. Пьяные, красные, улыбаются. Роза сидела на своем месте, на лице у нее была скука. Папа разговаривал с кем-то, что-то оживленно вещая. Я слышала всполохи его голоса — так пламя иногда взвивается выше без видимой причины. Папа говорил на сербском. Он был очень оживлен, совсем молодой смуглый парнишка перед ним нелепо улыбался. Папа выглядел постарше мамы, лет на тридцать, а может тридцать пять. Я надеялась, это у нас семейное, и я буду выглядеть так же молодо и свежо к тому моменту, как окончательно потеряю все понятия о человечности и вкусе, как все люди после тридцати. Парень вдумчиво кивал, глаза его выражали страх и обожание. Наконец, папа схватил его за подбородок, притянул к себе и поцеловал в щеки ровно три раза, демонстрируя свое благоволение по старинной сербской привычке, которую лично я считала очень гейской.

Папа от природы был скорее обаятельный, чем красивый. У него была зубастая, острая улыбка, которая делала его изможденное, типично сербское лицо удивительно притягательным.

Иногда в юмористических телешоу показывают сербских бандитов. Вот мой папа выглядел именно так, как их доводят до гротеска ради комического эффекта по ту сторону экрана. Иногда мне казалось, что так папа являет миру свое странноватое чувство юмора. У него были золотые кольца на каждом пальце, обилие золотых цепочек на шее, блестящий фиолетовый костюм с ярким, желтым, как у клоуна, галстуком. Роза говорила у папы был шанс стать хорошим человеком, папа был врачом, но грянула Югославская Война, и он стал чудовищем. Папа иногда спрашивал, больше риторически, что они сделали с его страной. Но «они» всегда были безличные, загадочные силы, а папа был

вполне реален и вроде как даже числился среди военных преступников, которым хорошо было бы объявиться когда-нибудь в Гааге. Под другим именем, в другом времени, и вообще все это глупости, съешь лучше кусочек торта, милая — вот как папа об этом говорил. Торт-то я ела, но прошлое отца заставляло меня стыдиться.

Люди вокруг шумно пили, смеялись, до меня доносилась смешанная до полной однородности шведская и сербская речь. На этом пиджине я долго говорила в детстве. До меня донеслась одна из папиных фраз:

— Музыка хорошая, но мне надоела! На, послушай.

— Что послушать, Драган?

Папа достал из кармана наушники, левый взял себе, а правый вставил в ухо этому молодому, симпатичному пареньку с нелепой улыбкой и большими и темными, испуганными глазами. Папа обхватил его за плечи, будто собирался начать танцевать, и Роза махнула рукой, музыка тут же стихла, музыканты остановились, как вкопанные. Я тоже замерла, не двигаясь со своего места. Я видела, как у парня расширились глаза, губы его прошептали что-то, и я подумала, что ему не просто страшно, он, наверное, представляет, как умрет. Папа достал телефон, выдернул из него наушники, и звук, освободившись из проводов, устремился в тишину, заполняя ее полностью. Я услышала сбивчивую, но вовсе не такую нервную, как ожидалось, речь. Голос вероятно принадлежал темноглазому пареньку.

— Нет, ничего. Счета и договоры в полном порядке. Словно бы все эти деньги заработаны легальным путем. Честный предприниматель. Но, может быть, выведет меня на Драгана.

Папа отбросил телефон, Роза легко поймала его. Он заглянул парню в глаза, широко, почти сентиментально улыбнулся.

— Ну как, вывел? — поинтересовался он, а потом хлопнул парня по щеке, сказал:

— Да можешь не отвечать, Джордже!

Папа засмеялся, и все вокруг, как эхо, повторили за ним. Только Роза молчала. Она облизала пухлые, смазанные розовым губы, ее язык высунулся на секунду и исчез. Она была сосредоточенная и голодная, как кошка.

— Это не то, что вы подумали! — защебетал Джордже. — Это подделка! Это не я, не мой голос.

Голос был его, несомненно, теперь я могла сравнить. Но я бы тоже попыталась соврать в такой ситуации.

— Как так не твой? Неужели я ошибся? Я тебя не узнал?

Все молчали, риторические вопросы папы не были обращены ни к кому конкретно, ни к зрителям, ни даже к Джордже. Я

видела, как Джордже дрожит. Ему и двадцати пяти не дашь, совсем молодой. Молодые парни любят ввязываться в приключения из принципа, за идею. А потом они умирают. Я такое уже видела, не много, раза три за свою жизнь. Когда увидела в первый раз — меня стошнило, я до сих пор помню вкус желчи во рту, он и ассоциируется у меня с убийствами. Тот человек хотел убить меня, и его застрелил мой тогдашний телохранитель — меня изрядно забрызгало кровью. Сам мой телохранитель умер еще через три года, и тогда меня забрызгало мозгами.

Папа возвел глаза к потолку, сказал:

— И я даже никогда не узнаю, работал ты на полицию изначально или тебя перекупили? Виноват твой покровитель в том, что произошло или нет? Неужели ответы на все эти вопросы ты унесешься с собой в могилу?

Папа замер, он выглядел так, будто собирается задать еще один вопрос. А потом он резко достал пистолет, приклад разбил Джордже нос, мерзкий хруст вонзился в мой слух. Джордже полетел на пол, проехался по скользкому мрамору, белому с черными прожилками. Он потянулся в карман, но папа уже выстрелил ему в руку. Джордже заорал, вторая его рука нырнула в тот карман, куда не успела подстреленная. В этот момент Роза достала из-под стола пистолет.

— Не это ищешь? Надо было прятать надежнее, — сказала она. Роза впивалась взглядом в Джордже, ей нравились его боль и страх. И папе нравились. Вот он — секрет их успешного брака. Папа сказал:

— О, надо же, как неловко вышло.

Он только чуть двинул рукой с пистолетом, движение было очень легкое, виртуозное. Пуля прошибла Джордже голову. Я этого не видела, я закрыла глаза, но судя по треску, именно так и было. Череп всегда пробивается с треском — пулю не заглушают мягкие ткани. Даже не треск, а такой очень характерный щелчок. Когда я открыла глаза, то моментально возвела взгляд к хрустальной люстре. Оказалось, кровь достигла и ее. Некоторые сережки, звенящие от малейшего движения, были украшены красными каплями. Почти красиво. Я всегда любила такие картинки в интернете, но от увиденного в жизни меня снова затошнило. Я развернулась, чтобы уйти, но в этот момент папа окликнул меня.

— Делия, девочка, что ты там стоишь?

Папа сделал шаг назад, и его лакированный ботинок с острым носом отодвинулся от лужи крови, едва касавшейся его. Так почти смыкается с тобой вода, когда стоишь, наблюдая за

прибоем. Я замерла, но папа сказал:

— Я ждал тебя раньше или позже, никак не сейчас.

В его понятии не произошло ничего особенного. Папа даже не велел убрать тело. Я скривилась, но спустилась вниз. Папа сам пошел ко мне, мы с ним были как Золушка и принц, или вроде того, потому что снова заиграла музыка. Вся сцена была такая согласованная, что можно было фильм снимать.

— С днем рожденья, дорогая, — сказал папа как обычно ласково. Его теплые губы коснулись моей щеки. Люди вокруг замерли, кое-кто из них привык, кое-кто видел подобное в первый раз, но все они реагировали правильно. Все были статичны, все молчали, и только Роза звякнула бокалом о бутылку с шампанским. Она выглядела очень довольной. Музыка теперь играла очень размеренная, похожая на вальс. Папа танцевал отлично, а вот я наступала ему на ноги. Отчасти специально, потому что лучше было наступить на него, чем в лужу крови.

— Ты только что убил человека, — сказала я бесцветным голосом.

— О, ты такая наблюдательная, принцесса.

Папа нежно засмеялся, он чуть приподнял меня, перенес через труп, как будто это был элемент танца. Я старалась не смотреть вниз, мне не хотелось знать, что стало с парнем, когда-то носившим имя Джордже. Красивое имя и парень был ничего. Я заметила у папы на манжетах капельки крови, крохотные бисеринки. К горлу снова подкатил комок. Папа продолжал кружить меня в танце. Он сказал:

— Я хочу поговорить с тобой кое о чем. Тебе исполнилось восемнадцать, и ты должна кое-что узнать, милая.

— Ты на самом деле злобный пришелец из космоса, который существует, чтобы меня позорить? — спросила я. Папа засмеялся. Его руки легко вели меня в танце, а я, казалось, даже не слышала музыку. Я вся была напряжена.

— Зернышко истины затаилось между плевел, которыми ты его снабдила, — задумчиво сказал он. Его рука, прежде державшая меня за талию, скользнула в карман. На секунду сердце мое замерло. Мне показалось, что сейчас он достанет пистолет и выстрелит мне в лицо. Предположение это не имело под собой никакой логики — мой отец любил меня без памяти, он никогда бы не сделал этого, и все же мое сердце зазвенело от страха. Но на открытой, беззащитной папиной ладони оказались ключи от машины. Новенький, блестящий металл ключа зажигания, пластиковый корпус с кнопкой, разблокирующей двери. Меня пронзило детское, жадное любопытство — а что у меня теперь за машина? Водить я научилась еще с шестнадцати,

хотя прав у меня не было. Папа с легкостью исполнял мои капризы и иногда давал погонять его тачку. Мне нравилось носиться по пустому шоссе, наслаждаясь одиночеством.

— Ты только что убил человека, — повторила я.

Одна рука папы все еще сжимала мое плечо, другая оставалась протянутой, он ожидал, пока я возьму ключи.

— Да, разумеется. Такая у папы работа. Не хуже, чем отец-строитель или отец-бухгалтер. Просто по-другому. Мир разнообразен, дорогая, привыкай.

Мне захотелось его ударить, против воли глаза защипало, но я знала, что не заплачу. Я редко плакала, хотя вроде бы не было у меня спартанского воспитания или особенной силы духа. Папа продолжал:

— Я хотел поговорить с тобой, моя родная, о нашей семье. О тебе, обо мне и твоей маме.

— О Розе.

— А я и забыл, — он усмехнулся. — Но это очень важно. Ты можешь попасть в беду, если меня не выслушаешь. Вряд ли сегодня, может не завтра и не через неделю, но уж точно в течении этого года. Поэтому я прошу о том, о чем не просил уже года три, поговори со мной, милая.

Я взяла у него ключи. Настроение мое было хуже некуда. Люди вокруг потихоньку начали оттаивать. Папа говорил так тихо, шептал мне на ухо почти интимно, что, наверное, ничего они не слышали. Я отвела взгляд, и в этот момент мой ботинок проехался по чему-то скользкому. Я замахала руками, пытаясь избежать падения, и папа не смог меня удержать. Я шлепнулась прямо в лужу крови, а мой локоть уперся во что-то чуть теплое, мягкое и липкое. Я заорала. В моем голосе было поровну злости, отвращения и испуга. Все, что случилось дальше было продуктом моей неожиданной истерики. В своем сжатом кулаке я почувствовала ключи, резьба которых втиснулась мне в ладонь. Я поднялась на ноги и бросилась к выходу, дисгармонично прервалась музыка, что-то кричал папа и, кажется, смеялась Роза, а я неслась к двери. Я подумала, что не смогу найти свою машину, поэтому нажала на кнопку. Раздался писк, и я увидела, что его издал черный «Додж Чарджер». Готичная машина, все как я люблю, папа знал, что мне понравится. Но сейчас у меня не нашлось радости, чтобы обернуться и поблагодарить его. У меня даже не нашлось смелости, чтобы посмотреть, пытается он догнать меня или нет. Я влетела в машину, со второго раза вставила ключ зажигания. Машина податливо завелась, и я свернула на въездную аллею. Ворота, слава Богу, были открыты. Слишком много было сегодня гостей и, может быть, кто-то еще

должен был приехать. Я прибавила скорость так быстро и лавировала так неловко, что колеса вспахали газон, его ошметки летали на уровне окна. Я вышла на четвертую передачу, вне себя от ужаса, и только выехав на шоссе подумала, что легко могла бы въехать в столб, и будь у меня автомат, а не механика, смена скоростей была бы слишком резкой и неминуемо привела бы к какому-нибудь мало приятному случаю, после которого мои мозги оказались бы раскиданы вне моей зоны досягаемости.

Ну, как мозги Джордже. Я сжала губы. «Додж Чарджер» гнал в сторону Стокгольма. Я поняла, что забыла дома мобильный телефон. На нем, наверняка, был миллион пропущенных звонков от Хакана. Он ждал меня на нашем месте, автобусной остановке, исписанной названиями наших любимых групп. Поворот туда я уже проехала, возвращаться было страшно. Дождь хлестал по стеклу, и я понадеялась, что Хакан не будет ждать меня, как Хатико, а уйдет домой. Ветер принес на лобовое стекло парочку потускневших от влаги золотых листьев, и я включила дворники. Шоссе было почти пустое, люди ехали из Стокгольма, а не в Стокгольм. Я прибавила скорости. В зеркале заднего вида не отражалось ни единой машины. Папа мог воспринять мой побег, как очередной каприз. Но возвращаться мне не хотелось. Я с тоской подумала, что испачкала салон кровью, в которую грохнулась. Напрягшись, я даже ощутила ее запах. Солнце медленно устремлялось вниз, скоро оно упадет, как в карман, за горизонт, и будет темно. Эта мысль казалась мне утешительной. На сиденье рядом я увидела белый конверт без надписи. Я посмотрела на него с раздражением. Он был частью того, что я ненавидела. Почему моя семья не могла быть нормальной? Пусть бы они были по-мещански скучными, пусть бы у них была буржуазная мораль, пусть бы они пропадали на работе и ничем не интересовались.

Только бы не убивали людей. Меня трясло от злости и бессилия, тошнило, и я увидела, что моя рука, сжимающая руль, испачкана кровью того бедного парня, незнакомого мне и, наверное, неплохого. Точно неплохого, если он пытался остановить моих родителей.

Мне стоило просто пойти в полицию. Папа бы даже не решился меня убить. Но я не могла. Я любила папу и Розу, и презирала себя за эти детские чувства к ним. Шоссе неслось мимо меня с оглушительной скоростью, смазанное, будто чья-то ладонь прошлась по еще не засохшей краске. Я не могла сбавить скорость, сердце мое билось от страха. Заячья реакция, а я не зайка. Я не «беги и никогда останавливайся», я «оставайся и борись». Во всяком случае мне всегда хотелось так думать. Теперь

поводов полагать так было намного меньше. Мне хотелось попасть в место, где я буду совсем одна. Я въехала в мой уютный, по-северному нежный Стокгольм с юга. Ближайшее кладбище и было моим любимым. Там, конечно, бывали стайки восторженных и взволнованных туристов, но и затаиться там было легче легкого. Лесное кладбище, самое одинокое место в Стокгольме с года начала Первой Мировой Войны. Вскоре трясти меня перестало, а отсутствие телефона давало дополнительную иллюзию безопасности, будто перерезало канал связи между мной и папой. Я припарковалась у метро, получилось неплохо, несмотря на мои дрожащие руки. Город уже поддернуло короткими сумерками к тому времени, как я вышла из машины. Я взяла конверт, оставив на нем красные отпечатки моих пальцев. У меня даже не было влажных салфеток, чтобы вытереть кровь. Я подставила руки дождю, и хрустальные капли холодно забарабанили по моим ладоням. Спускались вниз и устремлялись к асфальту они уже каплями, похожими по цвету на розовый кварц. Конверт тоже мок, и чтобы он окончательно не потерял свою защитную функцию для письма внутри, я спрятала его под футболку. В такой дождь на кладбище почти никто не шел, только далеко впереди меня маячила женщина в красном пальто, не забывшая своих мертвых. Только когда я увидела ее, поняла, как мне холодно в одной футболке. Даже кости, казалось, замерзли. Нужно было хоть что-то с собой захватить, но времени не было. Вымокли косы, а выбившиеся из них пряди плетьми хлестали меня по лицу всякий раз, когда поднимался невыносимый ветер, но в машину мне возвращаться не хотелось. Я мечтала попасть в единственное место, которое успокаивало меня, даже если это будет стоить мне воспаления легких. Я шла по длинной липовой аллее, ветки деревьев были устремлены вверх, искривленные, как пальцы старушки, воющей из-за артрита. Кладбище начиналось с поля, которое всегда напоминало мне футбольное. Газон, еще более зеленый из-за дождя и наступающих сумерек, был щедро усеян зернами листьев. Я пошла по дорожке, дождавшись, пока скрылась из виду дама в красном. Так я осталась совершенно одна. Бутылочно-зеленое поле простиралось перед глазами, ближе к краю дорожки в землю был воткнут строгий каменный крест. Я миновала его, и подъем тоже закончился, я принялась спускаться вниз. Лесное кладбище вызывало у жителей Стокгольма смешанные чувства. Вроде бы это и не место для увеселений, однако оно такое зеленое, так похоже на парк, что невольно навевает чудесные мысли о пикниках. А потом натыкаешься на могилу, и становится невыразимо стыдно. Ну, то есть мещанам становится. Я сама не против пикников на

кладбищах. Я бы и сейчас что-нибудь съела.

Вскоре полуголые деревья, как могли, укрыли меня от дождя. В их тени сумерки стали почти неотличимы от вечера. Деревья и могилы казались явлениями одного порядка, они чередовались в такой неопределенной последовательности, будто между ними не было никакой разницы. Дождь сделал более яркими буквы, выгравированные на плитах, и имена мертвецов взывали к проходящему с отчаянием. Я читала имена, потому что мне казалось, что только этого они и ждут. За этими именами скрывались жизни, насыщенные, как и моя, и все эти люди, как и я, думали, что никогда не умрут. Джордже тоже так думал. Я шмыгнула носом, от холода, а не из желания сдержать рыдания.

Наконец, я села под дерево. Прямо напротив меня нашел свой последний приют Гуннар Ларсен. И хотя холодные капли дождя сделали землю почти ледяной, Гуннару уже не было холодно. А мне было. Я нашла единственное положение, в котором дождь на меня не капал, под двумя большими ветками и замерла, боясь сделать лишнее движение. Я сидела на корточках, рассматривая конверт. Он промок, и дольше медлить было нельзя — чернила наверняка уже растеклись. Я вытащила письмо. Я мгновенно узнала папин почерк, но взгляд все равно против воли скользнул по низу страницы, и я увидела подпись. «Твой отец, Драган». Мой отец, подумала я. Чей же еще? Я начала читать.

> «Здравствуй, принцесса. Вот тебе и исполнилось восемнадцать лет. Может случиться так, что ты увидишь это письмо прежде, чем я успею с тобой поговорить. Мне бы этого не хотелось, принцесса, но если так и получилось, не откладывай в сторону это письмо. Мы с твоей мамой (Розой, если к тому времени она научит тебя не упоминать, что она твоя мать) должны, наконец, побыть с тобой честными. Я еще не знаю, где ты найдешь это письмо, моя девочка и будешь ли ты знать сербский настолько хорошо, чтобы прочесть его. Впрочем, о последнем я позабочусь. Сейчас ты спишь в своей колыбели, от роду тебе четыре дня, и ты уже сделала меня счастливым. У нас впереди долгих восемнадцать лет, и я буду любить тебя так сильно, как только смогу. И буду оберегать тебя от всего, в том числе и от правды. Но однажды ты должна будешь ее узнать. Если ты держишь это письмо, то этот день настал сегодня. Мы с твоей мамой пережили намного больше, чем рассказывали тебе (вернее, из перспективы времени, когда я это пишу — расскажем). Мы были в таких местах,

которых, строго говоря, и на Земле-то нет. И мы любили друг друга так сильно, что променяли бессмертие и рай на возможность быть вместе и дать жизнь тебе. Если быть откровенным излишне, твоя мама сделала это не совсем добровольно, но в конечном итоге она довольна. Задолго до того, как я даже смел мечтать о твоем появлении на свет, но незадолго до того, как я узнал, что оно, в определенных терминах уже состоялось, я принес неосмотрительную клятву одному могущественному и не вполне человеческому существу.»

У меня было ощущение, что я читаю фантастический роман, все имена и совпадения случайны. Я никак не могла понять, что хоть что-то из написанного имеет отношение ко мне.

«Мы разрешили ему забрать нашего первенца по достижении им восемнадцати лет, и только таким образом смогли вернуться домой. К тому времени, как я попал сюда, мир очень изменился. И мне до сих пор кажется, что все происходившее прежде было не больше, чем сном. Однако, я понимаю, как опасно считать подобным образом. Поэтому я хочу рассказать историю моей жизни, которая покажется тебе бредом шизофреника. Я владел невыразимой магией и прожил тысячу лет, обменяв все на жизнь в Белграде, а затем и в Стокгольме. Так же поступила и твоя мама. Наверное, подростковые романы твоего времени учили тебя тому, что стоит отдать все ради магии и приключений, но это не совсем так.»

Я жадно читала, мне казалось, будто я физически ощущаю, как мой мозг поглощает слово за словом, не ощущая вкуса. Но шум заставил меня отвести взгляд от письма, я вздрогнула. Кто-то будто скребся о кору деревьев, и когда я взглянула вперед, я увидела тень, скрывшуюся за массивным дубом. Мне стало не по себе. Становилось совсем темно, и скоро я не смогла бы различить буквы. Я вернулась было к чтению, но звук раздался снова. На этот раз я увидела у дуба неподвижную тень, явно принадлежащую человеку. Мне понадобилась пара секунд, чтобы понять, кому.

Джордже стоял передо мной. Половина его головы треснула, и я видела сочный мозг, розовый, как губы моей матери, блестящий между двумя осколками черепа. Один глаз был изуродован, потек, зато второй смотрел ясно и вовсе не так испуганно, как я запомнила. Я почувствовала, как кровь

отхлынула от щек.

— Джордже! — воскликнула я, хотя мне даже не полагалось знать его имя. Хотя я и была готом, увидеть призрака в мои цели и мечты не входило. Я ни на секунду не подумала, что он может быть жив или что это может быть какой-то другой, похожий человек, которому требуется помощь. Рана в его голове кричала о смерти. Он смотрел на меня, и я дрожала под этим взглядом. Я спрятала письмо под майку, машинально, поднялась, прижавшись к дереву.

— Я не виновата! Я не могла ему помешать!

Но Джордже молчал. А потом я услышала его голос, почти такой же, как и на вечеринке в честь моего дня рожденья, ставшей для Джордже последней. Такой же молодой, такой же напуганный. Но губы его не шевельнулись.

— Пора возвращаться домой, Делия.

— Домой, это куда?

Но он не ответил, сделав вместо этого шаг вперед. Его движения были совершенно раскоординированы, как у мертвецки пьяного. У меня появилось странное ощущение, словно он просто тряпичная кукла, которую кто-то надел на руку. Я развернулась и побежала. На меня, по крайней мере, не напал ступор, как на людей в фильмах ужасов. Зато все ощущения обострились предельно. Я ощущала, как колет живот краешек письма, торчавший у меня из-за пояса, я ощущала, как увязают в мокрой земле ботинки, я ощущала присутствие Джордже за спиной. Нет, не дыхание, не шаги — только присутствие, будто у меня было иное чувство — иное чувство для иных существ. Я точно знала, он со своей развороченной головой, гонится за мной. Я только не знала, что будет, когда он меня поймает. Не съест, он же не зомби. Не выпьет кровь, он же не вампир. Не растерзает, он же не оборотень. Что вообще делают призраки, кроме как пишут жуткие слова кровью на зеркалах и швыряются предметами?

Они сводят с ума. Вот к сумасшествию я была близка, как никогда. Я все-таки решилась обернуться, и мои худшие подозрения подтвердились. Джордже шел за мной. И как бы быстро я ни бежала, его движения оставались медленными, но он не отставал. Его голова была запрокинута, здоровый глаз закатился, как при приступе эпилепсии. Я побежала быстрее, но уже знала, что это мне вряд ли поможет. Не стоило мне оборачиваться, потому что земля из-под ног ушла, а я даже не успела посмотреть, почему. Я ощутила полет, который длился меньше секунды, и больно приземлилась на коленки. Впрочем, земля была мягкая и липкая, удар мог быть и больнее. Я была в разрытой могиле. Джордже был надо мной. Он смотрел на меня, а

я смотрела на него. Я крикнула:

— Это ты! Ты должен быть здесь, в могиле, а не я!

И мне показалось, что он растянул свой безвольный рот в ухмылке, обнажившей блестящие, как жемчужины, зубы. Вместо того, чтобы пытаться выбраться, я забралась в угол, чтобы быть от Джордже подальше. К этому меня «Bauhaus» не готовил. Я завизжала, как будто мертвец был животным, которое мог отпугнуть шум. А потом я увидела еще кое-что странное, хотя, казалось, ничто не могло быть страннее парня с блестящим даже в наступающей темноте мозгом. В земле, будто ее сосуды, струились стебли роз. В земле подо мной, в земле передо мной, и всюду. Они слабо двигались, как извивающиеся черви, а редкие головки роз, выглядывающие из-под земли пульсировали, и их лепестки были будто ненасытные красные рты, требующие крови. Я прижала руку к губам. Спиной почувствовав движение, я отскочила. За мной пульсировали шипастые стебли, они свивались друг с другом, пытаясь вырваться из-под тонкой земляной пленки, которая все еще сковывала их. Они двигались наверх, и вот я увидела, как первые стебли сплетаются над моей головой. Джордже смотрел на все то и на меня бессмысленным взглядом. Я подпрыгнула и попробовала уцепиться за стебель, героически готовясь ладонью принять шипы, но стебель, будто змея, обвил мое запястье, и я осталась висеть в паре сантиметров над землей. Я завизжала, задергалась, но это мне не помогло. Вряд ли Джордже стал бы мне сочувствовать, в конце концов, его убил мой отец. А меня теперь убьет он. Или задушат розы. Ими пахло одурительно, как никогда прежде. Я в жизни не чувствовала такого интенсивного запаха.

Стебли жили своей особенной жизнью, они свивались друг с другом, сцеплялись, образуя крышу над моей головой. Шипы ранили меня, все новые и новые стебли обвивались вокруг, и на них рассыпались голодные бутоны. Все эти цветы были срощены друг с другом, как чудовищные ботанические сиамские близнецы, у них не было начала, не было конца. Мои руки кровили и затекли, я дергалась, надеясь содрать с запястья кожу и упасть. Джордже уже вовсе не было видно, настолько тесной и темной стала стена над головой. Я вдруг остановилась. Сначала я подумала, что мне показалось, потому что источника света никакого не было, и вокруг было совершенно темно. А потом я поняла, что у ямы и вправду не было дна, только открывшая пасть пустота подо мной. Теперь я уже сама цеплялась за стебли, оплетавшие землю, за голодные головы роз, за шипы. Я болталась над совершеннейшим ничем, ощущение намного хуже, чем депрессия от несчастной любви к умершему Верлену, которую я

характеризовала точно так же. Я закричала, попыталась всем телом подтянуться, чтобы сильнее вцепиться в цветы, упереться ногами в земляную стену, испещренную двигающимися сосудами розовых стеблей. И именно в этот момент стебли расслабились и замерли, выпустив мои руки. Я цеплялась за них, шипы глубоко проникли в мои ладони, но, в конечном итоге, руки соскользнули, не выдержав боли.

И я полетела вниз.

Насколько там глубока кроличья нора, Алиса?

Глава 2

Читать у меня всегда получалось лучше, чем говорить или, тем более, слушать, но вообще-то болтать я любил. То есть, мне не сразу удалось полюбить разговоры, до пяти лет я не разговаривал совсем, и это было тоскливое время, потому что никто не понимал, чего я на самом деле хочу.

А я хотел всего-то, чтобы говорили помедленнее. Я примерно понимал, что люди общаются с помощью звуков, передавая друг другу послания. Но звуки никак не складывались в слова, и обращенная ко мне речь упорно не считывалась. Люди журчали мне о чем-то, а я смотрел на них, и по жестам догадывался, что они имеют в виду. Еще — немного читал по губам. Я знал, что те или иные движения маминых губ означают, что скоро будет прогулка или еда. Я любил гулять и есть, как и любые другие дети, но я не понимал, как это сказать. Я повторял движения, которые совершала мама, но получалось нечто, наверное, невразумительное.

Я все понимал. То есть, как все — кроме речи все понимал. Совсем ничего не понимал, значит. Так я запутался.

К пяти я немножко понял, что люди имеют в виду теми или иными звуками и немножко заговорил. Я старался подражать тому, что слышу и складывать это в то, что хотят услышать разные другие люди, убежденные, что я особеннее их. Они все стали говорить очень-очень медленно, и я понял, как они строят из звуков слова. Но я говорил не так, как все другие люди говорят и до сих пор не научился этому. Люди часто открывали рты, когда слышали, как я говорю и иногда делали глаза круглыми. Так я понял, что они все равно считают меня особенным. Мне так объяснили: в моей голове не совсем правильно росли мозги. Поэтому я плохо распознаю речь (но распознаю, а ведь есть ребята, которым повезло еще меньше, они никогда не научаются говорить), поэтому я ощущаю меньше других людей, если меня ткнуть иголкой, я могу не заметить это, мне нужны импульсы сильнее, чем им, поэтому я не чувствую своего тела, пока не трогаю свои руки или лицо, без этого мне становится нехорошо, как будто я во сне, поэтому у меня болят глаза от ярких цветов, и я ношу только серые и черные вещи. Много-много «поэтому» и «потому» из-за которых я такой, какой я есть. Я никогда не считал, что так плохо. Хорошо быть тем, кто ты есть и не пытаться быть кем-то совсем другим. Есть и другие хорошие вещи: запах сахара, мечтать и секс. А еще когда заканчивается фильм, и показывают много имен. И мокрая резина на ощупь

тоже очень хорошая. И люди, людей я совсем люблю, даже больше всего остального. Они очень умные и намного лучше, чем думают о себе. А еще они очень разные, у них разные мечты, желания и страхи, разные сильные стороны, разные слабые стороны. И ко мне они относятся тоже по-разному. Некоторые меня боятся, думают, что я могу убить их из любопытства и рисовать буквы на стенах их кровью. Другим я неприятен, и они говорят, что я — дурачок. Еще каким-то меня жалко.

Мне всегда нравились люди и все живые существа, я стараюсь не делать больно даже маленьким насекомым (они крохотные, но у них тоже есть свои желания и им не хочется умирать или чувствовать боль).

Люди обычно считают, что я аутист или шизофреник, потому что они знают только аутистов и шизофреников из тех, кто говорит и действует не как они. Я не то и не другое. Но про аутистов я знаю много. У моего папы синдром Аспергера. Это значит, что мой папа — аутист, но может больше, чем другие аутисты. Поэтому синдром Аспергера называется высокофункциональным аутизмом. Я читал про это книжки (я еще не про все читал книжки, но про многое). Мой папа умный, он умеет строить планы и просчитывать разные вероятности, поэтому он тальман в риксдаге. Мама говорит, что иностранцы назвали бы его: спикер в парламенте. Папа хотел научиться говорить речи, и теперь умеет делать это лучше всех. Однажды мой папа станет президентом, и тогда он будет счастлив. Власть — папин специальный интерес, он знает о ней все. Можно разбудить его ночью, и он назовет всех триста сорок девять членов парламента, включая себя самого и расскажет их биографию и политические программы. У папы отличная память. Про папу говорят, что он успешный человек. Но он все равно другой, чем многие (никто не может быть другим, чем все). Папа не понимает риторических вопросов. Однажды они ругались с мамой, и мама крикнула ему:

— Да кто ты вообще такой?!

Это значило: мама не понимает, как папа может не позволить ей что-то, о чем они тогда спорили.

А папа ответил:

— Я — Сигурд.

Потому что его так зовут. Еще мой папа не любит, когда к нему прикасается кто-то, кроме мамы и меня. И не любит смотреть людям в глаза, но об этом никто не знает, потому что папа научился смотреть чуть поверх глаз человека. От этого кажется, что у папы пристальный и жутковатый взгляд. А на самом деле он на человека не совсем смотрит. Папа любит

записывать все в ежедневники, у него их много. Еще он любит все знать про людей, с которыми сталкивается чаще одного раза в жизни. Это помогает ему в работе и это еще один его специнтерес. Я бы мог много рассказать о своем папе, потому что я его люблю. И я бы мог много рассказать о своей маме, потому что я ее люблю. У меня лучшие родители на свете, и я для них самый лучший.

Я бы все это рассказал, я люблю болтать. Но сейчас никто меня ни о чем не спрашивал, хотя это был мой день рожденья. Я смотрел на папу. Папа с самым невозмутимым видом разрезал на куски пирожное (папа и сладкое вместе навсегда), и все уважали его за это. Хотя на самом деле папа просто не понимал, что не так. Я смотрел на папу и радовался, что похож на него. Мой папа очень высокий, без семи сантиметров два метра, жилистый и крепкий, и лицо у него красивое, как у древнего царя, и глаза голубые. Наверное, мой папа смог бы сыграть Сигурда в фильме по саге о Вельсунгах. Совсем не потому, что его тоже зовут Сигурд, а потому, что его царственное лицо, и черты, и высокий рост напоминали бы людям о героях древности. Я похож на папу, и мне все говорят, что я красивый. Однажды я слышал, как моя мама плакала, спрашивая у папы, неужели моя красота никому счастья не принесет. Она говорила о том, что я не заведу семью и в меня не влюбятся, потому что я дурак. Но папа тоже иногда ведет себя по-дурацки и много чего не понимает, а мама полюбила его. Я как папа, только я не царь, потому что все мамины черты, которые мне достались, сделали то, что люди называют красотой нежнее и мягче (так говорят в рекламе шоколадок, но я не совсем то имею в виду).

Мама — тоже красивая. Она сидела рядом с папой и улыбалась. Она-то все понимала, но ей слишком хотелось, чтобы праздник у меня прошел хорошо, и поэтому она была радостная и невозмутимая. Моя мама — самое доброе и ласковое существо на свете. Она понимающая и заботливая, она работает психотерапевтом и спасает людей, но сама она много переживает, а когда переживает то плачет и моет грязное. Маме нравятся чистота, я и папа. Мама носит очки. У мамы темные волосы и пухлые, красивые губы. И большие, круглые беззащитные глаза. Мама похожа на красивую мышь. Моя мама не шведка, она из Австрии, и у нее немецкая фамилия. Раньше ее звали Флори Раске, а теперь зовут Флори Линдстрем. Мама мечтает сделать всех людей счастливыми и умереть. Она много курит, как Фрейд. Мама часто говорит, что разрыв между миром и ее проектом мира, то есть художественным вымыслом, артикулированным романтизмом, делает ее несчастной. Я не вполне понимаю, что

она имеет в виду, но моя мама правда очень романтическая и нежная. Я смотрел на нее, и она посмотрела на меня. Мы друг другу улыбнулись, и она велела включить музыку. Я этому обрадовался. Вокруг много болтали, и я не понимал, о чем, потому что не сосредотачивался. А музыку я понимал. Кроме того, передо мной был кусок торта, покрытого липкой мастикой. Люди вокруг ели торт с аппетитом, но мне еда не нравится. Еда, наверное, самый отвратительный процесс на свете. Одни существа берут трупы других существ или даже еще живых существ, если они растения, в рот, перемалывают их зубами и погружают в свое тело, чтобы переварить. Еда это ужасно. Я люблю только еду, которая не была раньше живым существом. Например, молоко и мед.

Музыка была хорошая, а слов я все равно не различал. Я сказал Лизе:

— Можно я потанцую с Камиллой?

И пошел танцевать с Камиллой. У Камиллы были два красивых, бледных хвостика и большие, ничего не понимающие глаза, но она мне улыбалась. Она была в костюме ведьмы, черном плаще с капюшоном, потому что сегодня был Хеллоуин. Обычно она так не ходила. Мы вместе сидели за партой, и я часто подсказывал ей ответы. Камилла редко говорила и часто высовывала язык, но танцевала намного лучше меня. Ей нравились ритмичные вещи, и она легко двигалась, а я едва не наступал ей на ноги. От Камиллы пахло зубной пастой, и она выдавила из себя:

— О. Танцуем.

Потому что мы танцевали. Мы глупо улыбнулись друг другу, и я понял, что буду скучать по ней. У нее были чудесные кудряшки, стянутые разноцветными резинками и веснушки на носу. Камилла снова высунула язык, и я сделал то же самое. Ей нравилось, когда за ней повторяют. Мы засмеялись. Я осмотрел зал. Папа часто проводил тут званые обеды, поэтому здесь было много вышколенных слуг, красивой еды и посуды, было чисто, блестяще и просторно, и окна были такие высокие, что я видел и траву и небо. За столом сидели папины коллеги и мои одноклассники. Альма тыкала пальцем в торт, получая от происходящего огромное удовольствие. Альма была феей, ее волшебная палочка с золотой, картонной звездой лежала рядом с тарелкой, как столовый прибор. Олаф с пластиковыми рожками на голове раскачивался, и наверное люди считали его глупым, а ведь Олаф был самым умным из нас, просто шум его нервировал. Олаф был настоящим аутистом. Мы особенно не общались, он слишком быстро для меня говорил, а я его не понимал. Но мне

нравилось стоять перед ним на физкультуре. Юханна и Олле о чем-то болтали, они были в одинаковых бумажных масках с прорезями для глаз, я не знал, что это могло значить. За спиной у Эрика были пушистые крылья, он облизывал пальцы, листая мою книжку, я видел, что он заляпал ее кремом от торта. Мне обидно не было, у меня богатые родители, и я куплю себе еще книжку, точно такую же. Я не думаю, что богатство может дать все, но зачем злиться на кого-нибудь, если деньги могут решить твою проблему, и они у тебя есть. Я мало злился в своей жизни, наверное даже совсем не злился. Маттиас жевал третий кусок торта. Он все умел и не выглядел странным, когда не кричал, закрыв уши руками, что ему слишком громко. У него бывали припадки, и я два раза спас ему жизнь, потому что я знал, что он может удариться об угол.

Нелли положила голову на стол и глубоко вздыхала, рядом с ней лежал ловец снов, она сказала, что она — индеец. Я очень волновался, что Нелли будет себя кусать и царапать, но она просто отдыхала.

Между моими одноклассниками, похожими на игрушки из разных серий «Киндер-сюрприза» сидели совершенно одинаковые господа. Я не понимал, в чем между ними разница — у них были одинаковые черные костюмы, одинаковая манера говорить, одинаковые мечты о власти, и они одинаково неловко улыбались, силясь показать, что им приятно это общество. Они одинаково прилично употребляли еду и одинаково не перебарщивали с алкоголем. У них вообще только фамилии были разные. Но одинаково громкие. Я хотел, чтобы папины коллеги посмотрели на моих одноклассников. Они могли приехать к нам в школу и сказать пару слов о благотворительности и о том, что значит быть человеком.

Но они нас не видели никогда, даже если делали вид, что смотрят. А я, как один из нас, посохраннее, как в больнице говорят, должен был нас показать. Я улыбнулся герру Бьерклунду, и он улыбнулся в ответ, потом отвел взгляд. Все эти взрослые мужчины и женщины надели свои костюмы успешных людей и пришли на мой день рожденья. Они не были плохими, они мне тоже нравились. Просто я хотел, чтобы они нас заметили. Музыка закончилась, и мы с Камиллой отошли друг от друга. Я сказал ей:

— Спасибо за танец.

Он кивнула и отгрызла ноготь на большом пальце своей левой руки. Три ее ногтя на другой руке были накрашены красивым лаком, а потом ей, наверное, надоело. Юханна крикнула мне:

— Герхард! Герхард!

Я помахал ей рукой. Я бы и с ней потанцевал, но она была на коляске. Я хотел и еще что-то сказать, я люблю поговорить, но в этот момент меня дернули за руку. Лиза смотрела на меня выжидающе.

— Пойдем? — спросила она. Лиза не принадлежала ни к одной группе гостей моего восемнадцатилетия. Она была дочерью одного из папиных подчиненных, он здесь тоже сидел, но среди других я его слету не отличал. Лиза не делала вид, что ей приятно, неприятно ей тоже не было. Лизе было все равно. Она была самым небрезгливым и не предвзятым человеком, которого я когда-либо знал. На выходе из зала я поклонился и беззащитно улыбнулся. Моя вечеринка мне нравилась, и торт имел популярность. Мы с Лизой поднимались по лестнице, и я держал ее за руку. Лиза была симпатичной, у нее был вздернутый нос, который мне очень нравился. Я любил Лизу, не больше, чем всех остальных, и это беспокоило меня. Но мне нравилось, как она пахнет и какая она на вкус. Лиза спросила:

— Ты это специально?

Она приучилась говорить со мной медленно, и я ее хорошо понимал.

— У наш в школе такие милые малыши теперь. Школе нужен ремонт. Папа все равно его обещал мне на день рожденья. Но если много людей будут платить за ремонт, он будет лучше и дешевле. Да?

Она подождала, пока я закончу. Лиза фыркнула:

— Да ты экономист. Им там всем теперь жутко неловко, они что угодно сделают, чтобы сгладить впечатление. Что думаешь дальше делать?

— Пойду работать. На завод, наверное. Работа это хорошо.

Я помолчал. Мы поднялись на балкон, и я увидел, что теперь на небе звезды. Тогда я сказал:

— Ты все еще хочешь со мной встречаться?

Она пожала плечами. Я продолжал.

— Я закончил коррекционную школу. Вряд ли я стану политиком или ученым, или даже просто бизнесменом.

Лиза порылась в клатче и достала сигареты. Она торопливо закурила. С сигаретой и в бальном платье она смотрелась странно, ее образ состоял из двух противоречивых частей, не согласующихся друг с другом, как слова в неправильно построенном предложении. Она глубоко затянулась, потом сказала:

— Да мне плевать, Герхард. Ты красавчик, и это все, что меня волнует.

Лиза была очень циничной, зато честной. Ей было плевать,

кто я такой и что несу. Она хотела быть с красавчиком, и мы устраивали друг друга. Я испытывал к ней нежные чувства и не обманывал себя. Наверное, это и есть счастье. Когда двум людям нравится друг друга трогать, и они не делают друг другу больно, это еще называется хорошими отношениями. Я долго состою в хороших отношениях. Мне было шестнадцать, когда мы с Лизой занялись сексом. Тогда она затащила меня в кладовку и начала целовать, и я сразу понял, что нужно делать, и это было намного лучше всего, что я испытывал раньше. Я сказал:

— У меня для тебя два подарка.

Она сказала:

— Я надеюсь мы успеем потрахаться, Герхард. Я здесь не для того, чтобы на звезды смотреть.

И я сказал:

— Я знаю.

Хотя звезды и были очень красивые. Я достал из кармана серебряное кольцо с розовым кварцем. Мама сказала, что девушки любят украшения и розовое. Папа сказал, что нужно брать что-то дорогое и качественное, что принимают в ломбарде на случай, если мы расстанемся, и Лиза решит его сдать. Я надел кольцо ей на палец и поцеловал ее руку, так, я видел в фильмах, делают мужчины. Хотя намного больше мне хотелось проникнуть пальцами ей внутрь и ласкать ее. Мне нравилось ее тело, и ей нравилось ее тело — это все, что было между нами общего. Лиза улыбнулась мне, улыбка у нее вышла холодная, чуть-чуть насмешливая, но все равно она сделала ее лицо еще красивее.

— Спасибо, Герхард.

— Если я тебе разонравлюсь, сможешь его продать.

— Может, я и так его продам.

Я расстроился, а потом понял, что она шутит. Лиза бывала грубой. Я стал смотреть на небо. Звезды блестели, как соль или сахар на черной скатерти — такое я видел один раз на поминках папиного коллеги, разбившегося на автомобиле. Мне было тогда восемь, и я впервые заплакал, потому что увидел, что тот коллега мертв из-за папы, это папа заплатил человеку, чтобы тот сломал его машину. Человека потом тоже не нашли.

С тех пор я много видел, но больше не плакал. Мама и папа говорят, что я — особенный, поэтому и знаю больше других. Некоторые люди думают, что я очень ловкий. Я могу поймать что угодно, но на самом деле я просто вижу, что что-нибудь сейчас упадет. Всякий раз, когда я закрываю глаза, я вижу разные вещи, которые будут. Редко большие, чаще маленькие. Что будет на завтрак или ответы к контрольной, или что поезд опоздает. Но один раз я спас человеку жизнь, когда увидел, что сейчас его

собьет машина. Спасать жизни здорово, я еще хочу.

— А второй подарок, Герхард? — спросила Лиза. И тогда я повалил ее на пол и принялся целовать, засунул руку ей под платье, спустил белье. Вот за что я ей нравился, она говорила у нее так с нормальными парнями не бывало. Я думаю, что ей просто не попадались страстные или как это еще называется.

Мы целовались долго и упоительно, целоваться здорово, от этого кружится голова, потому что не хватает воздуха. Лиза была теплая, податливая, она извивалась подо мной, и я терся о ее бедра, двигался так, будто мы с ней уже занимались любовью, и она улыбалась, как люди, которые заказали вкусную еду, когда очень голодные. Мне в ней это нравилось, она была честной про свое тело и про все, что ей было нужно. Когда я проник в нее пальцами, она была уже влажная, и я был уже готов. Я знал, что с ней надо делать, как она любит, мне нравилось на нее смотреть, когда ей хорошо. Тогда у нее становилось такое возвышенное лицо, как будто она была девушкой с картины, и вовсе она не казалась просто симпатичной, она была красивой. Я оттянул ворот ее платья, стащил с нее лифчик и оставил укус на груди. Только там было можно, Лизе не нравились вопросы про ее личную жизнь. Она что-то прерывисто зашептала, но слишком быстро, чтобы я понял. Я запустил руку в карман и достал серебряный зажим для соска. На нем тоже было вкрапление кварца, потому что камень это красивый. Она застонала, когда я защелкнул зажим. У Лизы была очень чувствительная грудь, это мне тоже нравилось.

— Это второй подарок? — спросила она хрипло. И неожиданно запустила руку мне в волосы. Это было похоже на нежность, по крайней мере недолго. Потом она потянула меня к себе, и я резко раздвинул ей ноги. А потом я услышал чей-то голос, кто-то громко ругался. Мы с Лизой вскочили на ноги одновременно, я застегнул брюки, она принялась поправлять лифчик. Ее отец, и я наконец-то смог его отличить ото всех других мужчин в одинаковых костюмах, стоял у выхода на балкон. В руке у него еще была пачка сигарет, но она была смята. Он, наверное, вышел покурить, а теперь передумал. Лиза взвизгнула:

— Папа!

Это простое слово, она говорила быстро, но я узнал. Она начала орать что-то еще, но звуки в слова не складывались, слишком быстро шли, казались разрозненными, как буквы в книге, когда очень хочется спать. Из-под платья Лизы был виден зажим на ее соске, это было совсем неловко. Я потянулся убрать его, чтобы стало менее неловко, но ее отец что-то зарычал. Я

подумал, что в первый раз слышу, как кто-то такой богатый и успешный повышает голос. Папа никогда не кричал ни на меня, ни на маму. Я отдернул руку. Отец Лизы стал орать что-то, но это все было слишком быстро, у меня заболела голова. Он еще размахивал руками, тоже очень быстро. Я открыл рот, чтобы попросить его говорить помедленнее, но подумал, что это вряд ли получится. Мне было его жаль, он, наверное, очень переживал. Я посмотрел на Лизу, она была красная и злая, она ругалась, и он ругался. Мне бы, наверное, стоило что-то сказать. Отец Лизы явно обращался ко мне. Я услышал слово «идиот», так что практически точно он обращался ко мне. Но говорил он так быстро и громко, что в моей голове звенели какие-то струны, натянутые слишком сильно. Я закрыл уши руками, зажмурился, и в этот момент увидел ее. Она была бездомной или просто очень давно не была дома. Ее одежда давно превратилась в лохмотья, тонкие, птичьи руки были обмотаны старым, грязным бинтом. Кожа, наверное, бывшая раньше светлой, была покрыта пятнами грязи и казалась смуглой. Она сидела совсем одна в каком-то из обширных дворов Фисксэтра, по крайней мере я надеялся, что узнал это место среди других спальных районов с однотипными коробочками теплых цветов. Она сидела рядом с пожарной лестницей, и ее длинные пальцы с обломанными ногтями цеплялись за проржавевшие прутья. Я не понимал, сколько ей лет, ее лицо было скрыто под замызганным капюшоном. Кровь текла у нее изо рта, и она будто пыталась удержать ее свободной рукой, давилась. Этого еще не случилось, я знал. Иногда я видел вещи, которые уже случились или случаются сейчас. Я хорошо понимал, какие будут, какие были, какие есть. Это было просто, как знать, что скоро станет холодно или что позовут домой. Еще говорят: интуиция.

Она была там совсем одна, и некому было ей помочь. Она умрет, подумал я, а может быть я тоже это знал. А потом вместо женщины я увидел, что отец Лизы хочет схватить меня за шкирку. Когда я открыл глаза, он только сделал шаг ко мне. Я пробормотал:

— Извините.

И еще:

— Пока Лиза.

И побежал. Он все равно пытался схватить меня за капюшон толстовки, но я увернулся. Мне нужно было успеть, а он, наверное, думал что я дурак и трус. Я дурак, но я мало вещей боюсь. Я даже того, что нужно бояться очень часто не боюсь. Лет до десяти я не мог уяснить, почему нельзя трогать огонь. Потом я понял: мама и папа бывают расстроены, когда мне больно. Я

сбежал вниз по лестнице, из зала слышалась музыка. Мама играла на фортепьяно, она делала это хорошо. Я подумал, что не стоило шокировать их, поэтому побежал ко второму выходу. Мама и папа запретили мне выходить из дома с сегодняшнего дня. Вовсе не потому, что я был позорный сын, а потому, что они любили меня, и я был им нужен. А мне нужно было помочь этой женщине, потому что ей нужна была помощь. Я знал, что я не слишком правильно поступаю. В прихожей я схватил папин ботинок и вылетел за дверь. Я всегда забираю из дома какую-то вещь, когда иду гулять. Мне приятно знать, что частичка моего дома всегда со мной. Я гулял с банкой кофе. Гулял с чеснокодавилкой. Гулял с зубной щеткой. Обычно я выбираю долго, но сейчас у меня не было времени, я просто вылетел за дверь и оказался на заднем дворе. Было звездно, и вкусно пахло осенней ночью. Дождь уже прошел, и я был этому рад. Я пошел вперед по мокрой траве, и у меня было приятное, ласковое ощущение. Уже выходя за ворота я обернулся, с балкона на меня смотрел отец Лизы, он что-то кричал. Лиза стояла, скрестив руки на груди. Я помахал им рукой и открыл дверь.

Я знал, что поступаю плохо. Я знал, что нарушаю родительский запрет. Так делать было нельзя, они ведь волновались за меня и заботились обо мне.

За неделю до моего восемнадцатилетия они сказали, что хотят серьезно поговорить. Я сказал, что хочу какао. Через пять минут мама поставила чашку передо мной, и они с папой сели на диване, а я остался сидеть на кресле. Чашка была горячая, и от нее вкусно пахло. Я смотрел на них, а они смотрели на меня. У них были испуганные глаза, они страшно переживали о чем-то, а я переживал о том, что они переживают. Мама и папа держались за руки. Они всегда держатся за руки, когда остаются наедине, иногда они сидят на кухне и пьют кофе, и все равно держатся за руки. Мне нравится на это смотреть, потому что мои мама и папа часть чего-то целого. А целое, то есть мама и папа вместе, это и есть я. Мой папа был безжалостным и жестоким человеком в обычной жизни, но очень нежным и заботливым со мной и мамой, моя мама была очень нежной и заботливой, но если нужно было защищать меня и папу, она была безжалостной и жестокой. Мои родители были как идеально подходящие друг другу части паззла, на которых вроде бы разные краски, но они составляют одну картинку.

Я смотрел, как они держатся за руки, и видел, что мама отчаянно цепляется за папины пальцы, а он сжимает ее руку. Значит, они волновались. И тогда я спросил, что случилось.

А потом я долго думал, что мои родители сошли с ума. Они

начали говорить такие вещи, которые обычно пишут в книжках. Я много книжек читаю, потому что книжки не звучат, мне с ними легче. Я-то знал. Они говорили, что им больше лет, чем они выглядят. Это я тоже знал, маме нельзя было дать больше двадцати пяти лет, а папе больше тридцати пяти. Им обоим должно было быть надежно за сорок, так что да, они выглядели младше. Но мама сказала, что ей было двадцать пять в тысяча девятьсот тринадцатом году, в Вене, и с тех пор ей двадцать пять и есть. А папа сказал, что он родился в девятьсот семидесятом году. И даже без тысячи. Папа сказал, что он родился в Бирке и был викингом. Они сказали, что в Аркадии не стареют, а кто проведет в Аркадии хотя бы год, не сможет постареть и вернувшись, потому что сам воздух там — источник вечной жизни. Я отпил какао и почесал в затылке. Ощущение было приятное. Я сделал то, что делала мама с самыми своими странными пациентами. Я сказал:

— Продолжайте, — и кивнул. И они продолжили. Иногда они сжимали руки, мама говорила очень быстро, и я не всегда понимал, что именно она говорит. Папа говорил как всегда, но выпрямился очень напряженно. Они сказали, что они потомки двух королей какого-то запредельного мира, сказочного, состоящего из волшебства. Они говорили о какой-то великой реке, сквозь которую в наш мир течет безличная магия, которая его и создала. Они сказали, что два короля того мира, это первые люди, немного другой породы. Они не сыновья Адама и Евы. Благой и неблагой короли, добрый и злой. Мама — дочь благого, а папа — сын неблагого. Они были принцем и принцессой затерянного королевства, были похищены из настоящего мира и обмануты. Я так и не понял, здорово там или нет. А потом они полюбили друг друга, на этом месте мама и папа одновременно сжали друг другу руки, и они захотели сбежать, потому что не могли быть вместе в Аркадии. Их поймал злой король, и они поклялись отдать меня. И тут мама заплакала, горько-горько, болезненно, как будто ей было больно внутри. Она сказала, что уже знала, что у них буду я, сказала, что любит меня, а потом сказала «прости меня, мой милый», но я потерял момент, в который должен был разозлиться. Папа сказал, что злой король бывает только в разомкнутых пространствах, на свободе, и даже замок его не имеет крыши. Папа сказал не выходить из дома, пока они не придумают хоть что-то.

Я подумал, а вдруг они сошли с ума? Но почему они сошли с ума вдвоем? Я заволновался, а они принялись говорить мне, что объяснят больше, про этот мир и про все, и про всех.

Я не то чтобы не верил им, но все казалось далеким и

странным, каким-то чужим. Моя мама — психотерапевт, у нее есть разные клиенты (нарциссические, шизоидные, параноидные, депрессивные, маниакальные, мазохистские, обсессивно-компульсивные, асоциальные и истероидные), мой папа — спикер парламента, у него есть комитеты (по социальным вопросам, по вопросам Конституции, по вопросам культуры, по вопросам обороны, по образованию, по окружающей среде и сельскому хозяйству, по финансовым вопросам, по вопросам внешней политики, по здравоохранению, по вопросам промышленности и торговли, по вопросам правосудия, по вопросам рынка труда, по вопросам социального страхования, по налогам и сборам). Мама и папа пьют кофе, ездят на машинах, читают газеты и курят за столом. Мама и папа не похожи на принца и принцессу волшебного мира. Так что, то что они мне сказали никак не могло показаться мне настоящим. Я пообещал им не выходить из дома, когда мне стукнет восемнадцать, чтобы меня не забрали. Но опасаться этого не получалось, как опасаться того, что меня заберут пришельцы (многие думают, что люди вроде меня сумасшедшие, у них делюзии и бред, и хотя так бывает иногда, чаще всего бывает не так.)

В общем, я думал, что мои родители преувеличивают. Я зашел в метро и долго раздумывал, как лучше доехать до Фисксэтра. В конце концов решил, и нырнул в вагон. Пахло резиной, женскими духами и потом. Я принялся рассматривать пассажиров. Был много-много детей в разных костюмах. Детям Хеллоуин нравился больше, чем взрослым. Я улыбнулся мальчишке в костюме гигантской рыбы. Хотелось спросить, лосось ли это, но мог завязаться разговор, а мне нужно было подумать. Я пытался до мелочей воспроизвести картинку, которая была у меня перед глазами. Что было рядом? Пожарная лестница, кольцо домов, незаженные окна. Но это как везде. Ничего не обычного? Как я должен был ее найти? Я вспомнил вывеску. Зоомагазин «Лесси». Лесси это такая собака породы колли. Забавная фраза, я улыбнулся. Хорошо, подумал я, и еще подумал, что нужно позвонить Лизе. Лиза не как Лесси, но начинается на ту же букву. Прямо передо мной маленький солдатик смотрел в окно, за которым путешествовали провода, а потом поезд выехал из тоннеля, и я увидел подсоленное звездами небо. Мальчик тоже поднял к нему глаза, я увидел это в отражении. Вот за что я люблю людей.

Я вышел в совсем темную ночь, но знал, что еще не опоздал. Редкие стайки детей еще колядовали, но большинство уже закончили. Я остановил девочку в костюме принцессы, ей было лет двенадцать, у нее могла быть зверушка, за которой она

ухаживала. Я спросил:

— Где зоомагазин, который называется «Лесси»?

Я старался хорошо сформулировать вопрос. Девочка сделала от меня шаг назад, отдернула пышную шифоновую юбку. Я обнимал папин ботинок и выжидающе смотрел на нее.

— Там, — она указала в просвет между домами.

— Спасибо, — ответил я, но она уже унеслась, нагоняя подружек. Я пошел в ту сторону, в которую она посоветовала. Телефон заверещал, и я понял, что это мама с папой. Я сбросил звонок, хотя это было плохо. Нужно было посмотреть название улицы и позвонить в скорую. Почему в скорую нельзя написать смску? Почему у скорой нет своего мессенджера? Все эти вопросы занимали меня, пока я не понял, что на улице как-то неприятно. Я слышал далекий детский смех, похожий на звон бокалов перед Рождеством, но детей рядом не было, и окна в домах не горели долго, а потом зажглись все разом, так что меня ослепило, потом погасли снова. И почти тут же начали вспыхивать и угасать в каком-то странном порядке, так быстро, что у Маттиаса начался бы припадок. Я подумал, что мне что-то пытаются сказать. Так часто бывало с моими одноклассниками, они все говорили на разных языках, это могли быть прикосновения, вещи, цвета, рисунки. Сейчас я видел язык света и темноты, я пытался впустить в голову рисунки, которые образовывали горящие пару секунд окна, но никак не успевал. Я плелся, чуть шатаясь, вперед, и увидел вывеску зоомагазина. Многие буквы на ней не горели, и я увидел слова «За Лес». В этом дворе и должна была быть моя бездомная. Надо мной лопнул фонарь, и осколки осыпали меня, как конфетти. Я стряхнул их себя. В изменчивом свете окон, они блестели как первые снежинки. Я увидел женщину, сидящую около пожарной лестницы. Рассмотрев название улицы, я позвонил в скорую помощь. Мне ответили сразу, и я продиктовал адрес. С моей бездомной еще ничего не было, а я уже сказал, что она кашляет кровью.

— Вы могли бы посидеть с ней до нашего приезда. Мы будем через десять минут.

— Да, — сказал я. Женщина делала большие паузы, видимо думала, что я иностранец и хотела убедиться, что я успеваю говорить.

— Следите, чтобы она не захлебнулась кровью, держите ее голову так, чтобы она могла сплюнуть.

Я кивнул и запомнил на будущее. Диспетчер скорой помощи отключилась, а я почти дошел до моей бездомной. Свет вокруг снова стал успокоенный. Бездомная чуть раскачивалась, ее руки скользили к горлу и обратно, будто она не могла решиться

поцарапать себя или нет.

— Фру, — начал было я, а потом подумал, что наверное она фрекен или ей было бы приятнее быть фрекен. — То есть, фрекен. Вы чем-то болеете? Будет легче, если вы мне скажете, врачи будут знать.

Она что-то проклекотала, и я совсем ничего не понял. Я не знал даже, была ли это речь. Как будто птица сидела у нее в горле. Я подошел ближе, и в этот момент кровь хлынула у нее ртом. Я вспомнил обещание, данное женщине диспетчеру. Когда я оказался рядом, я заставил ее наклонить голову и открыть рот, это было легко, она была какая-то совсем слабая, будто кукла. Ее рот открылся, и кровь хлынула вниз, и тогда я понял, что ее не фонтан, но маленький фонтанчик. Скорая, наверное, не успеет. А потом я увидел, как сквозь черный провал ее рта между гнилых зубов что-то на меня смотрит. Глазки, как бусинки и блестят. У меня даже не хватило времени, чтобы удивиться. Изо рта бездомной, которой мне так хотелось помочь, вылетела птица. Это была птица неизвестной мне породы (но я знаю немного птиц), красная от крови, с тонким клювом. Она вылетела прямо на меня, и я отмахнулся от нее, а следом увидел еще одну, такую же. Я успел заметить, что тело женщины под лохмотьями бугрится, как будто кожа сейчас взорвется. Страшно мне не было, но я был удивлен и расстроен. Птицы вылетали из ее рта, а потом две из них пробили кожу на ее шее. И я понял, что женщина давно была мертва — у нее были синие-синие губы и тусклая плоть. Неизвестные мне птички, великое множество птичек покрытых холодной кровью, как соусом, летели ко мне. Я закрыл руками лицо, а они царапали и клевали мне руки. Снова пошел дождь, и он смывал кровь с птичек прямо на меня. Я закричал в надежде на то, что скорая приедет, заметит и спасет хотя бы меня. Я едва не оступился и обернулся, чтобы посмотреть, куда я иду. И увидел, что асфальт на дороге проседает, как от огромного подземного взрыва. Птицы врезались в меня, как маленькие снаряды, их перья блестели красным в свете луны. Я не мог ни шагу больше ступить назад, потому что передо мной ничего не было. Мертвая бездомная, мне казалось, ухмылялась своим истекающим кровью ртом. Я отмахивался от птиц, и когда я попытался выскользнуть в другую сторону, оказалось, что асфальта нет больше и там. Я стоял на узкой ленте земли, как канатоходец, и с обеих сторон от меня была только темнота, а рой птиц клевал меня и царапал. Я старался отмахнуться от них с помощью папиного ботинка. Даже хорошо, что я именно его сегодня взял. Я подумал, что если лягу, буду устойчивее, а так что-нибудь, как-нибудь и образуется. Но этого я не успел. Я снова

оступился, когда одна из птиц врезалась мне под коленку, острым клювом попав ровно в дырку на моих джинсах. Вот тогда я полетел вниз. То есть, сначала полетел папин ботинок, а потом уже я.

Ощущение было приятное.

Глава 3

Когда мне бывало скучно, я всегда думала о звездах. Сегодня, к концу пар, телефон совсем разрядился, а планшет лежал дома, в забытой сумке, вместе с косметикой и ключами. Мне нечего было почитать в метро и возможно некуда было возвращаться. Я смотрела на лица людей, серые от усталости, и думала о том, что происходит сейчас над моей головой далеко-далеко, так далеко, что я и представить этого не могу. Сложнейшие ядерные реакции совершались в утробах газовых облаков, излучающих вечный свет. Я улыбалась, повторяя про себя астрономические координаты V2416 Стрельца, V0615 Стрельца и, конечно, моей любимой V2506 Стрельца спектрального класса Меа. Я наизусть знала координаты всех переменных типа Z Андромеды, и это была не та тема, которую можно обсудить с подружками за кофе. Иногда я чувствовала себя очень одинокой, и мне хотелось быть как все. Я читала глупые книжки, смотрела глупые мультфильмы, но не могла избавиться от цифр и букв, формул, координат и каталогов. Они следовали за мной повсюду, куда бы я ни шла. Мама и папа радовались моим бесчисленным грантам, а я мечтала о том, чтобы меня волновали только мои волосы. Мне нравилось учиться, и я могла проводить целые дни в обсерватории университета, давно ставшего музеем. Даже просто рассматривать телескопы было здорово — представлять, как я настраиваю оптику, чтобы взглянуть туда, в вечность, в холод, в колодец бесконечного человеческого удивления.

И все-таки я никогда не была уверена в том, что не променяю это на возможность прожить ту же жизнь, что и мои одноклассники. Цифры окружали меня, как рой навязчивых насекомых, и я никак не могла отмахнуться от них, чтобы посмотреть, что еще есть в мире, кроме них.

Я пребывала в меланхолическом настроении. Все учебники за первый семестр были прочитаны мной еще две недели назад, но мне не хотелось об этом говорить.

Я ведь и так заучка Констанция, зануда Констанция. И без того преподаватели бесконечно ставили меня в пример и называли юным дарованием. И я казалась самой себе обманщицей, потому что больше всего мне хотелось говорить о косметике и уходовых средствах для волос. И всегда получалось что-то вроде:

— Ты та самая Констанция, которая решила олимпиаду по физике для первокурсников в восьмом классе? И каково это быть тобой?

— Ну, я люблю запах кокоса и Лану дель Рэй.

Каждый раз мне нечего было сказать, мне хотелось встряхнуть того, кто спрашивает меня, сказать, что я такая же как он, ничем не отличаюсь. У меня те же проблемы и те же мечты, я люблю мороженое и не люблю красить ногти на ногах. Я так расстроилась от этих мыслей, что когда случайно увидела свое лицо, тут же отвела взгляд. Я обрадовалась, когда объявили мою станцию. Холод должен был меня взбодрить, от снижения температуры повысится тонус сосудов и мышц. Для легкомысленных платьев, которые я носила все лето и раннюю осень, было совсем не время, но я не могла с ними расстаться, даже если это означало, что придется кутаться в зимнюю куртку. Летнее платье, зимняя куртка. Поднимаясь по лестнице, я без радости обнаружила, что дождь зарядил снова. Я представила, как тепло дома, как вкусно пахнет пиццей, как играет музыка из комнаты родителей, и как я смогу, наконец, скинуть сапоги на каблуках и посмотреть телевизор. Эти образы придали мне сил, и я зашагала смелее. Все не так уж плохо, подумала я. Мне восемнадцать, мне не нужно красить волосы, я и так блондинка, я учусь на первом курсе Стокгольмского университета, и у меня повышенная стипендия. Я смогу смотреть на звезды, заниматься любимым делом и, может быть, однажды получу Нобелевскую премию. Мне не придется расставаться со школьными подружками, они ведь остаются в Стокгольме, а новые друзья в университете обязательно появятся. Моя жизнь вдруг засияла красками, и даже звездное небо, укрытое почти прозрачной пленкой облаков, казалось, ободряюще подмигнуло мне сотнями своих звездных глаз. Я напевала песенку, работая сама себе плеером, грела в карманах замерзшие руки, на которых блестели серебряные колечки. Наконец, показался мой дом. Одна из многих пятиэтажных коробочек, похожих на блоки в тетрисе смыкающиеся друг с другом. Фонарь рядом со скамейкой у дома не горел. Я этому не удивилась, лампочка снова, наверняка, перекочевала на кухню к соседям. Я жила на первом этаже, и это было здорово, иначе мама или папа давным-давно разбились бы, выпав из окна. Папа все равно пытался. Я поднялась по лестнице, смазывая носком ботинка следы мела, который раскрошил здесь какой-то малыш. Но как только я дошла до двери квартиры, от моего хорошего настроения не осталось и следа. Дверь была заперта.

Я побарабанила пальцами по двери, понажимала на звонок, но все это было пустое. Только опустившись на корточки, я заметила грязно-белый стикер, на котором было маминым почерком написано: «Мы в „Бернсе“, Костуся, празднуем

Хеллоуин! Ждем тебя там! Лада Вишневская». Я не могла себе представить, что мотивировало маму написать свою фамилию. Она думала, что я не соображу, кто такая Лада? Или что я решу, что это записка от какой-то другой женщины с тем же именем, называющей меня Костусей? Я пожалела, что не смогу позвонить маме и папе, но с другой стороны они бы не взяли трубку, наверняка были бы слишком увлечены праздником. Нужно было ехать в «Бернс». Правда, с тем же успехом родители могли находиться не в «Бернсе», а в рехабе для наркоманов. Опционально — думая, что они — в «Бернсе». Я скомкала записку и положила ее в карман. Если бы я рассказала кому-то о своей семье, могло бы создаться впечатление, что я их ненавижу. На самом деле я любила маму и папу, очень сильно. Они были чудесные, они во всем поддерживали меня и никогда не ограничивали, они интересовались моими делами, но не были навязчивыми. Они хотели, чтобы я была счастливой и делали для этого все, что могли.

Просто мои родители были безответственными наркоманами, целыми днями курили травку, пили и бездельничали. Ушедшее в историю поколение семидесятых, к которому они даже не принадлежали, могло ими гордиться. Мама и папа отрицали денежные отношения, но по счетам платить было необходимо, поэтому папа давал редкие концерты в андеграундных клубах, ностальгирующих по настоящей музыке. У папы был изумительный голос и совершенно кинематографически красивая внешность, он мог бы стать новой иконой поп-музыки, но он предпочитал смотреть мультфильмы лежа на диване. Мама не хотела делать вовсе ничего, предпочитая проводить жизнь в объятиях с джойстиком. Но к моей маме даже государство не имело никаких претензий — у нее была шизофрения. Мамино пособие и редкие папины концертные сборы помогали нам существовать вполне терпимо. Девочки, Нора и Геда, когда узнали о болезни моей матери, одинаково прижали руки ко рту. Конечно, мама была странноватой, она была абсолютно убеждена в том, что люди-рептилии с далеких звезд управляют земным правительством, однако мама заботилась обо мне, как могла, и я была ей благодарна, а ее странности иногда даже любила. Если бы я сказала об этом, выглядело бы ужасно, будто мне плевать на болезнь моей мамы. Но я привыкла, и ее рассказы о червях в голове у президента Америки стали почти родными. К этому тоже можно было привыкнуть, и можно было любить маму такой, какая она есть.

Но, конечно, моя любовь несколько пошатнулась от того, что мне предстояло поздно вечером, по холоду и дождю, ехать в

Берзели. Автобус не подходил долго, и я успела отчаяться, а когда он пришел, то обрызгал меня сделав мое розовое платье — серым. В автобусе было много туристов в легком подпитии, от них исходило веселье и ожидание радости. От меня, вероятно, нет. Я хорошо представила, что будет, если меня не пустят в клуб. Придется идти к Норе или Геде, признаваться, что родители развлекаются в клубе, а я забыла ключи или врать, что они уехали, в любом случае будет мучительно неловко.

К счастью, сегодня, в честь Хеллоуина в Бернс пускали всех. В очереди какой-то парень прижался ко мне, и я развернулась, чтобы сказать ему, что это невежливо, и увидела своего папу. Папа улыбнулся мне дежурной улыбкой, адресованной всем девушкам прежде, чем узнал. А потом быстро поднял руки затараторил:

— О, милаш, я не знал, что это ты! В мире много других женщин, я думал мы не встретимся в очереди!

Я густо покраснела и выставила руку вперед.

— Ключи, папа.

— Они у мамы, а папа потерял браслет, и ему придется снова стоять в очереди! Зато теперь мы вместе!

Папа обнял меня, и я поняла, что он под экстази. Папина синтетическая нежность и предельно быстрое сердцебиение, и огромные, даже в темноте, зрачки не оставляли в этом никаких сомнений.

— Ты только не подходи к сортиру. Там крокодил. Мама его убьет.

И тогда я поняла, что он не только под экстази.

— Ты считаешь, что маме можно принимать наркотики?

— Нет, но они делают ее счастливой. Тебе стоит легче относиться к жизни, дорогая!

— Мама такая тощая, что выглядит лет на восемнадцать, совсем как девочка, если она съест столько же, сколько ты, она умрет!

Папа улыбнулся своей красивой улыбкой, и его синие, идеальной формы глаза заблестели.

— Твой отец ответственный человек, он не позволяет маме есть больше наркотиков, чем она может.

А потом он вдруг округлил глаза, прижал палец к губам и зашептал:

— Тише говори про наркотики. Мы же обсуждаем наркотики! Наркотики нелегальны.

— Повтори это еще пару раз, папа, и ближайшие годы тебе не придется оплачивать квартиру.

— Милаш, ты чего насупилась?

— Ничего.

— У тебя плохое настроение, детка.

Он склонился ко мне и стал петь мне на ухо польский гимн. Я засмеялась, вспомнив, как это всегда поднимало мне настроение в детстве. Но потом я вспомнила, как сильно обижена и снова сморщила нос. Папа был смешной и очаровательный, но этим нельзя было искупить совершенно все обиды. Я была расстроена и разозлена.

И очень разочарована. Я, наконец, поняла насколько.

— Что случилось, милаш? Даже далекая Родина тебя не радует?

— Ты меня не радуешь.

— Но я тебя сделал, чтобы радовать, милаш!

Он снова обнял меня, и тогда я оттолкнула его. Я вдруг оказалась сама не своя и сделала то, что от себя не ожидала. Я закричала на него. Это было так нелепо, так отвратительно, я кричала на него и поняла, что плачу. Вела себя так ужасно, хотя вокруг нас было множество людей, не все из них трезвые.

— Потому что у меня сегодня день рожденья! День рожденья, папа! И все, что я просила — просто дождаться меня дома! Но вместо этого вы с мамой сбежали в клуб! А я должна была ехать сюда, чтобы забрать чертовы ключи!

— Но ты не понимаешь, милаш! Это сюрприз!

Я понимала, что он врет. Он знал, что я не люблю клубы. Я закричала ему:

— Почему вы никогда не думаете обо мне?! Почему один день в году нельзя подумать обо мне!

Я вела себя как истеричка, люди на нас смотрели, а больше всего на свете я ненавидела, когда на меня смотрят. Слезы потекли еще сильнее, а папа открывал и закрывал рот, его сгорающий в фенилэтиламиновом костре мозг пытался выдать хоть что-то, а я еще, как в плохих мелодрамах, топнула ногой. В этот момент подошла наша очередь. Папа обворожительнейшим образом, как у него получалось в любой ситуации, улыбнулся вышибалам, сказал:

— Эта дама со мной, — и приобнял меня за плечо. Я со злостью стряхнула его руку.

Один из вышибал, высокий, бритоголовый, совершенно стереотипный парень с татуировкой на бицепсе сказал:

— Да мне сегодня плевать.

— Спасибо, братишка!

Папа взял браслеты для меня и для себя, и мы протолкнулись в пахнущее потом, гремящее от музыки и движений сотен тел, место. Вокруг танцевали с кошачьей грацией и дикой

развязностью девушки в костюмах, которые могли бы испугать разве что общество защиты морали и нравственности. Ангелы, чей наряд состоял фактически только из крылышек, вампирши с декольте глубже, чем смертельный укус, ведьмы в обтягивающих задницы леггинсах. И они все мне нравились, хотя я не решилась бы одеться подобным образом. Я бы вообще не решилась одеть костюм на Хеллоуин, это же глупо, и мне давно не двенадцать, и еще мы даже не в Америке. Я так и ожидала, что кто-нибудь спросит, что на мне за костюм. Грязная принцесса? Заморашка? Облитая из лужи неудачница? Все сразу. И еще немного больше. Я проталкивалась сквозь толпу вслед за папой, но когда он захотел взять меня за руку, отшатнулась так, что едва не снесла какую-то пару несущую выпивку к столику. Рыжая девушка заорала на датском:

— Смотри куда идешь, курица!

Она и темноволосый юноша ее сопровождавший никого не изображали, и явно насмехались над происходящим. Я пробормотала:

— Прошу прощения!

Темноволосый парень сказал:

— Извинения приняты.

Он походя пожал мне руку и подался ближе, прошептав мне на ухо:

— Прости мою сестру, она не такая очаровательная как я.

Щеки мне залила краска, я хотела бы сделать вид, что не понимаю датский, однако датский мог не понять только умственно отсталый носитель шведского языка. Может быть, стоило сказать что-то по-польски, чтобы он подумал, что я иностранка.

В этот момент папа дернул меня за руку.

— Стоит на секунду отвлечься, и тебя уже хотят выкрасть злодеи!

— Я думала, это мне стоит так тебе сказать.

— Это было всего один раз, Костуся, и я сильно им задолжал.

Папа был очаровательным в своей безответственности, я понятия не имела сколько смогу на него злится. Я не могла с него много спрашивать, он просто был таким всю мою жизнь, и у него не было причин меняться.

— Ты что опять плачешь?

— Нет!

В этот момент папу дернули в угол, и я подумала, что это опять какие-нибудь бандиты. Папа рассказывал, что Драго Яснич чуть не отрезал ему палец, хотя они были знакомы раньше. Я не знала, кто такой Драго Яснич, но наслушалась о том, как он

вырезает органы родственников должников и развешивает их по комнате должника. Столько органов, сколько дней есть, чтобы отдать деньги. Мне было семь лет, и эту сказку я слушала на ночь. Сейчас, к счастью, это был не загадочный Драго Яснич, а мама. Мама зашипела:

— Какого хера ты меня оставил, придурок гребаный?

— Я потерялся, моя милая!

— Какого хера вы меня оставили?! — рявкнула я, тут же устыдившись. Мама попыталась сфокусировать на мне взгляд, потом сказала:

— Аурелиуш, я вижу Костусю. Как-то накрывает.

— Она настоящая.

Папа помолчал, а потом добавил:

— Наверное. Скорее всего — настоящая.

— Но ты точно не знаешь, да?

— Вообще-то я здесь стою!

Мама посмотрела на меня, ее прозрачный и пристальный взгляд в нервных вспышках цветомузыки казался жутковатым. Она подмигнула мне, облизнула свои пересохшие губы.

— Костуся, ты ведь понимаешь, что тебя не может здесь быть. Ты же не любишь клубы!

— Детка, мы ведь написали ей записку, чтобы приехала за ключами.

— Я написала, ты бы с этим не справился.

Они совершенно одинаково засмеялись, а потом вдруг мама сказала очень серьезно:

— Прости нас, детка. И с днем рожденья.

Она протянула мне свою сумку.

— Мне нужны только ключи, — холодно сказала я, но мама отмахнулась.

— Сама найди, мне лень.

Папа спросил:

— Там точно больше нет наркотиков?

Мама покачала головой, но я не была уверена в ее ответе. Они переглянулись и засмеялись. Зрачки у обоих были лихорадочно большие, и я понимала, что бесполезно разговаривать с ними о чем либо, бесполезно обижаться, бесполезно пытаться доказать им, что мне плохо. Они поймут, но потом. А сейчас я должна была уйти, чтобы сохранить сухой остаток моего спокойствия. Я развернулась и направилась к выходу. Рыжая девушка и темноволосый парень проводили меня взглядами, она что-то ему сказала, а потом подмигнула мне. Мне стало неприятно, будто меня еще раз окатили водой из лужи. Уже у выхода, где влажно вился дым, исходящий из многочисленных

сигарет уставших танцевать людей, я услышала голос папы.

— Подожди, Костуся! Мы кое-что вспомнили!

Я обернулась к ним. Они стояли у выхода, вспышки и басы клуба били им в спины. У них был бледный, беззащитный вид. Мне стало их жалко, захотелось обнять, но я неуклюже переминалась с ноги на ногу. Что могло быть более неловким? Мои родители под экстази, бедные бездельники, развлекались в одном из самых престижных ночных клубов Стокгольма в мой день рожденья. Противный писклявый внутренний голосок умолял меня бросить папе в лицо сумку и слова о том, что если бы не моя повышенная стипендия, они бы умерли с голоду. Я покраснела от злости, холод прижимался к моим горячим щекам.

— Что? — наконец спросила я. Они переглянулись. Мама открыла было рот, но папа ее опередил.

— Тебе нельзя больше выходить из дома.

— Что?!

— И вообще лучше возьми такси! У тебя есть деньги на такси? Возьми у мамы в сумке!

Я резко развернулась и пошла вперед. Мои каблуки яростно стучали, вторя биению моего собственного разозленного сердца. Я вышла к одной из мощеных дорожек парка, очищенной от подгнивающих листьев и отполированной дробью дождя. Только когда музыка за моей спиной стихла, я услышала торопливые шаги родителей. Они все еще следовали за мной. Я закрыла глаза, и все померкло на пару секунд, принесло мне облегчение. Я подумала: вот бы оказаться отсюда далеко-далеко, в месте прохладном и просторном, отделенном от мира ледяной стеной. Чтобы никто не мог говорить со мной, никто не мог подойти ко мне, никто не мог ко мне прикоснуться. Я хотела быть одна. Но как только я оставалась одна, тут же начинала страдать от одиночества. Я сама себя раздражала, я была переполнена плаксивой жалостью к себе, и сама себе была противна. Наконец, я развернулась к родителям.

— Что вам от меня надо?!

— Мы должны тебе кое-что рассказать, — пробормотала мама. Папа развел руками, мол поделать ничего нельзя. Я не была настроена слушать. Я посмотрела вверх, будто молила Бога о чем-то. Ветви деревьев сплетались надо мной в причудливых объятиях. Деревья были похожи на стареющих дам, смывших с себя вечерний макияж, распустивших сложные прически и снявших дорогие платья. Теперь они были сухие, костистые и не вполне красивые, и все же взгляд останавливался на них. Я подумала, что написали бы в моем некрологе, если бы я бросилась с моста. «Констанция Вишневская, девушка-гений из

дисфункциональной семьи покинула нас слишком рано.» Папа сказал:

— Детка, ты знаешь, как мы тебя любим?

Мама и папа стояли в обнимку. Только теперь, под нервным светом фонаря, я увидела, что на папе был костюм шута, черно-белый и окровавленный, с не звенящими бубенчиками на шее, а на маме — такое же окровавленное платье Алисы в стране Чудес. Они выглядели так смешно и глупо. Папа обнимал маму, чтобы она не замерзла. Как трогательно, надо же.

— Так что? — повторила я. Мне не хотелось долго их слушать. Я просто хотела попасть домой, неужели я просила так много.

— Тебя могут у нас украсть, — сказал папа обезоруживающе улыбнувшись. И как у него получалось говорить такие глупости с таким выражением лица?

— Ты опять задолжал? — вздохнула я, прикидывая, где можно было бы поработать во вторую смену, если папе будут угрожать отрезать палец.

— Да, — кивнула мама. — Мы с папой задолжали. И очень давно. Еще до твоего рождения.

— Короче, история там мутная.

— Вы что сбежали из тюрьмы?!

Я была готова к любым откровениям, я была готова узнать, что мама и папа колесили по Америке и грабили банки, а потом скрывались в Мексике, готова была узнать, что мама и папа торговали наркотиками или занимались мошенничеством, готова была узнать, что они уехали из Польши, потому что там на каждом шагу висели их портреты с запредельной суммой вознаграждения за их поимку. Я всегда понимала, что у моих родителей довольно мутное прошлое, о котором они никогда не хотели мне рассказывать. Но папа сказал:

— Там замешан волшебный парень.

— Вернее, лучше сказать, волшебный мужик, Костуся.

Я смотрела на них и, наверное, мой взгляд ничего не выражал, потому что они продолжили.

— Я была дочкой волшебного мужика из страны на обратной стороне земли.

Я попыталась прояснить ситуацию:

— Из Австралии, мама?

Она помотала головой. Глаза у нее были испуганные и серьезные, точно так же она говорила о пришельцах.

— Нет. Под землей. Я была рада там оказаться. Там бы они меня точно не нашли. Я была в безопасности. Он говорил, что первый человек на земле, первее Адама, и он должен

присматривать за рекой вместе со своим младшим братом. А чтобы управлять своей огромной страной, ему нужны принцы и принцессы.

— Заливал, наверное, — добавил папа. — Я тоже там жил, мы там с твоей мамой познакомились. И полюбили друг друга, потому что мы — поляки. В общем, мы жили в сказке.

— Там было как в Нарнии!

— Только в очень злой Нарнии!

— Нарнии в мескалиновом бэд-трипе! Иногда он посылает существ из-под земли, чтобы они пугали и убивали людей!

— А потом люди пишут в крипи-треды!

— Он король мертвых, и тех, кто хуже мертвых!

Я издала бессловесный крик куда-то в небо.

— Мы абсолютно серьезно! Послушай нас, милая! Мы хотим тебе только добра!

— Вы — придурки, и я вас ненавижу! — выпалила я. Родители замолчали. Разом закрыли рты. Они никогда прежде не слышали от меня таких слов. Но они никогда прежде и не несли такой бред. По крайней мере, одновременно.

— Проспитесь, — кинула я в качестве удачного завершения. А потом быстрым шагом пошла дальше. Они, в своих глупых маскарадных костюмах, так и остались стоять позади. Злая Нарния, крутилось у меня в голове, злая Нарния. Почему я должна нянчиться со своими родителями и их наркоманскими фантазиями в своей день рождения? Я всегда была той, кто следил, чтобы они добрались домой, я всегда была той, кто готовил им еду и покупал лекарства. Но сейчас я хотела быть девочкой, которая попадет сегодня домой. Мне даже не было страшно идти по вечернему, почти ночному парку. То есть, определенные жуткие аспекты были. Например, мысли о том, сколько возьмет с меня таксист. Тут и там вырисовывались пьяные взрослые в смешных костюмах, подростки без костюмов вовсе, стайками бродящие по темному парку, представляя, наверное, что они в лесу. Один раз я даже встретила компанию, сидевшую на, наверняка, промокшем пледе и рассказывавшую страшные истории, передавая друг другу фонарик. Девочка, подсветив фонариком скуластое, обласканное тенями лицо, говорила:

— Кот был такой тяжелый, будто земли наелся.

Меня эта фраза насмешила. Кого вообще может напугать история про тяжелого кота? Но дети будто языки проглотили, смотрели на девочку и слушали. А мне куда более жуткими показались ее увлеченные, залитые светом фонарика глаза. Иногда человеческое лицо, при определенном свете, может

напугать. Непривычные пропорции, видимая симметрия или асимметрия, искажение привычного пугают нас. Все самые страшные монстры в фильмах ужасов построены на искажении человеческих пропорций. Кому страшны драконы или гигантские волки? Страшно то, что должно было быть человеком, по всем признакам, но почему-то только напоминает его. В робототехнике есть даже специальный термин — «Зловещая долина». Слишком похожий на человека монстр кажется уродливым вдвойне.

Таксист взял от Южного Норрмальма до Северного, где я жила, всего триста крон. Приятный был сюрприз. Я сама не понимала, почему решила поехать на такси, раз уж все, что говорили родители, оказалось таким феерическим бредом. Злой волшебник или как они сказали? Ах да, волшебный мужик. Улыбчивый таксист рассказывал мне о том, что его маленькая дочка ну просто кровь из носу желала пойти колядовать именно в костюме крокодила. А сам он этой моды не одобрял.

— Не наши это традиции, — говорил он. — Не наша культура.

Никто не разбирался в культуре так, как этот таксист. В следующие двадцать минут я получила подробнейший экскурс в скандинавскую культуру эпохи скальдов. Таксист сказал, что увлекается историей, и нет для нечего ничего радостнее, чем на досуге почитать. Это вызвало у меня уважение, но рассказ несколько утомил. Я стала рыться в маминой сумочке, у меня запоздалое закралось подозрение, что трехсот крон там может и не оказаться. В кошельке, однако, оказалось пятьсот, а купюра еще в сто просто валялась. Я проверила, на месте ли ключи — это стоило сделать сразу. Нащупав металл ключа, я ощутила плотную бумагу. Из любопытства, я извлекла ее на свет. У меня в руках был билет в Америку. На мое имя. Аэропорт Кеннеди. Дата вылета — только через три месяца, как раз хватит, чтобы оформить визу. Обратный билет тоже нашелся. Я прижала руку ко рту.

— Ты чего? — спросил таксист.

— Мои родители подарили мне путешествие в Америку на день рождения, хотя они не очень богаты. А я повела себя по отношению к ним ужасно грубо и неблагодарно, — быстро сказала я. В этот момент такси остановилось, и я вручила водителю триста крон. Он улыбнулся мне.

— Ну не грусти, девушка. Родители тебя любят, значит вы помиритесь. Держу пари, они тоже бывают придурками.

— Еще какими, — сказала я. Фонарь над скамейкой то вспыхивал, то гас. Оказывается, лампочка была на месте, просто работала с перебоями. Я все смотрела и смотрела на свои билеты.

Я мечтала о поездке в Америку лет с восьми. Я смотрела вторую часть «Один Дома», смотрела на огромный Нью-Йорк, полный снега и игрушек, и мечтала попасть туда сию же минуту. Каждый день рожденья я ждала, что мы с родителями поедем в Нью-Йорк, даже когда я уже понимала, что это для нас слишком дорого. И теперь моя мечта наконец-то исполнилась. Эмпайр-стейт билдинг, Таймс-Сквер, статуя Свободы, Метрополитен-музей, все было в моей руке сейчас. Я боялась, что мои аккуратные, покрытые блестящим розоватым лаком ногти, вцепятся в билет, испортят его. Проходя мимо скамейки, я заметила сидящую там женщину. Она прижимала к себе сумку с продуктами и тяжело дышала. Наверное, присела отдохнуть. Я уже почти подошла к двери, как женщина окликнула меня:

— Констанция.

Голос был тусклый, блеклый, и я его не помнила, хотя он и казался мне смутно знакомым. Я спрятала билеты обратно в мамину сумку, будто женщина могла им навредить.

— Здравствуйте, — сказала я, обернувшись. В этот момент женщина подняла голову, а лампочка опять зажглась. Я узнала свою первую учительницу. Ее звали фру Хольмгрен. Это была строгая, бледная женщина с тонкими, светлыми волосами, стянутыми в неизменный пучок. Она была тонкой, как палка и злой, как собака. Но она любила меня и вообще детей любила. Несмотря на свою пуританскую внешность, она была очень доброй и ласковой с нами, в отличии от взрослых, к примеру моих родителей, хотя ее лицо совершенно не говорило об излишнем детолюбии. Я была рада ее видеть, хотя не вспоминала о ней уже больше пяти лет.

— Здравствуйте! — повторила я, уже без напряженности. Я подумала, что здоровье у нее, наверное, за эти годы сдало, раз она присела отдохнуть с такой небольшой сумкой. То, что мы встретились вообще было чистой случайностью — мы с родителями давно переехали из квартиры, где жили, когда я была совсем ребенком.

— Как у вас дела? — приветливо спросила я. Даже желание пойти домой угасло. Фру Хольмгрен вызвала у меня чудесные воспоминания о детстве, хотя большинство из них не были связаны с ней, она все равно ассоциировалась с чем-то теплым. Фру Хольмгрен достала из сумки шоколадку, я думала, что она протянет ее мне, однако она, разорвав обертку откусила кусок.

— Констанция, — повторила она с набитым ртом. Меня пробрала дрожь.

— Вам плохо, фру Хольмгрен? — осторожно спросила я.

— Констанция, — повторила она. И я поняла, что ее

интонация совершенно не меняется, я даже не была уверена, что можно говорить настолько идентично. Будто кто-то снова и снова пускал по кругу одну и ту же запись. Мне казалось невозможным настолько одинаково воспроизводить одно и то же слово раз за разом, мелкие нюансы, перемены тембра все равно должны были быть. Фру Хольмгрен запустила руку в пакет, достала буханку хлеба и принялась запихивать его в себя, она отрывала куски и глотала, почти не жуя. Мне было страшно, и я не могла пошевелиться. Я смотрела, как фру Хольмгрен, моя первая учительница, давится едой, откусывает целые куски ветчины. Ее рот был в крови, потому что она кусала и себя саму, жевала так жадно, что не жалела собственных губ. Я не знала, что делать. Нужно было, наверное, бежать домой и звонить в скорую, но ноги как будто отнялись.

— Фру Хольмгрен? — позвала я, у меня была бессмысленная надежда, что она придет в себя. Позвать человека по имени, значит сфокусировать его внимание. И у меня это получилось. Фру Хольмгрен резко повернула голову ко мне, ее пронзительные бледные глаза смотрели на меня, изо рта вываливались размозженные ее зубами кусочки ветчины. Я думала ничто не сможет напугать меня больше, чем этот взгляд. Но одна мысль, пришедшая мне в голову, заставила меня, наконец, закричать. Я вспомнила, что нашла в Фейсбуке одну из своих бывших одноклассниц, мою подружку, с которой мы были неразлучны, пока я не сменила школу. У меня появились Геда и Нора, у нее еще кто-то, детская дружба забывается быстро. Оказалось, нам вовсе не о чем поговорить. Между делом, прерывая одну из неловких пауз, после которых мы обе врали, что были заняты, она написала мне что-то вроде: знаешь, фру Хольмгрен умерла, от рака или типа того.

Я расстроилась минут на пятнадцать, а потом забыла. Мне тогда было тринадцать, и у меня было намного больше времени, мыслей и дел, чем сейчас.

Фру Хольмгрен — мертва. Она ведь даже не сумасшедшая. Все сошлось, как сходятся цифры в верном уравнении, над которым бьешься долгое время. Почти с удовольствием от решенной задачи я подумала совершенно дикую, абсурдную вещь. Она мертва, поэтому так голодна. Она хочет вернуть свою жизнь, но она даже не чувствует вкус. У мертвых есть только голод. Фру Хольмгрен оскалила зубы, перемазанные шоколадом в подобии улыбки, а не оскала. Я бросилась бежать в подъезд, не прекращая визжать. Она была мертва, голодна и узнала меня. Этого было достаточно, чтобы сойти с ума.

Я бросилась к лестнице, обернувшись перед тем, как вступить

на ступеньку. Фру Хольмгрен не было, но что-то тяжелое билось в закрывшуюся дверь, будто кто-то пытался пройти сквозь нее. Кто-то очень упрямый и тяжелый.

Кот был такой тяжелый, будто земли наелся, вспомнила я. Я почти взбежала на свою площадку, но ступеньки вдруг начали крошиться, будто были песочные, а не каменные, они мягко уходили из-под ног, и я скатывалась вниз. Взглянув под ноги, я увидела, что ступеньки превращаются в каменную пыль, будто что-то тяжелое размололо их, как перец в ступке. Я застонала, в отчаянии, уже не ожидая, что кто-нибудь меня услышит. К тому времени, как я схватилась за перила, под моими ногами уже ничего не было.

Страна на обратной стороне земли.

Кот был такой тяжелый, будто земли наелся.

И сегодня ведь Хеллоуин, ворота открыты.

Все эти мысли проносились в моей голове одна за другой, и я почти не следила за ними. Я была занята тем, чтобы удержаться. Мерные удары в дверь не прекращались, а вот ступени подо мной и пол под ними прекратились. Там не было ничего, какая-то особенная темнота, за которой не скрывалось никаких предметов, темнота, которая была одновременно и пустотой. Наверное, такая темнота была в глубоком космосе, на самой границе расширяющейся Вселенной. Туда она расширялась, в это ничто. Мои пальцы болели, скользили вниз. Я попыталась подтянуться, но увидела, как перекосились перила. Металл ржавел, металл осыпался. Металл умирал. Тогда я замерла, готовясь к рывку. Если быстро вскочить наверх, у меня мог бы быть шанс перебраться на следующий пролет. Уроки физкультуры меня к такому не готовили, но я была уверена, что это возможно.

Напрягшись всем телом, я подалась вперед, стараясь вскарабкаться по проседавшим перилам вверх. Мои пальцы успели коснуться ступеньки на следующем пролете, но она превратилась в пыль от моего прикосновения, как будто я сама распространяла разрушение. Мне даже не было обидно, что ступенька рассыпалась. Я знала, что пальцы все равно соскользнули бы, слишком ненадежной была моя хватка.

Я не знала, куда я падаю, но надеялась, что там нет дна.

Глава 4

В пять лет меня спросили, что я люблю больше всего на свете. Тогда я ответила: сэндвичи с джемом и арахисовым маслом, и моего брата Адриана. С тех пор совсем ничего не изменилось. Мы с Адрианом были вместе всегда. Еще прежде, чем я стала человеком, он был рядом со мной, таким же скоплением клеток. И биение его сердца для меня, до сих пор, самый главный звук. С родителями нам повезло так себе, но они чокнутые, и это забавно. С кем уж я точно не хотела бы провести наш восемнадцатый день рожденья, так это с ними. Мы с Адрианом сбежали, впрочем, я была уверена, что родители нас не ищут — у них полно работы или других, более важных дел, чем мы. Наши родители — копы. Напарники, любящие искать особо опасных преступников, в которых можно стрелять на поражение. С самого детства я только и слышала об убийствах, чужих мертвых людях, взрывах, суммах, за которые можно купить человеческую жизнь, наркотиках, которых хватило бы, чтобы упороть целый город. Короче обо всем, что только в кино весело. А еще предки постоянно меняли квартиры, города. В последний раз родители аж страну сменили, нехило так. Мы приехали из Дании в Швецию три месяца назад, и бездельничали. Не было смысла поступать тут в Университет, мы планировали вернуться домой, как только папа и мама здесь кого-то уберут. Кого, они не говорили. Даже мне, а я, в отличии от Адриана, хотела пойти по их стопам. Я была уверена, что после всего увиденного, после невероятного количества оружия, бессчетных рассказов о перестрелках, папиных воплей о том, что жизнь это бой, маминых книжек о преступниках, из которых она вытрясала сведения, я просто не смогу жить той жизнью, которую еще называют нормальной. Я не могла пойти в Университет, потом в офис, потом под венец. Я хотела жить так, чтобы в моем саду можно было найти стреляные гильзы, а моя жизнь имела огромную ценность, даже раздутую, как утопленники после трех дней плавания, ценность, как у людей, которые в любой момент могут ее потерять.

Было два варианта — стать копом или преступницей. Я выбрала первый, потому что Адриан хотел быть филологом. Нам будет легче находиться рядом, если мой род деятельности будет легальным.

Я во всем понимала Адриана, кроме желания копаться в книжульках, написанных мертвыми чуваками, которым уже больше двух веков. Адриан говорил, что это ради девчонок, которых на факультете английской литературы будет много. Но я

была уверена, что не так все просто, была в нем та же занудная тяга к бесполезным знаниям, как в маме.

Мы были уже порядочно пьяны и устали танцевать. Рядом шумно ругались красивый парень с отмороженной симпатяжкой в костюме Алисы в Стране Чудес.

— Теперь она будет думать, что мы упоролись, идиот!

— Но мы упоролись!

— Иди сюда, сука!

Я наблюдала с интересом, хотелось, чтобы они подрались. Но парень, хотя и производил впечатление совершенно пьяного, сделал весьма ловкий шаг назад, поднял руки.

— Но нужно было сказать ей сегодня! А если что-нибудь случится?! Если все будет сегодня?!

— Ты подумал о том, как мы могли бы защитить нашу девочку или ты думал только о том, как пристроить себе марку под язык, Аурелиуш? Нужно связаться с Драго!

— Драго отрежет нам пальцы!

— Он понимает, что все серьезно.

Этот разговор совершенно не ассоциировался с теми поверхностными фразами, касающимися наркоты и секса, которые сопровождали мой слух до сих пор. Мне было интересно. Я поднесла трубочку к губам и втянула «Лонг-Айленд», продолжая глазеть на некоего Аурелиуша и его «Алису». Они не обращали на меня совершенно никакого внимания, хотя я сидела на диване в двадцати сантиметрах от них. Впрочем, наверное, мы производили впечатление людей, пьяных в такой хлам, что впору ставить капельницу. Я откинулась на диване, слушая разговор. У Аурелиуша был очень приятный голос, а у его девушки, а сомнений не было, что это его девушка, они держались друг к другу слишком близко и интимно, язык тела, как сказала бы мама, их выдавал, голос был несколько гнусавый, необычный, почти лишенный интонацией. Если бы упаковка замороженных рыбных палочек могла говорить, она говорила бы именно таким голосом.

— Ничего он не понимает, он неадекватный каннибал! А Роза — больная! Она моя сестра, я знаю, о чем говорю! Самая злобная женщина в мире!

— Хорошо, а Сигурд и Флори?

— Сигурд помешанный на власти аутист или кто он там! Он меня пугает! А Флори будет рыдать в трубку, а я не люблю плачущих женщин!

— Да твою мать, Аурелиуш! Ты нормальный вообще? Ты знаешь хотя бы где сейчас Каспар?

— Вроде был в Дании!

Я напряглась. Каспар — имя моего отца. И хотя в Дании было, совершенно точно, больше одного Каспара, мой интерес возрос так сильно, что в ушах напряглись барабанные перепонки. Неожиданное нервное возбуждение, правда, не убрало вертолеты. Потолок перед моими глазами, когда я запрокинула голову, все еще совершал обороты вокруг дискотечного шара, как земля вокруг солнца.

— Так давай позвоним ему. Нам нужно держаться вместе! Если Констанция вообще еще в этом мире.

В этом мире? Я подумала, что ослышалась. Снова, с трудом, сфокусировала взгляд на говорящих.

— Я не думаю, что он заберет ее в первый же день ее рождения. В договоре этого не было.

— Но там не было и точного указания срока. Хоть в первый день ее восемнадцатилетия, хоть в последний!

— Но как мне найти Каспара? Может, ты могла бы найти Медею? Она же твоя сестра, ты могла бы почувствовать, где она?

И вот тогда у меня дыхание перехватило. Теперь я смотрела на них во все глаза. Если Каспаров в Дании, вероятно, было достаточно, то Медея на всю Данию была, может быть, даже одна. Мамино имя, греческое, но странное и архаичное даже для греков, прозвучало как укол. Они говорили о наших с Адрианом родителях. То есть, они несли бред о наших с Адрианом родителях. Все, что они говорили не имело никакого смысла, я не знала большинства переменных. Кто такая Констанция и почему за нее так волнуются, каким образом в это вовлечены наши с Адрианом родители. Даже если бы я была трезвой, вряд ли мне пришли бы в голову откровения по этому поводу.

— Я что экстрасенс по-твоему, Аурелиуш?

— Ты сама говорила, что ты знала, где они.

— Я знала об этом в Аркадии. Здесь я ничего не знаю уже девятнадцать лет.

Аркадия? Я начала припоминать. Это что такая область в Турции? Или в Греции? Аркадия, Анатолия, что-то вертелось на языке. Я растолкала Адриана. Его темные глаза были затуманены бесчисленными коктейлями, а по губам бродила легкая улыбка. Мой красивый брат, чьи выступающие скулы я так любила целовать. Адриан был совсем на меня не похож. Я была рыжая, бледная, типичная датская расцветка, а Адриан был весь в нашу греческую маму — южный, изящный, с надменным, точеным лицом. Мой просветленный брат обладал каким-то особенным, дзеновским обаянием человека, который всегда и везде находится в спокойном довольстве жизнью и которого ничем нельзя ни смутить, ни возмутить.

— Что такое, Астрид? — спросил он, снова закрыв глаза. Я зашептала ему на ухо:

— Очнись! Ты мне нужен!

Адриан махнул рукой.

— Элвис покинул Сансару.

— Адриан! — продолжала шептать я. — Тут два чувака бредят о маме с папой. Послушай!

Он открыл глаза, я увидела, как от света, скользнувшего по его радужке, быстро сузились его зрачки. Он оставался расслабленным, но я видела, что он прислушался.

— Найдем в интернете! В интернете все можно найти.

— Ты пятисотлетний идиот, Аурелиуш. Ты понятия не имеешь, где Медея и Каспар.

Медея и Каспар, мама с папой, они были упомянуты вместе, никаких сомнений не осталось.

— Так что я свяжусь с Драго, если ты трусишь, а ты попытаешься добиться, чтобы Сигурд и Флори тебя выслушали.

— Прямо сейчас?

— Да!

— Но мы же под наркотиками!

— Ты прав, сначала надо умыться.

Они оба вдруг засмеялись, и я подумала, что все это шутка мамы с папой, которые вычислили нас и отправили сюда своих друзей-иммигрантов из Польши. Но когда они уже уходили, я услышала, как этот Аурелиуш говорит:

— Если он заберет Констанцию в Аркадию, она не сможет оттуда выбраться, как мы. Ворота в наш мир будут для нее закрыты. И мы не сможем попасть к ней.

— Я об этом помню, — ответила его спутница. — Если бы мы обо всем знали заранее.

Все это производило странное впечатление, жутковатое с одной стороны и захватывающее с другой. Я повернулась к Адриану, накинулась на него, обняла. Он чуть помотал головой, будто отряхиваясь. Кажется, он не совсем пришел в себя. Он сказал:

— Я полагаю, какие-то наркоманы обсуждали свою подружку, проданную в рабство сутенером, который как-то связан с нашими родителями. Ничего не обычного.

Я постучала пальцем по виску.

— Там фигурирует другой мир, Адриан!

— Это потому, что обсуждение велось наркоманами. Хорошо. Второй вариант: какие-то сумасшедшие случайным образом упомянули в своей бредовой фабуле наших родителей. Вариант третий: наши родители хотят нам отомстить за то, что мы не

хотим проводить с ними наш день рожденья. Вариант четвертый: это были какие-то другие имена, но наши мозги слишком пьяны, чтобы уследить за изменчивыми звуками на этой шумной вечеринке, и идут по пути наименьшего сопротивления.

— Вариант пятый, — перебила его я. — Родители попали в какую-то странную психическую историю!

— Это пятый вариант, да, — согласился Адриан. — Наименее вероятный.

Я стукнула его по плечу, а он засмеялся. Положив голову ему на плечо, я сказала:

— Могли бы проследить за ними, — предложила я. — Если они как-то связаны с нами, это было бы интересно. Давай, Адриан! Это будет мой подарок на день рождения.

— Я думал, я твой подарок на день рождения.

Я поцеловала его, крепко ухватив за плечи. Мы были вместе, сколько я себя помню. Именно вместе. Иногда мне казалось, будто мы с детства были любовниками. Я никогда не была одна, никогда не чувствовала, что у меня должен быть кто-то, кроме Адриана. Мы были частями чего-то единого. Я никогда не думала о том, что то, кто мы есть друг для друга, это неправильно. Мы были друг для друга всем, как вообще могло быть по-другому. Я попыталась подняться, но пол под ногами куда-то ушел, и я снова оказалась на диване. Адриан сказал:

— Вот поэтому я не совершаю попыток.

— Но мы должны следить, — воинственно сказала я. — Если я хочу стать копом, я должна быть незаметной. Если меня заметят наркоманы, могу сразу пойти и стать цветочницей.

— Они уже ушли, пока мы болтали.

— Они нелепые, могли остаться на танцполе.

Я предприняла вторую попытку встать, намного более успешную, взяла за руку Адриана и потянула за собой. У выхода курили люди, закурила и я, хотя меня и без того подташнивало от выпитого. Адриан воздержался, потому что он мудрее, чем я. Я рассматривала в толпе моих наркоманов, но не было никого похожего. Адриан запахнул на мне куртку, и я засмеялась.

— Вот такой я коп!

— Плохой коп!

— Очень плохой!

В этот момент я увидела хороших копов. Автомобиль, припарковавшийся у выхода, несомненно принадлежал нашим родителям. Я чуть не засмеялась, подумав вот будет умора, если родители приедут сказать нам что-то о работорговцах из другого мира или что там обсуждали их непрезентабельные знакомые. Я толкнула Адриана за дверь, обратно в шум и темноту.

— Предки здесь!

— И что? — спросил он.

— Это мой второй шанс продемонстрировать свои полицейские таланты!

— Скорее уж преступные, — сказал Адриан. Его явно занимали мои игры, но он относился к ним с легкой иронией. А ведь это я была старшей близняшкой и должна была скептически на него смотреть. Я потянула Адриана в туалет, где начищенные до блеска зеркала отражали пьяных куриц и их не менее пьяных петухов. Какая-то парочка в углу ерзала по кафелю в страстных объятиях друг друга.

— О, Астрид, чего ты хочешь? — с притворным удивлением спросил Адриан.

— Не хочу смотреть на твою пошлую рожу, — прошептала я и кивнула на окно.

— Еще скажи лезть через вентиляционную шахту, дорогая. Это предложение такое киношное, что сейчас я услышу «стоп-снято».

Я засмеялась и поцеловала его в губы, зашептала:

— Но ведь будет весело.

— О, определенно. Всем этим людям.

В этот момент я услышала недалеко громкий, требовательный голос отца.

— Астрид! Адриан! Вы нужны мне! Сейчас же!

Когда папа говорил так, у меня оставалось одно желание — бежать. Мой папа был, вероятно, человеком с самым невыносимым, дурным и мерзким характером в мире. Его могла выдерживать только моя мама, которую все тоже ненавидели. Папа был заядлым алкоголиком, чье профессиональное выгорание перешло все видимые и невидимые пределы, достигнув своей конечной точки в оре, который папа исторгал из себя ежечасно. Папе, наверное, ничто в мире не нравилось, он считал всех тупыми бездарными ублюдками и, если сильно оцензурить его версию, слабаками и тряпками. Папа, в принципе, пришел в полицию помогать людям, это еще можно было увидеть по тому, с каким увлечением он работал. Впрочем, возможно, ему просто нравилось убивать. Даже скорее всего. В принципе, папа говорил, что у него множество друзей, с которыми он проводит время, но почему-то на дни его рожденья никто не приходил. Я бы и сама не приходила, уж больно папа любит напиться и начать доказывать мне, что я — девчонка, поэтому я должна быть скромнее, добрее и, желательно, отстреливать яйца мальчикам еще на расстоянии одного метра до меня. Он два месяца называл меня шлюхой и грозился убить моего парня, когда я на спор с

Адрианом солгала ему, что встречаюсь с одноклассником.

Не только я не хотела встретиться с папой лицом к лицу. Адриан тут же, оставив свой скепсис, открыл окно. И если бы все эти несчастные люди знали, что за чудовище ждет за дверью, они выстроились бы в очередь, чтобы покинуть помещение.

Я вылезла первой, снова окунувшись во влажный осенний воздух после душного, пахнущего потом и алкогольными парами клуба. Музыка била по заболевшим от коктейлей вискам. Правильно Адриан говорил, коктейли это не экологично. Нужно было пить виски чистоганом. В конце концов, теперь мы могли себе это позволить. Я отряхнула колени, испачканные побелкой, в изобилии присутствовавшей на подоконнике, и в этот момент услышала голос мамы.

— Довольно предсказуемый ход, Астрид. Неужели тебя не хватило на большее?

Мама стояла передо мной. Ее строгий костюм, делавший ее еще более тощей, похожей на античную статуэтку, был абсолютно белым, и даже на штанинах в такую слякотную погоду не было ни единого темного пятнышка. Мама всегда была идеальна, все, что меньше и тусклее, нежели совершенство, вызывало у нее отвращение. Например мы, далекие от идеала. У мамы было красивое лицо, несколько андрогинное, как на картинах эпохи Возрождения. Если бы я не знала, что она полицейская, предположила бы в ней художницу, такими одухотворенными были всегда ее теплые, темные миндалевидные глаза с тяжелыми, как у южан, веками. В детстве я хотела быть похожей на маму, а потом узнала ее поближе и больше уже никогда ничего от нее не хотела. Так, в принципе, с мамой было у всех. Дома испокон веков существовала легенда о том, что маму лишили греческого гражданства за ее дурной характер. Мама ее не подтверждала, но и не опровергала.

— С днем рождения, — сказала мама. — Хотя, безусловно, меня не очень волнуют ваши ничего не значащие праздники.

— Мама, на самом деле можно не оправдываться, если ты пришла без подарка.

В этот момент за моей спиной я услышала:

— Иди сюда, дочь гребаная! Я тебя звал или нет?!

А я даже не заметила, что папа вылез вслед за нами. Стало неуютно, папа стоял позади нас, а мама впереди, как будто окружали.

— Что вам нужно?! — рявкнула я, как разозленная приближением чужих собака. Адриан добавил намного дипломатичнее.

— Держу пари, родители, вы здесь не ради того, чтобы

поздравить нас. Вы ведь не устаете напоминать нам, что мы вас не интересуем.

Мама задумалась, потом сказала:

— Это полуправда.

А папа сказал:

— Если ваших куриных мозгов не хватает, чтобы понять, как мы о вас заботимся, лучше вам хотя бы заткнуть свои рты!

Папа всегда был образцом дружелюбия.

— Нам нужно серьезно поговорить, — добавил он почти примирительно.

— Я не пойду в армию, папа.

— Во-первых пойдешь, Адриан, а во-вторых рот свой заткни! В машину, быстро. Мы должны серьезно поговорить.

И тогда я ляпнула первое, что пришло мне в голову.

— А вас там какие-то поляки упоминали в разговоре.

Я видела только мамино лицо, и мама замерла, не от удивления, а скорее от узнавания. Кажется, она вполне точно знала о каких поляках шла речь.

— Что говорили? — резко спросил папа. Его голос был взволнованным, взвинченным. Я повела плечами.

— Там молодая пара была. Спрашивали друг у друга, в Дании ли вы. Еще там с кем-то связаться хотели.

— Молодая, — хмыкнул папа, будто я сказала забавную, и в то же время плосковатую шутку. Мама смотрела на меня задумчиво, будто видела впервые или после очень-очень долгой разлуки. В ней не было показного безразличия, теперь ее обычное спокойствие было окрашено как-то по-иному. Оно было грустным. Я поджала губы, меня переполняла обида. Я толком не понимала, что именно меня так разозлило, может, мамино выражение лица, под ее обычным льдом была неспокойная вода, но она все равно оставалась чужой, недоступной. Я смотрела на нее, такую непохожую на меня, а потом вдруг резко дала деру. Я бежала в сторону парка, между деревьями, там, где они не могли проехать на машине. Я знала, что Адриан побежит за мной. Это не нужно было обсуждать, Адриан, я была уверена, почувствовал, что я сделаю задолго до того, как я сдвинулась с места. Мы бежали, я впереди, а он чуть позади меня, петляя между деревьями, иногда разделяясь. Вслед мне несся папин крик, а мама, судя по всему, полагала достойным сохранять молчание. Я толком не знала, зачем я побежала. Я разозлилась на что-то, родители были неискренны и не откровенны. Я вдруг поняла, почувствовала, какую бездну всего я не знаю о них. Как будто я увидела вершину айсберга, а потом поняла, на сколько километров вниз уходит ледяной массив их лжи. У меня толком не было причин так

думать, но какое-то чутье подсказывало мне, что родители лгали нам и собирались продолжать лгать. Я поступила импульсивно, может быть стоило выслушать их, но я ощущала стену между нами, ощущала, что правды скорее можно добиться от тех поляков, что обсуждали родителей. Самое забавное, что я даже не понимала, какой правды я ищу, что хочу узнать. И был еще один вопрос, центральный: хочу ли я знать что-либо об их жизни на самом деле? Принесет ли мне это знание что-нибудь хорошее?

В школе я безупречно сдавала все кроссы, я бегаю по часу каждое утро, и сейчас мне было легко, холодный ночной воздух затапливал легкие, сердце дрожало в груди, но ноги были быстрыми и не уставали. Я знала, что способна выбраться из парка, не сбавляя темп. Я бегала здесь уже три месяца, я парк знала. А вот мама и папа, если за кем и бегали, так это за преступниками, лишенными эстетического чувства достаточного, чтобы бегать по прекрасному парку, достоянию Швеции. Адриан все время был чуть позади, он доверял мне искать дорогу. Сначала я знала, что родители бегут за нами. Я совершала поворот за поворотом, стараясь запутать их, как зверек. Родители не окликали нас, они знали, что лучше не тратить воздух. Мама и папа были молодцы, но мы с Адрианом были молоды, и в этом заключалось преимущество, которое родителям было не преодолеть. Я почувствовала, когда они отстали, но не обернулась. Прошло минут десять, прежде чем я сбавила темп. Остаток пути мы с Адрианом шли. Молча, потому что оба пытались отдышаться. Наши щеки горели, и я чувствовала, как жар давит мне на глаза. Я прижала холодную руку к щеке Адриана, и он закрыл глаза.

— Не сюда, — сказал он. — Обойдем. Они, наверняка, предполагают, к какому выходу мы выйдем.

Я свернула, снова углубляясь в парк. Адриан сказал:

— Какая муха тебя укусила?

Я молчала, чувствуя, как ветер смывает с меня жар. Ответа, который не было стыдно произнести вслух у меня не было. Некоторое время я смотрела на небо, на котором замерли звезды.

— Накатило, — сказала я неохотно.

— А это почему?

Адриан никогда не позволял мне просто отмахнуться от него. У нас с ним не было секретов друг от друга, и я всегда могла объяснить ему все, но сейчас я будто бы потеряла все слова, они рассыпались, как звезды по небу, и были от меня необычайно далеко.

— Я глупо поступила, да?

— Своеобразно, сестричка. Я не хочу тебя осуждать, в

определенной степени это было весело. Но родители, на мой взгляд, вели себя не хуже обычного.

— Я разозлилась, потому что они лгали нам все это время.

— О другом мире? — засмеялся Адриан.

— Да нет же, — сказала я, а потом распробовала свои ощущения. Я была уверена, что родители врали о чем-то важном, было ли это связано со странным разговором, я не предполагала. Но эта мысль не вызывала у меня бурного протеста.

— Вот ты задумайся, — сказала я, начиная размышлять. — Ты что знаешь об их прошлом?

Адриан помолчал, принялся насвистывать какую-то песенку, прервался на середине ноты, сказал:

— Они же копы, ревностно оберегают тайны своего прошлого. Кроме того, мне не очень интересно.

— Они никогда не говорили нам правды. Они не доверяли нам. Почему я должна доверять им?

В этот момент я услышала рингтон своего телефона, еще с моих бурных шестнадцати мой телефон неизменно воспроизводил самые разные песни «Deftones». Сейчас играла «Knife party», но звук был, казалось, чуть искажен. Он не был пугающим или неправильным, просто иным, как будто кто-то проигрывал его через аудиофильтр, фактически не изменяя нот, но чуточку снижая тональность. Не то чтобы заметно, но тревожит, где-то на краю сознания зудит. Звонила мама. Я не сразу взяла трубку, и Адриан начал подпевать, наслаждаясь музыкой. У него был приятный, мелодичный голос. Наконец, я ответила, поставив динамик на громкую связь. Таймер тут же начал отсчитывать время звонка.

— Да, мам? — сказала я скучающе, и лицо Адриана приняло уморительное выражение скепсиса. Но мама не ответила, безжизненно текли секунды, цифра сменяла цифру, а мама молчала, и я не слышала ее дыхания в динамике.

— Мама! Я тебя не слышу, наверное, что-то со связью.

Я засунула телефон в карман, в этот момент мобильный Адриана тоже зазвонил. Адриан достал телефон, повернул его, демонстрируя мне экран. Папа. Я усмехнулась. Адриан взял трубку, так же поставил звонок на громкую связь.

— Да, папа? Надеюсь ты решил извиниться, потому что в противном случае я ухожу жить в лес, дикие животные, даже больные бешенством, и то приятнее тебя.

Острота Адриана канула в пустоту, папиного голоса не было слышно, как и маминого.

— А до них не доходит, если проблема со связью у меня, то и у тебя тоже, — хмыкнула я. Голос мой прозвучал неуверенно,

будто я успокаивала себя.

— Не нервничай, милая, — посоветовал Адриан. Он опустил телефон в карман, в точности повторяя мой жест, и мы взялись за руки. Не нервничать не получалось, хотя я очень хотела. Я совершала поворот за поворотом, но парк становился только гуще. Все маршруты, которые я знала, будто перепутались, смешались друг с другом, сплелись.

— Мы все время оказываемся на одном и том же месте, — сказала я. — Ходим кругами.

— Это бывает с теми, кто потерялся, — ответил Адриан. Голос его выражал удовлетворение прогулкой и больше ничего. Я подумала, что так и не помню ни единого момента, когда Адриан потерял свою довольную самоуверенность, хотя в склонности к самообману он никогда замечен не был. Родители все звонили, раз через пять мы перестали брать трубку — смысла в этом не было никакого. Я поймала себя на том, что, может быть, была бы рада услышать их голоса. Мы уходили все глубже в парк, и я уже соскучилась по временам, когда мы, по моему разумению, ходили кругами. Сейчас мы шли строго вперед, потому что я признала свое посредственное владение географией Берзели. Для меня это стало открытием, я думала, что знаю этот парк как свои пять пальцем. Лес становился все гуще и гуще, теперь у меня язык не поднимался назвать это место парком, оно было огромным и в то же время тесным из-за наступающих друг на друга деревьев. Теперь Адриан шел позади, а я впереди, места для двоих уже не хватало, тропинки не было, и я не заметила, как мы потеряли ее. Мы петляли между деревьев, то и дело натыкаясь на острые, гибкие ветки. В конце концов я встала, как вкопанная и заорала:

— Я ненавижу это место! Ненавижу это место, своих предков, этот гребаный день! Я даже воздух здесь ненавижу! Гребаная Швеция! Я хочу сдохнуть! Я устала! Хотя что это я, здесь-то мы и сдохнем! Связи нет! Мы заблудились!

— И парк вообще не должен выглядеть так. На «Трип-эдвайзере» его называют компактным и интуитивно понятным местом для семейных прогулок.

Дальше я орала уже бессловесно. Я понятия не имела, сколько времени прошло, прежде чем Адриан указал рукой куда-то влево.

— Там озеро, пойдем хоть в красивом месте умрем.

Адриан будто бы вовсе не волновался. Он взял меня за руку, и я последовала за ним. Озеро было огромное и очень светлое. Никогда прежде я не видела такой прозрачной воды, луна пробивала толщу до самого дна, делая озеро большущей каплей расплавленного серебра. В темном ночном воздухе кружили, как

золотые звезды, здоровые светлячки. И тогда меня накрыло, как колпаком, одним удивительным фактом. Мы не были в Берзели. Я изучила парк вдоль и поперек, здесь не было озера, тем более такого. Озеро уходило дальше, как ртуть просачиваясь вглубь леса, сквозь деревья. Мы вышли на поляну перед озером, и я увидела, какая огромная, будто нарисованная, над нами луна. Мне сразу вспомнился разговор в клубе. Другой мир, иной мир. Пейзаж был как в сказке, медленными скачками гарцевали светлячки, вода будто светилась, и по ней плыли редкие кувшинки, скрывшие свою красоту на ночь.

— Невероятно, — прошептала я.

— Похоже на компьютерную заставку, — сказал Адриан. Голос у него был чуть рассеянным, это выражало крайнюю степень удивления. Он прошел вперед.

— Лунной дорожки нет, — сказал он. — Свет равномерный, как от солнца. Тебе это не кажется странным?

— Мне кажется странным все, — засмеялась я. Странным, и в то же время сказочным. Я никогда прежде не была в таком мучительно красивом месте. Запрокинув голову, я заметила, что в кронах высоких деревьев вилось еще больше светлячков, будто золотые елочные гирлянды, притаившиеся на ветках. Я кинулась к Адриану, и он подхватил меня на руки. Мы танцевали в абсолютной тишине, сопровождаемой лишь нежным, почти незаметным трепетом воды. То, что мы переживали, было чудом. И хотя я была напугана, я была и вдохновлена, удивлена. Мы остановились и посмотрели на воду. Адриан сделал шаг вперед, носок его ботинка умылся в прозрачной воде.

— Лучше не трогать ничего в незнакомом…

Я начала, но продолжить не успела. В этот момент длинная, белая рука с хваткими пальцами обвилась вокруг щиколотки Адриана. Он закричал, и я вцепилась в него, когда он полетел на землю. Рука будто не принадлежала никому, росла из земли, как цветок, но при этом была подвижная, слепо шарящая в поисках тепла, и это было отвратительно.

— Адриан!

Я кинулась к руке, чтобы отсоединить ее, пальцы разгибались с хрустом, и когда мне оставалось только два, я увидела вторую такую, за секунду прежде, чем она схватила меня. А потом их, как в сюрреалистическом фильме, стало вылезать из-под воды все больше и больше. Они тянулись к нам, и мы с Адрианом пытались освободить друг друга, но стоило нам попытаться выползти, как нас хватали снова. Я колотила эти руки, кусала их, вырывалась, но чем дольше я боролась, тем слабее становилась, а вот белые, мокрые и холодные руки мертвецов, вырывающиеся из-под земли,

не уставали. Это руки утопленников, подумала я.

Мы сползали в холодную воду, нас передавали все дальше. Когда мы оказались в воде, бороться стало еще сложнее — вода замедляла движения, смягчала удары, а руки мертвецов, длинные, белые руки мертвецов были все такими же цепкими. Мы барахтались в воде, кричали, но сила десятков рук вела нас к середине озера, в прозрачной воде подо мной я видела, как руки вытягиваются из-под земли, хватают нас, трясут, как собака игрушку, передают дальше. Когда мы оказались на середине озера, вдруг все закончилось. Мы замерли, с трудом пытаясь не пойти ко дну тут же.

— А как думаешь, какая идея за сегодня была самая плохая? — спросил Адриан, когда мы вместе рванули к берегу.

— Но мы ведь все равно хотели съездить на озеро, — засмеялась я.

И в этот момент сила, уже невидимая, потянула нас обоих вниз, на дно. Я смотрела, как прозрачная вода, не закрывающая небо и луну надо мной, становится все темнее.

Воздуха осталось совсем мало, а я все не чувствовала дна. Зато мне удалось нащупать руку Адриана. Это и было самым главным.

Глава 5

Я открыла глаза, вытянула перед собой руку, совершенно не представляя, зачем я это делаю. На руке оседало золото солнца, и я поняла, что уже утро. Еще я поняла, что оно летнее. Осеннее солнце не в силах было дать мне столько тепла, это было слабеющее, блеклое светило. А то, что смотрело на меня с неба, было солнцем в расцвете своей силы и славы, где-то в середине июня. Я резко поднялась. Тело отозвалось негодованием, кости ломило. Я упала вниз осенью и в ночь, а очнулась в летний полдень. У меня получилось открыть и закрыть рот, но на этом мои полезные навыки почти исчерпались, почти, потому что еще я смогла приподняться и снова упасть. Я не могла вымолвить ни слова. Я лежала посреди земляничного поля, рубины ягод тут и там выглядывали сквозь кружево зеленых листьев. Все показалось мне сном, и я ощущала даже особенную дымку, обволакивающую мое сознание. Даже полет мух и ос надо мной казался мне не таким стремительным, как в реальности. Все замедлилось, а может мне так казалось. Прямо надо мной склонилась сочная, блестящая от росы ягода, а вокруг нее, как спутник по орбите, летала изумрудная муха. Я отогнала ее ладонью, и муха с неприятным жужжанием ударившись о мою линию жизни, упала на землю и снова взлетела, решив найти себе другую орбиту. Небо было такое синее, что глаза заболели, и я поняла, что вообще все цвета вокруг полнее и ярче, будто кто-то до самого конца выкрутил рычажок, отвечающий за контрастность. Это было красиво и болезненно одновременно.

Нужно было встать. Об осенней слякоти, из которой я пришла мне напоминали только комья мокрой грязи на моих тяжелых ботинках. Зато теперь можно было порадоваться, что я не взяла куртку. Можно было даже выдать это за дальновидный поступок.

Я не без труда встала на ноги, кости все еще ломило. Я не знала, что это за ощущение — оно было неясным, так что я не могла понять, это начинающийся грипп или последствия падения. Логика указывала на второе, но мое тело определиться не могло.

Поднявшись на ноги, я избавилась от зелено-клубничного духа, царившего внизу, и вдохнула полной грудью здешний воздух. Он оказался сладким, но эта сладость не была знакома мне прежде, не отдавала ни одним известным мне запахом. Сильно абстрагировавшись, можно было сказать, что здесь пахло как будто особенно вкусной родниковой водой — влажный запах, но к нему примешана и прохладная, неизвестная мне сладость.

Поднявшись на ноги, я увидела бескрайнее земляничное

поле, посреди которого поднимались величественные статуи, заросшие зеленью. Некоторые из них совсем развалились, некоторые покрылись мышьяково-зеленым налетом, некоторые были сколоты, но общий смысл просматривался — это была Долина Королей, не иначе. По крайней мере, если бы мне пришлось писать низкосортное фэнтези, так бы я ее и назвала. То есть, моя предыдущая мысль была сексистским дерьмом, потому что королевы тут тоже были. Всюду были высокие, изумительно красивые люди в богатых одеяниях, их мраморные головы венчали золотые диадемы, в которые ложилось солнце. Обычно художники и скульпторы, которым выпало на долю творить образы влиятельных людей, стараются приукрасить реальность. Тот, кто создавал эти статуи превзошел в лести, наверное, всех своих коллег. Все эти люди из холодного камня обладали удивительной, какой-то божественной, языческой красотой. Это была красота, которой можно поклоняться, мне захотелось упасть на колени перед одной из этих статуй и целовать усыпанную алыми ягодами землю у ее ног. Мысль была такая абсурдная, что я поежилась. Раскормленная, толстая земляника зазывала попробовать ее, обещая сладость, которой я не испытывала прежде. Поесть я любила всегда, причем настолько сильно, что не могла считать себя настоящим готом, страдающим от ангедонии на серой, смертной земле. Тортики повышали мое настроение, хотя я никому, даже Хакану, не говорила об этом. И хотя у меня не было никаких идей о том, где я оказалась, я прозревала, что пищу тут лучше не пробовать. В сказках лучше было не есть и не пить за пределами человеческого. А пределы человеческого явно были преодолены — я попала в лето из осени, провалившись под землю. У меня мелькнула мысль, что, может быть, я умерла и попала в рай или в Элизиум, то есть на Елисейские поля. Вот даже поле абсолютно точно было. Вот бы Хакан разочаровался, если бы узнал, что умерев, мы попадаем в еще более милое место, чем Стокгольм. Но что со мной в таком случае случилось? Без сомнения, Джордже и обвивающие мои руки цветы, и разрытая могила, все это было галлюцинацией моего умирающего мозга. Может, мой мозг и все еще умирает, и я переживаю свои последние секунды в иллюзии, которую устроила сама себе. Но как так вышло? Я попала в аварию? Тогда почему я не помнила какой-нибудь фуры, вылетевшей мне на встречу, как в «Пункте назначения», или хотя бы резкого поворота, за который вылетела моя машина, врезалась в дерево, и я пробила головой лобовое стекло моему «Доджу Чарджеру», чтобы тихо скончаться, пока мои мозги стекают с ветвей. А может у меня случилась аневризма? Говорят, это быстрая и совершенно не мучительная

смерть, можно даже не успеть понять, что случилось. Я расстроилась. Не сильно, потому что если уж случилось, то случилось, ничего с этим не поделаешь. И все-таки было жалко, что все так глупо и в мой собственный день рождения. Ка настоящий гот я должна была испытать удовлетворение, но у меня не вышло при всем желании.

Я вспомнила о папином письме и подумала, что буду по нему скучать. А уж он там без меня с ума сойдет. Письма рядом со мной не было, и я стала кружить по полю в его поисках. Наверняка, оно упало сюда же. Я бродила по земляничному полю, иногда наступая на упавшие от своей тяжести ягоды, и брызгал сок, смешивавшийся с грязью на моих ботинках. Иногда я смотрела на удивительно красивых людей в золотых коронах. Оплетенные зеленью лица выражали величественное спокойствие и скорбь. И я поняла, что это надгробные статуи. Не то чтобы что-то конкретное на это указывало, но в каменных глазах застыла тоска, которую ничто уже не могло утолить. Зачем выбивать в камне такую неизбывную боль, если человек, с которого творили статую еще улыбнется хоть раз. Я села на корточки перед статуей совсем молодого мужчины, сжимавшего скипетр. Его красивое лицо выражало агонию, боль, и я увидела, что из его каменного живота торчит железный кинжал, и каменная кровь, хорошо надо сказать исполненная, каплями застыла на его теле. На постаменте не оказалось никаких подписей, или, что менее вероятно, время не оставило на камне и их следа.

Но теперь у меня не осталось никаких сомнений в том, что земляника укрывала погост. Вот почему земля здесь была черная, жирная, хорошо удобренная. Я стала рассматривать другие статуи, совсем позабыв о письме. Мужчины и женщины невероятной красоты подсказывали причины своей смерти. Пронзенные стрелами тела, вскрытые глотки, истекшие замершей кровью руки с надрезами, набухшими от нее, одна женщина держала в руках свою голову, на ее щеке, позеленевшей от влаги, сидела бабочка с яркими, синими крыльями, отливающими драгоценной пыльцой. Иные сжимали в руках чаши с вином, наверное, это значило, что они были отравлены, уголки их красивых губ дернулись в отвращении и замерли по воле скульптора. Странно было видеть такие надгробия. Я всегда думала, что нужно изображать живых людей, чтобы память о них была светлой, а не ужасающей. Над трупами полагалось оставаться изображениям живых людей, на которые и смотрели другие живые люди, приходившие на кладбище. Мне подумалось, а вдруг раз изображения здесь мертвые, люди под землей наоборот живые. Раз это мир мертвых, может это и не кладбище,

а место рождения, отсюда выходят к новой жизни мертвецы, и могилы им не нужны.

Но я-то не откопалась, а пришла в себя на земле. Может быть, я какой-то особый гость или наоборот все, включая проход сквозь землю, включено лишь у королей и королев.

Письмо нашлось совершенно случайным образом. Я стояла рядом со скульптурой женщины, ее губы были приоткрыты, хотя слетевший с них когда-то вздох давно затих. Не удержавшись, я коснулась ее точеных скул, камень был теплый от солнца. На женщине была широкая мантия с невероятно реалистично выполненными складками, а длинная рана, наверное от меча, рассекла ее грудь. Из провала выползали большие, рогатые жуки. Я отвела взгляд, будто посмотрела ей в самое сердце, и мне стало неудобно. На земле передо мной лежало папино письмо. Я быстро схватила его, будто кто-то мог утащить письмо, будто я была здесь не одна. Я скользнула глазами по строчкам, папин почерк вызвал у меня вдруг страшное ощущение одиночества, я поняла, насколько я далеко от дома. Как только я нашла строчки, на которых остановилась, чернила вдруг начали жить своей жизнью. Буквы потеряли форму, линии разрывались и срастались, складывались в удивительные узоры и распадались на некрасивые, ущербные островки хаоса. Я встряхнула письмо, будто это помогло бы ему прийти в норму, но чернила задергались еще быстрее, как будто встревоженная кровь под тонкой кожей бумаги. Я стала громко ругаться, реакции разумнее у меня не нашлось.

А потом я увидела, что линии складываются в карту. Конечной точкой был схематично нарисованный замок. С него будто аккуратно срезали верхушку — все башни были лишены шпилей, основное здание не имело крыши. До замка я видела линию реки с шевелящимися чернильными волнами, по краю этой реки шел темный лес. Через широкую реку был перекинут мост, от которого начиналась дорога к замку, усеянная какими-то черными точками. Начиналась карта с поля, символические, будто ребенком нарисованные клубнички обрамляли мое украшенное вензелями имя. Над буквами красовался знак крестовой масти в картах. Почему-то он удивил меня больше всего. Черный, ровно закрашенный, он оставался неподвижным над переливающимися, текучими буквами.

— Карта Мародеров, — пробормотала я. И если мое место на ней обозначено, то, наверное, здесь мог быть еще кто-то. Присмотревшись, я обнаружила под знаком пиковой масти, у начала другой реки, ведущей не к замку, имя «Герхард». Судя по всему, идти до замка было не так уж далеко, хотя разобраться с

масштабом не было никакой возможности. Чуть дальше я заметила червовое сердечко, под которым было написано «Констанция». И почти у моста были два бубновых ромбика. Один стоял на месте, а другой то и дело перемещался, будто его обладательница по имени Астрид ходила туда и обратно. Значит, это были мои товарищи по несчастью. Мальчика рядом с Астрид звали Адриан. Герхард, Констанция, Адриан и Астрид. Я обернулась на клубничное поле. Карта прерывалась на его середине, а вот оно длилось еще далеко-далеко, и только на горизонте я видела острые силуэты скал. Я подумала, что такие скалы бывают у моря, но не могла быть уверена. Я двинулась к концу поля, который с другой стороны был вполне обозрим, и мое имя поплыло сквозь нарисованные клубнички. У меня в руках был бумажно-чернильный навигатор.

На самом деле я не могла сказать, что меня что-либо очень сильно удивляло. Моя способность к демонстрации ошеломленного ужаса явно умерла вместе со мной. Интересно, подумала я, а как там Герхард? И кто такой этот Герхард? Мальчик, который тоже сегодня умер? Мне было очень любопытно, от чего. Я долго шла по клубничому, а может земляничному полю. В своих мыслях я называла его то так, то этак. Ягоды были большие, пахли скорее как земляника, но превосходили клубнику по размеру. Статуи стояли на протяжении всего поля, и я подумала, если оно такое огромное, неужели эти статуи мертвецов простираются до самого моря, которое я там предположила. Получалась маленькая каменная армия, исступленно красивая и жуткая. Я шла долго. Астрид и Адриан на карте тоже двигались, но не в замок, а в лес. Наверное, у них не было карты. Или в ней было другое место назначения. Констанция и Герхард, к счастью, оставались неподвижными. Солнце лило на меня свой бесконечный, жаркий, золотой свет, и я ужасно хотела пить. Я бы все отдала за глоток холодной, может даже ледяной воды. Соблазнительность сочной клубники, так влажно лопавшейся под подошвами моих ботинок, стала нестерпимой, но я боролась с этим искушением. Когда мое терпение было уже на исходе, поле закончилось, резко, будто за определенной чертой не росла клубника. Я услышала шум текущей реки и, судя по карте, в которую превратилось мое письмо, я и вправду была недалеко. Трава под ногами была такая мягкая, будто я шла по ковру. Я побежала и, сама не заметив, спугнула с насиженных мест целое море бабочек. Они взвились передо мной, большие, с пол-ладони, яркие, всех возможных цветов, как драгоценные камни переливающиеся под солнцем. Шелест их крыльев почти заставил меня зажать уши. Они

кружили вокруг меня, как ураган, иногда их легкие крылышки или шершавые лапки касались моего лица и рук.

— Прошу прощения, — пробормотала я.

Я и не заметила, что улыбаюсь. Они были такие красивые и хрупкие, я никогда не видела ничего подобного. Когда вихрь вокруг меня улегся, я пошла вперед осторожно, стараясь не спугнуть еще одну такую вечеринку. Вскоре я увидела реку, она была прозрачная, яркая, будто светилась изнутри. Я видела камни, которые ласкали волны, видела плывущих во чреве реки рыбок. И, судя по всему, я должна была увидеть Герхарда. Это случилось не сразу, я некоторое время рассматривала берег, поросший полевыми цветами, потом снова смотрела на карту, а потом додумалась оглянуться в другую сторону. Герхард сидел позади меня. Он мерно раскачивался, наблюдая за течением воды. Так, я видела в фильмах, делают очень испуганные или взволнованные люди, но он не казался ни испуганным, ни взволнованным. И он совсем не обращал на меня внимания, но это было даже хорошо — я могла его рассмотреть. Он был очень красивым парнем, моим ровесником. Наверное, самым красивым парнем, которого я когда-либо встречала. У него были правильные, мягкие черты лица, большие очень светло-голубые, даже жутковато прозрачные, глаза, аккуратный острый подбородок и светлые волосы. Его портила какая-то совершенная блеклость расцветки — слишком светлые глаза, слишком бледная кожа. Он был высокий, поджарый, и в то же время крепкий. Такой себе красивый рабочий парень из деревни под Гетеборгом. Кроме того, возможно, он тоже был готом. На нем была черная толстовка и рваные, темные джинсы. Я даже смутилась немного, хотя обычно парни казались мне скорее смешными, чем привлекательными. Кроме того, я не знала, что ему сказать. Как вообще начать разговор в подобной ситуации? Я покашляла, но Герхард не обратил на меня никакого внимания. Тогда я сказала:

— Э-э.

Он не обернулся в мою сторону. Какой он, наверное, заносчивый с такой-то внешностью. Раздражение придало мне сил:

— Ты, наверное, Герхард? — спросила я с некоторой небрежностью. Он нахмурился, а потом, наконец, посмотрел на меня. Он смотрел на мои губы, лицо его приняло извиняющееся выражение.

— Что? — спросила я. — Я спросила: ты, наверное, Герхард?

И он ответил:

— Наверное, я Герхард.

Чуть помолчав, он добавил:

— А ты знаешь, как доехать отсюда до Стокгольма?

Я подумала, что ошиблась, он не мог быть шведом. У него был очень заметный акцент, какого я прежде никогда не слышала. Не нужно было заговаривать с ним на шведском, наверное. Акцент был мягкий, почти певучий, но со странными интонациями, как будто Герхард делал в словах два ударения одновременно — правильное и нет. Он говорил медленно, делая паузы перед тем, как произнести какой-либо звук, как будто задумывался, как он на самом деле звучит, как будет лучше его воспроизвести. Он заметно картавил, поэтому я предположила, что, может быть, он француз. Но ведь Герхард такое не французское имя. Может, он Жерар? Может, на моей карте стоял автоперевод имен?

И вместо того, чтобы спросить, как он здесь оказался, я спросила:

— Откуда ты знаешь шведский?

Герхард смотрел на мои губы и, судя по всему, внимательно слушал. Он нахмурился, когда я закончила, но раздражен не был, скорее задумался.

— Потому что шведский — мой родной язык, — сказал он, наконец. — Я просто плохо говорю.

Цвет моих щек в тот момент, наверняка, сравнялся флагом Китая. Но сказала я невозмутимо:

— Извини.

— За что?

— Не делай все еще более неловким!

— А я делаю?

И тут я засмеялась, и он засмеялся тоже. Вся неловкость, которую я испытала от его красоты куда-то пропала. Видимо, две неловкости аннигилировались друг с другом, и я почувствовала себя хорошо рядом с ним.

Я подошла и села на берег, взяла камушек и пустила его в полет над прозрачной водой.

— А ты как сюда попал? — спросила я. Спешить, честно говоря, было особенно некуда. Я перестала волноваться. Герхард почесал затылок, протянул:

— Упал.

— И я упала.

— Значит, так сюда и попадают.

Я раскрыла перед ним карту, его светлые глаза расширились от удивления, он осторожно, бережно обращаясь с моей вещью, провел пальцем по бумаге. Я, куда менее трепетно, ткнула ногтем в замок.

— Я думаю, нам сюда.

Он еще некоторое время смотрел на карту, глаза у него были светлые и задумчивые, как будто он видел на карте больше, чем я. Я прежде дурачков никогда не видела, но мне неожиданно не было неловко. Я посмотрела в реку, там в воде, чистой, как воздух, плавали блестящие рыбы. Чешуя у них была почти прозрачная, так что я видела биение разноцветных внутренностей. Иногда они выпрыгивали из воды и переливались искорками радуги, как хрусталь или бриллианты на солнце. Наконец, Герхард сказал:

— Правда, сюда.

Не то чтобы его мнение могло что-нибудь изменить в моих планах, но я была довольна, что и он так считает. Герхард коснулся пальцами воды, потом отдернул руку, не испуганно, а будто игрался с волной, как с кошкой. Он сказал со своим странным, неземным акцентом:

— Родители говорили мне про это место. Но я думал, что они…

Герхард нахмурился, коснулся пальцами своего виска. Я увидела, что он заменяет слова жестами при любой возможности. Но говорил он все равно много, общаться ему явно нравилось. Я подалась вперед, отломила один из одуванчиков, опустила его в реку и смотрела, как вода уносит цветок. А потом до меня дошло, что Герхард говорил не о том, что когда он умрет, то попадет в одно чудное место, называемое еще раем. Ему говорили, по крайней мере это было вероятно, то же, что отец писал мне. Я рассказала ему о письме, о том, как все случилось со мной, и он слушал внимательно, пристально смотря на мои губы. Когда я частила, он чуть заметно мотал головой, и я понимала, что ему непонятно. Приходилось останавливаться и повторять предложение снова. Наверное, здорово развивает терпение. То есть у тех, кому оно необходимо. Мне, в основном, было на все плевать, поэтому я не могла назвать себя нетерпеливой. Герхард кивнул, когда я закончила. Он сказал:

— Я попытался помочь одной бездомной женщине, но она оказалась гнездом для птиц.

Я решила не переспрашивать. Герхард улегся на траву, ткнул пальцем в небо.

— Мама и папа говорили, что это под землей. Но здесь тоже есть небо.

— Я думаю, это мир мертвых, — сказала я. — Как подземное царство.

— Мне говорили: не совсем. Это странный мир. Тут королевство людей, которые были до людей.

— И они поднимаются наверх, делают себе детей, а потом их

воруют?

Герхард пожал плечами, снова зачем-то указал на небо, но никак это не прокомментировал. Тогда я сказала:

— Я видела здесь кладбище. Я там очнулась.

Герхард повернулся ко мне, солнце сделало его глаза еще светлее, из-за сузившихся зрачков они казались почти незрячими.

— Потому что ты упала на кладбище. И очнулась там же. Я очнулся в птичьем саду.

Я кивнула, выходило логично.

— Я люблю кладбище, — сказала я неожиданно. Вряд ли он, конечно, был готом, но стоило проверить. Герхард сказал:

— Я люблю трогать разные вещи, надгробия тоже. Но люди мне больше живые нравятся.

Этого стоило ожидать. Впрочем я, насмотревшись на клубничное кладбище, тоже несколько порадовалась обществу живого человека. Мы с Герхардом были как-то связаны, у него была та же история, что и у меня, и я радовалась этому. Как сдавать экзамен, сидя за одной партой. Вопросы у каждого свои, но в одиночку было бы хуже. Я поднялась на ноги и протянула ему руку.

— Надо идти. Там еще две девчонки и один парень. Любишь девчонок?

Он пробормотал что-то мечтательное, но что именно я не поняла. Так что я сказала:

— Я всем говорю, что я лесбиянка, потому что я не хочу быть как все.

Нужно ведь было как-то завязать разговор. Нам предстояло идти вместе еще некоторое время.

— Но ты не можешь быть не как все, потому что все хотят быть не как все, как и ты хочешь, значит ты уже как все.

— Да ты философ, — сказала я мрачно.

— Я учился в коррекционной школе.

Я хотела было сказать, что в моей школе тоже было много дебилов, но шутка получилась бы слишком неприятная, а мне не хотелось его обижать. Некоторое время я просто рассматривала мир вокруг, а Герхард журчал что-то на своем мягком, не всегда понятном языке. Здесь было удивительно красиво, как в сказке. Я никогда прежде не видела ничего настолько потрясающего. Невероятные цвета, которыми переливался мир, удивительные бабочки, головки цветов, с любопытством обращающиеся к солнцу. Мне пришла дурацкая ассоциация: я будто оказалась в сердце драгоценного камня, где нет ничего, кроме красоты. Удивительные, пушистые, как сахарная вата, облака проплывали над нашими головами, а в кронах деревьев леса, лишь ненамного

отступившего от края реки, я слышала щебет птиц, по-особенному мелодичный, и иногда среди теней и веток мелькали яркие пятна крыльев. На ветвях деревьев я могла разглядеть плоды, крупные, красные, не то яблоки, не то гранаты. Вокруг них и вились птицы, слишком быстрые, чтобы можно было увидеть что-то, кроме беспорядочных мазков разноцветных крыльев.

Мы шли вдоль реки, и я любовалась. У меня было странное ощущение, будто я смотрела не на реальность, а не произведение искусства. Даже не в том смысле, что все было красиво — иногда реальность бывает прекраснее любой картины, иногда она бывает прекрасна настолько, что ее и описать толком нельзя. Все здесь было таким гармоничным, каким никогда не бывает в настоящем мире. Симметрия природе не свойственна, природа это хаос и случайности, а вот человек стремится придать ей порядка, классифицировать и уложить в заранее заданные категории. Это место было рукотворным, все здесь было создано человеческим разумом с его представлениями о красоте, основанными на природе. Не то чтобы мир казался упорядоченным, скрупулезно воспроизведенным. Нет, просто он был помыслен, а природу помыслить нельзя.

— У меня тут гениальная мысль, — сообщила я и поняла, почему с Герхардом легко. Я говорила ему все, о чем думаю и не переживала, что он поймет меня как-то не так или что-то не то обо мне подумает. Герхард улыбнулся, улыбка у него была удивительная.

— А какая?

И я повторила ему то, что думала про себя, слово в слово, хотя прежде я весьма трепетно относилась к собственным редким приступам размышлений. Куда больше чем думать, я любила есть, если уж говорить об удовольствиях, получаемых с помощью головы.

— Красиво, — сказал Герхард. — Мне понравилась та часть, где мир прекраснее искусства. Я люблю снег, но его нельзя передать красками. Это грустно.

А потом Герхард вдруг указал куда-то в сторону.

— Вот, здесь я очнулся, и все снова стало хорошо.

И я увидела то, что Герхард назвал птичьим садом. Название это имело свой смысл. На ветвях деревьев, как плоды, были развешаны золотистые и серебристые, тонкокостные клетки с вензелями, венчающими их. В клетках бесновались птички, они трепетали, щебетали, метались внутри металлического каркаса, так и не сумев смириться с неволей.

— Жутковато, — сказала я.

— Глубже в лесу они уже скелетики, — сказал Герхард. И все

же, несмотря на эти тревожащие детали, мир продолжал казаться мне удивительным. В какой-то момент я увидела разбросанные по траве, побелевшие от времени камни. Тропинка, на которой их было великое множество, уходила чуть глубже в лес. Там и должна была быть Констанция. Ее имя было неподвижно с самого начала, и я подумала — вдруг она без сознания или мертва?

Герхард сказал:

— Если наши с тобой родители — принцессы и принцы этой страны, то мы тогда кто?

— Мы — невинные жертвы данных в стрессовой ситуации обещаний.

Герхард нахмурился. А потом сказал:

— Ты винишь своих родителей.

— В этом — не особенно. Есть много других вещей, за которые стоило бы.

Мы вошли под сень деревьев, и сразу стало прохладно, и я поняла, как изнывала от жары до этой минуты. Я на секунду остановилась, ветви деревьев, как корона, сплелись над моей головой. Впереди лежал тесный, темный лес, изумительно очерченный, с оврагами и холмиками, и рощицами, куда пробивался свет. Белые камни на тропинке вели нас вперед. Мы пошли дальше, некоторое время молчали, а потом Герхард сказал:

— Привет.

— В смысле?

— Мы долго не общались, поэтому я решил начать разговор.

Я засмеялась:

— Привет!

— Назови три фильма, которые тебе нравятся.

Я задумалась. Я не была уверена, что мы в той ситуации, чтобы болтать, как ни в чем не бывало. Но мне хотелось ответить:

— «Ворон», «Звонок», «Змей и Радуга».

Мне всегда нравилась Темпл Грандин, в большей степени потому, что она была этологом, исследовала поведение животных, а мне нравились животные. Но еще она была аутисткой, у нее был синдром Аспергера или как-то так. В одном видео она сказала, что чтобы понимать животных, искусство и аутистов, нужно отказаться от вербального языка.

— Я не аутист, но мой папа — аутист — сказал Герхард, и я удивилась, потому что я не озвучивала своих мыслей. А потом я удивилась еще больше, потому что Герхард меня толкнул. Он выглядел безобидно, но был довольно сильным. Я полетела в овраг, и хотя посадка оказалась мягкой, я приземлилась на мховую подушку, я испугалась. Герхард спрыгнул следом.

— Ты охренел? — спросила я, но он приложил палец к губам. Я нахмурилась, хотела еще что-то сказать, но Герхард зажал мне рот. Сначала я подумала: он дурачок, может придушит меня сейчас. Умру в смерти. «Начало» для готов. А потом я поняла, зачем он это сделал, хотя и не поняла, как он узнал об этом за минуту. Прямо над нами ползла гигантская сколопендра. Нет, не та гигантская сколопендра, которая так называется, потому что она больше других сколопендр, а та, которая по-настоящему огромная и которой быть на земле не полагается. Она была ростом, наверное, с Герхарда. Такая длинная, с многочисленными острыми лапками, похожими на когти, непрестанно извивающаяся, будто была разделена на множество частей, каждая из которых была по-своему подвижна. Сочленения на ее лапках были заметные, и при ходьбе части ее острых лапок казались рассинхронизированными. Она была такой неправильной, я почувствовала — меня сейчас стошнит. Как в таком идеально-красивом месте могло быть что-то совершенное в своей отвратительности. Раздвоенное жало сколопендры, с мою руку от плеча до кисти, истекало чем-то вязким и прозрачным. Я смотрела на узкую, слепую голову, отростки на голове, за которыми когда-то, несколько эволюционных шагов назад, могли быть глаза, теперь явно были пусты.

Мы с Герхардом стояли неподвижно, я чувствовала, что он даже не дышал. Я не знала, реагирует сколопендра на движение или на звук. Ее разделенное на фрагменты черное тело дрожало. Я подумала, а что если сколопендра свернет к нам? Она такая огромная и, без сомнения, ядовитая. Казалось, кто-то дорисовал ее в этом прекрасном царстве. Как если посадить на картину Рафаэля огромного, мерзкого паука. А насколько острый у этого существа слух? Герхард стоял неподвижно, а потом вдруг потянулся вниз. Я увидела, как сколопендра замерла тоже. Она замерла неестественным, карикатурным образом — половина ножек застыли до соприкосновения с землей. Герхард поднял с земли камень. И я подумала, он что собирается швырнуть в нее камнем? Совсем что ли дурачок?

Но Герхард не совершал резких движений в сторону сколопендры. Я смотрела на нее. Я видела, что она вся замерла, однако жвалы оставались подвижными, будто сколопендра продолжала пожирать что-то невидимое. А я вдруг подумала: сколько в лесу таких?

Насколько быстро они могут меня убить?

Чем они вообще питаются? Может быть, они травоядные? Эта мысль едва не заставила меня засмеяться. А потом Герхард швырнул камень куда-то далеко вперед, и сколопендра,

среагировав на звук его удара о дерево, метнулась вперед. Она была невероятно быстрой, даже контуры ее смазались в пространстве, будто я смотрела на некачественную фотографию. Секунды не прошло, как сколопендра врезалась в дерево, она извивалась, взбираясь вверх и вниз. Она искала. Ее лапки оставляли длинные царапины на дереве, из них шел то ли древесный сок, то ли яд, оставленный железами сколопендры. Сколопендра совершала ритмичные движения — забиралась вверх и спускалась вниз, снова и снова, как будто это была особая сколопендра-аутист.

А нам оставалось только ждать. С такой невероятной скоростью она могла догнать нас в любой момент. Оставалось только ждать, уйдет она или же нет. Если не уйдет, мы обречены. Я смотрела, как сколопендра совершает свои подъемы и спуски, очень было медитативное зрелище. Это существо было так же отвратительно, как было прекрасно все вокруг. И в этом была своя эстетика. Нечто мерзкое и нечто прекрасное переплелись воедино. И сказочный лес стал домом для насекомого из кошмаров. Сколопендра, видимо, потеряла интерес к добыче. Она, неразумная и слепая, пошагала дальше своим удивительным, разбитым, разобщенным шагом. Я прижала руку ко рту, чтобы не засмеяться, а Герхард рядом глубоко вздохнул. Мы стояли, боясь шуметь. Она ведь могла вернуться, в секунду оказаться рядом. И что бы тогда было? Что бы убило меня — яд или когти? Или она просто откусила бы мне голову?

Я задрожала и, неожиданно для себя, поняла, что это существо, отвратительное почти до мучительности, кроме инстинктивного омерзения, вызывает у меня восторг.

Глава 6

Мы стояли долго, и мне уже стало скучно. Нельзя было говорить, даже закашляться было нельзя. Она еще была рядом, тварь такая ужасная, что зубы свело. Не то чтобы я к ней плохо относился, но есть такие вещи, которые делают нам плохо внутри. Такие вещи: зубной, войны, вид куриной кожи в супе, неестественно большие насекомые и раздавленные голуби на дороге. Есть и другие такие вещи, их много, но перечислять все не стоит. Людям становится мерзко, если их еда гнилая или в ней муха. Хотя мне становится мерзко от еды в любом случае.

Я посмотрел на Делию, она смотрела куда-то далеко, в лес, который был темным и поэтому я не понимал, зачем туда смотреть. Глаза у нее были яркие и блестящие. Иногда это значит, что людям что-то нравится. Я подумал: а вдруг ей нравлюсь я? Мне вот нравились ее темные косы, выбившиеся из сложной прически и что кожа ее была такая белая, что все вены казались особенно яркими. Интересно, что нравилось ей? Чем она жила? Кем она была? У нее было в жизни свое место, как у меня и всех других людей. Где было ее место и нравилось ли оно ей? Один раз мы с мамой и папой сидели в театре в первом ряду, и там оказалось очень громко, и я мало понимал, а еще я как бы видел не всю картинку, а только ее часть. Тогда я понял: иногда то, что считается элитным местом, может приносить неудобства. Вот как я узнал, что не все люди, которые кажутся нам счастливыми и успешными, на самом деле счастливы. Им может не подходить первый ряд.

Но про Делию не было понятно, в каком она сидит ряду. На ней была простая одежда и говорила она просто. Мне это тоже нравилось. Я помотал головой. Сосредоточиться было нелегко — здесь, в том месте, которое мама и папа называли Аркадией, ко мне часто приходили картинки. Стоило мне закрыть глаза, я видел что-нибудь из будущего. Сейчас перед моими глазами в чащу леса углублялась сколопендра. Она была подвижная и голодная, искала кого бы съесть. Я видел ее одну, и она уходила. Но сколько здесь таких было? Сколопендра оставляла за собой царапины на земле. Я увидел, как она проползает перед непрестанно жужжащим осиным гнездом, огромные, с мой палец, осы, хотя и не такие гигантские, как сколопендры, вились вокруг. Иногда они проталкивали в улей драгоценные камушки, я заметил красные и зеленые, наверное это могли быть разные камни, но я знал только рубины и изумруды. Интересно, подумал я, зачем им камни? Может быть, они делали осиный мед из

драгоценных камней. В отличии от обычных ос, этот рой был как солдаты в строю, они летали не хаотично, а как будто шеренгами. Это были полосатые, злые солдаты. Я никогда прежде не встречал таких ос, и они показали мне жутковатыми. Их жала переливались золотым. Наверное, осы здесь не просто осы, а наполовину насекомые, наполовину драгоценности. Аркадия была такая волшебная страна с радугами, хрустальной водой, птицами и цветами, как в книгах. Только вместо волшебных зверей, грифонов там или единорогов, тут были, наверное, гигантские насекомые. Наконец, я почувствовал, что сколопендра достаточно далеко. Тогда я сказал Делии:

— Извини, что я тебя толкнул.

Мне правда было неприятно ее толкать, но сколопендра могла нас съесть. Судя по тому, как я чувствовал время, именно сейчас она ползла под драгоценным роем. Делия зашептала:

— Ты думаешь она ушла?

— Я знаю, что она ушла, — сказал я. И подумал, что я точно как в фильмах. Стало приятно. Я добавил:

— Иногда вижу вещи.

Делия нахмурилась. Это была ее самая частая гримаса — внешне она казалась очень неприветливой.

— То есть, ты видишь будущее?

— Иногда вижу прошлое. Когда глаза закрываю, вижу некоторые вещи. Здесь это легко, как будто канал перестал барахлить.

— Значит, ты у нас волшебник.

— Не знаю. Но мы в волшебном мире, так что можно и так, наверное, сказать. А ты тоже волшебница?

Делия задумалась, потом пожала плечами.

— Я волшебно пробивала школу. Никто не мог меня запалить.

— Может, ты умеешь становиться невидимой?

Делия засмеялась и потрепала меня по голове. В «Касабланке» один парень сказал другому «это может быть началом отличной дружбы», но там была немного другая ситуация.

— Так мы можем идти, провидец?

— Да, — сказал я. — Если что-то изменится, я сообщу.

Но сказал я не как провидец, а как пилот. И мы пошли дальше. Тропинка была узкая, иногда она закручивалась петлей, иногда давала резкий поворот, но всегда была видна. Лес вокруг нас жил своей особой жизнь, которая была немного настораживающей. Резкие звуки, шелест, мелькающие тут и там цветные птицы, все делало нас нервными, и мы то и дело

оборачивались, ожидая увидеть ту мерзкую сколопендру, хотя я и знал, что она далеко.

— Как думаешь, что от нас хочет этот парень, который здесь король?

— Тут два парня, — сказал я. — Насколько я понял. Но я мог неправильно понять. Не знаю, мы же в фэнтези. Я читал фэнтези. Он хочет съесть наши души.

— Тогда зачем мы к нему идем, Герхард?

— Не знаю. А куда нам еще идти? Я, например, не хочу жить дикой жизнью.

И мы засмеялись. Никто до Делии не смеялся над моими словами. И хотя я не пытался пошутить (я редко шучу, потому что для этого нужно играть со своим голосом), мне нравилось, что я кажусь ей забавным. Она сказала:

— Я думаю, ему нужна наша кровь или что-то вроде того. Если ему были нужны наши родители, но он согласился на нас, тут что-то с кровью. Он ждал нашего появления здесь восемнадцать лет. Мы для него важны.

— Тогда мог бы проследить, чтобы здесь не ходила гигантская сколопендра, — сказал я. Щебетание птиц стало нестерпимо громким, и я посмотрел вверх. Над моей головой было большое, апельсиново-оранжевое солнце, вокруг которого кружили разноцветные птицы. Они танцевали какой-то свой танец и, казалось, что они окаймляют солнечный диск. Это было как на картине, но картина двигалась, цвета сменялись, и птицы путешествовали по кругу, а мне было интересно, зачем им это нужно. У земных птиц я такого поведения не замечал, но, наверное, подземные птицы были другими. Они кружили, и я видел, как золотой сменяется синим, и снова золотым, затем красным и зеленым, и все это были блестящие перья этих птиц. А потом они замерли, как орнаментальная рамка, и я заметил, что Делия тоже смотрит.

— Как красиво, — сказала она. Я кивнул, потому что был согласен, и мне тоже нравилось.

— А что они делают? — спросил я. Делия пожала плечами.

— Я о таком не читала. Ученые до сих пор не знают, как птицы, например, находят дорогу на юг. Есть гипотеза, что они ориентируются по магнитным полям. Но точно никто не знает. Может быть, здесь у птиц сбились эти ориентиры, чем бы они ни были?

— И они тогда будут кружить, пока не…

Но Делия закончила за меня:

— Да, Герхард. Пока не умрут.

В этот момент ей под ноги упала одна из золотых птиц. Глаза

у нее были мутные, перья золотые, а клюв широко раскрыт. Делия взяла ее на руки, и я тоже к ней прикоснулся. Она была очень горячая. Ее сердце билось быстро-быстро, но прежде чем я или Делия успели что-то сказать, оно дернулось как будто слишком сильно и остановилось. Напряженное птичье тело расслабилось, но остывать стало не сразу. Я почувствовал грусть — это было красивое существо и молодое. Делия сказала:

— Они все умрут.

А потом взяла палку и швырнула в птичий круг. Птицы разлетелись, но секунд через сорок снова собрались и принялись за старое. Делия сделала еще несколько попыток, а я знал, что это бесполезно. Некоторые танцуют, пока не умрут — так говорила учительница в школе. Но она имела в виду совсем другое — тягу к развлечениям в ущерб своей жизни. Она любила говорить так про мою одноклассницу Юханну, которая любила танцевать во время урока математики. Я ее понимал, мне тоже не нравилась математика.

Я потянул Делию за рукав, но она сказала:

— Что за орнитологическая «Долгая Прогулка»?

Я читал эту книгу, ее написал Стивен Кинг, но я решил, что сейчас не время говорить. Это была грустная книга, она была про смерть. Там много школьников шли вперед, пока не умрут. И умерли все, кроме одного. Я понимал, почему Делия говорит так про птиц. У нее в руках была первая жертва, но потом они все умрут. Я сказал:

— Пойдем. Если мы не можем понять, почему так, мы вряд ли сможем им помочь. Хочешь потом похороним птицу?

Но Делия только покачала головой. Она уложила птицу на камень, хотя надо было под камень, и мы пошли дальше. Ей было грустно, и мне тоже. Мы снова молчали, хотя нам было приятно быть друг с другом, а когда людям приятно друг с другом, он чаще говорят. Белые камни теперь встречались все реже. Мне не хотелось больше смотреть в небо, я чувствовал себя виноватым перед теми птицами, которые остались кружить вокруг солнца. Делия сказала:

— Как-то все неправильно тут устроено.

И я сказал:

— Мы просто к этому не привыкли.

Хотя я думал, что, наверное, все-таки это дурно. И Делия молчала, и ее лицо окончательно стало грустным. Я подумал, что она переживает за себя, но не отдает себе в этом отчет, поэтому ей нужно погрустить за птиц (это значит и за себя погрустить). Мне про себя было совсем не грустно, но я уже скучал по маме и папе. Сейчас было восемь утра, а значит они пили кофе на кухне

и обсуждали планы на день, намазывая тосты виноградным джемом. Скоро папа поцелует маму и отправится на работу, а мама будет целый час мыть две тарелки и две чашки, потому что всегда нервничает перед первым утренним клиентом.

То есть, это всегда было так, но сейчас было восемь утра, а меня нет дома и я неизвестно где. А значит, они плачут.

Только подумав об этом, я услышал чей-то тонкий, пронзительный и очень жалобный плач. Я в рыданиях разбирался — моя мама плакала сколько я себя помню. А мой папа плакал три раза, и все три раза потому, что думал, что я умер. В общем, по плачу я мог определить степень горевания его исторгающего. И сейчас я понимал, что кому-то совсем отчаянно плохо. А еще очень страшно.

И тогда я понял, что это непременно Констанция, потому что кому еще здесь плохо, если не тому, кто в незнакомом мире совсем один. Сколопендра, по-моему, вполне хорошо себя чувствовала. Хотя я не эмпат, если говорить о сколопендрах. Примерно так же выглядит мир моего отца, как будто все в нем сколопендры, перебирающие тонкими, острыми лапками, и хотя они говорят на его языке, он не понимает, когда сколопендры грустные, а когда веселые, хотя они умеют показывать это друг другу незаметными движениями, понятными всем другим сколопендрам. Мы с Делией шли на голос, и я только надеялся, что никто из лесных обитателей не делает то же самое. Я закрыл глаза, ожидая, что сколопендра пронесется в сторону Констанции, но увидел только белые, совсем седые от солнца ступени, и зимнюю куртку с пушистым воротником, лежавшую на них, портившую их древнюю величественность.

Зато я понял, что все спокойно. Я сказал Делии, куда нам повернуть.

— Но дорожка, — начала было Делия, а потом кинула взгляд на карту и задумчиво кивнула.

— Ну да, — сказала она. — Тебе карта не нужна.

Это правда. Мне карта была не нужна. Во-первых не очень-то я в картах разбирался, а во-вторых, я справлялся и без них. По крайней мере здесь. Мы пробирались сквозь чащу, и я мягко отодвигал легонькие и гибкие веточки молодых деревьев. Мы вышли на поляну в центре леса. Однажды там, наверное, была ухоженная трава, но сейчас она вилась, как ей хотелось. Ни одного дерева не было, но было множество роз, они разрослись и стали дикими. Было их так много, что приходилось пробираться сквозь них, и розы кололись. Делия выругалась сквозь зубы, розы явно не настраивали ее на романтический лад. Плач усилился, и я крикнул:

— Эй! Мы не причиним тебе вреда! Мы пришли с миром!

— Тихо ты, Герхард! Она подумает, что мы аборигены!

— Мы не аборигены, Констанция! Я просто странно говорю!

— У нее будут вопросы, откуда мы знаем ее имя!

— Если ты такая умная, сама все придумай!

— Уже нечего придумывать!

— Констанция, только не убегай!

Она сидела на ступеньках, но мы пока едва высмотрели ее за розами. Ступени были, кажется, единственным целым, что сохранилось от, наверное, высокой башни. Тут и там я видел массивные камни, такие же белые. Может, это и не время поработало над камнями, может они были такими изначально. Лестница сохранилась почти полностью, кое-какие ступени были сколоты, но она была узнаваема. Еще сохранились кое-какие осколки стен, которые заволокло розами и травой. Когда-то это место могло быть достойно принцессы, белоснежный камень и розы были тому подтверждением.

— В «Таро» есть такая карта, называется Башня, — сказала Делия. — Вот ее напомнило. Там молния разрушает башню, и люди летят вниз. Символизирует крушений иллюзий.

Мы, наконец, увидели ее, вывернувшись из хватки одичавших розовых кустов. Она была очень красивой, хотя совсем по-другому, чем Делия. У нее были пышные, светлые волосы, большие, покрасневшие глаза с радужницей, казавшейся еще более синей от слез, пухлые, дрожащие губы. Она была как литературный прием — дева в беде. И она мне сразу понравилась.

Констанция принялась тереть глаза, и мне стало ее еще жальче. Когда мы с Делией вышли, она перебралась на ступеньку повыше, будто боялась нас. И Делия сказала:

— Не ной.

А я сказал:

— Мы знаем, что тебе страшно. Нам тоже страшно. Мы в одной и той же ситуации. Нам с тобой одинаково.

Констанция отняла руки от лица, некоторое время она переводила взгляд с меня на Делию, потом прошептала что-то одними губами, я не понял этого. А потом сказала громче:

— Я не знаю, что бы я делала, если бы не нашла вас!

Она улыбнулась, и улыбка ее сразу же сделала совсем, просто окончательно красивой. Мы с Делией сели на ступеньки пониже нее. Кажется, она не сомневалась в том, что мы — друзья. Я бы тоже не сомневался, я вот про Делию не сомневался. Сложно представить, чтобы в таком месте люди выглядели так же, как в Стокгольме.

Я заметил, что под милым, легким платьем в крохотный

цветочек у Констанции совершенно содраны коленки, и еще синяки были у нее на руках. И я спросил ее:

— Ты сильно упала?

Она кивнула, хотя вопрос был такой глупый, я это только задав его понял.

— Я очнулась на лестнице, — сказала она. — Очнулась, а здесь — здесь лето, и странные птицы, и синяки, и я боялась даже двинуться. Я думала, я сошла с ума.

— Может быть, — сказала Делия. — Но тогда мы тоже. Возможно, все мы сейчас укатаны в психушку, или у одного из нас онейроидный синдром, и он выдумал всех остальных. Каждый из вас думает сейчас, что это он настоящий, но на самом деле мы все можем быть гранями одной личности.

Звучало мудро и очень запутано. Я сказал:

— Но, наверное, мы в другом мире. Мы так поняли. Я точно убедился, когда увидел гигантскую сколопендру.

Лицо у Констанции стало совсем грустное и беззащитное. Так я понял, что сколопендры ей не нравятся. И она снова заплакала.

— Не ной, — повторила Делия. — У нас есть карта. Мы придем в какой-то замок и что-то там порешаем.

— В какой? Что? — спрашивала Констанция. А я сказал:

— Родители рассказали мне историю про короля-похитителя людей.

И неожиданно Констанция сказала:

— Мне тоже. Но я думала это их наркоманский бред!

Наверное, у нее была очень тяжелая жизнь, я протянул руку, чтобы погладить ее, но она вздрогнула. Тогда я погладил воздух над ней. Я сказал:

— Не переживай, я могу видеть будущее, пока нам ничего не угрожает.

— Но я хочу домой!

Делия хмыкнула:

— Ага, а я хочу, чтобы меня трахнул Бела Лугоши.

Кем бы ни был Бела Лугоши, ему повезло.

Делия почесала нос, сказала:

— Короче, нет у нас особых вариантов, кроме как сойти с этого места и попробовать перетереть с тем, из-за кого мы здесь оказались.

— То есть, — сказал я. — Есть вариант жить в лесу и одичать, но тебе он ведь тоже не понравится, да?

Делия засмеялась. Странно, у нее была классическая, изнеженная и хрупкая красота, а повадки казались даже грубыми. Это было здорово, такая запоминающаяся деталь.

— Так тебе тоже говорили про то, что ты обещана какому-то

мужику? — спросила Делия.

— В качестве принцессы, — пояснил я.

— Волшебному мужику с той стороны земли, — шмыгнула носом Констанция. А потом улыбнулась. Кажется, мы правда ее немного развеселили. Она сказала:

— Я в это не поверила и поехала домой. А потом увидела свою мертвую первую учительницу и упала с лестницы. То есть, лестница упала.

— Я видел бездомную, она, наверное, тоже мертвая была.

— И я видела мертвого человека, — мрачно сказала Делия. Хотя, судя по ее виду, ей должно было такое понравиться. — Так что я думаю, что наш дед — повелитель мертвых. Аид гребучий.

Она смешно сказала, я улыбнулся и встал, прошелся вверх по лестнице, осторожно и мимо Констанции. Она проводила мне взглядом.

— Ты куда? — спросила она. У нее была интонация точь-в-точь как у одной из моих учительниц. Я ответил:

— Смотреть.

И это была правда, потому что я не люблю врать. Я замер на том месте, где лестница заканчивалась, но пол не начинался. Я хорошо представил, как люди входили в эту башню и выходили из нее, но осталась только лестница, сколотая, как плохо вырванный зуб. Я закрыл глаза, чтобы солнце сделало красивыми звезды моих сосудов, это меня успокаивало, но я увидел совсем другое. Красивая молодая женщина, очень похожая на Делию, только светлая-светлая блондинка, еще светлее, чем Констанция, стояла передо мной. Башня была белоснежной, в ней не было ничего, что нарушало бы ее безупречную, стерильную белизну. Наверное, потому что здесь вообще больше особенно ничего не было. У самого входа, чуть дальше от места, где я стоял, располагался каменный, белый стол, как алтарь в фильмах про волшебство, а дальше струилась винтовая лестница, которая, наверное, вела в хотя бы чуть менее белое место. Было очень светло, потому что никакой крыши не было, солнце свободно заглядывало внутрь, и все освещало. Женщина с красивым, надменным и каким-то настолько, что глазам больно совершенным лицом (я понял, как могла бы выглядеть Делия, если бы не была такой грубой) раскладывала на столе странные вещи. На ней было длинное, красное платье, струившееся по ее телу, как волна. Все вещи на абсолютно белом фоне были очень яркими. Я увидел: нож, пустой осиный улей, четырех мертвых ос, чашу, золотую и, наверное, очень тяжелую. Все эти вещи, как солдаты стояли, словно ожидая ее приказа — так ровно, так торжественно. Женщина стояла над ними, ее лицо выражало

какую-то странную, голодную сосредоточенность. Такое лицо бывало у Лизы в самом разгаре наших занятий любовью. Женщина вдруг улыбнулась, и улыбка у нее была хищная, не похожая на улыбку Делии. Женщина запустила тонкие белые пальцы в хрупкую стену улья. Она, будто персик, разделила его напополам. Я увидел, как в сотах копошатся жирные, белые личинки, а наряду с ними лежат и разноцветные драгоценные камни. Ногти женщины скользили в соты улья, выуживая камни, иногда ее тонкие пальцы давили личинок, легко и чувственно, как зернышки граната. Она делала это просто так, из развлечения, так сытая кошка убивает мышей. Когда все камни покинули свои гнезда, она смахнула остатки улья на край стола — разоренного, переполненного крохотных осиных детей, умирающих от голода, улья. Камни, лежавшие перед женщиной были самые разные. Наверняка, и сапфиры, и рубины, и изумруды, и бриллианты. Точно я не знал, они просто были очень красивые и разных цветов. Женщина перебирала их, как ведьма перебирала бы руны, а потом взяла в руки нож. Он был длинный, очень острый и, наверное, на толстую спицу походил даже больше, чем на нож, но рукоятка у него была массивная, как у кинжала.

Женщина занесла руку над первым из камней, и спица пробила его, как пробила бы яйцо. Я увидел, как на поверхности, усыпанной сколотыми синими крошками, выступила вязкая, бесцветная капля. Осиный мед, как я и думал. Женщина спустила его в чашу. Она разбивала камни снова и снова, а я даже не думал, что рубин, например, можно разбить. Наверное, это были не совсем земные камни. Они валялись теперь пустые и не нужные, хотя все такие же красивые, а чаша наполнялась медом. Женщина облизала липкие пальцы, и выражение ее лица на секунду стало блаженным. Она снова открыла глаза, синие, как осколки камня, который она распотрошила. Осиные дети копошились в останках улья, а их еда плескалась в чаше. Женщина взяла чашу, двумя руками, как величайшее сокровище. Мне всегда представлялось, что с таким благоговением матери держат младенцев, потому что знают цену жизни. Женщина стала подниматься по лестнице, и когда я увидел, что ее платье оставляет за собой алый след, я понял, что оно не красное, оно какое угодно, но покрыто кровью. Женщина преодолевала ступень за ступенью, а я думал, что она, наверное, злая королева. На ней не было короны, но у нее были соответствующие повадки. Я и не сомневался, что она — мать Делии. И мне было любопытно, кем были мои родители. Как они могли бы выглядеть здесь и чем заниматься, я не мог представить их в этом сказочном и

страшном мире. Я следовал за женщиной, как тень, как призрак. Она вошла в покои, такие же белые, как и все здесь. Кровать, укрытая плотным белым балдахином, явно принадлежала ей самой. Я не знал, почему я так думаю, это было очевидно, как некоторые вещи, о которых почти не думаешь, потому что они очень простые.

Женщина поставила на белый стол чашу, так ярко выделявшуюся на фоне его белизны и белизны стен вокруг. Так же ярко выделялись и кровавые следы, оставленные женщиной. Она откинула балдахин, и я увидел сколопендру. Наверное, это была не та же самая сколопендра, а какая-нибудь другая, но для меня они все были на одно лицо, вернее, наверное, морду. У сколопендры было вспорото брюхо, и она сучила в воздухе острыми лапками, наверное, страдая от ужасной боли. Женщина смотрела на существо без жалости, не как врач. Глаза ее были полны любопытства.

— Я излечу тебя, — сказала она. — Взамен ты будешь служить мне.

И я удивился, неужели она думает, что сколопендра понимает ее язык. Но ей было, вообще-то, виднее. Сколопендра извивалась, и мне открывалось ее вспоротое брюхо. И я увидел кое-что, от чего меня бы стошнило, если бы я не состоял полностью из своего сознания сейчас. Внутри у гигантской сколопендры были человеческие органы — я видел сердце, видел блестящие кишки, они были такие же, как у людей в фильмах (настоящих я не видел). Сколопендра непрестанно дергалась, больше ничего человеческого в ней не было. Женщина запустила руку в чашу, ее пальцы были покрыты липким медом, и она смазала им жвалы сколопендры, чувственно, как смазывала бы губы любовника, наверное. А потом она начала лить мед на ее вспоротое брюхо. И я увидел, как он смешивается с кровью, становясь розовым, как клубничный сироп. Я увидел, как схватываются края раны, и это было прекрасно. Я никогда не видел, как жизнь побеждает смерть, и мне нравилось смотреть на это, хотя было и немного противно. Но теперь не тошнотворно, потому что боль существа утихала. Сколопендра не переставала извиваться, а женщина говорила, к счастью, говорила она медленно. Видимо, у нас со сколопендрой был один темп восприятия.

— Неси весть во все концы Аркадии. Я буду даровать вам жизнь, а вы помните мое лицо и служите мне.

Она перехватила сколопендру за одно из острых жвал.

— А не то, — и в ее лице мелькнула жестокость, которая ей самой доставляла удовольствие. — Я ведь могу и забрать свой

подарок.

А потом я услышал голос сколопендры — человеческий голос, иногда прерываемый визгом. Я не понял, что она говорила, извиваясь и визжа, но мне показалось, что в потоке звуков мелькнули слова «собирательница меда».

В этот момент я услышал еще один голос, захотелось закрыть уши, всего было слишком много.

— Герхард! — звал кто-то, и я с трудом открыл глаза. Надо мной сидела Констанция, а я, наверное, лежал.

— Ты упал, мы думали ты умер, — сказала Делия, голос ее доносился издалека.

— Извините.

— Голова болит? — спросила Констанция. Я пожал плечами:

— Вроде нет. Не волнуйся. Глупее я уже не стану.

Я помолчал, а потом добавил:

— Я видел, какая башня здесь была раньше.

— Какая? — спросила Констанция. И я ответил:

— Белая.

— Гений, — хмыкнула Делия. Она была скептичная, но у нее это получалось как-то совсем не зло.

— И там жила твоя мама.

— Откуда ты знаешь мою маму?

— Вы похожи, как две капли воды.

Мне не хотелось, чтобы Констанция уходила, поэтому я решил не вставать. Я рассказал им мое видение, и Делия нахмурилась. Вряд ли ее мама и в Стокгольме приручала сколопендр, но что-то показалось ей знакомым.

— Значит, она и правда была здешней принцессой.

— Больше было похоже на лекаря, — сказал я. — Или на ведьму. Скорее на ведьму.

— Хорошо, принцессой-ведьмой, зануда.

Я решил, что не нужно испытывать терпение Констанции и поднялся. Она все еще была взволнованной, но у меня ничего не болело. Я об этом сказал. А Делия сказала, что Астрид и Адриан, которых мы еще не знаем, нашли верное направление. Нам нужно было их нагнать, и мы пошли дальше, решив срезать путь через лес, чтобы достичь второй реки, огибавшей замок.

Мы долго не говорили о моем видении, потому что никто не знал, что сказать, и только у Делии был вид заинтересованный и опасный одновременно, роднивший ее с мамой. Наверное, она была зла. Наверное, ее родителям стоило сказать ей, что они принц и принцесса из другого мира. Но мои родители сказали мне все, как есть, и я все равно был здесь. Родители Констанции тоже все сказали, но она им не поверила. Так что какая разница,

могли бы даже и смску написать, тот же был бы результат. О таких вещах сложно говорить.

Лес стал реже, и теперь кроны деревьев пропускали больше солнца, мне от этого стало легче, как будто и у меня внутри света стало больше (люди так и говорят: светло на душе). Констанция шла чуть позади нас. Она с сомнением рассматривала все вокруг.

— Ты не сошла с ума, — сказал я.

— С чего ты взял, что я об этом думаю? — спросила она чуточку раздраженно. Я пожал плечами, мне не хотелось отвечать, потому что я не знал ответа.

Наконец, леса совсем не стало, и мы вышли за его границу, на большую поляну, где я видел только редкие кустики с толстыми ягодами. А потом я увидел нечто такое, чего никогда не знал прежде. И если о сколопендрах, цветах и птицах, о лесах и небе, я представление имел, то того, что оказалось перед моими глазами и представить не мог. Наверное, это можно было назвать рекой. На карте это явно было рекой. Но берега сжимали не воду, а течение вечного света, золотого, искрящегося потока. В нем, я видел, всплывают белые, прозрачные, будто перистые облака, субстанции, отдаленно напоминающие человеческие силуэты. Они путешествовали с течением реки, волны золота омывали их, и я знал, это человеческие души плывут по Великой Реке. Я знал, что очень немногие видели когда-либо такое. Знания эти просто пришли ко мне, и это нельзя было объяснить себе даже прозрением. Будто я и сам, прежде всего в моей жизни, плыл по великой реке. И я знал, что она пересекает всю Аркадию, извиваясь и петляя между лесов и полян, а начинается она в месте, где высоко и холодно, и всегда идет снег, и там уже все определено. Никогда я не видел ничего красивее, потому что это было самой жизнью, и всей магией в ней. Золотой свет был тем, что позволило нашей Вселенной появиться на свет, а большинству из нас позволяет дожить до старости. Магией, которая в нашем мире всего лишь случайности и везение, а в этом мире — сила, которой можно владеть. Я остановился и стоял, и не мог отвести взгляда. Я смотрел на Вечную Реку, Великую Реку, по которой плыли души будущих новорожденных в мир. И я не прикасался в самому таинству жизни и магии на земле прежде, и сейчас бы не прикоснулся, потому что оно было свято. В этом золотом свете было все самое прекрасное, все, что я любил: и лето, и все люди, и цветение цветов, и смешные вещи, которые приятно трогать, и голос Лизы незадолго до разрядки, щелчки шариковых ручек, и мои друзья, и мамины духи, и мамины прикосновения, и папин голос, и вся любовь, которую они мне дали.

Как все сияло.

Глава 7

И я закончила рыдать, и решила не начинать больше. Я не думала, что смогу делать еще хоть что-нибудь, глаза опухли из-за слез, но так было даже лучше. Я не сказала Герхарду и Делии отчего я плачу. Причин было много: я боялась, что не вернусь домой, мне хотелось в университет, а потом в Америку, я винила себя за то, что не послушала родителей, синяки болели, и я совершенно не знала, куда идти. Но было и еще кое-что, то, о чем не пожалуешься друзьям. Перед моими глазами пролетали цифры, теперь это была не метафора. Стоило зафиксировать на чем-то взгляд, и я видела, из чего оно состоит и какие силы действуют на него сейчас. Смотря на Герхарда и Делию, я видела, как под их кожей бьются капилляры, наполненные кровью, я знала сколько ударов в минуту совершают их сердца, видела биохимию их крови. Я была совершенно уверена, что я сошла с ума, но это было уже неважно, ведь я была в сумасшедшем мире.

Только очень болела голова. Никогда прежде я не испытывала головной боли такой силы, это было хуже, чем мигрень, в мозгу будто раскалялись тысячи иголок, и слезы сами лились, против моей воли, а Герхард и Делия считали меня, наверное, самой нелепой и бесполезной спутницей на свете.

Но я правда могла только плакать.

Со временем становилось легче. Тысячи иголок превратились в сотни, и я подумала, что меня сейчас стошнит. Так я поняла, что снова могу испытывать что-то, кроме боли в голове. Цифры тоже отступили, будто пришла фаза отлива, и они схлынули куда-то в океан мироздания, из которого пришли. Я поняла, что могу вызвать их по своему желанию, поняла, что это просто. Как двинуть рукой или сказать что-нибудь. Естественная часть меня, моего разума. Страх ушел. Я смотрела на Герхарда, пока он не пришел в себя. С легкостью считав все его жизненные показатели, я захотела узнать о нем больше. Я смотрела на его красивое лицо, удивляясь тому, как он удачно упал, ничего себе не сломав. Спустя секунду я уже знала о нем все. Сенсорная алалия, следствие изначальной патологии развития зоны Вернике, не травма. Еще несколько мелких органических недостатков, интеллект сохранен, эмоционально-волевая сфера нет. Мне стало очень неловко, будто я заглянула в его медкарту. На самом деле я заглянула даже глубже, я, как на снимке МРТ видела его мозг. А потом он открыл свои неестественно светлые глаза, и я смутилась, может даже покраснела. Я не хотела ему и Делии ничего дурного. Наоборот, в одночасье они стали мне ближе всех

на свете. Никогда прежде я не испытывала столь бурной радости, даже гости на дне моего рождения вызывали у меня меньше восторга.

Я была не одна, были они, такие же как я. И они ничего не понимали. Мы шли, и хотя мне не особенно хотелось говорить, я хотела держаться поближе к ним. Делия была неприветливая, но по-своему обаятельная. Она и Герхард держались так спокойно, словно для них это была легкая прогулка. Они со смехом рассказывали про сколопендру, Делия только раз казалась грустной, когда Герхард пересказывал видение про ее мать. Мне в него поверилось охотно. Это была чужая мать, которая могла оказаться кем угодно, хоть принцессой далекой страны, хоть ведьмой и повелительницей гигантских насекомых. А вот мои родители не могли быть кем-то таким. Я знала их, нашу квартирку на окраине Стокгольма, папины руки, перебирающие струны, мамины приступы, во время которых она билась головой о кафельные стены в ванной, психиатрические больницы, вечеринки, концерты, таблетки — все что было связано с ними было таким земным, иногда разнузданно веселым, а иногда безысходно грустным. Но все это всегда было про Стокгольм и реальный мир, холодный, серый и очень логичный. Люди, которым нравится развлекаться — развлекаются, ты не добьешься в жизни ничего, если будешь лениться, и никаких сказок.

Я не могла представить их здесь, я не верила, хотя и понимала, что они говорили правду.

А потом я увидела Великую Реку, и все встало на свои места. Моя жизнь раскрылась передо мной, как цветок, и я смотрела, как истекает свет. Я видела, откуда я пришла и куда я уйду в самом конце, и это было прекрасно. Я видела все, и мне не нужны были никакие цифры. Магия впиталась в эту землю, как земля впитывала воду, она впитала и великую силу, заставляющую мир быть. Оттого, здесь всегда было лето, оттого здесь было так чудесно. Я, перепуганная и несчастная, вдруг успокоилась и смотрела, как солнце протекает передо мной. Я знала, что к этой реке нельзя прикасаться, я знала, что это просто запрещено, не понимала почему, но табу работало, мне не хотелось подходить ближе. Я подумала, что буду как Икар, и свалюсь далеко вниз, если попытаюсь прикоснуться к солнцу. Оставалось только смотреть. И я смотрела, но глазам не стало больно. Этот свет не ранил. И я почувствовала, что голова больше не болит. Я ощутила, что ничего больше не болит, даже испугалась сначала, что умерла. Но умерли эти люди, призрачные силуэты которых сплавлялись вниз по реке. Здесь уже не различить было лиц, но я знала, чувствовала, что у истока реки, в месте полном снега,

высоком-высоком, люди еще помнят себя и на себя похожи, а там, куда впадает река, их тонкие силуэты, состоящие из эфира или дыма, уже не имеют никакой формы.

Я сказала:

— Невероятно.

Я посмотрела на Делию и Герхарда, золото реки плясало у них в глазах. И я подумала: они ведь оба сказочно красивые. Как будто это такая порода.

Делия спросила:

— А вы тоже подумали про всякую хрень вроде перерождения?

— Очень сакральный момент, — сказала я. А Делия сказала:

— Типа того.

И мы еще долго стояли, не смея шевельнуться. Я прежде никогда не переживала ничего подобного. И я подумала: а ведь ради такого можно умереть. И я поняла солдат, которые во время Крестовых походов, отдавали жизнь за Иерусалим, которого прежде никогда не видели. Золотые пески пленяли их точно так же, как пленили меня золотые воды.

Герхард молчал, думал о чем-то своем, и почему-то я пожалела, что не могу прочитать его мысли. Он заметил мой взгляд, хотя не оборачивался ко мне и казался полностью увлеченным рекой.

— Если умру теперь, не так сильно расстроюсь, — сказал он. И я засмеялась, хотя он явно не хотел шутить. Вышло неловко, и я, с трудом отведя взгляд от реки, отошла.

— Мы должны найти этих ребят, Астрид и Адриана.

Они, по крайней мере, не были одни. Мне хотелось увидеть их, и в то же время я уже ревновала к ним, будто наша уютная троица могла стать куда менее гармоничной пятеркой.

Мы еще некоторое время шли вдоль Великой Реки, и я старалась не смотреть на нее. Я подумала: а ведь можно было уставиться на этот вечный свет, и больше никогда и ни о чем не заботиться. Можно было стоять так до самой смерти, и это была бы счастливейшая из жизней.

— А где они сейчас? — спросил Герхард.

— Остановились. Мы не так уж далеко.

Делия сложила карту и убрала в карман. Она сказала:

— Спорим, тут даже курево негде купить. Никогда не хотела попасть в рай.

— Я думаю, если рай и существует, он должен выполнять желания праведников. То есть, для тебя в раю должны быть сигареты.

— А зал для курящих там есть, Герхард? — спросила Делия.

Герхард задумался, он выглядел очень серьезным, будто решал какую-то проблему на работе, за которую ему платят огромные деньги. Наконец, он сказал:

— Я уверен, что есть. Может быть там сидят грешники из некурящих. Хотя я думаю, что все должны попасть в рай.

— Даже Гитлер? — неожиданно спросила я. И хотя мне казалось, что Делия с Герхардом забавляется, и я это не одобряла, мне вдруг стало интересно.

— Настоящий рай, это место, где все люди вместе, и все прощено и забыто. Рай будет сложно устроен, потому что люди сложные.

Мы дошли до моста на светлой рекой. Мост был каменный, изгибавшийся полукругом, как в сказке. Под таким мостом хорошо бы жить троллю. Я вступила на мост, ощутив теплоту камня под ногами даже сквозь подошву сапог. Мост над Вечной Рекой, наверное, грелся от ее света. Я обернулась, Герхард снова смотрел на реку, походка у него была расшатанная, немного пьяная. Делия выглядела недовольной. Инстинктивная часть ее восторгов золотом, текущим под нами, поутихла, и теперь Делия выглядела очень мрачной, озаренной великим светом девочкой-готом. Она шла, засунув руки в карманы, и делала вид, что ей абсолютно все равно. Она показалась мне даже очаровательной, и мне стало интересно, подружимся ли мы. Я первой обогнула мост, спустилась. Передо мной открылась ненадежная лиловая ласка вересковых полей. Легкий ветерок колыхал цветы, как волны, и они клонили свои головы, обнажая зелень под ними, а потом, гордые и непокорные, вскидывались снова. Пахло самым одуряющим, пьянящим образом. Фиолетовая дымка цветов над полем зашлась в судорогах от особенно сильного порыва ветра. На холме я увидела замок, изумительный замок, как на открытках, как в фильмах, такой, каким я в детстве себе представляла свой дом, играя с папой в принцессу и ее шута. Будто бы образ вырвали точно из моего воображения, даже окна были такими, какими их представляла я — высокими, стрельчатыми, с разноцветными витражами, сквозь которые дробилось солнце. А потом я вдруг поняла, откуда я взяла образ этого белого замка посреди вересковых пустошей, откуда эти высокие башни, откуда пухлые донжоны, белоснежные крепостные стены и подвесной мост через небольшое озеро. Это ведь папа рассказывал мне, так вдохновенно, какой у меня замок на самом краю мира. Он описывал высокие, ребристые шпили башен, описывал витражи на окнах, описывал, как волны на озере, в особенно ветреный день, играют с кувшинками. Он описывал это место, и он не врал, когда говорил, что я — его

принцесса. Замок окружали внушительные крепостные стены с зубчатыми верхушками, напоминающие о громоздком и монументальном романском стиле. В этой ракушке из камня, как жемчужина, таилось в окружении донжонов основное здание — высокое, по-готически устремленное вверх и тонкое, четыре башни, каждую из которых я помнила, утыкались в самое небо. Казалось, еще чуть-чуть, и они проткнут его, как мыльный пузырь. Я помнила все эти башни, я помнила даже переднюю справа, которая была моя. И я подумала, что и теперь она моей станет. Папа в мельчайших подробностях описывал мне весь этот замок, его устройство, его сказочную и скорбную белизну. Описывал даже лебедей в озере, которых я отсюда еще не видела, но была уверена, что они совершают свой моцион вокруг озера, вскидывая царственные головы к солнцу в зените. Папа описывал все, но он никогда не говорил, что у замка не было крыши. Это не выглядело так, будто замок разрушен или недостроен. Скорее будто кто-то аккуратно, как снимают ножом слой масла, удалил самые кончики башен и донжонов, и замок был открыт всем ветрам, а шпили башен, как обглоданные кости, торчали прямо из внутренностей замка.

Оглушал и пьянил меня запах вереска, запах тоски по тому, как уходит лето.

— Ух ты! — сказала я. Обернувшись к Герхарду и Делии, я указала на замок.

— Папа описывал мне его.

— Тогда, может, ты знаешь ту пятилетнюю девочку, которая в нем живет? — спросил Герхард. Это можно было бы назвать удачной шуткой, если бы его голос не был абсолютно серьезным. Делия не удостоила замок ни единым словом, но я видела гримасу отвращения, исказившую ее лицо, а густо накрашенные глаза блеснули комментарием, который так и остался неозвученным. Я даже обиделась. Мои детские мечты оказались поруганы. Я сложила руки на груди, а потом спросила:

— И где тогда эти ваши Астрид и Адриан?

В этот момент я услышала визг, не принадлежавший ни Делии, ни, безусловно, Герхарду, даже, казалось, не принадлежавший человеческому существу. Кто-то выскочил из-под моста, как обещанный декорациями тролль и, чем черт не шутит, возможно им и являлся. Меня повалили прямо в вереск, в нос мне еще сильнее ударил запах горечи и меда. Я подумала, что за этим ударом, почти приятным, воспоследует еще один — последний в моей жизни. В сердце или в горло, подумала я, только бы быстро, вот бы даже ничего не понятно. А потом я поняла, что это не гигантская сколопендра и не тролль из-под

моста. А потом мне врезали по щеке.

— Не визжи!

И только тогда я поняла, что визжала. Стало стыдно. Я услышала:

— Не двигайтесь, а то мы ее убьем!

Голос принадлежал какому-то парню, который явно не испытывал от происходящего никаких неудобств. Мозг работал странно, сначала я услышала этот голос — спокойный, красивый, по-своему мелодичный, и даже им восхитилась, и только потом смогла сфокусировать взгляд на том, кто все это время был надо мной и казался мне темным пятном. Во-первых, это была она, а во-вторых, она очень ловко прижимала меня к земле, так что вывернуться не было никакой возможности. Я никогда не слыла агрессивным ребенком, а уж для девушки драться было бы просто ненормально. Но сейчас я пожалела о недостатке опыта, все мои попытки выбраться были исключительно инстинктивными и малоуспешными подергиваниями. Кроме того, вернулась боль в голове, перед глазами высыпали, как черные мошки после бессонной ночи, цифры. Я видела все, от гаплогруппы ее ДНК до показателей кровяного давления в настоящий момент, и ни на чем не могла зафиксировать сознание. Разве что, визжать прекратила, чем уже вызвала у себя уважение. А потом среди цифр мелькнули буквы, они сложились в имя, которое тут же сорвалось у меня с губ:

— Астрид!

И только когда она отстранилась, я поняла, что ничего особенно опасного и не происходило, она только стукнула меня, но и это было не больно.

— Ты откуда знаешь мое имя?

— Не двигайтесь, — добавил парень, приятный голос которого я услышала во второй раз, без сомнения это был Адриан. — Она — зверюга, перегрызет вашей подружке горло в любой момент.

— Зачем ты на меня напала? — спросила я. Я приподнялась, села и сложила руки на груди. Астрид быстро встала, потом сорвала стебель вереска, принялась потрошить цветок.

— На всякий случай. Мало ли, вдруг тут надо убивать, как в «Королевской битве». Или это матрица, и вы — иллюзии. Или…

— Она просто нервничала, — сказал Адриан. Я посмотрела на Астрид с обидой. Она была клубнично-рыжая, бледная и спортивная девушка с блестящими, голубыми глазами — очень милая и в то же время, этакая повзрослевшая Пеппи Длинный Чулок, презревшая лифчики и правила вежливого знакомства.

— Мы заметили, что вы идете, — буркнула Астрид. — С чего

бы нам доверять вам?

Только сейчас до меня дошло, что Астрид и Адриан говорили на датском. И тогда я их вспомнила. Это Астрид я задела в клубе, она прикрикнула на меня, а Адриан пытался флиртовать со мной. Смуглый, изящный южного вида парень, взглянув на него, я сразу его узнала. Я запомнила его куда лучше, чем Астрид, потому что он больше меня смутил.

— Я — Констанция.

Вышло довольно неприветливо, но я могла не волноваться. Абсолютно все, что я могла бы сказать было вежливее, чем нападение из-под моста.

Делия сказала:

— Я — Делия. Неприятно познакомиться.

А Герхард сказал:

— Добро пожаловать. Я — Герхард.

— О, — сказала Астрид. — Ты умственно отсталый, да?

Она повернулась к Герхарду безо всякой неловкости передо мной и перед ним. Герхард покачал головой, даже не сказал ничего.

В этот момент карман на брюках Делии вспыхнул, она завизжала, и они с Герхардом принялись пытаться затушить огонь, довольно нелепо и комично.

— О, вероятность этого была крайне мала, — сказал Адриан. Он повернулся ко мне, и я с честью выдержала его взгляд. У него были темные, внимательные глаза и блуждающая улыбка.

— Констанция, я не ослышался?

— Да. Если ты сейчас скажешь, что это красивое имя, я навсегда потеряю к тебе уважение.

— Но это красивое имя, — сказала Астрид. — И ты, в принципе, ничего.

— Извини, я должна потушить свою подругу.

Я бросилась к Делии, но к тому моменту, как я оказалась рядом, спасать уже никого не требовалось. От Делии пахло паленой тканью, и она выгребала из остатков кармана пепел, в который превратилась наша карта. И я поняла: путешествие закончено, карта больше не была нам нужна.

— Спасибо за помощь, — буркнула Делия.

— Мы предпочитаем не вмешиваться, если точно не знаем причин и последствий произошедшего.

— Трусливая позиция, — сказал Герхард. И я поняла: мы друг друга не любим. Мы втроем против Адриана и Астрид. И у них явно было преимущество — они знали друг друга прежде. Я думала, что они встречаются, поэтому очень удивилась, когда Астрид начала:

— Мой брат вообще-то не хочет ссориться. И я не хочу. Мы просто растерялись. Мы вынырнули из озера, успели сходить в лес, вернуться из леса, потому что он какой-то стремный и посчитать, что у нас поехали крыши.

— Я предполагала, что умерла или сошла с ума, — кивнула Делия с таким видом, будто всю жизнь только этого и ждала.

— Да, но нас это не так обрадовало, — хмыкнула Астрид. Странное дело, они с Адрианом оба тоже были красивее большинства людей, которых я встречала. Либо это был мир, в который попадают только очень красивые люди, либо совпадение, вероятность которого была минимальной. Как только я мысленно задала этот вопрос, цифры и буквы снова высыпались на меня, будто кто-то вытряхнул мешок знаков прямо с неба. Рядом с каждым, я видела, стекали вниз, как титры, названия генов. Я закрыла глаза, но данные никуда не исчезли. Тогда я стала смотреть. Взглянув на свою руку, я увидела и информацию о собственной наследственности. Наверное, обладая этой информацией я смогла бы за пару дней или даже часов, прийти к каким-то выводам — в естественных условиях. Но сейчас мысли скользили сами, я даже не слишком осознавала этот процесс. Не решение задачи, а обезличенная информация, которая не несла в себе и следа моего собственного разума. Но я знала, я все знала. Или, может быть, я знала все, что захотела бы знать. По всему выходило, что мы — родственники, кузены. Причем по двум линиям сразу, будто, к примеру, наши матери были сестрами, а наши отцы — братьями. Я могла бы пожелать узнать, как обстоят дела в действительности, но мне не хотелось углубляться в ряды знаков сильнее, казалось, в них легко потеряться. В этот момент я услышала щелчок, но взгляд сумела сфокусировать не сразу.

Герхард сказал:

— Тебе нужна помощь?

— О, нет, я просто задумалась, — улыбнулась я. Герхард выглядел взволнованным. Он помотал головой.

— Надолго.

— Да, девчуля, ты уже здесь десять минут втыкаешь, — сказала Астрид.

И я увидела, что они все стоят вокруг меня с очень обеспокоенным видом. Астрид и Адриан держались чуть подальше, но все же выглядели заинтересованными.

— Пока ты отвисала, мы немного обсудили ситуацию, — сказала Делия. Она с тоской поглядывала на свой карман, хотя, если подумать, теперь ее одежда переживала еще больший упадок, чем прежде, ей стоило бы радоваться.

— Короче, вы идите, — сказала Астрид. — Если там что-то

нормальное, расскажите потом.

— Они, — пояснил Герхард. — Не хотят идти в замок. Хотя, вроде, куда еще идти.

— Мы здесь посидим, — пожал плечами Адриан. — Не вижу ничего дурного в том, чтобы кто-то сохранял благоразумие и свободу.

— На тюрьму не очень похоже, — сказала Делия.

— Если только не считать тюрьмой сознание пятилетней малышки, — сказал Адриан, и Герхард закивал. Я подумала, неужели у всех парней, даже особенных, настолько аналогичные чувства вызывает место моей детской мечты.

— Констанция, — позвала Астрид.

— Я в порядке, — откликнулась я. Но Астрид явно интересовало не это, она махнула рукой, будто о подобных мелочах и спрашивать бы не стала.

— Я хотела тебя спросить, твоего отца случайно зовут не Аурелиуш?

— Откуда ты знаешь?

— А твоя мать — такая жутковатая телка с упоротыми глазами?

— Не смей так говорить о моей маме!

Впрочем, я не могла не признаться, что Астрид описала мою маму емко и очень точно.

— Зачем ты спрашиваешь?

Мы, теперь уже впятером, пошли сквозь вересковые пустоши. Впереди всех шел Герхард, его рука ходила над волной вереска, и иногда он сжимал пальцы, так и не поймав ни единого цветка.

— Просто мы подслушали разговор твоих родителей.

Я почувствовала, что краснею. И хотя теперь я уже не сомневалась в словах мамы и папы, мне все равно было мучительно стыдно за них.

— Они болтали о местечке вроде этого. И каком-то волшебном мужике.

— Если, как ты выражаешься, волшебный мужик где-то и есть, то, вероятно, в волшебном замке.

Астрид мне не нравилась, она говорила слишком громко, вызывающе, и ее ничем нельзя было смутить. Нам обычно не нравятся люди, которые не имеют наших слабостей.

— Так и я о том же! — сказала Астрид. — Может, лучше выход поищем?

— Если потерялся, нужно найти справочное бюро или полицейского, — мечтательно сказал Герхард.

— Устами младенца, — кивнула Делия. — Я не хочу здесь умереть. Если волшебный мужик не убил наших родителей, то и

нас вряд ли убьет.

— А если он, скажем, хочет принести нас в жертву? — спросил Адриан. Он нагнал меня и легонько приобнял за талию. Я вывернулась и быстрым шагом направилась к Делии и Герхарду.

— Если бы он хотел принести нас в жертву, встретил бы нас с самого начала. Или послал бы кого-нибудь нас схватить. Но нет, здесь пусто, — сказала Делия. Она демонстративно даже не пыталась подумать над предложением Астрид и Адриана. Сказочно упрямая девушка.

И вправду, будто территорию расчистили перед городским праздником. Я даже не была уверена, есть ли в этом королевстве жители. Но если был замок, должны ведь были быть и поданные. Замок нужен, чтобы оградить себя от кого-то, от врагов или от собственных подчиненных, но кто-то должен был быть.

— И зачем было разделять нас? — спросил Герхард. — У меня нет идей, это про то, что он хочет нас убить или наоборот, но мне Делия больше нравится, я за нее.

— А ты, Констанция?

— Вы мне тоже не нравитесь, — буркнула я.

Я плыла на волнах медового запаха вереска, и мне было почти хорошо. Я попала в место, о котором мечтала всю жизнь. Ничто, даже мысль о возможной смерти, не могло бы заставить меня проигнорировать этот замок. Все мои детские мечты, все мои попытки скрыться от реальности были обращены к этому месту. И я хотела увидеть его.

Мы прошли по мосту, в котором я, казалось, узнавала каждый камушек. Я не удержалась и помахала лебедям, они с присущей большим птицам надменностью проигнорировали меня.

Ворота были открыты, и мы вошли в сад. Он казался бесконечным, розы и плющ сплетались и лезли вверх по белым стенам, в цвету утопали яблони и вишни. Сад не имел никакой логики в своем распоряжении, будто его проектировал кто-то, не знакомый с понятием симметрии или порядка. Цветов было море, но они росли безо всякой задумки, от этого сад казался диким, плодовые деревья были то рассредоточены, то кучковались так, что их ветви сплетались друг с другом в патологической близости, деформирующей деревья.

И я помнила, как папа описывал это: безумный сад, океан цветов, в котором можно утонуть.

Заболела голова, и я увидела, как пляшут над цветами их латинские названия. Впереди замаячила тяжелая, деревянная дверь, пахнущая липами. То есть, этого я еще не чувствовала, но уже знала — папин рассказ оживал передо мной.

Только в нем мы всегда были здесь вдвоем, а кто был настоящим хозяином этого замка мне только предстояло узнать.

Герхард остановился у двери. Я увидела ручки-кноккеры, червовую и пиковую. Другой вход, я знала, украшен бубновой и крестовой мастями. Всегда четыре, говорил папа, а карты это потому, что тот, кто возвел этот замок любил играть. Он играл со всем: с людьми, со своей жизнью и со всем миром. А ты, моя маленькая принцесса, его далекий потомок.

Только теперь я поняла, о чем говорил мне папа.

Делия постучала, и мы стали ждать. Движения за дверью не воспоследовало. Тогда Герхард потянул за ручку. Делия обернулась к Астрид и Адриану:

— Ну, что стоите-то?

— Нам любопытно, что не так с вашими инстинктами самосохранения.

— И куда вы без нас?

— Да вам напряжно тут одним оставаться просто, — кинула Делия, я помотала головой, мол не стоит их дразнить. И когда Герхард открыл дверь, я вошла первой. Я хотела знать, вспомню ли я все, вплоть до мельчайших деталей.

И я вспомнила. Тронный зал, в котором не было ничего, кроме трона. Передо мной предстало просторное помещение, так обильно отделанное хрусталем, что казалось ледяным. И если сказать здесь что-нибудь достаточно громко, эхо поразит тебя — так говорил папа.

Потолок и стены, и даже пол, все блестело и сияло, потому что солнце без препятствий заглядывало в замок, не имеющий крыши. А в детстве я все думала, отчего этот зал такой сияющий, отчего он так красив. От солнца, которое погружалось в это хрустальное море.

Хрустальные ступени вели к черному, обсидиановому трону, на котором сидел, откинувшись назад, юноша примерно нашего возраста. На нем была золотая корона, украшенная рубинами и богатые, яркие одежды, не привязанные ни какой конкретно эпохе, стилизованные под какое-то абстрактное прошлое. Он был рыжий, светлее, чем Астрид, и тоже удивительно красивый. У него были тонкие, броские черты, и его спящее лицо казалось гениальной иллюстрацией к какой-нибудь более взрослой версии «Питера Пэна».

Вечно юный король, подумала я, так это ему задолжали мои родители?

— Привет! — громко сказала Делия, я шикнула на нее, но было уже поздно.

Вечный король открыл глаза.

Глава 8

И тогда я окончательно понял, что не сплю. Открытие было не из приятных. Все это время часть меня была абсолютно уверена в том, что все происходящее настолько фантасмагорично и настолько не вписывается в границы моей реальности, что просто не может быть правдой. Теперь мы с Астрид дошли до того момента, когда стоило бы проснуться и я, заскучав в этом сне, ущипнул себя за ладонь. Боль была отчетливая и реальная. Тогда стало понятно, что я, Адриан Нильсен, и моя сестра, и вправду провалились пропадом в том озере.

Что ж, стоило принять реальность таковой, какая она есть. Все дхармы, в любом случае, пусты. Если это помнить, мелкие неудачи, такие как смерть или исчезновение из собственного мира отходят на второй план. Если только здесь есть красивые девушки, а было их, кроме моей ненаглядной сестры, уже две, все вовсе не плохо. В голове закрутились, как слова песни, строки из «Сутры Сердца».

«И нет его угасания, начиная от неведения.
И заканчивая смертью и разложением.
Нет страдания и нет источника страдания.
Нет прекращения страдания.
И нет пути прекращения страдания.
Нет мудрости и нет достигнутого.»

И в целом, ничего нет. И бесконечный океан пустоты омывает иллюзию меня. В детстве я нашел среди огромного множества представляющих культурную ценность текстов, бережно хранимых мамой, сборник буддийских сутр. С тех самых пор ничему не удалось поколебать мое спокойствие. Я не принадлежал к какой-либо конфессии, не собирался предпринимать попыток выйти из цепи вечных перерождений, но мне нравилось думать, что все есть иллюзия, и даже дукха, то есть страдание, тоже иллюзорна, и даже я иллюзорен. Тогда все происходящее становилось не больше, чем фильмом. И я мог выдержать любую степень фантасмагоричности происходящего, и даже встретить ее аплодисментами. Астрид, к примеру, была куда менее довольна. А я даже отчасти подтвердил свои воззрения и узрел доказательство реинкарнации. В целом, неплохо было. Интересно, а такое редко бывало. В основном, моя жизнь была как хороший фильм, который ты смотрел уже несколько раз — приятная предсказуемость, сюжет, который радует тебя, но

никогда не удивит.

То, что происходило сейчас, по крайней мере, обладало эффектом новизны.

Я смотрел на этого парня, одетого как принц из второсортного фэнтези-сериала, кормящегося на бессмертной славе «Игры Престолов». И мне было интересно, каким будет следующий сюжетный поворот.

Он открыл глаза, когда Делия его окликнула. И если за секунду до этого я был уверен в том, что он крепко спит, то сейчас ясно видел — он был напряжен и весел, как человек, ожидающий гостей, и его внимание все это время было сосредоточено на нас. У него был такой характерный неослабевающий хищный взгляд, и при этом совершенно беззаботные жесты. Он приветливо помахал нам рукой, а потом, совершенно неожиданно, запустил вторую в карман. Я не успел отследить его движения, оно было точное и очень-очень быстрое, я такие видел только у отца и только в особых случаях, даже мама не была способна на столь эффектные и убийственные выпады. Я оценил красоту игры. Разумеется, я не смог бы сохранить свое безупречное спокойствие, если бы нож летел в меня или в Астрид. Но он, серебряной пташкой, воткнулся в ворот футболки Делии, пригвоздив ее к стене. Меня удивила скорее не точность броска, в ней ничего удивительного не было, отец тоже так умел, а то, что нож прошел внутрь хрусталя до самой рукоятки, и теперь его изменчивый силуэт расплывался внутри камня, как муха в янтаре. Констанция завизжала, мы с Астрид сделали по шагу в сторону, а Герхард освободил воротник Делии. Сама Делия сохраняла молчание, но судя по ее большим, испуганным глазам дело было не столько в том, что ножу рядом с ее шеей не удалось ее шокировать, сколько в ее реакции на стресс. Впрочем, весьма удобной для того, чтобы сохранить невозмутимый вид.

— Эй! — крикнула Астрид. — Нам надо поговорить с главным здесь! Так что давай-ка без руко… ножеприкладства, пока мы все не выяснили.

Понравились они ей что ли? Впрочем, Астрид нравилось защищать справедливость из спортивного интереса.

Паренек с ногами забрался на трон, как будто сидел в кресле перед телевизором, вдумчиво закивал.

— А то что? Давайте, расскажите-ка мне, что мне будет за ваше проникновение на частную территорию?

Странное дело, он говорил не на шведском и не на датском, но мы понимали его. Кроме того, в самой его манере общения было нечто странное. Будто он одновременно был нашим ровесником и говорил так, как сказали бы мы, и в то же время это

все было ему чуждо, он заучил слова и исполнял роль с какой-то нарочитой театральностью.

— Тогда не надо было притаскивать нас в это место! Или оставил бы записку!

— Я этого и не делал! — возмущенно воскликнул он, и еще прижал руку к сердцу, будто Астрид смертельно ранила его своим предположением.

— Мы не так начали, — сказал Герхард, и я решил не подавлять в себе желание улыбнуться этому его дурацкому акценту. Сойдет за вежливость. — Давай начнем еще раз. Ты извини и ты кто?

— Я, ну не знаю, давайте предположим, что я — Аксель. Что так меня зовут! Что я здесь главный после главного, что я могу пробить ваши черепа и сердца прежде, чем вы спросите, почему я такой невежливый!

Он поправил корону. Рубины в ней каким-то жестоким, намекающим на кровь образом сочетались с его рыжиной.

— Ну, в общем предположим как-то так, — закончил Аксель. Он не сводил взгляда с Делии, видимо, злился, что она не оценила его убийственные способности и не выразила своего восторженного испуга достаточно громко. — Еще вопросы?

Аксель улыбнулся, протянул нам открытые руки ладонями вверх, будто чтобы продемонстрировать свою безоружность.

— Обещаю, я не собираюсь никого убивать за вопросы!

— Где мы?

— О, так вам же никто еще ничего не объяснил! Мне сказали вас встретить, но я понятия не имел, что придется учить вас уму разуму! Вам что родители вообще ничего не рассказывали?

— Мы знаем, — сказала Констанция. — Что мы попали в какой-то волшебный мир, наши родители предупреждали нас, что задолжали наши жизни королю, видимо это ты.

— О, не я, но твои слова греют мне сердце! Продолжай!

Аксель меня несколько раздражал, и в то же время в нем было нечто занимательное — он будто никогда в жизни не бывал серьезным. В нем была непосредственность, свойственная детям и актерам, за ним было интересно наблюдать.

— Идите за мной! — вдруг воскликнул он. — Я совсем забыл, что я — плохой хозяин! А мне сказали быть хорошим, пора исправляться.

Он встал, поклонился, несколько пародийным образом, и скользнул по хрустальному полу к нам. Сначала протянул руку, потом, когда все мы, предсказуемо, не откликнулись на его молчаливое предложение, цокнул языком.

— Да-да-да, я уже понял, что я вам не нравлюсь! Совершенно

не обязательно это артикулировать!

Он дернул за руку Делию, и я заметил, с каким облегчением вздохнула Констанция. Маленькая трусиха. Мы с Астрид пристроились идти следом за Акселем и Делией, оставив Констанции компанию дурачка Герхарда.

Эхо делало голос Акселя еще более театральным, будто кто-то включил микрофон, и вовсе не обязательно было идти с ними в ногу, чтобы слышать каждую деталь, но нам так было приятнее. Астрид взяла меня под руку, и я мягко сжал ее пальцы, светским жестом больше подходящим какой-нибудь прогулке в парке.

— Итак, вы в Аркадии, — сказал Аксель. — Добро пожаловать. Это чудесное место, но ко многому надо привыкнуть. Моя личность, например, одна из таких вещей.

— Не уверена, что справлюсь, — сказала Делия.

— Ты говоришь так, как будто мы останемся здесь надолго, — протянул Герхард. Аксель засмеялся.

— Надолго или нет, сложно сказать. Навсегда, это для тебя надолго? Но навсегда ведь тоже бывает очень разным. Если ты сегодня здесь умрешь, это тоже навсегда.

— Если я здесь умру, я не останусь, — пожал плечами Герхард.

— Это как сказать. Отец найдет тебе применение.

И тогда мы все замолчали. Не то чтобы стало очень страшно, скорее я играл в игру, в которую играл Аксель — в этом месте драматургия предусматривала зловещую паузу. Когда пауза исчерпала себя, Аксель, как ни в чем не бывало продолжил.

— Так что, Аркадия вам понравилась?

— Это интересное место, — сказала Делия.

— И сколопендры хорошенькие, — добавил Герхард.

— А пригласить можно было и повежливее, — буркнула Астрид, и я добавил:

— Я был бы не прочь добровольно провести зябкие осенние месяцы на таком необычном курорте.

Мы шли по хрустальному залу. Казалось, он был бесконечным. Мне даже почудилось, что стало холодно, будто в ледяной пещере. А потом я понял, что мне не кажется. Я просто упустил момент, когда хрусталь стал льдом. Мы шли сквозь ледяной грот, все меньше похожий на коридор, все более округлый, будто оплавленный давным-давно солнцем, и с тех пор не побеспокоенный больше никем в своем холодном забытьи.

Аксель засмеялся.

— Так вы считаете, вы в сказке?

— Мои родители охарактеризовали это место, как злую Нарнию.

— Отчасти верно.

— И в Аркадии я есть, — сказала вдруг Делия. Одна из самых неуместных отсылок к латинским корням европейского романтизма, которую я встречал. Но Аксель крикнул:

— Да!

Голос его ударился об лед и зазвенел.

— Ты все поняла!

— Я была права, — пробормотала Делия, но делиться своими наблюдениями не спешила, и Аксель продолжил.

— Это царство смерти. Сквозь него течет Великая Река, хранителем которой являюсь в том числе и я.

— Но ты так и не сказал, ты — это кто? — засмеялась Астрид. — Так что понятнее не стало.

— Я, можно сказать, принц. Технически, я ваш дядя. Я храню Реку и выполняю работу, которую оставили много лет назад ваши родители. Мне, метафорически выражаясь, не хватает рук. Отец ждал вас. Вы — его первые внуки, он возложил на вас большие надежды.

Мы вышли в иной зал, такой же просторный, но светлее, с каменными стенами и высокими окнами, намного более земной. В середине стоял длинный стол, почти разделивший все помещение пополам, витражи, на которых цвели розы и давали плоды гранаты, напоили зал рассеянным красным светом, высокая люстра с сотней не горящих свечей угрожающим образом висела на цепях, казавшихся совершенно ненадежными. Мы с Астрид не стали дожидаться приглашения Акселя и сели за дубовый стол, он приятно пах деревом и вином. Я почувствовал себя на экскурсии в трапезной средневекового замка. Даже спинки скамьям не полагалось.

Когда все расселись, стараясь скрыть неловкость, Аксель вскочил на стол. Длинный и пустой, он оставлял Акселю пространство для маневра. Аксель расхаживал по нему, как канатоходец, хотя впечатляющего в этом ничего не было, смотрелось забавно.

— А ведь вы даже не знаете, чья кровь течет в вас! Они вам не рассказали! Потому что они трусы! Или, может быть, у них была какая-то очаровательная, сладкая версия о том, что их похитили феи?

— Мои родители говорили, что были принцем и принцессой, — сказал Герхард. Он явно был несколько раздражен тем, что Аксель говорил о его родителях в таком снисходительном тоне. Я от своих родителей многого не ждал и был благодарен, что они в состоянии приподнести мне хоть какой-то сюрприз.

— Это правда, — пожал плечами Аксель. — Ты ведь Герхард, да? Твой отец был Принцем Палачей, а мать Принцессой Смертного сна.

— Класс, — сказала Делия. — У меня была подруга с таким ником в инстаграмме.

Аксель засмеялся, хотя я не был уверен, что он знает, что такое инстаграмм. Он лег на стол, сложил руки на груди, как умерший в гробу, его корона соскользнула вниз, чуть-чуть, но удивительным образом не упала, Аксель не обратил на это внимание, будто она была естественной частью его тела, как спадающая на лоб челка. Аксель закрыл глаза и нараспев сказал:

— Неблагой Король Долины Реки, Отец Смерти и Пустоты, следит за тем, чтобы река никогда не обмелела. И ныне, пока брат его, Благой Король Спасения, Отец Покоя и Справедливости, отдыхает в своей гробнице, мой милый папа, ваш дедушка, занимается и сплавлением душ в новую жизнь. Иными словами, он здесь главный. Иногда он заводит детей со смертными женщинами, похищает их для того, чтобы они помогали ему. Но эта традиция практически исчезла после побега ваших родителей. К моему удовольствию, мне нравится быть его единственным сыном.

Аксель резко выпрямился, поправил корону и крикнул:

— Почему я вообще должен ждать?! Я выпущу вам кишки и накормлю ими моих гостей, если вы не в состоянии накрыть обед!

И тут же он, таким же дружелюбным, чуточку театральным тоном продолжил:

— Ох уж эти слуги, да? А, у вас же не было слуг! Привыкайте! Абсолютная власть любого сделает капризным. Так вот, вы, если хотите знать, особое дело. Я, к примеру, несу в себе лишь кровь Отца Смерти и Пустоты, что определенно лучше, чем ничего, хотя кого я обманываю, ничто не может быть лучше, чем Ничего!

Он засмеялся. В его безумии было позерское очарование, и все же оно не было поддельным.

— Но в вас течет кровь обоих Королей Аркадии, бодрствующего и спящего.

— А имена у них есть? — спросила Констанция. — Так будет проще о них рассказывать.

— Их имена, дорогая Констанция, всеми, включая них забыты, потому как сорок тысяч лет минуло с того времени, как они были произнесены, и нет больше того языка, и время поглотило все, что могло бы напомнить нам о том, как их звали когда-то. Ввиду того, что Благой Король почивает на своем ложе, и противопоставление не имеет смысла, я посоветовал бы вам называть вашего будущего господина просто Отцом.

— Но он нам дед!

— Титул и актуальные родственные связи могут расходиться друг с другом. В общем, вы первые дети от союза детей двух королей, их первые внуки. Здесь, в Аркадии, новой жизни зародиться не может, это долина смерти. Но ваши родители умудрились вас зачать, а потом сбежали, оставив свои обязанности. Они пообещали вас, наверняка, думая, что вы им не понравитесь, но жизнь она, знаете, сложнее. Кто-то забыл, кто-то подумал, что он забыл, а кто-то даже убедил себя в том, что все это был долгий сон. И, к счастью, Река подарила нам вас. Теперь я могу несколько расслабиться, я устал отвечать за войны на Ближнем Востоке, эпидемию Эболы, самоубийства романтически настроенных личностей и кодификацию всех этих смертей одновременно! А ведь это даже не все мои обязанности!

В этот момент я услышал навязчивый скрежет, как будто кто-то упрямо пытался выпотрошить камень. Было неприятно почти физиологически, примерно такие ощущения вызывают завывания бормашины, доносящиеся из кабинета зубного.

А потом я увидел то, что удивило меня больше, нежели известие о том, что я внук какого-то духа или даже бога смерти. В зал, как в фильмах, один за другим начали входить слуги. Они несли блюда и бутылки, наполненные вином, все как в фильмах BBC о королевском дворе Карла Великого, такая документальная и аппетитная красота, и я даже был голодным, только вот всякая охота вкушать что-либо отпала у меня при первом же взгляде на слуг.

Лучше бы я смотрел в пол, делая вид, что смущен таким пристальным вниманием к моей скромной персоне. В зал вереницей заходили существа, прямоходящие, но при этом совершенно лишенные всего человеческого. Больше всего они напоминали насекомых. Они дрожали, словно испытывали постоянную боль, они передвигались на многочисленных лапках, по отдельности слишком тонких, чтобы удержать вес тела. Их жвала, жала, части хитиновых панцирей находились в непрерывном движении. Я увидел существо, напоминающее кузнечика, только у него было множество глаз, раскиданных по всему телу, блестящих, черных, вращающихся в разных направлениях. Я увидел что-то похожее на мадагаскарского таракана, блестящее, с длинными усиками и полукруглым, массивным, распухшим телом, оно издавало атональные визги через равные промежутки времени, это были чудовищные, раздирающие голову на части звуки. Следующее существо, которое несло что-то напоминающее жаркое, показалось мне похожим на жука-голиафа, непропорционально маленькая голова,

бутылочно-узкая шея и расширяющееся к низу округлое тело, от которого, казалось, в произвольном порядке, как отростки дерева, отходили изогнутые ножки, быстро постукивавшие по каменному полу. За существом следовала личинка, она ползла по полу, к ней были крючками привязаны подносы со сладостями, и я видел как из-под проколов в ее теле струится вниз желтоватая, похожая на гной жидкость. Безглазая, слепая личинка не меняла направления, и иногда ее подталкивали, чтобы она повернула. Слуги ставили подносы на стол, а я лишь мечтал о том, чтобы они не коснулись меня. Они были отвратительны по-особому, отвратительны инстинктивно. Я даже позавидовал Герхарду, который говорил, как заведенная игрушка:

— Спасибо, спасибо, спасибо.

Голос его отвращения, по крайней мере, не выражал. А я не был уверен, что вообще мог открыть рот. Я слышал отдаленное лязганье и жужжание, крылышки огромной пчелы, которая поставила передо мной чашу, наполненную пахнущим медом вином, беспрестанно трепетали, и свет дрожал в их прозрачном плену.

Астрид рядом со мной трясло от смеха, и я знал, что это значит — она в истерике. Констанция закрыла глаза руками и дрожала. Только Делия провожала каждое существо странным, затуманенным, восторженным взглядом.

— А теперь, поприветствуйте своих новых принцев и принцесс.

Аксель уже слез со стола, уступив место еде, он расхаживал между гигантских насекомых, похлопывая их по головам, а иногда даже приобнимая.

— Я хочу, чтобы вы склонились перед ними! — крикнул Аксель.

И я снова услышал отдаленное лязганье, тошнотворное и противоестественное, почти механическое, смешанное с визгами, похожими на крики умирающих свиней, жужжанием, пронзительным воем боли, будто общим на всех.

Самое страшное заключалось в том, что я отчетливо различал в этих голосах безумное, смешанное со страхом ликование. Это Аркадия приветствовала нас.

Герхард зажал уши, Астрид заорала:

— Скажи им, чтобы заткнулись!

А я решил, что если не могу ничего изменить, стоит получить от этого максимум удовольствия. В конце концов, где и когда еще я мог бы услышать звуки столь противоречащие моему эстетическому чувству. Теперь я заметил, что среди слуг, упавших перед нами ниц были не только гигантские насекомые. Все это

были причудливые, отвратительные существа, гипертрофированные, как больные гланды, вариации на тему земных мерзостей. Я увидел огромную лягушку, пасть которой была наполнена постоянно лопающимися алыми шариками, будто напитанной кровью икрой, лягушка издавала гортанные экстатические вопли. И я подумал: если они умеют выполнять сложные словесные приказы, у них наверняка есть разум. Это отчего-то сделало ситуацию еще более некомфортной. Безмолвно билась на полу рыбина, на чьей голове были рога, подобные полумесяцу луны, только бледные, казалось сделанные из хряща. Рыбьи ноги, похожие на сочленения лапок насекомых, только сделанные из костей, перебирали по полу, то ли она не могла встать, то ли не хотела и просто выражала восторг. Тут были и еще существа — их тела были очень разными, иногда отсутствовали глаза, иногда рты, иногда лица вообще казались белыми, оплывшими масками, но среди всех не было никого, кто походил бы на человеческое существо. От этой мысли стало как-то одиноко, и Астрид это почувствовала, прижалась ко мне. Ощутив ее тепло, я некоторым образом смирился с наличием этих существ в моем мире. И увидел, что Делии это далось намного легче. Она протянула руку к одному из похожих на несколько сращенных друг с другом муравьев монстра. Сочлененное, блестящее тело подрагивало, и Делия погладила части, которые, наверное, были головными. Я вскинул брови. Делия была намного смелее, чем я от нее ожидал. Я протянул руку к тарелке и подцепил какой-то фрукт в меду. Средневековая роскошь, вот что помогло бы мне смириться с текущей ситуацией.

Аксель цокнул языком, наблюдая за Делией.

— Генетика, — сказал он. — Иногда она портит сюрпризы!

— Хорошо, — сказала Констанция. Она смотрела в одну точку, чуть поверх головы Акселя. — Откуда ты знаешь о генетике, если ты ангел смерти из волшебной страны?

— Мне приходится бывать в командировках. Может, даже чаще, чем хотелось бы.

— Тогда почему ты не сбежишь? — спросил Герхард. К еде он даже не притрагивался, видимо, оказался брезгливее, чем я подумал. Налил себе молока из кувшина и размешал в нем ложку меда, и сидел с этим напитком для заболевших детей.

— А ты правда дурачок, да? Потому что это потрясающее место!

Голос Акселя взлетел под самый потолок, в нем были напор и театральная, наигранная драматизация. Аксель приложил руку себе ко лбу, будто хотел проверить температуру.

— Вот это нота! Признаюсь честно, не ожидал от себя такого.

Думаю, при всем желании не сумею повторить. Так вот, о чем я говорил?

— О том, что это потрясающее место, — послушно повторил Герхард.

— Да-да! Здесь все потрясающе, к примеру, этот парень.

Аксель погладил по голове мотылька с блестящими, черными глазами, дернул его за пушистые, длинные антенны или усики, или как там это называлось. Мотыльки всегда производили на меня странное впечатление. Из-за их темных, миндалевидных глаз, пушистых тел и больших размеров, они казались мне не насекомыми, а маленькими, маскирующимися под насекомых млекопитающими, и оттого казались чуть очаровательнее остальных существ того же плана. Астрид вот насекомых не любила, более того она верещала всякий раз, когда мимо пролетала оса. Но сейчас — держалась. Я знал свою сестру, она была способна выдержать что угодно, пользуясь одним только упрямством. Желание Астрид показаться крутой совершенно незнакомым людям много раз приводило ее к победе.

Мои желания обычно ограничивались ресторанами получше и девушками покрасивее. Остальные желания покинули меня в ходе поисков просветления, как и обещали бодхисаттвы из маминых сутр, но эти оказались очень живучими.

— Не думаю, что ему нравится, что ты фамильярничаешь, Аксель, — сказал Герхард. Я посмотрел на мотылька. По нему было сложно сказать, нравится ему что либо или нет. На тарелке передо мной лежал апельсин в меду, он пах дурманящими специями, и на вкус оказался удивительно странным, у него был почти мыльный привкус. Сейчас такое уже не готовят, специи перестали быть показателем роскошной жизни, и их стали использовать по назначению вместо того, чтобы мешками утрамбовывать в каждое блюдо. Я ощутил сладость и горечь одновременно. Больше всего апельсин в меду напоминал плохо смешанный коктейль, в который еще не плеснули алкоголь. Но свое очарование в этом было. Я подцепил вторую дольку апельсина двумя пальцами и дал Астрид. Она высунула язык в знак своего крайнего отвращения.

— Интересно ведь, — пожал плечами я. Раз мы застряли здесь на неопределенный срок, стоило насладиться сервисом сполна.

— Эй, гедонист! — крикнул Аксель.

— Да? — откликнулся я. В конце концов, если здесь кто и обладал склонностью к сибаритству и поиску удовольствий, так это я.

— А у тебя вопросы есть или тебя больше меню интересует?

— Меня больше интересует меню, — честно признался я. — Я вообще-то не очень любопытный человек. Не сочти это за невнимание к твоей персоне, однако я лучше послушаю.

Астрид толкнула меня локтем в бок — совсем не больно, со мной она всегда рассчитывала силу, и я перехватил ее за руку, мы переплели пальцы. Я бы хотел сказать, что мое настроение стремительно улучшалось, но оно и так было очень даже неплохим.

— Что это за существа? — спросила Делия, пользуясь паузой, возникшей в нашем разговоре. Аксель тут же, как заядлый коммивояжер, сосредоточил фокус своего внимания на ней.

— Это прислуга, разве непонятно? Коренные жители Аркадии. Понимаю, их сложно представить автохтонными населением местных земель! Но это так. Местная флора и фауна отличается разнообразием.

— Я думаю, нас интересует не это, — сказала Констанция. Она явно была задавака, но девушкам с такой копной золотистых волос я это, обычно, прощал.

— А что же нас интересует? — спросил Аксель. — Ах, ты, наверное, про короля?

— Он — бог смерти? Дух смерти? Дьявол?

— Нет, нет, и еще раз нет.

— Мама и папа говорили, что он был первым человеком на земле!

— Бинго, Герхард! Ты получаешь от меня, от меня ты получаешь… ничего и мою сияющую благодарность! Тебе будет ее достаточно? Отец был первым из людей земли, но его дети, как вы уже поняли, землю не унаследовали. Благодаря ему в мир пришла смерть, и он был наказан высшими силами, отчужден от земли и вынужден наблюдать за Рекой, текущей под землей…

— Под землей не может быть подобной экосистемы, тем более не может быть неба или солнца, — буркнула Констанция.

— Маленькая зануда! — сказал Аксель. — Ты находишься на другом пласте мироздания! Смирись уже с этим!

Аксель то ли правда был удивительно раздражительным и ему это нравилось, то ли с легкостью и удовольствием играл в раздражение. Он сказал:

— Словом, мы с вами несколько иная порода людей. Первый вариант был красивее и безумнее.

— Безумнее?

— А вы когда-нибудь задумывались, что за существо могло помыслить смерть? Абсолютное ничто! Аннигиляционный ужас! Распад!

И тогда замолчали все, легкий гул, издаваемый насекомыми

все это время и заменявший нам музыку стих, настала первозданная, почти жуткая тишина. В этой тишине и раздался резкий голос Астрид. Она сказала:

— То есть, он придумал смерть?

— Придумал и создал, — с удовольствием сказал Аксель. Мысли о смерти явно доставляли ему удовольствие. Впрочем, профессиональная деформация вполне ожидаемая. Я смотрел на стол, уставленный богатыми угощениями из давних времен и думал, как так вышло все-таки, что я не сплю. Аксель заложил руку за голову, большими пальцами сдвинул корону.

— У него было могущество, которое люди до сих пор иногда помышляют в своих фэнтезийных опусах и религиях. Считайте, что все фантазии о магии, это порождение своеобразного комплекса кастрации. Король был наделен способностью воплощать то, о чем он думает, создавать из ничего вещи. Но после того, как он таким образом создал смерть, высшие силы поостереглись наделять третий вариант человеческого существа подобными способностями. Они оставили людям фантазию, и люди до сих пор разочарованы тем, что не все о чем они мечтают сбывается. А двое братьев, представлявших собой первые человеческие образцы, были заперты здесь. Первый за свое безумие был обречен нянчить выдуманную им смерть, а второй — за свое невмешательство — присматривать за братом и держать его в рамках приличий.

— Не получилось, я смотрю, — сказала Делия. Ее взгляд все время скользил по слугам. Они теперь выстроились у стены, вдоль всего зала, и свет, делавшийся красным, проходя сквозь витражи, играл с их силуэтами, будто делая их еще больше. Они стояли ровно, насколько могли, как калечная, тошнотворная армия.

Аксель развел руками.

— Так уж вышло! Ну да кто мы такие, чтобы судить! Это скучная тема! Вы сами все поймете, не сразу и, может, не до конца, но понявший до конца, уходит даже отсюда.

Аксель щелкнул пальцами, сказал:

— Он посвятит вас, во все, в том числе и в ваши собственные судьбы. А я здесь, чтобы хорошенько развлечься! И посмотреть, много ли вы стоите! Вы сами-то как считаете?

— Я не знаю сколько, потому что люди покупаются только в очень ужасных местах вроде Сомали и очень ужасными людьми, вроде пиратов. Я не был в Сомали, так что я не знаю. Но я думаю, я немного бы стоил.

— Да нет, Герхард, ты крепкий, сильный парень, там, в основном, надо тяжелую работу выполнять, — протянул

Аксель. — Но я скорее не это имел в виду.

— Я не собираюсь участвовать в твоих развлечениях, пока не увижу этого короля, — сказала Констанция.

— Только я хотел пригласить тебя на свидание, как ты отказалась участвовать в моих планах на сегодняшний вечер! Делия?

— Воздержусь.

— Астрид?

— Давай сюда свои планы!

Аксель задумался, постучал пальцем себе по виску, потом воскликнул:

— Нет уж, такое мне тоже не по нраву! Адриан, я выбрал, это будешь ты.

— Странный выбор.

Но в целом я испытывал некоторое приятное волнение. Мне было интересно, что он предложит мне и на что способен я.

— Для начала докажи, что ты — не трус, — сказал Аксель. Он снова небрежным жестом поправил корону на голове, и я подумал, будет ли у меня такая же. Я несколько опешил. Признаться, я полагал, что для того, чтобы доказать, что я не трус, достаточно не кататься по полу в слезах при виде всех этих чудовищ. Тогда я нашел взглядом лягушку, поймал ее взгляд с беспорядочными, дрожащими и расплывшимися на желтом фоне зрачками. Я помахал ей, лягушка принялась раскачиваться, явно пребывая в более взволнованном состоянии чем я. Она открывала и закрывала рот, и красные икринки сыпались из него. Я повернулся к Акселю, потому что, что ни говори, он представлял собой более приятное зрелище.

— То есть, выбираешь моего любимчика? — спросил Аксель. — Ах ты изверг? Тогда дерись!

— Что?

Если Аксель хотел увидеть удивление на моем лице, он своего добился.

— Давай, гладиатор! Ты теперь принц подземного мира, неужели ты планировал, что здесь будешь продолжать гедонировать?

— Во-первых, такого слова нет, — начал я. — А во-вторых…

— А почему он один? — взвизгнула Астрид. — Эй, я хочу драться! И это мой брат, так что я дерусь вместе с ним!

— Нет, Астрид, ты не дерешься вообще! — небрежно бросил Аксель. И в следующую же секунду два существа, покрытых хитиновыми чешуйками метнулись к ней. Прежде, чем мы успели как-либо среагировать, Астрид оказалась, как в клетке, зажата между их лапками. Вцепившись в них, как в прутья, она громко

ругалась. Она пыталась заставить насекомых расцепить лапы, но это было невозможно, по крайней мере ее активные действия результатов не возымели. Я видел их длинные блестящие хоботки, и на секунду меня пронзил ужас от мысли, что эти хоботки проберутся ей в рот, пробьют небо и присосутся к нежному мозгу, как будто в страстном поцелуе. Они скользили по ее лицу, но Астрид только морщилась — ее занимало то, что будет со мной. А меня занимало лишь то, что будет с ней. И я сказал:

— Оружие выбираем?

— Я выбрал за тебя!

Аксель достал из ножен на расшитой узорами перевязи меч. Он был блестящий, с темным долом и серебристым, начищенным лезвием. Рукоять была золотой, с инкрустированной рубинами, как корона Акселя, крестовиной. Я поймал его, с реакцией у меня было неплохо. Меч оказался тяжелым, гораздо тяжелее, чем я привык думать о подобном оружии, смотря фильмы или читая псевдоисторические романы.

Я приподнял меч, посмотрел на него, красный свет от витража втекал в него, как кровь. Никакого прилива энтузиазма или силы я не почувствовал, события развивались достаточно далеко от фэнтезийных клише. Мне бы хотелось ощутить в себе талант мечника, заложенный в моих генах, но я не сумел.

Папа, наверняка, отлично орудовал мечом, подумал вдруг я. Жаль, что неоламаркисты были неправы, и это умение никак не могло передаться мне.

— Может ты ему поможешь? — спросил Герхард. — Я бы посмотрел, как ты дерешься.

— Хорошая попытка, но нет!

Лягушка отошла от стены. Ее лапы казались расслабленными, неестественно мягкими, ненадежными, будто она сейчас упадет. Это наблюдение принесло мне обманчивое облегчение. Чудовище было вполовину выше меня ростом, оно было нелепое, расплывчатое, силуэт не был абсолютно лягушачьим, но и о другом существе не напоминал, будто деформированный, расплывшийся, какой-то подчеркнуто нездоровый.

— И будь помягче с моим любимчиком, — напутствовал Аксель. Когда я подошел к монстру, я почувствовал запах застоялой воды, в которой жил и умер букет, подаренный на день рожденья и забытый в вазе. Сквозь этот мерзкий запах умирания и цветочной гнили пробивался прохладный запах земли, и еще нотки, которых я совсем не ожидал услышать в этом аромате. Клубника и мед, сказочные, сладкие, детские, совсем не подходящие этому склизкому существу.

Я отвел взгляд и сказал:

— Ты требуешь какого-нибудь особенного дуэльного этикета?

Едва я успел закончить, как реальность заставила меня осмыслить ответ на мой вопрос. Существо вдруг подалось вперед, смазанным, совершено некрасивым движением и, схватив меня, повалило на землю. А я подумал — сейчас оно меня придушит или даже просто раздавит. Меч болтался в моей руке совершенно бесполезным образом, начиная от локтя моя рука оказалась придавлена этой склизкой массой. Астрид заорала еще громче, и звук ее голоса придал мне решительности, но не сил. Существо наползало на меня всем своим весом, и я думал, как скоро оно меня раздавит. Я пинался, но без особого успеха. Когда глаза лягушки замерли перед моим лицом, большие-большие и желтушно-желтые, я вдруг поддался доисторическому желанию, пришедшему ко мне из начала времен и укусил ее. Эластичная кожа легко поддалась, и в горло мне хлынула холодная кровь. Лягушка раскрыла пасть и издала гортанный, идиотический вой, кровавые шарики, наросты в ее пасти, принялись лопаться, и я оказался обрызган мерзкой розоватой лимфой или еще какой-то столь же отвратительной жидкостью. Моя рука готова была угрожающе хрустнуть, я ее уже совершенно не чувствовал. Мне, безусловно, не хотелось умереть таким образом. Свободной рукой я надавил на один из огромных лягушачьих глаз. Ощущение было, прямо скажем, холодное и влажное. И я понял, что я сражаюсь не просто с монстром, а с трупом. А потом я понял, что мне не хватает воздуха, и это понимание было встречено мной с намного большей обидой. Странно, что я вообще планировал победить эту громадину.

В глазах темнело, и это было почти приятное чувство, похожее на томительное ожидание сна. Но я вовсе не собирался ему сдаваться, даже если единственное, что я мог сделать — продолжить кусаться. А потом я увидел, как в пасти существа, между наростами, мелькнуло что-то острое. И я понял, это была кость, вместо языка у этого чудовища была острая, покрытая полипами кость. И даже прежде, чем я сообразил, что сейчас будет, кто-то сильно дернул меня в сторону, я ударился об пол, но это было вполне терпимо, потому что спустя секунду в то место, где была только что моя голова, вонзился язык лягушки. Меня сосредоточенно выдергивали из-под монстра, и я понял, что это не Астрид потому, что услышал ее радостный визг дальше, чем ожидал. Это был Герхард. Я подхватил свой меч, наугад махнул им, поцарапав лягушкину морду. Кровь не текла, будто давным-давно замерла и застыла в ее жилах. Лягушка издала раздраженный звук, размахнулась своей лишенной тонуса, но

тяжелой лапой, в этот момент в голову ей прилетела тарелка. Герхард помог мне подняться, и я увидел Констанцию. Выражение лица у нее было не то чтобы воинственное, но ответственное. Однако, видимо Констанция не сумела в достаточной степени заинтересовать это сосредоточенное существо, оно снова рванулось к нам, и я выставил перед собой меч, полагая, что теперь-то мое действие возымеет эффект. Узнать это наверняка у меня шанса не было. Я услышал голос Делии:

— Подожди!

И я не совсем понял, к кому она обращается, ко мне или к монстру. Восприятие у меня вообще стало очень своеобразное. Я так и не успел обернуться, чтобы увидеть Герхарда, Констанция плыла у меня перед глазами, а Делия существовала только в качестве голоса, и только Астрид — Астрид всегда была рядом.

Я не пошевелился, потому что не собирался слушать Делию и ее странные команды. Так и стоял, выставив перед собой меч, а вот существо замерло — на середине движения, совершенно неестественным образом. Оно будто расслабилось, и только статичные кости поддерживали его, как статую. Словно у игрушки кончился завод.

Аксель захлопал в ладоши в абсолютной тишине.

— Впечатляет! Хотя я и не о тебе, Адриан!

— Но все равно спасибо, — сказал я. Меч у меня вырвали, Аксель прошел мимо прогулочным шагом, сказал:

— Невероятно, Делия.

— Что? Я же на месте сидела.

Да уж, в отличии от Констанции даже не озаботилась сделать вид, что помогает мне. Но я не был в обиде. Не уверен, что сам был бы эмоционально вовлечен в подобную ситуацию, если бы сражалась она.

Аксель встал между мной и лягушкой.

— А ты, Адриан, смотри и учись, как нужно расправляться с моим любимчиком.

А потом он размахнулся и одним легким, совершенным и холодным движением снес лягушке голову. Отсеченная голова рухнула вниз, со стуком вывалился костяной язык, но глаза не изменились — они остались такими же неподвижными и мертвыми, какими и были.

Крови почти не было, а меня, что удивительно, почти не тошнило.

Глава 9

Драго видел ее и прежде, но никогда она не была так открыта перед ним, никогда не была так обнажена. Луна заглядывала сквозь пустую голову башни, и от луны ее безупречно белая кожа казалась серебряной, светящейся изнутри.

Он знал о ней кое-что: ее звали Роза, и это имя говорило о ней все. У нее была цветочная красота, у нее была нежная кожа и острые, как шипы ногти, от нее пахло медом и цветами, самым пленительным образом. Так получилось, что дети Неблагого Короля, к которым относился и он, не слишком тесно контактировали с детьми его спящего братца. Кроме, конечно, Каспара, но тот умел и желал убивать, был одной крови с ними. Роза была другой. За все те пятьсот лет, прошедших на Земле с тех пор, как он увидел ее, Драго так и не понял, чего она хочет, чего боится и на что надеется. Она жила в Белой Башне, в лесу. Все там было увито розами, и когда Драго тащил ее в замок, через лес, она вырывалась, ранилась о шипы, которые с таким упорством выставляла для обороны своего дома.

Когда он притащил ее сюда, ее тело было изранено, разводы крови украсили его, как ритуальный грим, от нее пахло землей, и грязные колени выглядывали из-под разорванного платья.

И все равно она вовсе не выглядела сломленной. Это было хорошо, потому что у Драго остались к ней вопросы.

Цепи охватывали ее запястья и щиколотки. Она могла двигаться, могла при желании даже упасть на колени, а вот лечь уже не могла. Многие недооценивают физическую усталость, она может быть худшей пыткой. Организм приспособлен испытывать довольно много боли, кроме того ее возможное количество разнится от человека к человеку. Усталость же это более определенная категория, здесь не нужно фантазий.

Ему это нравилось. Драго любил причинять боль, он создавал таких существ, чтобы они умели причинять боль в совершенстве, в самом чистом и возвышенном смысле, он был художником.

Но искусство не имело права отвергать дары самой природы, Драго был в этом убежден. С тех пор, как он приковал ее цепями прошло уже пять часов. У них еще было время, и было его много. Некому было ее защитить. Драго смотрел в ее красивое лицо, боль и усталость не оставляли на нем следов. Царапины темнели на ее безупречно белом теле, как орнамент неведомой культуры. Ее зубы блеснули при свете луны, она оскалилась, ощерилась, и это придало ее лицу дичайшую, первобытную красоту. Драго видел множество женщин, со многими спал и многих убивал, он

знал их во всей завершенности их бытия, которая есть оргазм или смерть, во всей сладострастности их стремлений и тайн. И никогда прежде ни одна из них не казалась ему такой красивой. Даже искаженное страданием ее лицо оставляло себе ангельскую, ничем не опороченную красоту.

Драго никогда не сталкивался с таким упрямством, с такой потрясающей отстраненностью. Он был зависим от нее больше, чем она от него, хотя это в руке Драго была плеть, чей металлический наконечник Драго прокаливал у нее на глазах. Он вошел бы в ее плоть, как в масло, но Драго медлил, пытаясь высмотреть хоть тень страдания на ее лице.

— Давай, — прошипела она. — Ты же у нас монстр, создающий монстров, я ожидаю от тебя большего!

Она засмеялась, и смех у нее был совершенно безумный, ведьмовский. Она запрокинула голову, а Драго улыбнулся ей, как можно более нежно. Ему хотелось показать ей, что при желании, а желание у его было и в избытке, он мог из нее душу вынуть. В прямом смысле. А потом сделать из ее души того, кого захочет. Его волновали мысли о том, чтобы создать ее полную копию — послушную куколку, но это было лишено всякого смысла. В конечном итоге, ее оболочка: ангельские черты и белокурые волосы, и чувственные губы, и синеющие даже в темноте глаза, совершенно ничего не значила по сравнению с ее упрямством.

Даже красота бесполезна, если она не причиняет боль.

Удар плети превратил ее смех в крик, от ее запрокинутой шеи до ключицы расцвела ссадина, кончавшаяся цветком ожога под подбородком.

— Так ты все еще не планируешь говорить о том, что сделала с моими милыми детишками?

— Ты называешь их так? — поинтересовалась она самым светским тоном, но хриплый голос с вызванивающими в глубине нотами выдавал ее с головой. Он улыбнулся, испытывая восторг от того, что она показала себя.

— Отвечать вопросом на вопрос — дурной тон, моя милая, — певуче протянул Драго. Он запрокинул голову, посмотрев на крупные, низкие звезды, принялся насвистывать песенку. Это была сербская колыбельная. Давным-давно, когда Драго было еще свойственно нечто человеческое, она вызывала у него воспоминания.

Его работа не сделала Драго бесчувственным, нет, она подарила ему другую, иную чувственность, способность с восторгом принимать боль и отдавать ее так, как прежде он отдавал любовь и заботу.

— Ты ведь имеешь на них некоторое влияние, так?

— С чего ты взял, брат?

Они называли друг друга братьями и сестрами. Фактически, они ими и были. Сигурд, Лада и Медея приходились Драго сводными братом и сестрами, а Роза, Флори, Каспар и Аурелиуш — кузенами. В этом обращении была своя логика, но в целом оно имело скорее ритуальные корни — никто из них не осознавал, что они — семья. Каждый занимался своим делом, тесно сплетенным с самим небытием.

Никто не знает, что происходит с теми, кто умирает в одиночестве.

Это неправда. Драго знал — досконально. Самые страшные тайны, хранимые человечеством, были ему открыты. Он мастерил своих детишек в качестве игрушек для людей. Отец превыше всего ценил насекомых и земноводных тварей. Это Драго было не слишком интересно, хотя он и создал для своего Короля несколько подарков. С тех пор как Драго стал Принцем Пастырей, он пас своих чудовищ во Внешних Землях, так он приучился называть и свой прежний дом. Далеко не всегда они имели жуткий, зубастый вид. Некоторым было достаточно вернуть их прежнюю форму — с незначительными изменениями. Человеческий глаз легко подмечает детали, они волнуют разум, они пугают. Иногда достаточно было лишь слегка изменить пропорции, иногда можно было искалечить движения. Люди чувствительны ко всему нездоровому. Лучшими из его творений были те, что могли провести человеческое существо, заманить его, обмануть. Но их множество ходило по свету. Были зубастые, мохнатые, похожие на волков твари, воющие под луной. Были бродящие в толпах, отстраненные, не откликающиеся больше на свое земное имя. Были и полуслепые, вызывающие скорее жалость, чем страх, отвратительные, но все еще старающиеся быть похожими на людей — они дрожали и двигались порывисто, подстерегали путников во влажных осенних лесах.

Драго любил свое призвание, он создавал из мертвецов существ, почти не имевших прежнего разума, а эти существа создавали страх.

А страх перед смертью, страх перед небытием, которое символизировали твари Драго, питал его Короля. Смерть от страха вырывала из душ целые куски.

Драго любил своих тварей. Некоторым из них он позволял спуститься в реку, после долгой службы, и отправиться в путешествие, чтобы снова стать людьми. Там, в конце пути, все существа равны. Иногда они бывали непокорными. Тогда Драго приходилось силой вырывать из них остатки разума. А боль сводила с ума, как ничто другое. Опыт у Драго был большой.

Он уже и забыл себя прежде. Кем он был, когда не искажал души, чтобы в каждом пустынном уголке земли, на каждом кладбище, в каждом сундуке на чердаке, в каждом синем, обходимом стороной озере, крылась своя история. Драго давным-давно перестал быть человеком. Он был слишком связан со смертью, он кроил мертвецов и натаскивал их, чтобы они обезумели от голода и желания. Мертвецы, Драго знал, всегда очень голодны. Они стараются быть сопричастными жизни, согреться, а пища это тепло, всякое живое существо, даже самая крошка, подсознательно это знает.

У Драго от жизни осталось другое удовольствие — плотская любовь. Любую иную женщину, кроме Розы, он взял бы немедленно, но Роза была из тех ядовитых цветов, за само удовольствие от лицезрения которых приходится дорого платить. Он взял ее за подбородок, и она вскинула на него взгляд, синий и блестящий от рефлекторных, не имеющих ничего общего с отчаянием слез.

Она совершенно не стеснялась своей наготы. По-язычески раскованная, она была лишена желания скрыть хоть что-нибудь. Драго это нравилось, ему стало интересно, кем она была прежде. Здесь, в Аркадии, не говорили о своих прошлых жизнях. Не было принято, считалось слабостью. Нужно было уметь забывать, а тот, кто не желал отпускать, дорого расплачивался за это. Но сейчас Драго ощущал опасное любопытство, желание проникнуть в самую ее суть.

Он множество раз запускал руки в чужие души, впитывая сведения о своих мертвых, почти влюбляясь в них. Драго испытал неумолимое, жестокое влечение к тому, что было глубже ее косточек, к ее трепещущей, наверняка беззащитной, душе.

— Что ты делала с ними? Почему они слушают тебя?

Она была Принцессой Прощения, лечила раны и болезни, которые казались безнадежными. Прежде сам Благой Король указывал ей, кто достоин жизни, она много раз вырывала людей из волн Великой Реки. Но Роза вовсе не напоминала милую и добрую целительницу из старых историй, в ней не было ничего чистого, она была языческая грязь и злоба, способная и мертвого поднять.

— Ты скажешь мне, милая? Мы с тобой проведем множество сладких минут прежде, чем я вырву из тебя это признание, но я его вырву.

Драго провел пальцами по ее влажным от крови губам.

— Я раздроблю каждую твою косточку прежде, чем ты скажешь мне, да?

О, у него был большой опыт. А потом Роза вдруг подалась к

нему, и цепи жалобно звякнули, золото вздрогнуло от резкого ее движения. Она прижалась к нему, близко и хлестко, так что дыхание перехватило.

— Да, — прошептала она. — Сделай это, Драго. Покажи мне. И тогда, может быть, я покажу кое-что тебе.

Он был полностью одет, она была обнажена, но это Драго чувствовал себя беззащитным в эту секунду, когда ее теплое, совершенное тело прижималось к нему, и он чувствовал ток ее крови, и ее блестящие от боли в многочисленных порезах глаза блестели с вызовом.

Она была превосходна. Это стоило признать.

А через много-много лет Драго целовал ее израненные колени. Она стояла, такая же обнаженная, как годы назад. Он держал в руке цепь, вгрызавшуюся в золотой ошейник на ее шее. Еще полчаса назад она вся принадлежала ему, с готовностью принимая внутрь его, и лезвие его ножа. Но сейчас лицо ее приобрело скучающее, властное выражение, которое ему хотелось стереть с нее ударом.

— Нам нужно уйти, — сказала она. — Я думаю, он знает.

— Что он может знать, любовь моя?

Драго коснулся губами внутренней стороны ее бедра, там где кожа была невероятно нежной и первозданно белой, никогда не тронутой солнцем.

— Он знает, что мы готовим себе армию.

Она не сказала: ты готовишь мою армию. Но она имела это в виду. Она обещала посвятить его во все, если он причинит ей достаточно боли, и он справился. Она впустила его к себе в дом и разделила с ним постель, она показала, как приручает его чудовищ.

Она сказала ему, что он станет ее королем, а она будет его королевой. Нет больше ее Отца, а если и его Отца не будет, то что тогда? Кто тогда?

Драго не интересовала власть, это все было ему скучно, пресно. Что давала власть в политическом смысле против власти над самыми тонкими структурами живых существ. Но она хотела этого, ее глаза горели, а губы были как мед.

И ее возбуждение, плясавшее внутри зрачков, передавалось и ему.

Сейчас она сидела неподвижно, спина ее была прямой, а вид почти скорбным. Драго дернул за цепь, и она подалась к нему, он поцеловал ее, искусанные губы кровили, и вкус этот оседал у него на языке. Она подчинялась ему и подчиняла его.

Ради нее он предал все, во что верил. Он впустил своих чудовищ во все уголки земли, и они спали под осенними

листьями, укрытые снегом, укрытые бурной водой, под пеленой моря. Они спали, верные Розе, они ждали.

Ждал и Драго. Она, его цветок, была у него в руках, но он должен был дать ей правильную землю. И этой землей была Аркадия.

— Все закончилось, Драго. Мы все потеряли. Мы должны бежать.

— Как ты узнала?

— Каспар намекнул мне.

— Может, он блефовал?

— Определенно нет. Я хочу, чтобы ты нашел способ выбраться отсюда.

— Из Аркадии? Просто так? Мы даже не попробуем?

— Да. Как скучно.

Они говорили об этом просто, будто вели стройную и совершенно лишенную значения беседу за бутылкой вина, пресытившиеся сексом, ненадолго, и разморенные. А потом она крикнула:

— Я не хочу умирать! Ты не понимаешь, Драго? Я не собираюсь закончить свою жизнь здесь! Я слишком много знаю о смерти! Я видела ее! Я не хочу стать одной из его игрушек! Я хочу выбраться отсюда!

Голос ее звенел, как струна, готовая лопнуть в любой момент, и Драго увидел страх в ее прекрасных глазах, за которые он отдал бы жизнь. Пощечина оказалась хлесткой, Роза прижала руку к щеке, впервые она выглядела беззащитной.

Драго снова дернул ее за цепь, они замерли друг перед другом, за секунду до поцелуя, и Драго зашептал ей, лихорадочно, как в горячке.

— Тише, девочка, я обещаю, еще до рассвета ты будешь на земле. Мы с тобой отправимся в какое-нибудь удивительное место, где ты будешь жива и счастлива.

Из уголка ее прекрасных губ струилась кровь, делая ее улыбку еще более яркой.

* * *

И я проснулась, и увидела холодный свет бесчисленных звезд над моей головой. Теплая летняя ночь укрывала меня вместо потолка. Сон не рассеялся, как это часто бывает, когда просыпаешься, он оформился, стал четче и ярче, как проявленная пленка. Я видела своих родителей, ту другую их жизнь, о которой мне ничего не полагалось знать. Я не могла с уверенностью

сказать, что я ощущаю. Все казалось абсурдным, будто я смотрела спектакль, где мой папа был одет в черное, а мама ни во что не одета, и они разыгрывали драму великой любви и боли, и мучили друг друга, и скрывали тайны, которые могли стоить им жизни. Все это было далеко от торговли оружием и наркотиками, и Югославской Войны, от роскошных машин и стрельбы в клубах, от банковских счетов и карательных акций — от всего, что я привыкла ассоциировать с их жизнью. Сказочная, красивая и отвратительная одновременно история, как изъеденные личинками цветы или облитые кровью иллюстрации в детских книжках о прекрасных замках и принцессах.

А какой у этой истории был конец? А потом они сбежали и начали новую жизнь ценой свободы их еще не рожденной дочери.

Отец говорил, что мечтал обо мне с того самого момента, как впервые понял, что любит Розу. Думал ли он, что мне придется пережить или надеялся меня защитить, или полагал, что мне будет лучше в Аркадии? Мне не у кого было спросить, и я вдруг поняла — папа ведь всегда был рядом. До этого момента я могла обратиться к нему когда угодно, с любым вопросом, даже самым дурацким. А сейчас некому было ответить на мой самый главный вопрос. В моей башне еще оставались папины следы. Я видела, как понуро болтаются сохранившие свой золотой блеск цепи, к которым была прикована Роза. Всюду царил беспорядок, забытые чужие вещи, на которых тем не менее не осело ни одной пылинки, будто время обходило их стороной и не давало скрыться под вуалью пыли. Папа ушел отсюда навсегда, а вещи его были разбросаны так, будто он собирался вернуться через пару часов. Блестели, умываясь каплями ночного света, кинжалы, спицы, скальпели, разбросанные тут и там, металлический мусор, способный вырывать из людей ужасные страдания. Каменные стены были обклеены картинами, здесь анатомически искаженно, патологически изображались скелеты, органы, мышцы зверей и людей, и существ, которые ни зверями, ни людьми назвать было нельзя. Папа придумывал чудовищ, рисовал их планы, строил проекты, а потом вырывал из человеческих душ то, что ему нужно. Он их кроил, как хотел, он их уродовал. Но я смотрела на его планы, на надписи, такой знакомый папин почерк, заметки и списки. В темноте эти существа, лишенные ртов или глаз, искривленные, с вытянутыми или обнаженными костями, с вывернутыми наизнанку органами или просто зубами чуть слишком большими для человеческих, казались еще более жуткими и в то же время — удивительно красивыми. Я видела, что на полу вместе с инструментами для пыток, ножами и плетками, иглами, лезвиями, притаились и цветы. Головки роз и

лилий были как головы обезглавленных в бою солдат, валялись там и тут, лишенные стеблей, смотрели в открытое, вечное небо.

А я все думала, как мне жаль ту лягушку, которую обезглавил Аксель. Она ведь ни в чем не была виновата, она послушалась меня. Я, кажется, одна понимала, что все эти монстры — беззащитные, беспомощные существа, калечные по самой своей природе, несчастные, испуганные, изуродованные моим папой или тем, кто был до него. Мне хотелось пожалеть их, и я ненавидела Акселя за то, как он обошелся с этим созданием, к которому никто и никогда не проявлял сочувствия, которого достойно человеческое существо.

Я чувствовала себя Герхардом, на меня накатила такая нежность, что захотелось плакать. В этот момент я услышала, как кто-то скребется в дверь. Не так, как это делало бы животное или человек — звук был непрерывный и многотональный, множество лапок ходило по дереву, одни нажимали сильно, другие едва-едва.

— Войдите! — сказала я. И оно вошло.

Мы уже были знакомы. В комнату, с неудобством и неестественно шатаясь, вползла, с трудом оставаясь в вертикальном положении, гигантская сколопендра. Ее длинное тело было сплошной раскрытой пастью, живот рассекала вдоль открытая рана, по бокам которой блестели белизной в темноте зубы, эти зубы шевелились, будто были прикреплены не к неподвижным деснам, а к постоянно сокращавшимся мышцам. Сколопендра прерывисто, быстро дышала. Ее верхние лапки неловко обвивали фарфоровую миску с золотистым орнаментом, идущим по ее блестящим бокам.

— Привет, — сказала я. — Ты понимаешь мой язык?

Я говорила медленно и ласково. Я так давно ни с кем не говорила, и я прежде не испытывала ничего подобного. Я никогда ни о ком не заботилась, мне казалось глупым быть нежной, но сейчас все было по-другому. Это существо не знало другого языка, кроме языка любви, а мне хотелось достучаться до него. Прежде им только повелевали, я не хотела быть такой, как все вокруг.

Оно подошло ближе, комната наполнилась стуком бесчисленных лапок. Жвала открывались и закрывались, беспомощный, беззащитный рот не исторгал из себя человеческих звуков. Я протянула руки, и оно склонилось ко мне, передав мне миску.

Запахло розами и медом, вода в емкости была розоватая, то ли как детские духи в пластиковых флакончиках, то ли как щедро разбавленная водой кровь.

Я вопросительно посмотрела на мою сколопендру, но она

только опустилась в свое естественное, горизонтальное положение и принялась крутиться на месте, как глупая собака, гоняющаяся за собственным хвостом. А я все не могла перестать думать о том, что это ведь был человек.

Когда-то.

Я снова склонилась над водой. Она пахла приятно, так что я могла представить скорее духи, чем кровь. Я коснулась жидкости пальцем, она оказалась холодной, кончик моего пальца заблестел. Что мне было с этим делать?

— Что мне делать? — спросила я у сколопендры. — Можешь мне подсказать? Пожалуйста.

Я говорила очень медленно. Мне было жаль, что Герхард, Констанция, Астрид и Адриан в своих башнях. Мне хотелось к ним, даже просто услышать их голоса. Вместе мы бы могли что-нибудь придумать. А я была одна.

Сколопендра еще некоторое время не прекращала свое навязчивое движение по кругу, а потом вдруг выпрямилась изогнувшись странным, наверняка болезненным образом. Как могло быть в одном существе столько боли? Сколопендра замерла, будто смотрела на меня, и теперь я уже не знала, слепа она или нет. На секунду я испугалась, что сейчас это существо бросится на меня, и его протяженная пасть выпотрошит меня, как рыбку. Но ничего такого не случилось, сколопендра зашевелила самой верхней парой лапок, будто протирала места, где должны были быть ее глаза.

Мне показалось, что она плачет.

Но почти тут же я поняла, что имеется в виду. Мои пальцы снова коснулись розоватой, пахнущей, как духи Розы, воды, пальцы заблестели, будто в эту жидкость всыпали мельчайшие, совершенно неощутимые частички драгоценных камней. Я закрыла глаза, запрокинула голову и смазала веки жидкостью. Глаза приятно зажгло, я ощутила тепло, оно будто проникало в мой мозг, текло сквозь глазные нервы, втягивалось внутрь.

Когда я открыла глаза, все было неверным и расплывчатым, но только пару секунд. Затем я увидела стоящего у стены человека. Он был во всем черном, но строгого впечатления не производил. На нем были старомодные, лаково блестящие в лунном свете туфли, брюки в настолько тонкую белую полоску, что в нее даже не верилось, легкий черный плащ и шейный платок. Он был франт из начала двадцатого века, такой же неподходящий этому средневеково-сказочному месту, как и я.

— Доброй ночи, Делия, — сказал он. А я все не могла отвести от него взгляда. Это был удивительно красивый человек, не молодой, но еще и не старый, точнее его возраст нельзя было

определить. Он был темноволосый, но белокожий, его тонкие, нервные черты казались удивительно, даже неестественно красивыми, но в лице была некоторая напряженная беспокойность, делавшая его несколько отталкивающим. Я тут же проследила, что в папе есть что-то от него, но папина внешность была разбавлена чем-то земным и теплым, а этот человек обладал ангельски-холодной красотой. Самыми удивительными были его глаза — яркие, желтый и красный, и в обоих зрачки расплывшиеся, как желток у плохо приготовленной яичницы, совершенно неправильной формы. Эти глаза испугали меня больше, чем все монстры вместе взятые.

Я отодвинулась на край огромной папиной кровати.

— Доброй ночи, — сказала я без охоты. Сколопендра замерла, перестав подавать всякие признаки жизни. Я надеялась, что он ее не заметит.

— И давно вы здесь? — спросила я тихонько. Он пожал плечами, его движения обладали той обаятельной небрежностью, которая или очаровывала или отталкивала.

— Некоторое время. Мне было интересно за тобой наблюдать. О человеке лучше всего расскажет его поведение в полном одиночестве.

Он улыбнулся, и я почувствовала себя Алисой в Стране Чудес. Только это был очень недобрый Чеширский кот. Вот бы от него осталась одна улыбка.

— Но теперь-то я буду знать, что здесь нельзя быть уверенной, что я одна.

— И тогда мне тоже захочется на тебя посмотреть. Ты будешь проситься домой или перейдем сразу к делу? Я думаю, ты устала. Мне не хотелось бы отвлекать тебя больше положенного.

Он говорил абсолютно нормально, даже слишком, так что это казалось подозрительным. Я смотрела на него и ждала. Аксель говорил, что Неблагой Король был абсолютно безумен. Но его безумие не было очевидно с первого взгляда, поэтому и пугало. Он был вежливый, обходительный, старомодно одетый человек с глазами, в которые невозможно было смотреть.

Он сказал:

— Ты достойная дочь своего отца. И ты займешь его место.

Он кивнул на монстра, без брезгливости, но и безо всякого внимания, будто он был не больше, чем безделушкой.

— Они слушаются тебя. Чтобы они служили мне, я и твой отец пытали их, подчиняли их, ломали их. Тебе достаточно слова. А знаешь, что самое главное? Ты можешь заставить их не бояться. Ты можешь утешить их боль. Я всегда говорил, что дети лучше родителей.

— Ваши дети лучше вас?

— Наверняка.

Он улыбнулся, сделал шаг ко мне, и я дернулась.

— Не бойся, — посоветовал он.

Но мой страх был сильнее любых советов. Неблагой Король вызывал у меня инстинктивный ужас, как мысли о собственной смерти, настоящей, а не той, где я присутствую на собственных похоронах в качестве бесплотного духа в стиле готических романов конца девятнадцатого века.

О смерти подлинной, о небытии, в котором не мир теряет тебя, а ты теряешь весь мир, об ужасе и пустоте, с которыми никто не может смириться. В детстве, когда я узнала, что умру, что однажды меня не будет, я начала кричать и кидаться вещами, чтобы папа что-нибудь по этому поводу исправил. Сейчас я ощутила такой же позыв, совершенно глупый, капризный, отбросивший меня на двенадцать лет назад, в самое начало моей жизни.

— Я не причиню тебе вреда. Ты — моя внучка, моя кровь, моя победа над временем. Я становлюсь лучше в каждом из вас, моя сущность путешествует в вашей крови. Я трепетен к такого рода вещам.

— Я видела кладбище на клубничном поле.

Он сложил руки на груди.

— Множество моих детей и детей моего брата погибли, не сумев доказать, что они достойны нести эту кровь. Ты очень красивая. Моя порода.

— Что я буду делать?

— То, для чего ты создана. Ты будешь управлять моими мертвецами, Принцесса Пастырей, Делия, дочь своего отца, владелица всех, кто боится и кого боятся, хранительница внутренней боли и свидетельница тех, кто не может сказать.

Он вдруг вытянул руку, жестом, которым папа частенько приглашал меня пойти с ним куда-то, и меня передернуло от сходства моего отца и этого страшного, инстинктивно отвратительного мне человека.

На его неподвижной ладони переплетались тени и лунный свет, они сходились отовсюду, сплетались в черное с серебром, и я смотрела на этот удивительный танец вещей, которые прежде вовсе не считала материальными. Блеск и абсолютная тьма тонули друг в друге, выныривали друг из друга, и в самом этом движении я видела, как борются между собой два начала. Темнота и лунный, изменчивый свет. Мне пришло в голову, хотя я и не знала, почему, что это о моих родителях, это их сущности путешествующие в моей крови, сцепились сейчас на ладони у

Отца Смерти и Пустоты.

Наконец, я увидела, что тьма и свет начинают принимать очертания большого, изрезанного в замысловатом орнаменте кольца. Наконец, все окончательно обрело твердость, форму, вышло из небытия.

Черный металл, я даже не знала есть ли такой на земле, и лунный камень, украшающий диадему. Моя корона, подумала я, а потом Отец Смерти и Пустоты, наш Неблагой Король, короновал меня. И я почувствовала себя окольцованной птичкой, но тяжесть диадемы была и приятна.

Лунный камень был связан с Розой, изменчивый свет и мед, это было о ней. Цветы врезанные в черненый металл — папа, все о боли и о любви, красивое и уродливое. Моя грубоватая корона с самым прекрасным из камней была на мне, и я боялась пошевелиться, будто она могла изранить мне голову.

Еще стоило обрадоваться, что у меня такая готичная корона.

— Вот теперь ты окончательно дома, принцесса, — сказал Король. А я вспомнила, как часто папа называл меня принцессой. Мне стало неприятно, что это делает другой человек.

Он развернулся, направился к выходу и обернулся только у порога, запятнанный луной, от которой его глаза казались еще ярче.

— Кстати сказать, кровь моих детей всегда хорошо удобряла эту землю. Мои дети, это магия, а магия питает мою Реку. Я обречен снова и снова приносить их в жертву моей Реке. Такая моя участь. А какая твоя?

Но он не стал слушать ответа. Может быть, так было и хорошо, потому что у меня его не было.

Глава 10

Помещений в Замке было бесчисленное множество, они сохранили в себе слепки всех веков, всех стран. Сначала Флори этого не понимала. Замок был слишком огромен для нее, чужое, оглушающее место, которое намного больше внутри, чем снаружи. Когда Флори впервые взглянула на этот замок из ее детских книжек, она подумала, что внутри, наверное, сотни комнат. Оказалось, что внутри их тысячи. И она видела далеко не все. Король коллекционировал, как марки, моменты человеческой истории. Если знать, что ищешь, оно всегда находилось. Римские термы жаркие настолько, что невозможно дышать, большущие, пахнущие вечным камнем и пыльной сухостью египетские храмы, звенящие от шагов залы Ренессанса, броские, почти безвкусно красивые спальни в стиле барокко. Куда Флори только не попадала, она терялась в Замке, как Музее Истории Искусств в детстве. Флори чувствовала себя маленькой девочкой, потерявшей маму во сне, заблудившейся в здании, где нет никого родного. Ей было страшно и очень-очень хотелось домой, в Вену. А ведь прошло уже тридцать лет, она должна была привыкнуть. Не получилось. Флори всюду была совсем одна. Роза, ее приветливая и удивительно красивая сестра, жила в Башне в лесу, Каспар и Аурелиуш наперебой старались услужить своему дяде, единому, единственному теперь королю. А Флори еще помнила, как добр был к ней ее Отец, благой, справедливый король. Он всегда был в белом, похожий на ангела, про которых мама пела в детстве.

Флори, если можно так выразиться в отношении своего настоящего, биологического отца, испытала сильную трансферентную реакцию. Он был с ней добр, и учил ее, что они не могут помочь всем, но если они могут помочь хоть кому-то, то живут уже не зря.

Теперь он лежал в гробнице, хрустальной и тесной, увитой жадным плющом, а Флори все еще выполняла его завет. Аурелиуш вовсе бросил работать, Каспар предал его, Роза жила в уединении, и Флори не знала, выполняет ли она свою часть договора. Флори выполняла. Терпеливо, день за днем, Флори сотворяла людям вещие сны, сны, которые могли спасти им жизни, если они только обратят внимание.

И на ее счету было множество тех, кто не вошел в поезд, который сойдет в рельсов, множество тех, кто вовремя попал ко врачу, множество тех, кто навестил своих стареньких близких и тех, кто не дал несчастью случиться со своими детьми.

Если подумать, это то, ради чего она когда-то захотела стать врачом. И хотя, в конечном итоге Флори скорее врачевала головы, чем тела, для нее все еще было важно, что она могла кого-то спасти.

И, как и в ее земной профессии, все на самом деле зависело от человека. Не все принимали ее дары, для многих это были последние в жизни сны, и Флори было жаль таких людей, но она ничего не могла поделать. Единственным ее способом связи с миром снаружи были сны. Было забавно, что будучи психоаналитиком, Фрэнни трактовала сны, а теперь она создавала их, пользуясь собственными же знаниями о том, какие чувства у людей способны вызвать определенные образы.

Она любила ту работу, которую дал ей Благой Король, и ей не хотелось бросать ее, хотя Каспар частенько намекал ей на то, что власть переменилась, а следом перемениться должен был и род занятий. Каспар предал дело своего Отца, Каспар развязал самую огромную бойню в истории человечества, в которой сгорит и город Фрэнни, так любимый ею город. А Каспар смеялся, пробуждая в людях темную, слепую силу, готовую обрушить мир в пропасть. Каспару нравились такие вещи, он был создан для этого. Неблагой Король предлагал Флори владеть теми, кто умрет во сне, но она отказалась.

Он терпел ее здесь, не мешал Флори делать свою работу, и этого было достаточно.

В тот особенный день, который ей навсегда запомнился, Флори сидела в гостиной. Так она называла эту комнату, потому что она была очень похожа на гостиную у Флори дома. Флори любила эти глубокие кресла, обтянутые бутылочного цвета тканью, обои с цветочным орнаментом отсылавшим к индийским мотивам, но сильно европеизированным, запах сигар, усыпляющий и успокаивающий, тяжелые шторы и морские пейзажи в массивных позолоченных рамках. Шахматный стол, длинное зеркало, выглядывающие из вазы свежие белые цветы, все это напоминало ей не то о ее собственном доме, не то о доме ее лучшей подруги Гретхен, так часто бывает с приметами времени — они кажутся очень родными, но в собственном прошлом абсолютно точно не припоминаются, все это интегральное, слитое воедино дежа вю начала двадцатого века. Флори казалось, что стоит ей выглянуть в окно, и она увидит редкие машины, взлетающие по подъему дороги. Теперь-то машин стало гораздо больше, и были они совсем другие. Огромная эволюционная разница, как между волком и пуделем.

Флори не всегда находила гостиную среди все время меняющих свое местоположение комнат. Только башни были

стабильны в Замке, как оси, вокруг которых все и вращалось. Получалось не всегда, но Флори не теряла надежды однажды запомнить алгоритм путешествия по коридорам. Флори специально одевала платье, в котором была, когда Отец забрал ее из Вены. Она представляла, что снова дома.

И хотя Флори плела сны, а не строчила отчеты о своей научной работе, ее посещали радостные, спокойные мысли о том, что она, наконец, вернулась.

Плести сны было просто, хотя Флори никому не смогла бы объяснить, как она это делает. Ее пальцы совершали движения, она то перебирала невидимые нитки, то завязывала узелки, и мысли вторили ее движениям. Иногда с пальцев срывались искры, в которых таяли отражения придуманных ей снов.

Самая большая хитрость — ничего нельзя говорить напрямую. Нюанс оговоренный Отцом и Неблагим Королем за тысячелетия до ее появления на свет. Ее сестры, бывшие здесь прежде Флори, следовали ему беспрекословно или же умирали.

И Флори тоже не могла поведать людям то, что их ждет — напрямую. Она говорила загадками, хотя больше всего ей хотелось кричать: осторожно! берегись! уходи!

Сейчас Флори плела сон для человека, который мог спасти свою семью. Его образ и то, что будет с ним пришло к Флори в ее собственном сне. И хотя она не могла спасти полсотни таких же как он людей, она могла помочь ему. А если бы он помог еще кому-то, то, может быть, в мире стало бы еще чуть меньше боли.

Его звали Ицхак, он жил в Варшавском гетто со своей женой и крохотной дочкой, еще более крохотной, чем ей полагалось быть, не растущей из-за недоедания куколкой. По ночам девочка плакала от голода, и Ицхак дрожал при мысли о том, что кто-то пожалуется юденрату, и ему велят заткнуть его несчастную девочку. А он не заткнет ее, не сможет, она еще и речи-то не знает. А в следующий раз Ицхак окажется в списках, которые будут зачитывать немцы, пришедшие на акцию.

Вот чего боялся Ицхак, но вышло по-другому. Никто на него не жаловался, все молчали. Но дом, в котором жил Ицхак нужен был немцам под швейную мастерскую — зима на Восточном фронте обещала быть мертвецки холодной.

А это значит, что жители этого дома, которых некуда расселить, были обречены. Другие придут в этот дом, будут работать там, подыхать с голода, а Ицхак уйдет.

Флори думала все это и думал Ицхак, он забылся беспокойным сном, и Флори ловила искры его мыслей, направляя их.

Он и его жена, и крохотная дочка, бежали в лабиринте серых,

слишком хорошо знакомых со смертью домов гетто.

— Что они сделали с нашей Варшавой, — плакала жена, а дочка уже не плакала, только попискивала от голода. Они бежали, силясь найти свой дом, только его нигде не было. Они бродили невероятно долго, не находя ответа на свой вопрос — куда же им теперь идти? Они плутали в рядах ставших одинаковыми от горя построек, на пожарных лестницах стояли люди, которых давным-давно уже увезли, и Ицхак знал, что они не вернутся обратно. Наконец, Ицхак увидел, как нелепая громада их дома вгрызается в серое, дождливое небо. Они взбежали по лестнице, снова заголосила дочка.

Дома было чисто и прибрано, как раньше, когда еще были силы убираться, светило солнце, и Ицхак понял, что начался короткий праздник лета. Может быть, удалось бы вырастить что-то во дворе. Солнце осветило прекрасное лицо его девочки, синие от детства глазки, и Ицхак впервые за долгое время увидел, как она заулыбалась. На накрытом белой скатертью столе стояла банка с вареньем, какое часто делала его бабушка. Той повезло — умерла до войны.

Ицхак уже и забыл, каков сахар на вкус.

— Сейчас, сокровище, сейчас, — сказал Ицхак. — Давай наркомим твою маму, а она накормит тебя.

Кто же сделал им такой подарок? Жена с дочкой в руках так и стояла без движения. Ицхак шагнул к столу, взял банку, но она выскользнула у него из рук и разбилась о паркет, заляпав его красным. Небо за окном заволокло, солнце совершило короткий путь по небу и исчезло. А Ицхак увидел, что это не варенье, а кровь разлитая по его кухне — густая, потемневшая кровь под его ногами. Он закричал в отчаянии, как раненное животное, и в этот момент в дверь начали стучать. Сначала — в дверь, а после стучали в стены, стучали в окна, чужие, злые люди снаружи хотели пробраться в его дом. Дребезжали стекла, дрожали стены, дом был только скорлупкой и готов был уступить чьим-то требовательным движениям. Дом перестал быть безопасен, дом стал страшнее нарушения комендантского часа.

Последняя тревожная искра сорвалась с пальцев Флори и растворилась в теплой пустоте безопасной гостиной. Флори вздохнула. Она чувствовала себя уставшей, но работа была сделана хорошо. Ицхак проснулся среди ночи, в беспросветной темноте усталого Варшавского гетто. Флори надеялась, что он поймет посланный ею сон, а больше она ничего не могла.

О чем-то своем трещал камин, и Флори уютнее устроилась в кресле. Довольная усталость колыхала ее разум, как спокойные волны теплого моря, и она задремала, слушая разговоры огня.

Проснулась она совсем от других разговоров.

— Я не думаю, что у нас что-нибудь получится, — шептал кто-то, запальчиво, перепугано.

— Но мы должны. Если мы не разбудим его, мы погибли.

— Мы погибли, если попытаемся сделать то, о чем ты говоришь. Наша кровь не разбудит Отца, она лишь приманит Неблагого Короля.

Сон сходил с Флори медленно, по капле, и она не сразу узнала говорящих. Постепенно их голоса проявились из небытия. Их было трое: Винченцо, молодой лакей-итальянец, прибывший сюда лет на десять позже Флори, совсем мальчишка, Михаил, русский аристократ, спесивый и бывший старым существом уже когда Флори попала сюда, и Соледад, яркая, блестящая от драгоценностей испанская женщина. В той жизни она, кажется, работала камердинершей у какой-то госпожи из восемнадцатого века. Теперь же, обретя второй шанс, она решила стать своей госпожой, используя ее манеры и повадки.

Все они были из Младших Детей. Они не обладали ни силой, ни титулами, их принято было обходить стороной. И если Отец защищал своих Младших Детей, то Неблагой Король приносил собственных Младших Детей в жертву, чтобы удобрить ими землю Аркадии, они появлялись здесь только для того, чтобы умереть. После того, как Отец уснул, Неблагой Король уже приказывал казнить нескольких из Младших Детей Отца. Флори никогда не общалась с Младшими Детьми близко, но ей было их жаль. Она бы не выдала их, но ей все равно не хотелось, чтобы они поняли, что Флори здесь. Флори сильнее вжалась в кресло, перестала даже дышать.

— Мы должны разбудить его, пока мы все не умерли, — говорил Винченцо. Голос у него зазвенел, вскочил вниз и тут же опустился до почти неслышимого шепота.

— Мальчик прав, — вздохнул Михаил. — Если мы не попробуем, то будем повинны в собственной смерти. Тот, кто ничего не сделал для собственного спасения его и не заслужил.

— Это все имеет смысл, — сказала Солидад. — Если мы точно знаем, что все сработает.

А потом Флори услышала шум, дверь распахнулась, и голос Каспара, хриплый, насмешливый, вгрызся в ее барабанные перепонки.

— А если не сработает? — спросил он. — Что тогда будем делать, а? Сядем в кружочек и заплачем, малыши?

Флори закрыла глаза, надеясь, что все это сон.

— Что, думаете у стен давно не чистили уши? — сочувственно спросил Каспар. А ведь прежде он был за столом

вместе с ними, и с Флори тоже. Теперь он безраздельно принадлежал Неблагому Королю.

— Каспар! — воскликнула Солидад. — Ты был нашим братом, ты и сейчас наш брат.

— Но меня усыновили! Потому что я талантливый, а вы нет!

— Подожди, Каспар, — продолжила она. Голос у нее был дрожащий от волнения. — Не говори ему, не говори и, мы обещаем, ты не останешься в обиде, когда Отец проснется.

— Отец пускай храпит там, где мы его оставили, — сказал Каспар. — Но мне с вами разговаривать не досуг, у меня там операция Маркет-Гарден, а вы — скучные!

Каспар хрипло засмеялся, а потом Флори услышала чьи-то тихие шаги — слух был напряжен до предела. Дверь с треском закрылась, приглушая смех Каспара, а больше никаких звуков будто бы не было. Флори не выдержала и выглянула, как можно более незаметно. У двери стоял Сигурд. Он был высокий, удивительно красивый скандинав, царственный, каким полагалось быть, наверное, какому-нибудь ярлу. Говорили, что ему почти тысяча лет. Он, вместе с еще одним сыном Неблагого Короля, пережил множество своих братьев и сестер, большинство из них Сигурд казнил сам. Он и Каспар были единственными, кому разрешалось покидать Аркадию. Сигурд был личным палачом Неблагого Короля, он убивал тех, кто, как считал Король, плохо влияет на его дело в мире. На его руках была кровь благоразумных королей, великих просветителей, религиозных реформаторов, гениальных ученых. Наверное, он был запятнан лучшей кровью человечества. Когда Неблагой Король хотел, чтобы умер кто-то из его детей или племянников, его приказ тоже выполнял Сигурд. Он был машиной для убийства, и Флори никогда прежде не слышала от него ни единого слова. Он жил в одной из башен и если кто-либо видел его, это всегда было знаком того, что вскоре будут умирать люди. Сигурд стоял неподвижно, не как солдат на смотре, а как-то по-особенному, болезненно прямо, не слишком естественно. Винченцо первый бросился к нему. Флори бы, наверное, так не смогла, но она понимала, зачем это сделал Винченцо. Умирать страшно, а умирать без боя — еще страшнее.

Сигурд перерезал ему горло еще прежде, чем Винченцо вскинул меч. Флори закрыла глаза, но все равно слышала, как кровь толчками вырывается из темницы его тела, как он хрипит. С Сигурдом никто даже не пробовал договариваться, все знали, что это невозможно. Флори открыла глаза, она увидела, что Сигурд сражается с Михаилом. Все это было не то чтобы очень технично, как в театре, а скорее яростно, и намного быстрее — схватка была

совсем недолгой. Меч Сигурда вошел в тело Михаила, как нож входит в мясную тушу, в этом не было ни красоты, ни трагизма, никаких чувств. Для Сигурда это была рядовая работа, так кухарка на кухне разделывает куриц, так фермер режет свиней — он не думал о том, что отнимает чью-то жизнь.

Солидад рванулась к двери, пока Сигурд потрошил Михаила. Флори привыкла к подобным сценам, ее почти не тошнило, но она все еще не могла оторвать взгляда. Флори болела за Солидад. Сигурд как будто был слишком увлечен движением меча в мясной туше, которая прежде имела разум, чувства, собственную судьбу. Флори надеялась, что Солидад удастся сбежать, она уже была вне зоны досягаемости меча Сигурда, а потом даже схватилась за ручку двери. В этот момент Сигурд достал из-за пояса пистолет. Это было так нелепо. Сигурд был будто рыцарь, в темных доспехах, почти черных, в короне. Рыцарь из «Смерти Артура» Мэллори, мрачный и смертоносный. Пистолет в его руке смотрелся комично, но обращался он с ним виртуозно. Сигурд выстрелил, даже не оборачиваясь. Пуля попала точно в затылок Солидад, она стукнулась головой о дверь, оставив на ней кровавый отпечаток, ее тело к тому времени уже вела инерция, а не воля. Как только тело сползло вниз, Флори поняла, что сейчас умрет тоже. Она вдруг перестала быть сторонним наблюдателем и стала непосредственным участником.

Сигурд замер, внутри у Флори затрепыхалась, как выловленная из аквариума рыбка, мечта о том, что Сигурд не заметит ее. В гостиной было темно, и она не издала ни звука, почти не двигалась, а он на нее не смотрел. Когда Флори почти удалось уверить себя в этом, дать себе надежду, она услышала, наверное, одна из немногих за долгое-долгое время голос Сигурда. Он сказал:

— Могла бы ты, пожалуйста, выйти? Так мне будет удобнее.

Голос его был лишен всяких интонаций, будто он только озвучивал текст, оставаясь безучастным. И тогда Флори поняла, что было таким жутким и странным в нем. Он, даже убивая, не воспринимал людей, как живые объекты. Для него это были предметы, он не понимал, что они одушевлены, как он. Флори почувствовала, как к горлу подкатывает комок. Она не шевелилась, даже не потому, что не хотела — не могла.

А потом он оказался рядом — переместился. Говорили, он умеет такое, говорили, так он покидает Аркадию и поэтому его невозможно ранить. Сигурд прижал лезвие меча к ее горлу, напоенное кровью, оно еще было теплым. Он не нажимал, не ранил ее, но стоило двинуться ей, и оно, такое острое, войдет под кожу. Флори заплакала, а Сигурд сказал:

— Издавай какие-нибудь другие звуки, пожалуйста.

Свободной рукой он вытащил черный блокнот, принялся довольно ловко листать его, чему-то кивая. У него был задумчивый, нелепый вид. Флори вдруг захотелось засмеяться. Ей не верилось, что кто-то приносящий столько смертей может быть таким комичным. Этот контраст вызвал у нее истерические всхлипы, перешедшие в смех.

— Спасибо, — сказал Сигурд. Видимо, он решил, что я смеюсь, потому что он не хочет, чтобы я плакала, подумала Флори. Наконец, перелистнув очередную страницу, Сигурд сказал:

— Тебя в списке нет. Я не понимаю. Тебя не должно было здесь быть.

— Я просто пришла сюда и заснула, — выдавила из себя Флори. Сигурд помотал головой.

— Не ясно. Обычно людям удобнее спать в горизонтальном положении, это обеспечивает наибольшую площадь соприкосновения тела с поверхностью, тогда если мышцы расслабляются, они не болят. Но бывают разные обстоятельства.

Его меч все еще упирался в горло Флори, а вокруг пахло кровью и выпотрошенными органами, мерзко, тошнотворнее, чем в анатомической секции в Университете. А Сигурд говорил о том, в какой позе люди обычно спят, да еще таким тоном. Флори засмеялась громче, он сказал:

— У тебя шок. Таким образом, я не смогу тебя допросить.

— Ты серьезно? — смеялась Флори, из глаз ее лились слезы.

— Я всегда серьезен.

— А ты говорил с кем-нибудь прежде? — вдруг спросила она.

— За свою жизнь я говорил с четыреста сорок одним человеком. Ты четыреста сорок первая, — сказал он серьезно. — Я разговаривал в тысяча восемьсот пятьдесят седьмом году прежде, чем заговорить с тобой.

— А зачем ты заговорил со мной? — спросила Флори. Ей хотелось тянуть время как можно дольше. Она смотрела на него и, внезапно, вместо отвращения к этому автомату смерти, она ощутила, что он забавный — это была реакция на стресс.

— Потому что мне нужно было уточнить обстоятельства твоего местонахождения здесь. У меня нет приказа убить тебя, поэтому я должен выяснить детали у Отца.

Он развернулся, и Флори почувствовала, как сердце ухнуло вниз. Еще хотя бы пять минут.

— И что случится, если ты не уточнишь прямо сейчас? Конец света?

— Нет. Конец света случится, когда Солнце увеличится в

размерах, превратится в красный гигант и поглотит все планеты земной группы.

— Тогда не уходи!

— Я не понимаю, как связано то, уйду я или нет со звездами поздних спектральных классов.

Он обернулся. Флори впервые посмотрела ему в глаза, у него был пробирающий до костей взгляд, будто он смотрел сквозь нее, куда-то дальше, не видя ее. Так смотрят кошки и очень больные люди. Он был до дрожи жуткий и очень смешной — Флори не понимала, как это сочетается. Она сказала:

— Я не хочу умирать.

— Я тоже. Это заложено в наших базовых инстинктах.

— У нас много общего, правда?

— У нас действительно много общего — мы кузены и принадлежим к одному биологическому виду, наши органы работают примерно одинаково, у нас похожий состав крови, нам необходимо есть и спать, мы используем гортань для голосообразования, хотя у нас разные языки.

Флори смотрела на него, округлив глаза. Он продолжал говорить, озвучивая многие и многие факты, которые были для них общими. Ни об одном из них Флори никогда не думала, если говорила, что у нее много общего с кем-то. Сигурд закончил:

— И, наконец, мы способны оперировать комеморативными практиками человечества, называемыми еще культурой.

Флори слушала его и улыбалась, ей захотелось смеяться еще громче. А когда он закончил, она вдруг только горше заплакала.

— Почему твои глаза влажные? Ты не хочешь быть на меня похожей?

— Я не хочу умирать, — сказала Флори. — Пожалуйста, не убивай меня. Мне страшно.

Сигурд смотрел на нее, лицо его не выражало абсолютно ничего. А потом, в секунду, он отнял меч от ее горла и поцеловал. Даже не поцеловал, просто прижался губами к ее губам, будто не знал, что должен был делать. Флори никогда не целовали прежде, она тоже не знала. Он крепко прижимал ее к себе, скорее руководствуясь инстинктами, чем правилами поведения. И Флори совсем не хотелось, чтобы он когда-нибудь ее отпускал.

А потом, много ночей спустя, она проснулась, в тысячный раз, в его постели. Сигурд обнимал ее во сне, он прижимал ее к себе, и Флори чувствовала себя такой крохотной рядом с ним. Его губы касались ее затылка, и она слушала его мерное дыхание. Она много о нем узнала.

Сигурд мог просидеть на одном месте четыре часа, непрестанно раскачиваясь, он знал наизусть все известные науке

созвездия, ему нравился синий цвет, он мог долго-долго крутить в руках сапфиры, которые хранил в ящике стола, у него не было представлений о неизменности пространства, он считал, что если вещь исчезла со стола, то ее больше вообще нигде нет, его невозможно было обидеть, но он впадал в ярость от слишком громких звуков. Его одолевало множество тревог, чью природу Флори не в силах была понять — он боялся трещин между камнями, не оставлял открытыми двери, иногда замирал, будто прислушивался к чему-то, все время что-то записывал в черный ежедневник, никогда не улыбался, потому что не умел, не любил картины и фотографии, не понимал выражений, употребляемых в переносном смысле, пословиц и поговорок, говорил, что все вокруг — враги, с первого раза запоминал стихи, когда она читала ему, чертил странные геометрические фигуры, названия которым Флори не знала, был до смеху прямолинейным и бесподобно, просто бесподобно убивал.

Сигурд сказал, что она давно нравилась ему, он следил за ней, она была ему нужна. Он не говорил, для чего, не выражал симпатию, как другие люди. В голове его царил хаос, и Флори не знала, какая бездна выводов и влечений привела его к ней. Но ей хотелось ему помочь. Иногда он мог не выходить из башни целый день, если ему казалось, что вещи в комнате могут изменить свое положение, он пристально следил за тем, что происходит вокруг, потому что оно непрестанно ускользало от него. Он ничего не понимал о людях, думал о них, как о предметах и смотрел сквозь них. Он был очень несчастен, его мир был пуст, ненадежен, состоял из мертвецов и врагов, хотя Флори не могла узнать, кто такие враги, откуда они и чего хотят. Сигурд бродил в лабиринте, где его преследовали чужие, незнакомые ему люди или даже существа. Никто и никогда не был с ним добр. Он был отпрыском одной богатой шведской семьи, его держали в комнате, и он не покидал ее до того, как попал в Аркадию. Сигурду, судя по всему, было чуть за тридцать, когда он сюда попал, и это пугало Флори. Никто и никогда не проявлял к этому человеческому существу уважения и заботы. Он был совершенно один, и Флори захотелось быть рядом. Он был ментально дезорганизованным и полным страха, никогда прежде Флори не видела никого столь несчастного. Флори даже почти забыла о том, что он — убийца, ее сердце было переполнено желанием сделать его хоть чуточку счастливее.

Она была с ним рядом, когда он ходил вперед и назад по комнате, в тревоге задергивал шторы и с отчаянием смотрел на беспечное ночное небо, от которого нельзя было укрыться. Она гладила его, говорила с ним, целовала его виски и лоб, горячие

от волнения. Он успокаивался и засыпал головой у нее на коленях. Сигурд говорил, что хочет ее защитить, и она улыбалась. Она спрашивала его о чем он мечтает. И думала, каким бы он был, будь у него хоть чуточку более нормальная жизнь. Можно ли было все исправить, дать ему шанс на счастье? Он был внимательным и очень умным, многое знал, и Флори часто представляла иную судьбу, которая могла бы у него быть. Она полюбила его, такого, каким он был. Сигурд всегда был очень бережен с ней, его руки, знающие ремесло убийства лучше, чем ласку, с осторожностью касались ее. Когда она говорила, что любит, Сигурд отвечал автоматически, повторяя ее слова. Сначала она злилась, а потом поняла, что он не умеет выражать своих чувств. Она ухаживала за ним, и он с благодарностью принимал это.

По прошествии стольких лет, Флори поняла, что Сигурд дал ей намного больше, чем она — ему. Этот человек, пропавший в черной дыре психотических переживаний, беспомощный и пугающий одновременно, открыл ей новый мир безусловной любви. Он не требовал от нее ничего, и она научилась не ждать ничего взамен. Где-то там, за бессонными ночами, случайной лаской, цикличными движениями и успокаивающей синевой неба, оказалось, что любовь это не что-то, что можно и нужно заслужить. Иногда Флори смотрела в его глаза, голубые, внимательные, всегда будто чуточку воспаленные, и думала, что не могла бы быть счастливее ни с кем. Она часто просыпалась среди ночи, чтобы посмотреть, спит ли он. Сегодня он спал, дыхание его было мерным и теплым. Флори прижалась к нему поближе, и он обнял ее крепче, не просыпаясь, как мягкую игрушку. Флори приготовилась снова провалиться в черное, теплое пространство сна.

Ее вывело из дремоты ощущение чьего-то взгляда, отчетливое и неприятное. Сигурд иногда смотрел на нее, когда она спала, это всегда заставляло ее проснуться и выглядело жутковато. Но сейчас Сигурд был рядом, спящий, обнимал ее. Флори зажмурилась думая о том, что в последнее время ему стало лучше, Сигурд стал спокойнее и казался счастливым. Она спросила у него, чего он хочет. И он сказал, что хочет научиться быть на людях, хочет стать королем, хотя монархия уже изжила себя, или работать в парламенте. Ей нравилось представлять их будущее, нравилось думать, что оно у них было.

А потом сон сошел, будто ее окатило холодной водой. Флори открыла глаза, ее сковывала тревога, сердце билось громко и очень быстро. Сначала она не увидела никого, и от этого стало только еще более жутко. Темнота перед глазами не развеяла ее

тревог, а усилила их. Флори потянулась за очками, очень осторожно, она боялась нарушить покой Сигурда. Было холодновато, и даже руку высовывать из-под одеяла казалось преступлением против своего организма. Единственное, что Флори не любила в комнате Сигурда, это отсутствие крыши. В этой части Аркадии никогда не бывало зимы, это было не смертельно, просто очень неуютно.

Не успела Флори надеть очки, как из темноты, скрывавшейся от луны и звезд, вышел Неблагой Король. Он был все тем же дэнди ее времени с сияющими глазами, он улыбался, и в темноте его зубы блестели, как зубы опасного хищника — острые, готовые вонзиться в плоть.

— Здравствуй, Флори.

Он всегда так шагал, будто собирался начать танец, особый, экзальтированный шаг. Флори села на кровати, склонила голову.

— Вечная слава вечному Королю.

Флори ощущала жар стыда, она была обнажена, в постели с мужчиной, которого любила, но ей все равно нужно было соблюсти вежливое приветствие. Она протянула руку, мягко погладила Сигурда по голове.

— Любовь моя, здесь твой Отец.

Он, обычно очень чуткий, от малейшего шороха просыпающийся, дышал все так же спокойно и мерно.

— Он не проснется, Флори, потому что я пришел говорить с тобой.

— Со мной? Неужели я могла бы вам чем-то помочь?

Флори говорила с некоторым сожалением, хотя все в ее душе вопило — хоть бы у него не было к ней просьб. Он был чудовищем, от него не стоило ожидать ничего человеческого, но, хуже того, он стремился сделать чудовищами всех вокруг. Сигурд до встречи с Отцом не убивал людей. Это Король искалечил его еще больше.

Король сел на край кровати рядом с ней, у него был совершенно светский вид, будто бы они встретились в парке, и он присел к ней поговорить о том, о сем, скоротать время.

Ему, словно, было плевать на то, в каком она виде, в какой ситуации. Звездный свет лился в комнату беспрепятственно, и Флори вдруг почувствовала себя на сцене. В театре, когда наступает время монологов, пускают особый свет, этот холодный и резкий свет прожектора выхватывает героя из темноты. Свет, как в операционной — безжалостный свет, привыкший к самым неаппетитным видам человеческой души. Что требовалось от Флори? В чем она была виновата, какие чувства ей полагалось распотрошить в себе?

Она не знала, и поэтому ждала.

— Ты мечтаешь об этом?

— Что вы имеете в виду? У меня есть определенные мечты, но я бы хотела подчеркнуть, что они никак не касаются вашей власти.

Король засмеялся, голос у него был мягкий, певучий.

— Ах, разумеется. У меня нет никаких сомнений в том, что ты для меня абсолютно безвредна. Флори, ты совершенно не амбициозна, не способна составить хороший план и просто феерически труслива.

Флори злилась, но ничего не могла сказать. Он сидел с ней рядом, смотря в задернутое шторой окно и мог говорить, что хочет. Сигурд мирно спал. Флори захотелось заплакать, позвать его, чтобы он проснулся. Он был сильным, он мог ее защитить. Но Флори знала, все бесполезно. Если Король хочет, чтобы он спал, Сигурд будет спать.

— О, дорогая, давай не делать вид, что ты не понимаешь, зачем я здесь?

Часть Флори понимала, но ей не хотелось признавать, что Король знает обо всем, даже об их мыслях и мечтах. Флори помотала головой.

— Но я правда не понимаю, что привело вас сюда в столь поздний час. Мне жаль, если я чем-то расстроила вас. Как я могла бы искупить свою вину?

Король засмеялся, потом хлопнул в ладоши. На его длинных, бледных пальцах блеснули перстни с рубинами.

— Даже не знаю! Как угодно! Или совершенно никак! На самом деле это одно и то же.

А потом Король схватил ее за подбородок.

— Надо же, Флори, ты боишься. Я дам тебе повод продолжить в том же духе.

Злая хватка его пальцев причиняла Флори боль, но Король этого не замечал. Он принялся насвистывать песенку, которую Флори впервые пела Сигурду, когда они засыпали вместе в одной постели.

— Хочешь сбежать с ним? — спросил вдруг Король, прервавшись на середине ноты. Оглушительная тишина затопила все, Флори попыталась отвести взгляд, но он снова грубо дернул ее за подбородок.

— Нет, мой Король, — ответила она, стараясь не выдать себя ни дрожью, ни голосом.

Она хотела. Они хотели. Флори мечтала освободить Сигурда. Он уничтожал свое сердце тысячу лет, и Флори хотелось, чтобы он нашел, наконец, покой. Они много раз думали, как можно

уйти из Аркадии и не вернуться сюда до самой смерти. Они составляли план за планом, отметали план за планом, приходили в отчаяние и пробовали снова.

— Давай-ка я испугаю тебя еще больше, Флори. Я знаю не только тайны твоего сердца, но и тайны других областей твоего организма. У тебя будет ребенок.

Флори вздрогнула. Это было невозможно, ведь Аркадия не давала жизнь, только отнимала. Она и Сигурд никогда даже не думали об этом, в Аркадии никто не был способен зачать ребенка — это была аксиома. Никто не думает о том, чтобы носить с собой зонт в Сахаре или сачок для бабочек в Антарктике.

— Через месяц убедишься, что я тебе не лгу. Не обязательно верить мне прямо сейчас, все уже случилось. Так что расслабься и получи удовольствие. Я расскажу тебе, что тебя ждет.

Король запустил руку в карман, на его ладонь взбежала длинная, вертлявая многоножка, ее кривые лапки перебирали по его ладони, она стремилась вверх, под рукав, но Король поймал ее двумя пальцами и по-гурмански медленно отправил извивающееся насекомое в рот, как конфету, с хрустом прожевал. Сочетание отвратительности сцены и его лощеного внешнего вида окунуло Флори в атмосферу сна — абсурдного и страшного в этой абсурдности. Все было, как во сне — страшная новость, которой не может быть в реальности, гротескные действия, любимый человек, который рядом, но которого нельзя дозваться.

— Ты сбежишь вместе с ним, если захочешь. Это не так сложно, как стоило бы ожидать. Предположим, я даже не буду мешать. Сигурд служил мне хорошо, и я отблагодарю его. А ты, что ж, твою деятельность сложно назвать подрывной, ты не мешаешь мне, но и не помогаешь, я скучать не буду. Итак, вы окажетесь над землей.

Флори почувствовала, как бьется ее сердце. Неужели, Король готов был отпустить их добровольно? Флори чувствовала волнение, не охватывавшее ее уже очень-очень давно. Она улыбнулась, отчаянно и с надеждой.

— Вы серьезно?

— О, совершенно. Только что вы будете делать потом?

Король задумчиво посмотрел на спящего Сигурда.

— Он уйдет, он всегда уходит. У тебя останется только его красивый сын. Ты останешься в мире, который тебе больше не знаком, совсем одна. И что ты тогда будешь делать? Твой сын будет хуже него, у тебя будет совсем глупый сын, и сознание его всегда будет далеко от тебя. Ты будешь вне себя от горя и совершенно одна. Твой мальчик вырастет и станет мужчиной, а единственной женщиной, которая окажется у него под рукой,

будешь ты. А ты думала о том, чтобы быть счастливой, да? Ты себе все представляла несколько по-другому, но жизнь часто расходится с нашими представлениями. Тебе все известно, теперь подумай. Ты сама убедишься в том, что я прав. Ты зря выбрала Сигурда, стоило быть с кем угодно другим, и ты зря думала, что можешь быть с ним счастлива.

И прежде, чем Флори успела ответить ему хоть что-то, он исчез, растворился в темноте, ночь поглотила его без остатка. А Флори так и осталась сидеть на кровати, слушая дыхание Сигурда.

* * *

Я проснулся резко, ощущение холода во всем теле проняло меня до костей, которые тоже, казалось, болели. Вообще-то я не собирался спать. Спать — не интересно, поэтому я стараюсь делать это поменьше. Но сегодня у меня была и другая, совершенно особенная причина. Я не хотел пропустить его приход. Закрывая глаза, я видел, как в комнату, перебирая тонкими лапками, входит паук. На его блестящей спинке покачивалась какая-то миска, в которой плескалась жидкость. Следом, через некоторое время, входил он — человек в черном костюме. Я знал, кто он, хотя в его облике об этом ничто не говорило.

Я решил не спать и дождаться его, меня охватил какой-то рождественский энтузиазм. Я ждал особого гостя, которого прежде никогда не видел. Это было хорошо и волнительно, и, как и всякий раз, когда я пытался бодрствовать специально, я ощутил непреодолимое желание закрыть глаза и минуточку, только минуточку полежать. Я заснул прямо на полу, это было неудобно и одновременно — приятно, как все неполагающееся. А когда открыл глаза понял, что снился мне долгий-долгий сон. Еще я понял, что этот сон был правдой. Прежде мои сны были просто снами, у меня случались видения, но никогда — вещие сны. В своих снах я спасал мир, сажал морковь, общался с людьми, которых едва знал в жизни и частенько женился, иногда даже на маме. Еще я был участником программы «Мой маленький электрик» и профессионально реализовывался в карьере автогонщика, потому что меня попросил тот парень, которого не любит общество, потому что ему нравится, когда его стегают девушки в нацистской униформе. Еще один раз я прыгал по балконам, чтобы украсть чей-то мобильный телефон. Все это было весело, но никак не похоже на реальность. Сны мне нравились,

они веселые. Наверное, это был первый сон в моей жизни, который меня не развеселил. Я проснулся с глубоким, кусачим чувством, наверное, это была обида. Я помнил ее из детства, когда мне не давали машинку в медицинском кабинете, а спрашивали какие-то вопросы. Мне это не нравилось, и в груди от этого становилось душно и кололо. Потом я надолго забыл об этом чувстве, а сейчас оно снова было, и очень-очень сильное, сильнее всего на свете.

Я не знал, что папа так сильно болел. Он был своеобразный человек, мог замереть посреди разговора, мог запереться в комнате в выходной, но он работал и не позволял себе странностей при чужих людях. Ему было тяжело слушать громкие звуки, но он вполне мог их стерпеть. Папа был вполне успешным и социализированным человеком, никто не назвал бы его безумным.

Я знал, что папа убил по крайней мере одного человека в жизни, но я не знал, что тысячу лет он только и делал, что убивал. От этого мне стало больно, но не обидно. Обидно мне было от того, что сказал Отец Смерти и Пустоты, как его называли, моей маме. Он сделал ей страшно и больно абсолютно просто так. Я не всегда говорил людям правду, если ничего нельзя было изменить. Моей учительнице в школе никак не поможет в жизни тот факт, что она потеряет своего первого ребенка во время беременности. Есть болезни, которые нельзя вылечить и люди, которых не сохранить. Это грустно, и об этом надо молчать, потому что к такому нельзя подготовиться, а можно только распотрошить себе сердце, непрестанно представляя, как все случится. Мне часто было одиноко наедине с этими случайным знаниями о чужих несчастьях, с которыми никто ничего сделать не может.

Но Неблагой Король сказал маме жестокую неправду, которая сделала ее испуганной и несчастной на долгие годы. Папа не ушел от нас, он любил меня и маму, как никого на свете, он был заботливым и верным, ему стало намного лучше (хотя я и не знал, насколько) с годами. Со мной было нелегко, у меня были проблемы, и я был далеко не самым умным парнем на свете. Но я всегда старался сделать моих родителей счастливыми. Мне хотелось, чтобы они получали от меня радость и часто улыбались, как люди, которым хорошо. Я не был кем-то, кого обещал маме Неблагой Король. Моя мама могла испугаться и отдать меня каким-то чужим людям, и тогда мы никогда не узнали бы друг друга. Мне стало грустно и очень обидно, я был зол. Прошло много времени с тех пор, ничего не сбылось, и мама увидела, что мы с папой лучше, чем она боялась, она дала нам обоим шанс, и

мы ее любим. И все-таки я чувствовал себя каким-то растревоженным, как будто кто-то ткнул в рану, которой я прежде не замечал.

Я огляделся. В папиной башне царил идеальный порядок. Здесь было много оружия и много книг. Я видел мечи и кинжалы всех видов с жадностью пожиравшие скудный ночной свет. С другой стороны были пистолеты и автоматы, винтовки всех мастей, я не знал их названий, но многие видел в фильмах. Здесь были старинные мушкеты и всякие разные ружья, пистолеты, снайперские винтовки, автоматы. Стены были украшены холодным и огнестрельным оружием так плотно, что, казалось, это все для красоты. Такие выпуклые и безмерно реалистичные рисунки на обоях или что-то вроде. Но все оружие было настоящим. Заряженным, острым, готовым убивать. Я заметил, что оружие закрывало швы каменной кладки. Папины страхи были здесь как на ладони. Все, что могло быть синим — было синим — балдахин на кровати, постельное белье, даже окно было закрашено, густо-густо, синей краской, и шторы были синие, что вместе с закрашенным стеклом смотрелось, как тавтология. И темно-синее ночное небо заглядывало внутрь с высоты. Я подумал, а что папа делал, когда шел дождь?

Когда я осматривался, чтобы отвлечься, я увидел миску, а может это была глубокая тарелка. Значит, паук, который ее принес, был очень осторожным, тактичным и меня не разбудил. Он мне сразу понравился, такое тихое и вежливое существо. Миска стояла на подоконнике, и я подошел к ней. Внутри плескалась переливающаяся жидкость, как жидкий розовый жемчуг, очень красивая. Я ощутил, как в голову ударил запах горьких трав в сочетании с чем-то холодным, химическим. Запах был красивый, но неприятный. Лиза бы сказала, что он немного альдегидный. Она любила духи, и когда была раздражена, могла вылить на себя пол-флакона. Мне не нравились резкие запахи, а ее они успокаивали. Я запомнил, что альдегиды придают аромату такой мыльный запах. Если он хороший, то ты как бы вышел утром в холод, чтобы забрать просохшее, свежее белье. А если аромат не очень — значит пахнет дешевым мылом. Здесь аромат был хороший, яркий. Я почувствовал зимний холод, хрустящий снег и хрустальную чистоту.

Я знал, что я должен делать. Знание пришло легко и приятно, как только я закрыл глаза. Я набрал в руки странной, приятной на вид и нервной на запах жидкости и умылся. В голове раздались маленькие взрывы, было очень странно, так бывает, когда пытаешься что-нибудь вспомнить, только в десять раз сильнее, голова работала интенсивно и почти болезненно, а

потом глаза зажгло и стало приятно.

Я отряхнулся, как собака, вытер рукавом лицо. Оказалось, что он сидит рядом со мной, на подоконнике. Я вздрогнул и отошел, но он только вздохнул.

— Я думал, что ты меня встретишь, но ты даже не проснулся.

— Я думаю, что вы специально меня усыпили. Вы хотели, чтобы я посмотрел…

Я замолчал. Нужно было сказать: прошлое моих родителей. Но я не мог. Мне было неприятно и все еще обидно.

— Полно тебе, Герхард! Ты, может, не такой глупый, каким я тебя выставил, но и не такой умный, каким должен быть нормальный человек. И все-таки ты в состоянии понять кое-что, да? Я должен был сказать этой твоей матери. Когда они уходили отсюда, я дал ей выбор. Твой отец умрет, или она отдаст мне тебя. Она вспомнила все, что я ей говорил.

И тогда я понял, почему мама всегда была очень печальной.

Неблагой Король продолжил, как ни в чем не бывало.

— Ну да ладно, в любом случае лучше жить в сказке, чем умереть, как думаешь? Сложно было бы сделать иной выбор. Тебе повезло, что ты не оказался в приюте из-за моей маленькой лжи, правда? Она думала об этом, но твои родители не смогли расстаться с тобой, когда увидели. Один у папы сын, и они сейчас очень скучают и боятся.

Я стоял неподвижно. Мне все еще не хотелось делать ему больно, как и другим существам, но я хотел, чтобы он замолчал. Тогда я закрыл уши. Голос Неблагого Короля, однако, раздавался будто бы у меня внутри. И хотя он говорил, шевелил губами и языком, открывал и закрывал рот, мне казалось, что именно так ощущаются галлюцинации.

— Успокойся, Герхард. Я не причиню тебе вреда.

В книгах часто бывает так, что можно предложить что-то взамен себя. Кого-то — еще чаще, но я бы не стал. И я сказал:

— Я могу вернуться домой, если отдам какую-то часть себя? Силу? Я могу видеть вещи.

— О, я знаю, мой дорогой. Я бы с радостью забрал твою магию, и мы встретились бы в следующий раз, только когда ты закончил бы свою жизнь. Но, к сожалению, я не могу забрать твою силу. Ты не обладаешь магией, ты — и есть магия. Она заключена у тебя внутри, в тебе самом, в твоей крови, в каждой ее капле. Я не могу потерять тебя.

Я запрокинул голову и принялся смотреть в небо. Это было намного приятнее, чем смотреть в жуткие глаза Неблагого Короля. В них было безумие, которое передалось моему папе и едва не сломало его. Еще меньше, совсем чуть-чуть, досталось

мне. Но как Отец Смерти и Пустоты мог жить с такой тяжестью? Наверное, ему всегда было плохо. Оттого он был очень, очень злым. Чем хуже человеку, тем злее он становится. Думает, один такой и ненавидит всех. Это грустно больше, чем ужасно плохо. Я нашел в себе силы пожалеть его, и мне стало лучше. Злость превратилась во что-то тусклое, как выцветшая фотография, завяла, угасла.

— Но я не смогу быть вам полезным, — пожал я плечами. — Я не хочу причинять боль другим людям. Люди — хорошие. Я люблю людей. Я хочу, чтобы они жили вечно.

И тогда Неблагой Король, Отец Смерти и Пустоты, засмеялся. Голос его разнесся по всей комнате, отскакивал от стен, как с силой брошенный мяч. Вот так я точно понял: он безумный, и он страдает от этого. Голос его искрился нездоровым огнем, и мне показалось, что все вокруг готово вспыхнуть от этого пламени. Это было странно, я обычно не чувствовал так, будто люди были совместны с миром вокруг. Было неправильно.

— Я предлагаю тебе, Герхард, стать моим шутом, моим Принцем Шутов. В тебе течет и моя кровь, не следует забывать. Взгляни на тьму ее глазами, Герхард. Смерть, это не всегда боль и отчаяние, мир не так прост. Иногда жизнь, это боль и отчаяние. Некоторые люди, не те подростки, которые поют об этом песни, молят о смерти каждый день, страдая от болей или медленно теряя рассудок, зная, что их надежды тщетны. Мне нужен кто-то, кто принесет им милосердную, сладкую смерть, забытье и путь сквозь великую реку, к другому, лучшему рожденью. Смерть, это не зло, дорогой мой Герхард, смерть это просто смерть.

Его огненные глаза со зрачками, расплывшимися, как у лягушки, смотрели на меня всякий раз, когда я закрывал глаза. Мне это не нравилось, и я сосредоточил взгляд на зрачках звезд, далеких и мертвых.

— Ты глупый, глупый мальчик, Герхард, нет ни добра, ни зла, когда дело касается человеческой жизни и смерти, это другие полюса, другие законы. И я предлагаю тебе творить не добро, но милосердие.

— Милосердие? — переспросил я. Я знал, что такое обреченность, я видел людей, которые болеют тем, от чего спастись нельзя. Мне было грустно, но я не думал об их смерти. Я думал, что всем хочется жить. Даже если больно, все равно хочется. Потому что жизнь, она абсолютно прекрасна и абсолютно желанна, даже когда очень плохо.

Я много видел, но про многое не знал. Он смотрел на меня, наблюдал, как поднимаются всякие семена, которые он посеял у меня в голове. Я думал: а ведь правда, может быть невыносимая

боль или горе, от которого все внутри становится выжженным.

Я думал, можно ли подарить человеку смерть, как спасение? Эта мысль не была приятной, но я думал снова и снова, крутил ее в голове. Я с отвращением воспринимал эту идею, и в то же время в ней была логика.

— Тебе все равно придется остаться здесь. Ты сможешь дарить спокойную, тихую смерть во сне. О такой мечтают много больше людей, чем ты думаешь. Ты сможешь помочь им.

— Я должен много думать.

— Ты смешной, я это ценю. Думай, Герхард. Ты имеешь шанс помочь многим и многим людям, молящим о смерти. Только выйди за границы того, что считаешь хорошим. Выйди и увидишь настоящий мир.

Он спрыгнул с подоконника, его каблуки цокнули, будто он собрался отплясывать чечетку.

— Я буду приносить пользу? — спросил я.

— О, польза, дорогой, совершенно не мой язык.

Он засмеялся снова, на этот раз много приятнее:

— А теперь, Герхард, я оставлю тебя наедине с твоими мыслями, при условии, что ты способен подумать над этим сейчас. Мой Принц Шутов, дарующий милосердную смерть, хранитель тайных желаний и влечений к ночи, собиратель скрытых смыслов и смешного в пустоте.

Я ничего не понял, звучало даже более странно, чем обычно. Я подумал: наверное, я все не так расслышал и додумал себе разные бесполезные слова.

Король выставил вперед руку, и я подумал, что он приглашает меня на танец, и хотел сказать, что не танцую, тем более с мужчинами. А потом я увидел, как сплетаются у него на руке серебряные искры, пляшут и разбиваются друг о друга. Металл становился, как кружево, медленно, постепенно проступая из пустоты. Не торопясь набухали, как почки, сапфиры, и мне было странно смотреть, как живет что-то неживое. Но я видел это, и было очень красиво, и даже немного грустно, что я вижу это в последний раз.

Моя корона была серебряной, камни, которые были в ней, казались глазами какого-то зверя, у них были длинные, тонкие, вертикальные зрачки. Мне очень понравилась моя корона, и я долго рассматривал ее, а потом Отец Смерти и Пустоты короновал меня.

Корона была тяжелая.

Глава 11

Аурелиуш сидел на полу, сосредоточенный и радостный. Муравьи, как отряд лунатиков, совершали петли по одной и той же траектории, обильно смазанной сиропом. Они шагали друг за другом, составляя такую тонкую линию, что Аурелиуш даже удивился. Впрочем, его в жизни все то и дело удивляло, поэтому жить и было — здорово. Муравьи ползли по знаку бесконечности, а это такая восьмерка, которая прилегла полежать. Два ее конца венчали зубы, которые вручил Аурелиушу Драго, безо всяких сопроводительных речей.

Получался символ Отца Смерти и Пустоты, его герб. Бесконечно ползущие по бесконечности муравьи и два зуба, венчающие знак с двух сторон.

Аурелиуш считал, что очень это все забавно, что у Неблагого Короля — такой символ. Потому что если посмотреть на знак бесконечности немного с другой стороны, и Аурелиуш склонил голову, чтобы это сделать, то увидится, что это цифра восемь.

А восемь было их, то есть, Детей двух Королей. Тех, кто помогает присматривать за Великой Рекой. Дети, реки, короли — обо всем этом Аурелиуш думал серьезно, с большой буквы. Это давным-давно была его жизнь. Иногда Аурелиуш пытался припомнить, кем он был до всего. Получалось смутно. Прежде он не носил колпак с бубенцами, но над ним тоже всегда смеялись. Аурелиушу это нравилось. В конце концов, он чувствовал себя лучше других, потому что ему можно было больше.

А шуту можно было все. В этом и было его призвание — быть смешным и говорить все, что считает нужным. Все делали вид, что не слушают его, а он, на самом деле, говорил правду. Аурелиуш был человек наоборот, наизнанку, и его не волновали правила и заботы нормальных людей, он говорил громкую правду по всеуслышание.

За это его не любил Каспар, но Каспар никого не любил, такой уж он был человек.

Аурелиуш сидел прямо на полу и не мог отвести взгляд. Пол был блестящий, шахматный, по нему только фигуры расставь, и можно начинать игру. Муравьи продолжали свой моцион, а Аурелиуш ждал, пока выйдет она. Он смотрел на лестницу, но лестница была пустой и скучной, даже муравьи веселее.

Аурелиушу хотелось, чтобы она скорее оказалась здесь. Время подходило, она должна была выйти, но ее не было, и Аурелиуш начал волноваться.

Это был их ежедневный ритуал, Аурелиуш, сидел на полу и

ждал, а она выходила, смущенная и, в своем невероятном, роскошном платье, в котором смотрелась так неестественно, быстро сбегала вниз. Маленькая, юркая и молчаливая, она нравилась ему с самого первого взгляда. Он пробовал заговорить с ней, но она никогда не отвечала. Иногда она смеялась над его шутками. А это было самым главным.

Ее звали Лада, когда-то она тоже была из Польши. Только это он, Аурелиуш, был крестьянский сын, а она была богата. Но Лада совсем не была похожа на заносчивую купеческую дочку. Она была как будто все время погружена в свои мысли, в ней не было женственного кокетства, но она была хрупкой и такой невероятной милой, а голос у нее был словно ей на все-все за пределами ее головы было плевать.

Аурелиуш любил слушать этот голос. А если бы она еще хоть раз ответила ему, он был бы, наверное, самым счастливым человеком на свете.

Аурелиуш был рад, что ему поручили подманивать муравьев сиропом и следить, чтобы они совершали свои утренние прогулки под открытым, синим небом. Это был ритуал, маленький и неизменный. Аурелиуш не пропустил ни одного дня. Не пропускала и она.

С тех пор, как уснул его Отец, Аурелиуш все старался угодить Неблагому Королю. У него даже получалось. Неблагой Король говорил, что даст ему работу получше — убивать тех, кто страдает.

Аурелиуш не считал, что это работа получше. Сейчас ему нужно было давать надежду тем, кто может выжить. Не закрывай глаза, не теряй сознание, смотри, смотри на меня. У него получались мотивационные речи, без сомнения.

Неблагой Король сказал, что он слишком хорош для это работы. Но правдой было то, что это работа была слишком хороша для Аурелиуша. Не потому, что он плохо выполнял ее, а потому что иногда он скучал или раздражался на все. Вторая часть его обязанностей, связанная с развлечением, нравилась Аурелиушу куда больше. При дворе было лучше, чем в вечно холодном, умирающем мире. Аурелиуш знал, что он не такой, еще помнил, но он уже давно не видел там ничего, кроме смерти.

А Аркадия всегда цвела.

Аурелиуш не переставал удивляться красоте этого места и не мог представить себя где-то, кроме него. Иногда он раскидывал руки и, стоя на большой высоте, недалеко от Истока, глядел на заледеневшие верхушки деревьев Запада и кричал, что счастлив. А больше, наверное, на свете никому и не надо.

Один из муравьев сбился с пути, и Аурелиуш, как великий

дрессировщик, подтолкнул его ногтем к правильному пути в жизни. В этот момент он услышал чей-то осторожный, легкий шаг. Ее всегда так легко было спугнуть.

Аурелиуш делал вид, что занят исключительно бегом своих муравьев, но сердце его билось так сильно. Он прежде подобных вещей не чувствовал, и за это тоже был благодарен Аркадии.

Осторожно, с трепетом, он бросил быстрый взгляд на Ладу. Она спускалась вниз со странной, для принцессы простотой — перепрыгивала через две ступеньки, потом восходила вверх на одну, смотрела на свои ступни, довольно долго, и прыгала вниз снова. То ли она игралась, то ли совершала какой-то ритуал. Она была дивно хорошенькая, тонкая-претонкая, по-оленьи глазастая, такая бледная, что почти не существующая. Аурелиуш смотрел на нее, пока она смотрела на ступеньки лестницы. Перила, вившиеся стеблями растений, имели счастье ощущать крепкую, до белых костяшек, хватку ее пальцев.

Аурелиуш поглядел вверх, небо было высокое и далекое, прохладно-синее. По нему плыли пушистые облака, как сахарная вата, которая одна Аурелиушу из изобретений мира нравилась. Башню Лады называли еще Башней Безумия. Она была Принцессой Заблудившихся, отвечала за самоубийства, совершенные безумными. Зазывала прыгнуть отчаявшихся, предлагала полетать запутавшимся, была голосами в несчастных головах. Аурелиуш и Лада, можно сказать, занимались делом противоположным. Она вдохновляла умереть, он вдохновлял жить. И, наверное, поэтому его так тянуло сюда, в эту башню, построенную из сумасшествия. Пространство здесь было искажено, Аурелиуш иногда видел так мир, но для этого он должен был быть очень-очень, честно говоря — мертвецки, пьян. Углы были рассредоточены, лестница казалась змеей, изогнувшейся каким-то невероятным образом, безупречно-красные стены виделись, как через разные линзы, одни давили, другие тоскливо отдалялись, пространство вопило о своей ненормальности, искаженности, и взгляд все время ощущал это неясное движение пространства. Аурелиушу всегда казалось, что здесь он сходил с ума, и голова болела, и все было как будто рассредоточено в мыслях, разбито на кусочки. Но она — оставалась целой.

Аурелиуш еще посмотрел на то, как скачут по небу облака, поставил на своего фаворита, похожего на длиннохвостого коня. А потом подумал: почему бы и нет?

Мысль была слишком легкой и веселой для того, кто сидел здесь каждое утро уже несколько лет. Потому бы и нет, сказал себе Аурелиуш, и засмеялся. Она замерла, занесла ногу над

ступенькой и посмотрела на него. Он напугал ее? Он этого не хотел. Никогда не пугал, и вот. Ни на что не решался, и вот. Он смотрел в ее глаза, светлые и большие, напоминающие глаза зверька за секунду до бегства.

Нужно было решаться, иначе она уйдет. И Аурелиуш сказал:

— Здравствуй, Лада!

Он улыбнулся ей самой красивой из своих улыбок. Некоторое время Лада молчала, но и наверх не взбегала. Ее длинные, нечесаные волосы, светло-русые, неравномерно остриженные так странно смотрелись распущенными, когда на ней было расшитое кружевами, роскошное, темно-фиолетовое платье. Она была босая. Аурелиуш заметил, что ступни ее все в ссадинах, красных цветках, распустившихся на бледной, блеклой коже. Ему стало ее жалко, ей не должно было быть больно, она же была такой хорошенькой. На самом деле многие, к примеру Каспар, говорили, что в Ладе нет ничего особенного. Вот это была совсем неправда. Ничего-то он не понимал. Аурелиуш был знатным красавцем, у него было много женщин, но такой, как Лада он прежде не видел. Драго сказал, что это называется любовь. Когда любят людей видят по-другому, правдивее.

Любить, подумал тогда Аурелиуш, здорово. Но сейчас сердце замерло, и было не очень. Никогда еще Аурелиуш не чувствовал такого страха. Он, больше для того, чтобы сказать хоть что-нибудь, выпалил:

— Я просто здесь сижу, дай думаю поболтаем с тобой! Всегда же здесь сижу! А ты здесь ходишь! Почему мы никогда не болтаем? Ты не любишь болтать, или болтать со мной, или…

Она посмотрела на него, как на идиота, а потом вдруг засмеялась, тихонько, так что Аурелиуш едва услышал. Ее пальцы с обгрызенными ноготками коснулись губ, и она отвернулась. Но не ушла. Так Аурелиуш понял, что если уж что-то он и может сделать такого, чтобы жизнь его стала из потрясающей — просто идеальной, то он должен делать это сейчас.

— Иди сюда! — позвал он. — Я тут муравьев дрессирую.

И она спустилась на ступеньку вниз, а потом еще раз и еще раз. И хотя она очень-очень медленно двигалась, сердце Аурелиуша билось быстро, как никогда. Он встал, когда она совсем спустилась. И потом подумал, глупо же он будет выглядеть, если она сейчас пройдет мимо. Но Аурелиуш был шутом, глупо выглядеть являлось его призванием, так что ничего страшного случиться не могло. Ну же, подумал он, сердце, заткнись, заткнись. То есть, не навсегда, конечно.

Лада замерла у лестницы, а Аурелиуш — напротив нее. Муравьи, как ни в чем не бывало, продолжали наворачивать

лежачие восьмерки на шахматном, блестящем полу.

— Как твои дела?

Аурелиуш ведь тоже был принц, и даже имя его значило — золотой. Он чувствовал себя таким смелым. Наверное, Каспар так себя ощущал, когда сталкивал вместе армии.

— Мои дела, — повторила она. А потом пожала плечами:

— Нормально. Вроде.

— Хочешь посидеть со мной на полу?

О, да, Аурелиуш, лучшее предложение даме, которое кто-либо мог сделать. Оставалось только засмеяться над самим собой, и Аурелиуш засмеялся. Тогда она легонько, очень быстро улыбнулась. Аурелиуш никак не мог поверить, что она — одно из воплощений смерти. В ней было столько трогательного очарования.

А потом она, совершенно внезапно, села на пол. Аурелиуш так и остался стоять. Некоторое время она смотрела на него снизу вверх, а потом сказала:

— А ты сидеть не будешь?

— Буду, — кивнул Аурелиуш. Он опустился рядом с ней, и они вместе смотрели на то, как бегут по сиропным дорожкам муравьи.

— А как они не прилипают?

— Раствор слабый, — сказал Аурелиуш, наслаждаясь своей сомнительной мудростью. И, чувствуя, что он на коне, продолжил.

— А я тебя тут давно замечаю.

— Ну да, — кивнула Лада. — Я ж живу здесь.

Она говорила очень-очень просто, а еще — на польском. В Аркадии все понимали друг друга, и часто Аурелиуш удивлялся, что Каспар вроде говорит на датском, а ему ясно каждое слово, или что Флори пищит на немецком, а он все понимает. Но с Ладой этой магии было не нужно.

— Да, я вот тоже здесь живу. То есть, не здесь, а просто в комнате. Но здесь вот я дрессирую муравьев. А еще я жил в Польше. Польша — великая страна, правда?

— Правда, — согласилась она, тон у нее был серьезный. Аурелиуш улыбнулся ей, а я его язык словно продолжал жить собственной жизнью, он сказал:

— А хочешь я тебя украду?

И она сказала:

— Не знаю. А куда ты меня украдешь?

И он задумался. Небо потемнело, а вдруг пойдет дождь, подумал он. В запутанных коридорах замка, на нижних этажах, от него можно было укрываться, но не в башнях. Аурелиуш увидел,

что Лада покраснела. И подумал, а может он ей тоже нравится. Все это было так удивительно, тепло и светло, он ведь прежде не любил никогда, и сердце у него так не билось, и небо над головой не было таким просторным. Это все было намного лучше даже, чем магия и красивее Великой Реки.

— А куда ты хочешь украсться?

— Да нет слова украсться.

— Тогда что делает тот, кого крадут?

Они оба засмеялись, и ее смех оборвался на какой-то очень пронзительной ноте. Так Аурелиуш понял, что она никогда прежде ни с кем не смеялась вместе. Может быть, смеялась отдельно или над кем-то, над чьей-то шуткой, но не одновременно, не вместе.

Аурелиуш сказал:

— Ты мне так нравишься! Ты просто не представляешь, как ты мне нравишься! Ты лучше всех на свете! Мне нравится на тебя смотреть, и как ты смеешься! И я хочу как можно скорее больше узнать о тебе! О том, как ты живешь и что нравится тебе! Мне это тоже обязательно понравится! Мы понравимся друг другу!

А потом она сказала:

— Про тебя правду говорят, что ты смешной.

И Аурелиуш понял, каким-то очень странным образом, словно не совсем по ее словам, но по тому, что она скрывала за ними, что он тоже нравится ей. И не было вообще ни одного момента счастливее, как будто все звезды разом взорвались, все стало яркое, и Аурелиуш резко вскочил на ноги, потянул ее за собой, а потом подхватил, приподнял над землей и покружил. Она вцепилась в него, как зверек, куда больше боящийся высоты, чем рук. Аурелиуш говорил:

— Вот, я тебя уже украл! Но мы топчемся на месте, потому что я еще не придумал, куда тебя тебя унести.

Она засмеялась, ее бледные щеки раскрасил румянец, и она ткнулась острым, тонким носом ему в шею. Нос ее оказался очень холодный. А ведь Аурелиуш всегда мечтал, что Лада будет так близко, представлял, но никогда не мог и подумать, что все будет так невероятно. Ее запах, близость ее кожи, холодные руки и холодный нос, смешные, узкие зрачки и легкое дыхание. А потом, внезапно, они остановились, повинуясь какому-то старому, дурацкому чувству, которое вело всех влюбленных.

Все замерло, и только зрачки ее невесомо пульсировали под его взглядом.

И тогда она, наконец, ответила. Он сказал, что не придумал еще, куда ее унести, а она ему ответила. Прошептала, тихо-тихо, так что у Аурелиуша даже не было уверенности, что она это

сказала:

— Отсюда.

И тогда он поцеловал ее, давая ей обещание, о котором не мог знать, выполнит ли.

А потом, еще годы спустя, они сидели на мосту. Лада была у него на коленках, и он крепко держал ее. Под ними Река гнала свое золото все дальше и дальше, и Аурелиуш смотрел на эту красоту, и не мог наглядеться на нее. И все же, до сих пор, он не мог понять, есть ли хоть что-то на свете, красивее Лады, если даже Великая Река не так прекрасна.

— Почему я тебе все-таки нравлюсь? — спросила она. Птицы пролетали к последнему пределу, к заснеженным горным лесам, откуда Великая Река берет свое начало. Белые клинья птичьих стай одна за одной проплывали над их головами, ветер качал цветы под мостом.

— Потому что для меня ты самая лучшая, — пожал плечами Аурелиуш. — Потому что никого лучше тебя нет.

— Но ты же красивее меня, ты, веселый, а я, ну…

Она потыкала ногтем в выбеленный солнцем камень.

— Просто странная.

— Ты — да, — кивнул Аурелиуш. В подробности ему вдаваться не хотелось. Он не единожды видел, как она пыталась разбить себе голову о камень. Ей часто казалось, что ее разум кто-то захватывает, тогда она кричала, что они уже здесь, ползают в мягком и теплом ее мозге. А Аурелиуш пытался удержать ее голову, чтобы только она не разбила себе череп. Она никогда не плакала от боли, но могла заплакать от того, что звезды слишком яркие, а это значит, что они подобрались близко. Гости с далеких звезд.

Но Аурелиуш не любил ее меньше. Просто такой была она, но он сам выбрал ее когда-то.

Он поцеловал Ладу, и она ответила. Губы у нее были мягкие и теплые. Нос — холодный, руки — очень холодные, а губы теплые.

Тогда она впервые, со времени того их разговора, с которого все началось, напомнила ему об обещании, которое он дал.

— Забери меня отсюда, — прошептала она.

— И куда тебя забрать? — спросил он, смеясь. — В леса?

Но она была серьезной, она покачала головой.

— Я хочу путешествовать по миру. Я хочу увидеть его. Прежде, чем они захватят его.

Это было и смешно, и страшно тоже. Еще Аурелиуш подумал, что Лада, не осознавая, что больная, понимает каким-то иным способом, что здесь ей все хуже. Приступы у нее стали частые, и

Аурелиуш слышал, как Каспар обсуждает с Неблагим Королем, что еще чуть-чуть, и Ладу нужно будет заменить.

Аурелиуш ведь и сам думал, что нужно будет, рано или поздно, бежать, чтобы спасти ее.

Только она обо всем этом не думала. Ее мысли занимало другое.

— Я избранная, понимаешь? Я могла бы спасти мир! Нас всех! Я там нужна больше, чем здесь! Я там смогу всем помочь!

Аурелиуш смотрел в родниковую воду ее глаз и видел, что в них слезы. Ее приводил в отчаяние мир, рушившийся в ее голове. Ему было грустно от этого. И он сказал:

— Давай-ка подумаем, как мы можем сбежать.

— Отец будет зол.

— Это уж точно. Но нас здесь уже не будет, чтобы хорошенько от него получить, правда?

Она кивнула.

— Давай так, я найду способ. Есть у меня она идея, но я глупый, и идея моя глупая. Но мы можем попробовать.

Аурелиуш должен был сделать это ради нее, пока Отец Смерти и Пустоты не нашел, кем ее заменить. Он пообещал ей, давным-давно. Выполнить обещание значило — спасти ее.

— Но ты мне веришь? — спросила она пытливо. Иногда в ней просыпалось цепкое внимание, свойственное душевнобольным и грозная проницательность. Аурелиуш улыбнулся ей.

— Конечно, я тебе верю. Я тоже не смотрю на звезды. Как ты. Мы вместе.

А потом он принялся целовать ее, и целовал долго-долго, пока голова не заболела от нехватки воздуха. Все ведь могло и очень плохо кончиться. И хотя Аурелиушу везло всегда, он едва ли не впервые боялся. Ведь у него теперь была Лада.

— Я люблю тебя, — прошептал он. И она покровительственным, смешным жестом положила руку ему на голову, тонкие пальцы сжали его волосы.

— И я тебя тоже люблю, — сказала она. — Тебе понравится реальный мир. Там столько интересного для нас с тобой.

Она прижалась к нему теснее и некоторое время сидела молча.

А потом Аурелиуш отстранился и долго смотрел на ее зацелованные губы.

Река под ними шумела, и в ее волнах перекатывались законченные человеческие жизни. Возможно, скоро им предстояло плыть внизу, под мостом.

* * *

А я открыла глаза и смотрела, смотрела, смотрела без конца в большой экран неба надо мной, и вместе со звездами горели перед глазами миллиарды их названий, они выплывали из темноты, стоило сосредоточить взгляд, навязчивые и разрывающие голову. Цифры координат плясали, удаляясь и приближаясь, формулы демонстрировали мне все происходившее в утробе звезд, бесконечное, непредставимое горение, взрывы. Иногда небо казалось мне белым из-за обилия букв и цифр. Но сейчас я была благодарна этому заполоняющему голову ощущению, такому огромному, что все остальное просто перестало существовать. Я смотрела и смотрела, а когда у меня перестало хватать сил, закрыла глаза.

Открыв их, я снова увидела только темное небо в крошках звезд.

И тогда я сказала себе:

— Забудь.

Вовсе не потому, что я увидела нечто ужасное. Наоборот, мои родители были красивы и счастливы, чего еще можно было пожелать. Мама была странной, папа — наивным, и они были как парочка из фильма, очаровательные и беспутные. Нет, ничего страшного в моем сне не было.

Просто приняв его за реальность, впустив в себя это понимание, я лишалась последней возможности лгать себе. Я все думала: это какая-то ошибка, я ничем не связана с этой историей, я не обречена провести здесь вечность.

Но во сне я видела маму и папу, судя по всему, они и вправду отдали меня за возможность попасть в мир над Аркадией.

Я не думала, что они хотели мне зла, и все же я злилась. Как они могли не подумать о том, что крохотное существо, о котором они тогда, может, и не знали, однажды станет взрослым, самостоятельным человеком, которому будет хотеться жить своей жизнью, быть свободным.

Вокруг меня все было в высшей мере странно. Тут и там я видела изображения птичек, малиновок и синиц, сиалий и колибри, они замерли в полете, запечатленные на стене. Изображения были точными, и я сразу узнала их стиль — рисовала мама. Красота, женская хрупкость маминых рисунков соседствовали с яростной злостью царапин на стене, следов запекшейся крови. Я смотрела на эти царапины, и думала, неужели сам камень поддавался маминым рукам, когда она бесновалась здесь. Бардак в комнате, разбросанные вещи, платья, сочетался с хрупким изяществом рисунков. Ближе к потолку птички были нетронуты царапинами и изломами, безупречно красивые комочки перьев, и даже в ночной темноте их глаза,

казалось, блестели, так точно мама рисовала. В этих птичках была жизнь, а здесь, в этой башне, жизни не было. Я представляла мамины сбитые костяшки пальцев, сорванные ногти, и мне становилось страшно.

А папа спас ее, и они дали жизнь мне. Такая история. Сумасшедшая женщина, рисовавшая чудесных птиц и кидавшаяся на стены — моя мать. И я любила ее.

Но она продала меня… кому? У него даже не было имени. Мне было интересно, как он выглядит. Кто он есть, этот безумный человек, первый человек, впустивший в мир смерть. Мне стало страшно от мысли, что я — такая же как он. Я не из нормальных, не из людей, которые наследуют землю. Я другой породы, я крови чудовища из сказочного мира. Наверное, Делии такой поворот в ее жизни пришелся бы по вкусу, но я больше всего на свете хотела читать книжки и смотреть глупые, яркие мультфильмы.

Я хотела домой.

У меня не было ни одной причины полюбить Аркадию, мне не хотелось впускать ее в свое сердце, даже пробовать. Мне не хотелось быть здесь и не хотелось быть собой. Я закрыла глаза руками, представила, что я дома, что завтра я пойду в университет. Я представила как слушаю монотонную лекцию, записываю формулы и случайные фразы из громоздкой, длинной теории. Я больше не могла успокоиться, считая звезды, я сразу вспоминала белое от букв и цифр небо.

Я хотела представить аудиторию в Стокгольмском университете, однокурсников, барабанящий за окном дождь, самый скучный день моей скучной жизни. Но мне виделись только мама и папа, их голоса, и неестественно яркое небо Аркадии.

А потом я услышала голос, какой прежде никогда не слышала. Этот голос раздавался над самым ухом, будто человек сидел рядом. Голос был нежный и незнакомый, а еще — с какой-то особенной интонацией, будто человек еще не сошел с ума, но взвинчен и вот-вот свихнется. Но этот оттенок был почти неуловим, с тем же успехом можно было сказать, что человек просто выпил и долго веселился, и теперь расторможен и радостен. И все же голос сохранял некоторую лощеную элегантность. Мне представился человек, сидящий за столиком в перерыве между четвертым и пятым коктейлем где-то в двадцатых годах. Человек говорил мне:

— Здравствуй, Констанция. Я так счастлив видеть тебя здесь. Я много представлял, какой ты будешь.

Я ощутила прикосновение к своему подбородку — мягкое, почти невесомое и в то же время пугающее. Никогда не боялась

призраков, но сейчас по позвоночнику вверх рвался холод.

— Ты меня еще не знаешь, — продолжал голос, а я не могла сосредоточить взгляд ни на чем, голос опьянял меня, тревожил. Где был его источник?

— Но я твой король.

Я задрожала, сама не понимая, отчего. Я не должна была воспринимать всерьез все это — королевство, смерть, и Великую золотую Реку, все было глупостью и блажью моего уставшего воображения — я просто спала. Потому и замок из моих детских фантазий — бессознательное выбросило его в мое сновидение.

И все же трепет охватил меня, и мне захотелось сорваться с места, встать. Это я и сделала, закружилась на месте, пытаясь высмотреть моего собеседника. Но его нигде не было, он был неощутим и невидим, я могла только слышать его.

— Прости меня за такое невежливое появление, Констанция. Дело в том, что я предельно впечатлен твоим даром, что намного сильнее дара всех твоих предшественников, и мне не хотелось бы поставить себя в двусмысленное положение. Если ты увидишь меня, то можешь узнать обо мне больше, чем мне бы хотелось. В этом плане я стараюсь быть откровенным — ты никогда не увидишь меня.

Я слушала, замерев, представляя его в той точке, куда смотрела. В его голосе странно сочетались многословная вежливость и спрятанное сумасшествие. Он плохо его скрывал, так дети скрывают конфетку в кулаке — безо всякой изобретательности.

— Меня называют Отцом Смерти и Пустоты, но так же я дал жизнь многим мужчинам и женщинам, помогавшим мне. Ты и твои новые знакомые — несколько иной случай, чем остальные. Но мне важно то, что ты здесь. А это значит, что тебе отсюда не уйти. Ты, Констанция, моя собственность, по священному праву рождения. Но я готов предложить тебе не только грубость и отрицание твоих прав на свободу. Ты будешь жить вечно. Ты никогда не постареешь. Ты увидишь столько красоты, сколько никто прежде не видел.

Чьи-то холодные пальцы проникли под мои волосы, коснулись беззащитного затылка. Я вздрогнула и отстранилась, но обернувшись и пошарив руками в пустоте не ощутила никого.

— Не бойся, я не причиню тебе зла.

Судя по голосу, его забавляла моя реакция.

— Не трогайте меня! — сказала я, не зная, в какую сторону обращаться. — Мне это неприятно.

— Почему же? Ведь я еще не делаю тебе больно.

Он помолчал, и я тоже молчала, и вздрогнула, когда он

прервал тишину.

— Ты никогда не думала о том, насколько похожи вкус земли и вкус крови?

Я никогда не думала об этом, поэтому продолжала молчать, только головой покачала. Мне было страшно, и сейчас он мог приказать мне что угодно, сказать что угодно, и я бы согласилась, потому что единственным моим способом не потерять рассудок, был безнадежный самообман. Я всего лишь сплю, думала я, всего лишь сплю, это кошмар, и пусть происходит все, что происходит, потому что это закончится. В воздухе разнесся мягкий, заразительный смех Неблагого Короля. Он сказал:

— Я — Смерть, и я не могу умереть. Вот в чем ирония мироздания. Я — есть Смерть, но я — человек. Является ли смертность определением жизни?

— Несомненно. Все, что живо — умирает, — ответила я. — Наука не знает других примеров. Но я могу поверить в очень, очень долгую жизнь.

Я старалась говорить громко, но голос у меня подрагивал. Неблагой Король, несомненно, заметил это. Он сказал:

— Хорошая девочка. Твоя мать тоже была очень хорошей. Но, к сожалению, у тебя нет ее задатков, чтобы занять ее место. А место твоего отца я отдал Герхарду, он куда лучше подходит на роль шута, чем ты. Но у меня есть работа для тебя. И она будет тебе не так отвратительна, как ты можешь себе представить.

Эту работу я хорошо себе представляла. Убийства, войны, гниение и смерть — вот и все, что меня здесь ждало. До утра, а утром я проснусь в своей постели. Но во сне время может течь очень медленно. Голос Неблагого Короля разносился по комнате, казалось, он стал громче.

— Прежде тебя этим занималась мать Астрид и Адриана. Скажи, Констанция, ты ведь хочешь все на свете узнать?

И против своей воли, я кивнула. Наверное, это было единственным, чего я по-настоящему хотела. Мое сердце забилось быстрее, но я сказала:

— Я не представляю, как это — знать все. Все — слишком обширная категория.

Мир был огромен, он состоял из химических формул, культурных ценностей, физических сил, влияющих на него, искусства и эволюции, мир состоял из продуцентов, консументов, редуцентов, из крошечных бактерий и глав трансконтинентальных империй, из металлов и солей, из способности человеческого мозга обрабатывать сенсорную информацию, из такого невероятного количества, будто бы не связанных явлений, на самом деле соотносящихся в тесной и

бесконечно сложной паутине со множеством узлов.

— Ты станешь моей Принцессой Знающих. Ты увидишь мир от самого его рождения и до сегодняшнего дня. Ты будешь говорить мне о том, сколько крохотных букашек летает сейчас в границах мироздания, насколько опасны новейшие человеческие открытия, как скоро приведет к экологической катастрофе вырубка лесов. Ты, Констанция, станешь моим аналитиком. Ты будешь знать, что все в мире приносит смерть, а это великая честь. Ты начнешь завтра же.

— А когда я закончу? — спросила я, уже зная, каким будет ответ.

— Когда ты окажешься на клубничном поле со всеми, кто прежде заканчивал свою работу. Добро пожаловать домой, Принцесса Знающих, владыка владеющих миром, хранительница истины и печали.

Я ощутила тяжесть, обхватывающую мою голову, так иногда начинается мигрень, и в этот же момент поняла — Неблагого Короля здесь больше нет. Или больше нет в том виде, в котором он говорил со мной. Мои пальцы коснулись теплого металла. Я шагнула к окну, и в невероятной его темноте отразилась золотая корона. Я сняла ее с головы и рассмотрела. Золото было израненным, испорченным, на короне я видела неясные символы, одни казались буквами странного алфавита, иные были схожи с теми, что были нацарапаны на стене. По ее остову между странных царапин, шли искусно исполненные розы, острые золотые шпили короны венчали головки жемчужин, переливающихся даже в столь неверном ночном свете. Я отбросила корону на кровать и тут же почувствовала боль, разрывающую сердце и удушье, от которого бросило в жар. Я едва успела добраться до кровати, в глазах темнело, но как только мои пальцы коснулись теплого золота короны, я ощутила, как воздух проникает в легкие холодной, освежающей волной. Я без сил упала на каменный пол, птицы перед глазами закружились, даже закрыть глаза казалось невыразимо сложным действием.

Но корону я не отпускала. Теперь я понимала — эта красивая и странная вещь и есть — моя жизнь. В ней заключена моя душа. Взглянув на корону я увидела, что она создана из вод Великой Реки и моей собственной души, спаяна, сцеплена со мной. Это было не просто украшение, символ моей власти над смертью. Это был символ власти Неблагого Короля над моей жизнью. Мой ошейник, который останется со мной навсегда. С трудом подняв руку, я еще раз взглянула на корону. И я увидела, как нестабильна эта похожая на золото материя, как быстро распадется она в реальном мире.

Вместе с тем, что останется от меня.

Глава 12

Наступала осень. Теплая, нестрашная осень, которая никогда не окончится зимой. Ветер нес на своем непокорном хребте листья и горькие запахи печальных трав. Она смотрела вниз, на поля Запада, и ожидала его. Забытое золото стерни топорщилось над уставшей землей, которая никогда не знала зимней передышки, не была укрыта снежным одеялом, не отдыхала, ныряя из осени в весну.

Медея гадала, когда же он появится. Она никогда не заговаривала с ним. И хотя Каспар, без сомнения, сделал все, чтобы быть верным ее Отцу, Медея не считала его достойным своего общества. Но отчего-то не могла отвести от него взгляд.

Осенняя земля ждала его, и Медея ждала его. По небу летели разгоняемые ветром облака, и ее длинные косы тоже трепал ветер. Горизонт был пуст, и прозрачный воздух звенел от легкой осенней прохлады. К ночи погода выправится, так всегда бывало.

Он был на войне и не знал, что здесь его ждут. Она проходила мимо, неслышимая и надменная, и он понятия не имел о том, как вздрагивает ее сердце всякий раз, когда Каспар бывает рядом.

Сейчас он утолял жажду крови где-то далеко, на другом поле, удобренном кровью, на поле, где цветут только мертвецы. Развороченная земля ждала его, как голодная шлюха, готовая была принять его в свои глубины.

А Медея оставалась здесь, наедине со своими книгами, наедине со своими знаниями, наедине со всем, что любила прежде него.

Каспар появился в Замке чуть позже нее. И если она при жизни была богатой и знатной, то он пришел сюда никем. Развеселый и злой, он любил только войну. Медея быстро поняла, что он не отличит подвига от преступления, и ему плевать, что именно делать, лишь бы была война. Она сохранила это знание и позже, много позже, оно спасло Каспару жизнь.

Именно Медея, будучи советником Неблагого Короля, предложила ему взять Каспара под свою опеку. Он принесет тебе много смертей, Отец, пообещала Медея. Так и случилось. Каспар возглавил охоту на Младших Детей Благого Короля, Каспар начал бойню, которая разрезала земной шар напополам.

Каспар был на редкость злобным, вечно пьяным от боли и крови, глумливым безумцем, знавшим в своей долгой жизни только войну. Медея могла получить любого здесь и любого из мира за пределами Аркадии, но хотела только этого. Этого

тщеславного, грубого и беспринципного человека.

Она, как под микроскопом, видела его отвратительнейшие черты. Он ничего не мог скрыть от нее, и все же. Все же сердце готово было вырваться из груди, когда он пропадал надолго.

Медея не знала, в чем причина. Может быть, это и была любовь, о которой люди кричали сквозь всю историю своей культуры. Медея читала, что люди не всегда заслуживают любви. Каспар заслуживал ненависти. И все же пустое, омываемое ветром поле было для Медеи невыносимым зрелищем. Темное небо осени и светлая, золотая стерня как будто на две неравные части делили все.

Может, наконец, он расплатился за все? Он был смертен за пределами Аркадии. Шальная пуля или осколок снаряда могли прекратить его жизнь. Более того, согласно теории вероятности, тысяча его лет, проведенных во всех в мире войнах, должна была почти неминуемо подвести его к такому концу. Убегать от смерти можно очень долго, но не бесконечно долго.

Всякий раз Медея думала о том, каковы шансы, что она видела его в последний раз. И ничего не говорила. Шансы всегда были большими. И с каждым разом они росли.

Медея заметила, что ее пальцы, впившиеся в холодный камень, уже совершенно белы, будто мертвы. И, наконец, Медея увидела его. Он поднимался вверх, и шел через поле на восток, к замку. Навстречу ее взгляду.

Каспар был покрыт кровью и шел, шатаясь. Он впервые на ее памяти был ранен.

Медея знала одну старую английскую сказку, когда та была еще новой. Там к охотнику приходили души убитых птиц. И если вокруг него вились эти бесплотные, эфирные стаи, то за Каспаром должно было следовать воинство, состоящее не из одной армии. От солдат, вооруженных остро заточенными мечами до погибших сегодня мужчин, сжимавших автомат. Все они должны были, будто те птицы, следовать за ним.

Медея стояла и смотрела, полагая, что сохраняет спокойствие. Он шел вперед, пошатываясь, как мертвецки пьяный. Внутри Медея насмехалась над ним, над его глупостью и самоуверенностью, которой он так гордился. Она и сама не заметила, как некая невидимая сила, которую она никогда не брала в расчет, заставила ее сорваться с места.

Она бежала вниз по лестнице, как девчонка, и осенняя прохлада застала ее врасплох, будто она прежде не чувствовала подобного. Медея вышла ему навстречу, когда он проходил мимо озера, хрустального озера. Ей казалось, что единственное, что в целом мире остается горячим — его кровь, капающая на землю.

Увидев ее, он оскалился:

— Медея! — сказал он. — Вот уж кого не ожидал здесь увидеть! И не надеялся! Потому что надеялся увидеть Розу! Она вставит мне кишки на место, верная нашей братско-сестринской любви. Я не был лучшим старшим братом, но я ведь и не был худшим!

Он частил, но все это было игрой. Каспар глумился над самим собой, издевался над собственной беспомощностью. Когда он говорил, изо рта у него струилась кровь. Медея видела что в обширной ране проглядывают внутренности. Это не было пулевое ранение. Наверное, осколок от снаряда — ему практически вскрыло живот.

Медея смотрела на него с выражением брезгливого безразличия.

— Я отведу тебя к Розе, — сказала она. Каспар засмеялся. Между его пальцами, прижимавшимися к ране тесно, как к телу любовницы, сочилась темная, вязкая кровь. Медея посмотрела на эту кровь, а потом, размахнувшись, ударила его по лицу.

И это было признание в любви на языке, который он понимал.

Потом она, конечно, отвела его к Розе, потом было еще много всего, но своей слабости она не забыла.

Через много лет, когда вся эта история давным-давно поросла травой, а все, кто должен был умереть на той войне — умерли, и только Каспар, как всегда, остался жив, Медея сидела на кровати. Перед ней лежал Каспар, он был пьяный и — снова в крови. Он целовал ее ногу — один поцелуй — косточке на щиколотке, один — ступне и еще один — кончикам пальцев. Каждый поцелуй оставлял пятно крови на ее коже, но она без брезгливости принимала это.

— И что мы будем делать? — спросила Медея.

— Любовь моя, богиня, спасибо тебе. Я счастлив, я так счастлив.

— Я спросила: что мы будем делать? — повторила Медея. Она легко могла им управлять. Каспар был дурной и бешеный, как собака, но ей он подчинялся. У него в глазах всегда было столько тоски, как у брошенных псов, притаившихся в переулках больших городов, где они никогда не станут кому-нибудь нужными.

Он был счастлив, что Медея полюбила его. Он был счастлив, что она — холодна, потому что внутри него пылал костер, достаточный для них двоих.

Медея взяла его за подбородок, и он заглянул ей в глаза. Она никогда не понимала, где кончаются его ужимки и начинается он

сам. Это ему стоило стать шутом Благого Короля, но Благой Король не любил злые насмешки, ему нравилось, что Аурелиуш — добрый и дурак. Это и Медее иногда казалось смешным.

Каспар никогда не казался смешным — он был болезненным. И даже сейчас она не понимала, счастье он чувствует или страх.

— У нас будет ребенок, — повторила Медея. — С точки зрения законов существования Аркадии, это невозможно. Нам с тобой предстоит решить эту проблему тем или иным способом. Подумай хорошо.

Он засмеялся.

— А разве у тебя нет мудрого решения, о моя дочь Соломона?

— У Соломона было две дочери: Тафафь и Васемафа. Я не хотела бы быть кем-то со столь дурацким именем. Но мудрое решение у меня есть.

Он смотрел на нее, но Медея молчала.

— Ну же, ну же, ну же, — говорил он. Медея гладила его губы, не умея высказать столь страшной идеи. Наконец, она прошептала:

— Мы уйдем отсюда. В мир живых. Я хочу, чтобы наш ребенок родился и жил там. Если Отец допустил это, нарушив законы собственного мира, значит наш ребенок будет пешкой в его игре. Если же это сделало нечто могущественнее него, то неприятный сюрприз заставит его с подозрением относиться к ребенку и к нам. Мне не нравится ни один вариант.

Каспар смотрел на нее долго, чудовищность и рискованность самого этого предложения захватила его с головой.

Он представлял, что может сделать с ними Отец Смерти и Пустоты, могущественный первый на земле человек, выдернувший из пустоты само небытие. В глазах его вспыхивали радость и азарт, как будто кто-то дернул рубильник в его пьяной-пьяной голове.

И он сказал:

— Мы сделаем это.

Медее стоило этого ожидать. А потом Каспар подался к ней и коснулся губами ее живота.

И этого Медея не ожидала.

* * *

Мы с Адрианом открыли глаза одновременно. Темное небо уже разбавляли первые, несмелые капли света, и звезды стали тусклыми, далекими. Я прижала руку к горячему лбу Адриана.

— Мы не спим? — спросила я.

— Что ж, в самом конце, полагаю, может оказаться, что вся наша жизнь всего лишь сон.

Адриан широко зевнул и запустил руку мне в волосы, принялся перебирать пряди, одну за другой, будто это было делом его жизни, главной работой, таким же важным действием, как для Мойр — прясть судьбы. Я поцеловала его, и ощущая тепло его тела, и спокойствие, которым Адриан был наделен, сама успокаивалась. Я знала, что нам снился один и тот же сон. Нет, так было далеко не всегда, хотя пару раз мы действительно припоминали по утрам один и тот же кошмар. Но сейчас я ощущала нечто особое.

Мы с Адрианом словно были настроены на какую-то волну, принимали чей-то сигнал. Чувство было шизофреническое и при этом очень точное. Впрочем, наверное, шизофреники тоже были абсолютно уверены в истинности своих воззрений.

Некоторое время я просто целовала Адриана, и он делился со мной своим спокойствием, а я с ним — волнениями и чаяниями, касающимися нашей новой жизни. Каждый раз, когда мы были так близко, я будто ощущала, как все излишнее, сглаживается, как я получаю то, чего мне не хватало и отдаю то, чего было слишком много. Это было особенное чувство, которое, я думала, доступно лишь тем, кто любит друг друга по-настоящему. Какая-то удивительная химия или даже кулинария, позволяющая правильно готовить души. Это была забавная мысль, я засмеялась, легонько укусила Адриана.

И тогда он, наконец, спросил:

— Ты видела родителей?

— Да, мне они, как всегда, не понравились.

— Да уж, зрелище было не слишком приятное. И все же, ты думаешь это правда?

Я замерла, пытаясь прислушаться к своим ощущениям. Сон был иной — в нем не было ощущения, которое свойственно снам, участия в странном спектакле, вовлеченности. В этом сне вообще не было меня. Я будто бы еще не существовала.

И вправду, меня не было тогда.

Я смотрела на прошлое, когда мама и папа еще думали, что у них один ребенок. Когда мама и папа служили какому-то мифическому хрену.

Я вытянула руку, ловя остатки лунного света, и Адриан переплел наши пальцы.

— Правда, — сказала я. — Это не было как сон.

— Да. Я тоже не ощутил собственного сознания. Сначала я подумал, что постиг догмат от Анатмане, и моя самость осталась в прошлом, а потом проснулся и ощутил свою индивидуальную

душу в полной мере.

Мы некоторое время молчали. Запел подвешенный в клетке над кроватью жаворонок. Интересно, подумала я, как это он выяснил, что настает утро. Жаворонок был ослепленный, и его тоска по воле, несомненно, была от этого только сильнее. Он безошибочно глядел незрячими глазами в сторону, где раскинулась свободная, настоящая жизнь, и высокое небо, и бескрайнее поле, и далекие горы, и темный лес.

И все остальное тоже, весь мир. А у жаворонка была только клетка, и жердочка, за которую цеплялись его сильные лапки. Я почувствовала, что мы с Адрианом те же жаворонки, только клетка у нас побольше.

Жаворонок пел, и песня его с затаенной грустью встречала новый день, а непослушный хохолок чернел на фоне сладкого, розоватого рассвета.

Я приподнялась, и Адриан принялся заплетать мне косы. Изредка его теплые губы касались кожи между моих лопаток.

— Ты боишься? — спросила я.

— Не боюсь, — ответил он. И я не боялась тоже. Я прислушалась к себе и поняла, что даже перспектива вечность провести в Аркадии не пугала меня. Жизнь она по-всякому вертится, и можно быть свободным жаворонком, а потом попасть в клетку, а потом остаться без глаз, а потом вернуться, наконец, домой и стать счастливым.

В жизни, я была в этом убеждена, можно было все. Если уж придется провести некоторое время в Аркадии, я уж постараюсь сделать все, чтобы получить от пребывания здесь все возможные бонусы. Их должно было быть много. Например, я вовсе не была против вечной молодости, как у родителей. Сколько нужно пробыть здесь ради нее?

Со мной был самый дорогой мне человек, я не была одинока. И я ничего не оставляла там, над небом Аркадии, над нашей землей. Даже в университет мы мудро не поступали.

А карьеру полицейской придется оставить до лучших времен. Если я останусь молодой навечно, вряд ли я потеряю время. Наоборот, все будут удивляться, как я бесконечно мудра, откуда у меня столько выдержки и житейского опыта, в мои молодые годы. А годы мои к тому времени могут и далеко превзойти человеческую жизнь. Главное, чтобы пока меня нет, люди там не поуничтожали свое большинство с помощью ядерного оружия или вирусных клипов на ютубе.

Оставалось только оставить мир в заботливых папиных руках и надеяться, что от него не останется горстка радиоактивного пепла к нашему возвращению.

— Как думаешь? — спросила я. — Родители станут нас спасать?

— Думаю, что ты валькирия, Астрид, — задумчиво сказал Адриан. — Думаю, что люблю твои косы. Думаю, что здесь холодновато. О родителях не думаю вообще.

Мамина башня была похожа скорее не на башню принцессы из старых европейских сказок, а на башню библиотекаря. Здесь было множество книг, стеллажи уходили далеко-далеко, под самое место, где должна была начинаться крыша. Я видела высоченные стремянки и подумала, что доставая книги с самого верха, наверное, можно видеть весь мир, а так как нет никакого потолка, то страшно не только от высоты, но и оттого, что эта высота открывается обрывом, бездной, в которой скалятся острые зубы камней и трепещут на ветру пшеничные моря, а над тобой только небо, синее, как далекий океан, который все представляют в детстве. Такого океана и на свете нет, как и неба такого.

Я подумала: а неплохо здесь. Ни у одной книги не было названия, и написанные в них вещи сложно было назвать литературой, научной или художественной. Иногда я видела ряды цифр, а иногда — наборы слов. Был альбом с детскими рисунками, если зажать страницы пальцами, а потом пустить их, одну за одной, можно было увидеть историю про мальчика и его кролика, которого он похоронил и положил в ямку оторванные головки цветов. Он долго писал что-то пальцем на земле, картинка менялась незначительно, а потом книжка закончилась, а я так и не поняла ее смысл.

Мы с Адрианом брали книгу за книгой, открывали и закрывали, не в силах понять, в чем смысл этих беспорядочных записей.

Одна из книг, к примеру, описывала историю болезни русского поэта Некрасова. Страница за страницей раскрывали подробности рака кишечника, которым он страдал, ежедневные отчеты о его самочувствии.

Книга, стоявшая рядом состояла из расчетов постройки Бруклинского моста. Все эти записи описывали явления из нашей жизни, и я чувствовала, что это не знание в общепринятом смысле. Кто-то словно под микроскопом рассматривал мир со всеми его событиями, людьми и предметами. Ощущение было жутковатое, но еще более жутким было осознание того, что все эти книги написаны маминым почерком.

Прежде мама знала все.

А сейчас я, ее дочь, сидела на ее кровати и смотрела на все, оставленное ей. Мамина работа от пола восходила к самому небу, это была Вавилонская башня из цифр и букв. Я думала об этом с

трепетом и легкой, всползающей вверх по коже жутью. А потом Адриан сказал:

— Посмотри в окно.

И из легкой, жуть стала вполне ощутимой, продирающей до костей. За окном скользило что-то гибкое, повисшее на стене. Оно было длинное, и форма его была совершенно мне неясна. Оно непрестанно дергалось и из-за этого казалось, будто это существо не имеет сколько-нибудь стойкой формы. Дрожащие пальцы или то, что на них похоже, шевелились так быстро, ерзая под стеклу, что не было даже возможности их сосчитать.

Я завизжала, а потом вскочила с кровати и кинулась к окну, как была, в одних трусах. Я схватила книгу потолще, кажется там было что-то про устройство крысиных нор, и размахнулась, чтобы кинуть ее в окно.

Адриан сказал было:

— Это не слишком-то хорошая идея.

Но книга уже отправилась в полет. Окно с дребезгом уступило мне, ощерилось осколками, а существо пропало, звук спугнул его. Мы так и не сумели его рассмотреть, оно было вертлявое и болезненное, черное, а может наступающий рассвет сделал его темнее. Наверное, оно напоминало человека или то, что некогда было человеком.

Мы с Адрианом стояли, молча смотря в рассеивающуюся темноту. А потом я увидела, как что-то мелькнуло перед глазами, я заорала, находясь на пределе, а Адриан выставил руки вперед, как будто готовился защищаться, и я зажмурилась. И, внезапно, открыв глаза, я увидела, что существа нет, а над окном, как неопознанный летающий объект, замерла какая-то миска, от которой поднималось легкое свечение. Я посмотрела на Адриана. Он стоял, ошеломленный, как и я. Сделав шаг вперед, я поняла, что все еще не вижу существа. Открыв то, что осталось от окна, я втянула миску. И заметила, что больше не колышутся пшеничные поля, и голос жаворонка замер, и рассвет, такой быстрый в это время, что его можно отследить, тоже остановился. Ни ветерка, ни звука не доносилось вокруг.

От миски пахло странным образом — кровью, железом и пылью. Запах пыли был слишком деликатным, чтобы перекрывать резкие и взаимопроникающие запахи металла и крови, и все же он плясал наравне с ними в какой-то безумной симфонии. Такие духи я бы точно носить не стала. Делии бы, наверное, понравилось. Сама жидкость была нежно розовая. Я читала про Клеопатру, которая растворяла жемчужины в уксусе только чтобы показать, насколько она богата и одномоментно повысить цену царского обеда в четыре раза.

Примерно такая жидкость должна была получиться, согласно фантазиям меня маленькой. Жемчужина — жидкое волшебство. Я обернулась к Адриану, сжимая миску, исписанную золотом, в руках.

Он сказал:

— Это сделал я.

Я сначала не поняла, о чем он. Тряхнула косами, сказала:

— Да мне нравится, ты же знаешь.

Но он кивнул в сторону замершего жаворонка. Одна его нога была чуть запрокинута, он шагал по жердочке. И я была уверена, простой он в такой позе долго, ему стоило бы упасть, как и всякому существу, на которое действуют известные в мире физические законы. Но он был неподвижен, хоть и опасно накренился.

— Я сделал это, — повторил Адриан, а потом вдруг улыбнулся, и улыбка осветила его лицо, непривычно-жаркая и зубастая. Я поняла, что что бы он не сделал, ему понравилось. А потом до меня дошло. Я хлопнула себя по лбу, едва не уронив миску.

— Ты что остановил время?

— Видимо! Я не знаю!

И мы услышали голос:

— О, разумеется остановил. Такова его сила, и я доволен, что он открыл ее. Я начинал волноваться.

Я не понимала, откуда идет голос. Рванувшись к окну, я попыталась найти его источник, но это было не так-то просто. Я подумала, что это пресловутая тварь. Но она в неестественной, жуткой позе растеклась по стене над окном. Я не стала ее рассматривать, один взгляд на ее рыхлое, темное тело, подобное тени, вселил в меня ужас. Так что я отшатнулась от окна.

— Осторожнее с жидкостью. Она довольно ценна для меня и вы получили ее не просто так. Она настроена под вас. Вернее, под ваших родителей, но подойдет и вам.

— Если сейчас мы услышим что-то про ауры или биополя, я обращусь к психиатру, — сказал Адриан. Я засмеялась, а вместе со мной и этот голос. Красивый голос, мягкий и довольный, переливающийся кошачьими, хищными нотами.

— Умойтесь, — сказал он, отсмеявшись.

— С чего бы нам это делать? — спросила я. — Мы не знаем, кто ты.

— Тогда сделайте это, чтобы узнать, кто я. Я бы, на вашем месте, окунулся в безумие полностью. Зачем плавать на поверхности посреди океана без надежды найти берег? Лучше нырнуть и посмотреть, что ждет внизу.

— Хорошо сказано, — протянул Адриан. Мы медлили, поставили миску на кровати и смотрели в нее, будто собирались погадать. А потом, одновременно, запустили туда руки. Мы умывали друг друга, и запах крови был нестерпим. Глаза жгло, но этот огонь был приятным, как когда в душе закрываешь глаза и подставляешь усталые веки струйкам горячей воды. И после этого будто спазм проходит, и зрение становится лучше.

Когда я открыла глаза, он сидел перед нами на полу. Он был похож на какого-то богача на пикнике, не хватало расстеленной пятнистой скатерти и крэкеров с черной икрой и маслом.

Я сразу поняла, что он и есть Неблагой Король, хотя никакой короны на нем не было. Мы с Адрианом смотрели на него некоторое время, а потом сказали:

— Здравствуйте.

У нас часто выходило говорить одновременно, и Неблагой Король, Отец Смерти и Пустоты, умиленно улыбнулся, как многие взрослые из нашего детства.

Он сказал:

— Приятно с вами познакомиться. Я хотел бы закончить все побыстрее, вы у меня последние, и у меня еще дела, а ночь на исходе. К сожалению, книги из вашей башни я отдам Констанции, как и должность вашей матери. Но ты, Астрид, унаследуешь должность твоего отца. Он был великим человеком.

Я вспомнила, что в моем сне он развязал, судя по всему, Вторую Мировую.

— Да пошел он, — пожала я плечами. Неблагой Король задумчиво кивнул:

— Многим свойственно сепарироваться от родителей, отрицая их лучшие качества и всякое влияние на судьбу и характер своих детей. Ты, однако, похожа на него больше, чем думаешь. И даже больше, чем следует. Ты, Адриан, и твоя сила, пригодитесь мне лично. Займешь должность Сигурда, отца Герхарда.

— Спасибо за повышение над уровнем моей семьи.

Я толкнула Адриана в бок, и он притянул меня к себе, коснулся губами моей макушки, успокаивая.

— Возражения? — спросил Неблагой Король.

Но мы не имели возражений, как и привычки не принимать жизнь такой, какая она есть. Неблагой Король подождал для приличия несколько минут, а потом торжественно, а оттого даже несколько издевательски, провозгласил:

— Итак, Астрид, дочь Каспара и Медеи, провозглашаю тебя Принцессой Воинов, искательницей битв, кровоядной хищницей, хранительницей огня разрушения. Адриан, ты же назначаешься

Принцем Палачей, рукой моего возмездия, смертью, которую я направляю, смертью и пустотой, чей я отец.

Он протянул руки, будто собирался предложить нам конфетки, но ладони его оказались пусты. А потом я увидела, как крохотные ниточки, блестящие в остановившемся рассвете, переплелись на его ладонях. Они взялись из ниоткуда и ими будто бы никто не управлял. Железо становилось все крепче, а в его лакунах появились дымчатые опалы. Короны были совершенно одинаковые. Два венца, железные, искусно вырезанные и аккуратные. Они представляли собой широкие железные кольца, носящие в себе дымчатые, коричнево-черные опалы. Железо вздымалось и дальше, ветвилось, как оленьи рога, сплетенные друг с другом. Их острые, невысокие кончики свивались так, что я легко могла представить, что две короны — часть целого, часть одной.

— Храните эти венцы хорошо, мои принц и принцесса, — посоветовал Неблагой Король. Он кинул мне корону, и я ее поймала. Адриан свою взял, надел на голову, остался доволен. Я тоже попробовала надеть свою. Она была на редкость тяжелой.

Адриан сказал:

— Хорошо, чудесно, спасибо вам за этот головокружительный карьерный рывок. Не могли бы вы посоветовать, как запустить время снова?

Но к тому времени, как Адриан договорил, Неблагого Короля уже не было рядом. И мы поняли, что нам придется разбираться со всем самостоятельно.

Ну, знаете, как и в реальном мире.

Глава 13

Время шло, все дальше и дальше уходила я от того, кем была в тот последний день в Стокгольме. Я не знала, сколько прошло времени. С равным успехом я могла оставить позади месяц, год и тысячу лет. Время в Аркадии было совсем иным, оно текло как вода и ничего не значило. Дни казались бесконечно долгими, а потом, когда я смотрела на прожитое, оказывалось, что все проходит очень быстро.

К Аркадии легко было привыкнуть. Здесь было хорошо, и я не заметила, как полюбила сады и поля, и Великую Реку, и леса, и далекие горы, и небо над ними. Птицы и насекомые, и прекрасные цветы, все это стало частью моей новой жизни, и я не могла представить места, где всего этого не было.

А еще в Аркадии были мои Звери. Мои Звери были разными, не всегда они были похожи на насекомых, животных или птиц. Иногда они сохраняли в себе человеческие черты, и оттого казались еще более жуткими. Я гадала, кого из них создавал мой отец, а кого — Отец Смерти и Пустоты. И я любила их всех одинаково.

Я обустроила свои покои согласно собственным вкусам. Для этого не приходилось прилагать никаких усилий. Просто каждый раз, когда я просыпалась, что-то чуточку менялось вокруг. Будто вещи жили по своим, особым законам, изменяясь, теряясь и появляясь так, как мне это нужно без малейшего усилия с моей стороны.

Однажды я проснулась, поняв, что солнце не бьет мне в глаза, не имея никакой преграды в виде потолка. Я уже подумала, что все это мне приснилось, во сне время может по-всякому растягиваться, а потом открыла глаза и не увидела совсем ничего, хотя ожидала — свою комнату в Стокгольме. Справившись с секундной паникой, я нащупала в темноте бархатную ткань. Оказалось, я не похоронена заживо в прямом смысле. Перед моими глазами просто был балдахин из черного бархата, погрузивший меня в абсолютную темноту.

А ведь я об этом мечтала, каждый день восход солнца напоминал мне о том, что не помешало бы иметь от него хоть какую-нибудь защиту.

Шло время, и я начала находить свою книжки из Стокгольма. Сначала прибыл «Ветеринарный Справочник», а следом за ним «Ужас Данвича». Я поставила их на одну из полок, и вскоре у них появились многочисленные соседи. Здесь были не только книги, которые остались в Стокгольме, но и те, о которых я только

мечтала. К примеру, «Молот Ведьм» и сборник рассказов Амброса Бирса. Последний, несмотря на мой интерес, сумел вызвать только зевоту, и через несколько дней после того, как я отчаялась его прочитать, исчез так же загадочно, как и его автор. Моя библиотека полнилась, а папины вещи исчезали, будто только и ждали нового хозяина для того, чтобы, наконец, получить свой законный покой.

Появлялись безделушки — сиреневые кристаллы, прозрачные шары, как у гадалок, черепа животных, о которых я мечтала, но всегда ленилась их вываривать, разбросанные карты Таро. Пузырьки и сухие розы, почти догоревшие свечки с плывущим по ним воском, все эти вещи, которыми я мечтала украсить свою комнату в общежитии, заполонили мою башню. Иногда я думала, сколько лайков могли собрать фотографии моего жилища в тематических сообществах — ведь ни дать ни взять — обитель современной ведьмы.

Может быть, могла бы даже сдавать комнату для фотосетов. Только сложно будет объяснить желающим, как сюда добраться.

Я была счастлива. Мои Звери, размеренный темп, в котором существовала Аркадия, безделушки и книжки, мои новоприобретенные братья и сестры — все это сделало меня счастливой. И я поняла, что вовсе не хочу возвращаться. Я была здесь не просто так, я делала то, что должна была, и это означало, что я на своем месте. Наконец, после стольких лет, у меня не было вопросов о том, кто я такая и кому могут помочь.

Просыпаться было легко. Абсолютная темнота в любое время суток позволяла мне выспаться вволю. Мои Звери давным-давно не дышали, не спали, но им нравилось лежать со мной рядом и охранять мой сон. Я протянула руку и погладила Эдгара. Он заворчал, хитиновые пластинки под пальцами были ободряюще-холодными. С Эдгаром нас связывало многое. Во-первых, он был той самой сколопендрой, которую я увидела в лесу и которая подсказала мне, как увидеть Неблагого Короля. Эдгар и я были неразлучны. Он был ласковым существом, любил свернуться рядом со мной в клубок, как кот и иногда издавал звуки, похожие на сопение, и если учесть, что дышать ему было не нужно, я могла предположить, что это звуки довольства. С другой стороны лежал Говард. Он был поменьше, и я взяла его на руки. Говард был ростом почти с меня, он был гибкой, обладающей множеством ног стрекозой с костяными жвалами. Его хрупкие, будто стеклянные крылья, подрагивали, когда я дотрагивалась до него.

Говард и Эдгар были моими любимцами. Я никогда не посылала их для того, чтобы утолять голод Отца Смерти и

Пустоты. Я старалась заботиться обо всех моих Зверях, я лечила их раны, ласкала их и защищала от гнева Неблагого Короля. Но все же моим Зверям приходилось платить ему дань. Раз в неделю я посылала десяток из них в разные уголки земли. И хотя для меня выход был закрыт, они беспрепятственно покидали Аркадию.

Мои Звери приносили в дар Неблагому Королю драгоценные камни. По крайней мере то, что ими выглядело. Герхард говорил, что точно такие же штуки доставала моя мама из осиного улья. Теперь я знала, что это такое, хотя и весьма приблизительно. Это страх, которым питался Неблагой Король. В своих желудках мои Звери приносили ему страх людей, собранный ими. А Неблагой Король питался им. Он разбивал камни, и мед, лившийся внутри, давал ему силу. Его умели производить Кошмарные Осы. Это были существа, денно и нощно работавшие над лабиринтами кошмаров. Они создавали ужасы, что люди земли видели во снах. Но мед страха, хранящийся внутри этих камней, был недостаточно насыщенным для Неблагого Короля.

Он вскрывал моих Зверей, доставая из них драгоценные капли силы. Иногда я успевала вылечить их с помощью меда Кошмарных Ос. Иронично, лечить медоносов с помощью меда, который у них только что отняли. Страх излечивал порожденных им тварей.

Мои Звери не были злы по своей природе. Они сохраняли в себе частичку человеческой души. И пусть они не могли есть человеческую еду, спать и дышать, им нравились ласка и спокойствие. Я не знала, есть ли у них язык, который подходит для общения друг с другом и насколько на самом деле изуродованы их разумы. Однажды я вошла в Храм Зверей, принадлежавший раньше моему отцу. Это было узкое, выбеленное помещение, вырубленное в скале. Я должна была пройти туда одна. То есть, я одна имела права туда заходить. Я прошла через темную пещеру, насыщенную до предела шорохами и скрипами, полную жизни, не показывавшейся мне на глаза, как я ни просила. Слепые и быстрые, существа пещер перемещались над моей головой. И мне, принцессе монстров, захотелось закрыть глаза. А я думала, что уже никого не боюсь.

В конце концов, я вышла к храму. Фактически, храм представлял собой мраморное плато над бездной. Я подошла к самому краю, и ветра зазывали надо мной. Внизу, зажатые в тисках гор, почти невидимые в темной бездне, бесновались мои Звери. До меня доносились вой, жужжание, крики и щелканье, множество неприятных, жутковатых звуков. И я увидела своих подданных. То есть, увидела не совсем то слово. Они были для

меня одной безликой, радостной волной. И они склонились передо мной, все замерло, и я слышала только завывания ветра. Мне казалось, что солнце стоит практически передо мной, а там, низко-низко, волнуется море. Это были мои существа, я поняла это сразу. Я приготовилась сделать еще один шаг, но замерла. Подо мной простиралась равнина. Я попыталась хоть с чем-то сравнить высоту, на которой стояла. Наверное, так же я ощущала бы себя на крыше двадцатиэтажного дома. Абсолютный холод и абсолютная свобода. Крепко объятые скалами, замерли мои монстры, а дальше, за горами, я увидела бутылочные волны бесконечных лесов.

— Давай же, — сказал Неблагой Король. — Чего ты ждешь? Ты ведь все очень правильно решила.

Я обернулась. Он стоял на гладком мраморном квадрате, нависшем над бездной и казался удивительно неподвижным на фоне бегущих облаков. Спустя пару секунд, я поняла почему — ветер не трепал его волосы и одежду. Он был будто чужд всему миру, выключен из него, как голограмма или галлюцинация.

— Действуй, Делия. Докажи, что ты достойна моей крови.

— Ради этого нужно умереть?

— Ради этого нужно не бояться сделать то, что кажется совершенно безумным и нелогичным, девочка, — засмеялся он. И когда он сделал шаг навстречу, я подумала, толкнет ли он меня.

А потом я поняла, что лучше — спрыгну сама. То есть, я не спрыгнула. Я просто сделала то, что часто представляла себе — один лишний шаг. Шаг в никуда.

Ощущение полета было коротким и ярким, я летела вниз. Я думала, что как в фильмах, смогу рассмотреть что-то красивое, но краски смешались, и глаза слезились от ветра. Я приготовилась встретиться с землей и умереть, я была готова к этому, и я сделала это сама. Без сомнения достаточно безумно.

А потом мой полет прервался, и я почувствовала чью-то гибкую, тонкую спину. Я завизжала, как будто могло быть что-то страшнее, чем разбиться о землю и умереть. Открыв глаза, я обнаружила, что взмываю вверх и что руками и ногами, крепко, как ребенок отца, обхватила гибкое тело гигантской стрекозы. Ее узкое туловище едва выдерживало меня, и все же она стремилась вверх, доставить меня туда, откуда я упала. Я погладила хитиновую голову, большие фасеточные глаза моргнули.

— Вниз, — попросила я шепотом. И стрекоза, почти что обычное насекомое, отличавшееся только своими размерами, устремилась вниз. Когда мы приземлились, Звери расступились. Среди них были искалеченные люди, они выползли вперед, склонили деформированные головы. И я поняла, что это

аристократы среди монстров. Из их ртов вырвались странные звуки, которые нельзя было назвать языком. Я вежливо поклонилась им, сказав:

— Спасибо за вашу помощь.

Они замерли. Безрукий и безногий человек с ребрами, вырвавшимися из тела, длинными, похожими на ножки паука, на которых он передвигался, разинул рот, в котором уместилось два ряда зубов и издал мучительный вой. Его подхватили со всей сторон.

Они признали меня своей, и я забрал Говарда, спасшего меня, с собой. А еще я пообещала, что буду стараться защитить их. И я выполняла свое обещание, насколько могла. И я была счастливой, насколько могла. У меня были те, ради кого я жила. Изуродованные души, о которых я заботилась.

Иногда я вспоминала Розу и папу, и мне становилось грустно. Я не скучала, нет. Мало кто скучает по родителям в восемнадцать. Наоборот, мне было приятно осознавать, что они живы, здоровы и далеко. Но все же я знала, что им грустно и плохо без меня. То есть, папе. Розу-то ничем не проймешь.

Папа никак не смог бы спасти меня, ему сюда ходу не было. То есть, был один вариант, но тогда папа плыл бы вместе со всеми в водах Великой Реки, и пользы от него было бы мало.

Я потянулась, и Говард дернул крыльями. Эдгар ткнул морду в стену, потом еще раз, и еще раз. Я щелкнула пальцами, и он уткнулся мне в руку, реагируя на звук. Среди моих Зверей было мало тех, кто мог бы быть самостоятельным. Те, что не слепы, были неразумны. Я принялась гладить Эдгара и Говарда. Говард всегда был тихим, смущенным. Он не издавал ни звука и только изредка подергивал крылышками в знак того, что ощущает мое присутствие. Эдгар же щелкал и стучал, шумел, настойчиво требовал внимания. Я подумала, кем они были прежде. Иногда я представляла Говарда смущенным бухгалтером, а Эдгара — бандитом-рецидивистом. Потом, правда, я представляла, что сплю в постели с двумя мужиками, и дальше развивать мысль уже не хотелось.

Я отдернула балдахин, зашипела, как вампир, шокированная таким количеством света. Утро неизменно травмировало мои глаза, вот к чему в Аркадии нельзя было привыкнуть, так это к яркому солнцу.

Я вылезла из кровати и пошла в ванную. Ванная моя была вовсе не душевой, к которой я привыкла. В центре большого помещения, всегда стояла золотая купальня, наполненная свежей водой. В принципе вода, которая всякий раз обновлялась, стоило только выйти из помещения, с успехом заменяла водопровод.

Температура была ровно та, которой я и хотела. Теплая, почти горячая. Эдгар и Говард погрузились в купальню со мной. Некоторое время они бессмысленно плескались, а потом я поймала Эдгара и принялась намыливать. Фасеточные глаза Говарда бессмысленно пялились на это зрелище.

Мыла здесь были самые разные. Но я всегда выбирала то, что пахло лилиями, потому что лилии — похоронные цветы. Стоило мне вылезти из купальни, и я тут же пожалела, что Неблагой Король истребил всех своих Младших Детей. Они могли бы услужить мне. Говард и Эдгар явно не располагали мелкой моторикой, нужной для того, чтобы вытирать меня и надевать на меня одежду. Пришлось самой. Платья я, к счастью, носила не столь сложносочиненные, как представлялось мне изначально. Они даже особенно не относились к средневековью или к какой-то определенной культуре. Сейчас я выбрала черное платье с воротником под горло, расшитое серебряными нитями.

Дресс-код Неблагого Короля имел один единственный существенный пункт, который меня вполне устраивал. Мы носили черное. Все, кроме Акселя, который считал, что и так делает слишком много, чтобы не иметь права выпендриваться.

Аксель мне не нравился. Он обладал невероятным самолюбием и никогда не говорил правду. Я несколько раз спрашивала его о том, кто он такой и всегда получала разные ответы.

Он был то гениальным студентом театрального факультета в Париже, то наркоманом из спального района Нью-Йорка, то сыном бармена в Дублине. И всякий раз Аксель затейливо и безвкусно украшал свои истории сопливыми подробностями о болеющих родных, мертвых братьях и сестрах, тюремных сроках, данных ни за что и воровстве как единственном способе добыть себе пропитание. Один раз он в красках описал себя в качестве защитника природы, пытавшегося остановить вырубку лесов Амазонки.

А на самом-то деле он даже имени своего настоящего не назвал.

Сегодня мне опять предстояло столкнуться с Акселем. В принципе, Аксель появлялся в моей жизни довольно часто. Он передавал послания Неблагого Короля. С тех пор, как здесь появились мы, Аксель называл себя Волей Отца. Вроде как он передавал его приказы, а может и еще что-то делал. Я не разобралась в сложной титулатуре Аркадии. Я просто делала то, что должна была, а знания о том, что должны делать другие были мне ни к чему.

Я посмотрела на часы. Изогнутые стрелки, будто сделанные

из костей, показывали без десяти девять. В девять я должна была быть в усыпальнице Благого Короля.

Мы двинулись вниз по лестнице. На самом деле я никогда не представляла себе здания, по которому можно бродить часами. Долгие прогулки ассоциировались у меня с открытым небом. Впрочем, и здесь небо было открыто. Помещения постоянно тасовались, как карты в колоде, но что касалось базовых комнат, вроде тронного и пиршественного залов, усыпальницы Благого Короля, ходов в башни, они оставались на своих местах. Я шла по коридору, чуть другому, чем он был вчера, но знала, куда направляюсь.

К тому времени, как я зашла в усыпальницу, я была уверена, что опоздаю, но пришла раньше, чем все остальные. Кроме Акселя, разумеется.

Сегодня он был в костюме века этак из девятнадцатого, разве что слишком цветастом, крахмально-белая сорочка с высоким воротником стойкой, ярко-красный шелковый жилет с цветочным узором из бархата, фиолетовые брюки и блестящие ботинки.

— Доброе, просто добрейшее утро, Делия! — провозгласил он и поправил изумительный, синий цветок в петлице.

— Доброе утро, — буркнула я. — Где все?

Усыпальница Благого Короля представляла собой полный света зал. Над ним единственным во всем замке была крыша, зато окна были большие, по-готически сужающиеся к верху и протяженные, безо всяких витражей. Они впускали чистый, белый свет. Стены усыпальницы давно одичали, они были увиты плющом, пробиравшимся в Аркадии всюду, где хоть чуть уступали ее хозяева. Плющ тянулся и дальше, по полу, но пока не добрался до самого гроба, кроме которого тут, собственно, ничего и не было. Гроб был полностью хрустальным, квадратным, стоящим на золотом постаменте. В нем покоился человек, который был, вероятно, моим дедом, но родственных чувств не вызывал. И даже человеком в полной мере не казался. Когда я впервые его увидела, потеряла дар речи. Его красота превосходила все, что я прежде видела. Он был светловолосый, с мужественными чертами лица, похожий на древнего воина великой армии. Его благородное лицо сохраняло выражение абсолютного покоя, тонкие губы замерли в легкой улыбке.

Не было слов, которыми я могла бы описать ощущение теплого света, исходящее от него. Он был жив, определенно. Его кожа имела совершенный, золотистый вид, черты не были смертно заострены, но дыхания я не могла заметить.

Я иногда приходила посмотреть на сон Благого Короля просто чтобы замереть от благоговения. А сегодня Аксель

расставил на стеклянной поверхности гроба тарелки и чашки. Он сидел на стуле перед гробом, как перед столом, периодически брал тост, густо намазанный джемом и откусывал. От такого богохульства я даже не сразу смогла отказаться от предложенной чашки чая.

— Садись за стол, Делия! — радушно пригласил Аксель. — Повар превзошел сегодня сам себя! Как насчет тоста с креветочным коктейлем? Есть холодный ростбиф и яйца пашот!

— Аксель!

— Да-да?

Безумный клоун, подумала я, вот кому нужно было быть шутом.

— Где все?

Аксель налил сливок в чашку с чаем, пощелкал пальцами, будто вспоминая, где часы, потом вытянул их за цепочку из нагрудного кармана.

— Придут минут через тридцать, как и должны были.

— Тогда почему ты сказал мне быть здесь к девяти?

— Разве не может юноша пригласить девушку на завтрак? — осведомился он.

Он встал из-за стола, галантно, хотя и с некоторой издевкой, отодвинул передо мной стул, и я села.

— Я не думаю, что мы с тобой настолько хорошо знакомы.

— Именно! И я придумал повод познакомиться!

Он нарочито громко звенел ложкой о края чашки, размешивая сахар.

— Ты не очень изобретателен, да?

Он возвел глаза к потолку, сделав вид, что очень оскорблен. Меня Аксель раздражал, я была в напряжении рядом с ним, всякий раз на грани с тем, чтобы по-настоящему испугаться, хотя казалось, что он не делал ничего особенного. Аксель взял вареное яйцо, с совершенно будничным видом постучал им о гробницу Благого Короля. Нарочито профанно ведя себя в столь святом месте, он получал удовольствие. А я подумала, что будет, если Благой Король сейчас откроет глаза. Я представляла, как будто в фильм ужасов, все произойдет очень резко, и от нас это древнее существо будет отделять лишь тонкая мембрана стекла. Наверное, Аксель тоже это представлял, и немалую долю удовольствия черпал в этой фантазии. Я взяла тост, хорошо прожаренный, пахнущий свежестью и теплым, пшеничным духом. Я выбрала черничный джем, и некоторое время была сосредоточена только на том, чтобы распределить его по поверхности тоста.

Все и вправду было очень аппетитным, есть хотелось.

— И тем не менее, — сказала я. — В чем причина?

Аксель коснулся чистых губ безупречно белой салфеткой, совершив абсолютно бессмысленное действие, а потом с размахом отшвырнул ее и подался ко мне, чашка, чайник и молочница хором звякнули. Аксель доверительно посмотрел мне в глаза, почти перегнувшись через стол.

— Потому что я хотел тебя увидеть. Все. Честно! И, может быть, я специально веду себя так подозрительно, чтобы ты заинтересовалась мной?

Он смотрел мне в глаза так, будто собирался вот-вот поцеловать, и с него бы сталось. Поэтому я взяла тост, демонстративно надкусила его, принялась активно жевать.

— О, Делия, в тебе нет никакой романтики.

Он подался назад, откинулся на спинку стула и принялся качаться.

— Но смотреть на тебя все равно одно удовольствие!

Я продолжала жевать тост и подтянула к себе пару кусков ветчины. Если что и стоило общества Акселя, так это еда. Она бы примирила меня с чем угодно. Некоторое время хруст тоста был единственным звуком в этом огромном, торжественном зале, наполовину захваченном плющом. Одуряюще пахли белые цветы, всегда покоившиеся в изножье гробницы, приносимые как дар Благому Королю, белому королю. Прежде его память чтили его Дети, теперь же, с совершенным автоматизмом, цветы к ногам Благого Короля приносили мои Звери, слуги его брата. Самая ирония заключалась в том, что Благой Король, судя по всему, считал оскорблением самой идеи жизни и бессмертия души существование подобных монстров.

А теперь они были единственными, кто помнил его.

Торжественные, священные лилии и розы, сегодня казались украшением богатого стола, не больше. И даже их холодный, навевающий печаль запах казался свежим дополнением к этому утру. Солнце било в высокие окна, втекая внутрь, как вода в давшую течь лодку.

Все это, а так же невероятно вкусная еда, делало меня довольной, а значит благосклонной. Налив себе крепкий кофе и разбавив его молоком, вдохнув его дурманящий запах, я спросила:

— Если ты так хотел пообщаться, может расскажешь, почему он спит?

Я взяла круассан, мягкий и теплый, принялась намазывать на него свежий, золотой мед.

— Не налегай на мед, а то Герхард будет голодать, он же только его и жрет.

— Еще пьет молоко.

— Ему повезло, что здесь нельзя умереть от голода.

Аксель постучал пальцами по гробнице. От такого я непременно бы проснулась, но спящий магическим сном Король оставался безмятежен. Его лицо было светло и прекрасно, успокоено, и оно совершенно не соответствовало комичности ситуации. Аксель сказал:

— Что ж, так и быть, послушаешь одну нелепицу из старых времен. Я бы скорее обсудил наши отношения.

— У нас нет отношений, Аксель. И не будет. Никогда.

— Как так, как так? Что же теперь делать? Как жить дальше?

Он схватил нож и молниеносно прижал его к своему горлу, под лезвием, которое должно было быть тупым, выступила капля крови. Аксель делал это с таким надрывом, что должно было быть смешно, но что-то неизменно настораживало меня. Он держал нож слишком аккуратно и профессионально. Я не знала, как это объяснить. Его пальцы сжимали его очень крепко, но так, что это совершенно не мешало его движениям. И лезвие было прижато точно к тому месту, где билась жилка, он делал это вслепую и безупречно. Я вспомнила, что прежде он выполнял всю работу, которую оставили Дети Неблагого Короля. Он был последним из его сыновей. Он делал то, что делал прежде Принц Палачей. В том числе. Аксель говорил, что это он уничтожил последних из Младших Детей Благого Короля. Впрочем, Герхард считал, что это сделал еще его отец. История всегда неясная штука.

— Хорошо, хорошо! — сказал Аксель. Он кинул нож в пустую тарелку, капли крови окрасили ее, смешавшись с вязкими остатками джема.

— Как ты знаешь, я лично не застал его бодрствующим, — начал Аксель. — Но я ничуть не сомневаюсь, что прежде это был великий человек! Безо всякой издевки! Сильный, смелый правитель, заботившийся о своих поданных! Хотя вы, жалкие остатки его крови, не в силах оценить то, что он сделал для вас, я скажу: однажды он почти победил Неблагого Короля. В честном поединке. Говорят, они сражались два или три дня. Без отдыха! Ни секунды, понимаешь? Вот я сейчас поел, и мне уже хочется прилечь! А они бились без единого момента для того, чтобы перевести дух. Звон мечей стал колыбельной Аркадии! Все замерли и ждали! Сам металл ломался быстрее, чем воля обоих соперников! Умели же раньше делать людей, правда? У этого сражения поистине был эпический размах! Ни один из них не мог ранить другого, ни один из них не мог победить. Потому что они, дорогая моя Делия, были близнецы. Их КПД был абсолютно одинаков! В этом загвоздка, милая! Они боролись…

Аксель сделал драматическую паузу, прижал руку к сердцу. А я могла смотреть только на каплю крови, стекавшую ему за шиворот.

— Они сражались за нас с тобой, моя дорогая! За возможность победить смерть! Никто не будет сомневаться в том, что смерть, это чудовищно! Небытие, ничто, пустота! Такой ее задумывал мой Отец, ваш дед и Отец! Смерть должна была быть окончательной! Ужас ничто, в которое опрокидывается мир. Думала когда-нибудь о том, как мир будет продолжать быть, когда тебя уже не будет? А ты перестанешь существовать. Не будет тебя, и все. Все закончится. Ты даже не сможешь осмыслить весь трагизм этой ситуации. Разве в голове укладывается подобный нонсенс?

Я пожала плечами. Множество раз я представляла собственные похороны, но, как сказала бы Констанция, мои фантазии подразумевали наличие субъекта, который смотрит на собственную смерть. И вся моя любовь к загробным ужасам вела к простой и успокаивающей мысли — смерть еще не конец. Есть вещи хуже чем смерть, но есть они только потому, что за ней не вечная темнота. Мысли о смерти, направленные на представление какого-то огромного, голодного ничего, которое ждало меня, выбивали меня из колеи, кидали в оторопь и еще какое-то иное, неприятное состояние. Такое бывает, когда пытаешься понять невероятно сложный пример.

— Благой Король задумал нечто иное. Он вообразил, что жизнь, как круг, вообразил, что замыкаясь, она начинается заново. Он вообразил себе, что она не кончается никогда, и ничем не завершается, и всякий раз мы возвращаемся. И ужас первобытных времен, впервые узнавших смерть, сменился надеждой.

— Ты такой пафосный, Аксель.

— Спасибо! Я бы хотел стать актером, но не успел! Я могу наизусть зачитать тебе все главные монологии в истории литературы!

— Нет, спасибо. Просто продолжай. Это вообще был не комплимент.

Аксель задумался, постучал пальцем по краю чашки, вырвав из ее хрупкого фарфора мелодичный звук.

— Так-так-так! На чем я остановился? Точно! Так вот, Благой Король придумал Великую Реку. Это его творение, удивительное и прекрасное! Разумеется, Отец ненавидел его. Разумеется, он считал, что его идею испортили, волюнтаристски извратили, а он, как художник, не состоялся в жизни! Но силы, что всегда будут могущественнее нас заставили их обоих следить за общим

проектом. Благой Король ненавидел смерть, а Неблагой — ее обратимость. Так они и жили, копили яд и ненависть друг к другу. До той битвы. Ее затеял, разумеется, Отец. Он всегда был смелым, рисковым человеком.

Я посмотрела на Благого Короля. У этого человека была смелое, благородное лицо. Он защищал мир от пустоты многие и многие тысячелетия. Он и сейчас был жив, и мне захотелось стукнуть хорошенько по стеклу, разбить его и трясти Благого Короля за плечи, впиваться ногтями в ткань его богатого одеяния.

Аксель потянулся ко мне и поправил корону. Я тут же отстранилась. Корона очень быстро стала для меня частью моего тела. Я слышала, так бывает у людей, которые носят очки. Я настолько не представляла своей жизни без нее, что уже не помнила, как надеваю ее по утрам. А ночью она всегда хранилась под моей подушкой, и я касалась ее кончиками пальцев.

Корона была частью меня, без нее из меня будто изымали что-то важное, становилось тяжело и больно дышать, но еще я была совершенно пуста внутри, ничего не было, все оказывалось в секунду выскоблено, вынуто. Не так уж сложно было не расставаться с короной, но страшно было потерять ее однажды. Я была уязвима, мы все были.

Аксель — тоже. И его жест, то как он поправил мне корону, был жестом понимания, нежности к самой дорогой моей вещи.

— Я как-то резко свернул с темы боя к теме экзистенциальных терзаний. Так вот, когда герой уже готовился снести злодею голову, вмешалась судьба. Меч был занесен, горло открыто, но за секунду до того, как этот тысячелетний спор был бы разрешен, в самый ответственный момент, Неблагой Король всего лишь иглой уколол своего братца. Игла, смоченная ядом, проникла под кольчугу, и усыпила его. Вообще-то, фактически нельзя сказать, по законам Аркадии, что Неблагой Король победил. Критерий один — смерть, победа это смерть. Но при этом совершенно никак нельзя убить Благого Короля, пока он спит, это тоже противоречит правилам, установленным не нами. Я бы даже так сказал: Не Нами.

Аксель неопределенно ткнул пальцем куда-то вверх.

— Нужно победить в бою, а в драке со спящим достоинства, как ты понимаешь, мало. Иными словами, почти проиграв, Отец Смерти и Пустоты, отсрочил конец боя на неопределенный срок. Он не выиграл, поэтому не может демонтировать реку. Но и вершить тут свои дела ему никто не мешает. Так что ситуация, можно сказать, повисла в воздухе. Она несколько неудобная для всех участников. Особенно для тех, кто уже сложил головы во славу своих Отцов.

Аксель вдохнул, будто впервые втянул воздух за весь свой пространный монолог, и принялся наливать себе еще чаю.

— Спасибо за внимание! — провозгласил он. — Я рассказал тебе все не только и не столько потому, что очарован твоими неземными глазами, сапфирами, украшающими твою нежную душу, сколько потому, что то, что я сейчас говорю, напрямую касается некоторых аспектов задания, которое я вам дам.

— Задания? — переспросила я. Мне не понравился тон, на который он перешел официальный и довольно отстраненный. Впрочем, еще меньше мне понравилась улыбка, в которой он расплылся:

— Впрочем, не переживай, дорогая Делия, разумеется, я буду сопровождать вас. Потому что у меня есть понятия о чести! И о хорошем времяпрепровождении.

Он улыбнулся, поправил цветок в петлице.

— Нравится? — Аксель заметил мой взгляд. — Синий, как твои очи!

— Очи? Ты что был скальдом?

— О, я так верно служил Отцу, что даже забыл из какой я эпохи! Впрочем, я появился здесь позднее ваших родителей, я их не знал, и мне было столько же, сколько и тебе, когда я впервые сюда попал. Так что считай сама! Или попросить Констанцию?

В этот момент я услышала стук.

— О! Вот и она! Констанция, скажи мне, а ты способна вычесть из нынешнего года восемнадцать лет, а из них — еще восемнадцать?

Констанция фыркнула. Она быстрым шагом прошла от двери к нам.

— Что за цирк ты здесь устроил? — спросила она. Констанции Аксель, казалось, нравился еще меньше, чем всем остальным. Иногда я думала, что это невозможно, но Констанция раз за разом доказывала мне, что Акселя можно не любить и сильнее.

— Цирк? Я полагал, это может сойти за пикник или завтрак в кофейне, или…

— Аксель, пожалуйста!

— Ах да, Констанция, какой же я невежливый. Садись, бери то, что тебе нравится! Еды еще предостаточно, как и кофе. Вот с чаем дело обстоит чуточку хуже! Признаюсь честно, я без ума от…

— Аксель, ты говорил, что в полдесятого я должна быть тут. Я бы не хотела тратить время на твои глупости. Мне нужно вернуться к работе.

Констанция в последнее время являла собой просто образец

серьезности. Я не была уверена, что ей нравится здесь жить, но ей абсолютно точно нравилось заниматься тем, чем она занималась.

Аксель быстро поднялся, налил ей кофе в чистую чашечку с изогнутой ручкой. Тонкий, белоснежный фарфор, не нуждающийся ни в каких украшениях. Роза оценила бы, а она знала толк в роскоши.

— Сейчас соберутся остальные, и я с радостью изложу все. Но, поверь, это все касается работы. Видишь, я даже не злюсь на то, что ты прервала нашу с Делией интимную беседу.

— Она не была интимной, Аксель, — сказала я. Запавшая тишина даже мне показалась неловкой. Я посмотрела на Констанцию. На ней было легкое платье с черным узором, настолько тонким и частым, что платье можно было назвать как белым так и черным. Она тесно сцепила нервные пальцы, сложила руки на коленках. Констанция была вечно взвинченная, раздраженная и в этом даже очаровательная девушка. Я относилась к ней хорошо, она всегда старалась помочь, и у нее были убеждения, против которых она не шла. Констанцию много за что можно было уважать, но одного она делать совершенно точно не умела.

Она не умела разряжать обстановку. Герхард умел, но его рядом не было. Впрочем, были люди, которых сейчас я хотела видеть рядом еще меньше, чем Констанцию. Адриан от неловких ситуаций, кажется, забавлялся, а Астрид было настолько чуждо само понятие неловкости, что она, задавала самые дурацкие и неподходящие вопросы, чтобы уточнить, чего это все замолчали.

Именно в тот момент, когда я подумала об Астрид, услышала я и ее голос.

— В смысле должна была быть интимной, но не была? — спросила Астрид. Я подумала: как точно мой мозг иллюстрирует эту ее привычку и воспроизводит интонации.

А потом Астрид опустила руки мне на плечи, как будто собиралась то ли сделать мне массаж, то ли кости переломать, и я поняла, что вовсе не мой разум так точен, а Астрид и Адриан необычно для себя пунктуальны.

— Продолжайте, продолжайте, — сказал Адриан. — У нас не было намерения мешать беседам любой степени интимности.

— Что ж, — хлопнул в ладоши Аксель. — Как говорится, семеро, или в нашем случае пятеро, одного не ждут, м?

Глава 14

Я все еще ощущал жар, неприятное чувство, когда тебе очень стыдно или почему-то плохо и неловко. Мне хотелось умыться холодной водой, а потом заснуть, но я должен был идти к Акселю. Аксель — он тоже хороший, ему хочется, чтобы его любили, а его не любят, и это всегда страшно. Плохо быть тем, кого никогда не любят. Плохо не любить.

Я часто видел тех, кого никто не любил, особенно в последнее время. И каждый раз мне было больно, стыдно, и щеки заливал этот жар. Они просили избавления, и я ничего не мог им дать, кроме смерти. Они не слышали меня, я не мог повлиять на них. Я мог убить их или оставить в живых. Наверное, я плохо делал свою работу.

Часто я ждал, смотрел на страдания этих людей. Мне казалось, еще секунда и все, как в книжках изменится. Я до последнего ждал, даже когда точно уже решил, что передо мной именно тот случай.

Люди, которые могли только выть от боли.

Люди, которые заперты в своем теле, как в клетке, не могут ни двигаться, ни говорить (потому что для этого тоже надо двигаться).

Люди, которые живы только благодаря аппаратам в больнице, таким большим, белым или железным штукам, которые могут жить вместо них, кое-как задерживая их на этом свете.

Я не мог исполнять просьбы тех, кто здоров. У них еще все могло перемениться, им могли встретиться другие люди, другие места. У них был шанс стать счастливыми, даже если им казалось, что каждый новый день только раздирает бесконечные раны у них внутри. Я верил, что однажды им станет лучше.

Я верил, что однажды нам всем станет лучше.

Но были другие люди. Сейчас был солдат. Автоматная очередь вспорола ему живот, и его кишки разметало по развороченной земле. Он говорил на незнакомом мне языке, молодой смуглый парень, мой ровесник. Война это страшно, никому не хочется уйти из дома и знать, что может быть туда не вернешься. Может и дома не будет. А этого мальчика, наверное, кто-то ждал. Он тоже от жизни чего-то ждал. Мне было его так жаль. Так несправедливо, что все эти пули оказались в нем. Они могли попасть в то место, где от них никто бы не погиб. Почему так случается? Констанция говорила, что дело в теории вероятности. Все рассчитывается, есть детальки, укладывающиеся в формулы.

А я не понимал, как так. Я много чего не понимаю. В общем, я смотрел на него, он запрокинул голову и раскрывал рот, как будто с неба шел дождь, а ему очень хотелось пить. Его рот был окровавлен, и кровь все прибывала. Он был таким уже четыре часа, а отряд его ушел без него, оставив умирающего в умирающем городе, посреди уже мертвых.

И я сделал это не задумываясь, я отнял эту жизнь. Это даже было милосердием — в каком-то математическом смысле.

Но мне не нравится математика и ее милосердие. Мне было грустно и больно от того, что кому-то приходится молить о смерти, что люди зовут меня, даже иногда по-глупому, в сердцах. Тем более было грустно, когда люди звали меня, потому что другого выхода не было.

Неблагой Король говорил, что я работаю плохо. Что я должен даровать милосердную смерть всякий раз, как меня просят. Но что-то я мало слышал историй, только далекие сказки, о том, как кто-то попросил смерти потому, что автобус захлопнул двери прямо перед его носом, и немедленно умер.

Так что, наверное, и Аксель не рвался. И те, кто даровали милосердную смерть до меня. Я сразу не понял, как шут связан с милосердной смертью. Мне не нравилось, как звенящие бубенцы у меня на рукавах, и я был в целом как-то недоволен, хотя обычно мне все нравится. А потом я понял, что это шутка. На самом деле шутка, которая требует много времени, чтобы ее понять, наверное, плохая. Юмор это быстро, нужно быстро засмеяться, когда услышал. Но, может быть, некоторые шутки можно оценить только через некоторое время. Так вот, значит, юмор вот в чем: милосердная смерть это смерть, которая лишь ненадолго опережает немилосердную смерть. Ее разница в часах, а иногда и в минутах. Но эти часы и минуты очень много значат для людей. Для них они вечность.

Юмор вот в чем, но все равно не смешно. Я плохо понимаю шутки, потому что многие строятся на интонациях, с которыми их произносят, а интонации я улавливаю плохо. Но эта шутка была смешная по-особенному, такая смешная, что мне хотелось не смеяться, а плакать, хотя я отлично ее понимал.

В общем, я загрустил, хотя многое мне нравилось все равно. У меня были такие хорошие родственники. Они были умные, и добрые, и красивые, и я бы хотел быть таким, как они. Я бы хотел быть умным, как Констанция, и честным, как Делия, и смелым, как Астрид, и спокойным, как Адриан, и талантливым, как Аксель. Однажды Акселя кто-нибудь полюбит, и он станет совсем хорошим. Вообще-то, Акселя любил я, но когда я ему это сказал, он стал смеяться так громко, что я зажал уши. Еще он бил себя по

коленке, в знак особенного восторга, и я тогда понял, что он издевается. Мне это не понравилось, но я постарался не относиться к нему хуже.

Еще я очень скучал по маме и папе, по тому, как они пахнут и говорят. По тому, какие они и как держатся за руки. По тому, как папа мешает кофе, а мама его заваривает. По вкусной еде, которую мы ели втроем в ресторанах с блестящими официантами и блестящими люстрами. Я скучал по тому, как папа и мама молча читали книжки рядом, и как мама гладила меня по голове, точно так же, как гладила папу. Я скучал по их любви. Мне было нужно, чтобы меня любили. Но, с другой стороны, они были у меня всю жизнь и дали мне очень много. Я мог быть счастлив, просто вспоминая о них. А они без меня, наверное, не могли. Они искали меня, я чувствовал и знал.

Однажды я видел мою маму, уже после того, как попал сюда и после того, как стал делать то, что Неблагой Король считает шуткой. Она лежала на кровати и глухо завывала в подушку. Когда человека никто не видит, он ведет себя как зверушка. Мама кусала подушку и горько плакала, выла, и в ее вое я мог различить только «нет-нет-нет». А может больше ничего и не было. А потом он замерла вдруг, отчетливо и тихо сказала:

— Мой малыш.

Она замерла, смотря в пустоту, которой теперь был я. Она не могла меня видеть и слышать не могла. А я не мог прикоснуться к ней и утешить. Я был ничем, разреженным пространством перед ней, только местом, где я должен был стоять. Но она смотрела прямо на меня. У нее был жуткие глаза, красные от слез, глаза, меня не видевшие, но смотревшие так точно.

— Мама, — зашептал я. — Мама, я в порядке! Я жив! Я хочу к вам!

Она продолжала смотреть. Что-то у нее внутри, наверное, екнуло, может что-то показалось, но этого было слишком мало, чтобы она могла меня услышать. Я подошел к ней, погладил ее по голове, и она не ощутила прикосновения, а я не ощутил ее, будто она была только мороком. Она так грустила, что хотела умереть. Она чувствовала себя виноватой, она скучала, она не знала, что и думать.

А я был плохой, потому что не мог не быть благодарным за эти мысли. Потому что только благодаря ним я смог еще хоть раз ее увидеть. Она сидела неподвижно, спина у нее была прямая, руки сжаты, пальцы цепляются за пальцы, схватили, держат.

Она зашептала что-то на незнакомом мне языке. Наверное, это был немецкий. То и дело, я слышал свое и папино имя, и я сидел рядом, я гладил ее, а она продолжала говорить о чем-то,

чего я при всем желании никак не мог понять.

Впрочем, на самом деле, конечно, мог. Она говорила о любви. На чужом языке, почти незнакомым голосом, горьким от слез, говорила о любви и прощении. Но мне не за что было ее прощать. Наоборот, когда-то она дала мне шанс вырасти кем-то, кто будет ее любить и помогать ей. Она дала мне шанс быть счастливым и сделала все, чтобы я таким был.

Наконец, она замерла, такая хрупкая и маленькая, я был выше и сильнее нее, и это было странно, ведь она — моя мама, взрослая. Мне хотелось утешить ее, но этого я не мог. А потом, мгновенно, картинка сменилась, и я увидел женщину на больничной койке. Она была совсем щепкой, губы шевелились, сухая, как пергамент и такая же по цвету кожа обтягивала кости.

Значит, мама перестала молить о смерти. Что-то себе решила, в пользу жизни. Я улыбнулся, потому что это сделало меня счастливым.

Вот так я в последний раз видел мою маму.

Как раз тогда, когда у меня кончилось воспоминание, как будто пленка к концу подошла, я замер перед усыпальницей. Мне не хотелось вламываться туда, хотя я всю дорогу бежал. Нужно было остановиться, и я остановился. Уважение к мертвым — не особая штука. Как уважение к живым, или растениям, или зверям. Это просто, когда не считаешь, что другой хуже, чем ты.

Стоило мне потянуться к ручке двери, как она, вот такая удача, распахнулась. Сначала она распахнулась немного, а потом распахнулась настежь, а потом оттуда еще и вышел Аксель, мы едва не столкнулись. Аксель сказал:

— О, Герхард, дорогой, а мы уже уходим! Ты опоздал, извини!

— Да? То есть, вы сами пойдете куда-то, а я пойду тоже куда-то, только куда-то еще?

Я пожал плечами. Мне было немного грустно, и я хотел пообщаться, но если они уходят, то я пообщаюсь еще с кем-нибудь. Говард и Эдгар провожали Делию взглядами, им явно тоже запретили с ней идти. Мы могли составить друг другу компанию.

— Нет, Герхард.

Аксель приобнял меня так, что Констанция бы разозлилась и сказала, что это панибратски. Поэтому Констанцию он так не обнимал.

— О, нет, милый друг, ты отправишься с нами, просто мы тебе ничего не объясним!

— Почему ты называешь меня другом, мы же не друзья, ты это сам сказал.

— Потому что сердца у меня нет, Герхард!

— Не слушай его Герхард, он дурной, — сказала Делия.

— Хорошо, я передумал, сердца нет у тебя!

— Аксель, ради Бога, прекрати, — вздохнула Констанция. — Привет, Герхард. Долго объяснять, поэтому давай по дороге я тебе все расскажу.

Я обернулся и улыбнулся ей, едва не проехавшись вниз по лестнице, но меня удержала Астрид.

— Расслабься, задание вовсе не такое самоубийственное, чтобы решать эту проблему так радикально.

Адриан сказал:

— Хотя в конце, наверняка, окажется, что живые позавидуют мертвым.

Я был расслаблен, поэтому решил, что, наверное, он что-то другое имеет в виду. Людской поток, довольно шумный, нес меня вперед. Я понимал не все, что они говорят, все одновременно произносили сложные, длинные слова, которые сплетались в предложения, и сами предложения переплетались тоже, похожие на ветви деревьев, так тесно ухватившиеся друг за друга, что непонятно, где и чья ветка. Я зажал уши и помотал головой.

— Медленно и кто-нибудь один, — попросил я. Они всегда терпели мои недостатки, повторяли, когда я чего-то не понимал, но сейчас все были по-особенному возбуждены, и так я решил, что происходит что-то необычное. Мы вышли из замка, я бы сказал под открытое небо, но небо и было открытое в этом здании, всегда предоставленном всем ветрам. Было солнечно и ярко, трава колыхалась на ветру, похожая на последователей какой-нибудь восточной религии, ищущих гармонии с природой в расслабленном качании. Аксель решительным шагом шел к воротам. Ограда странным образом окружала замок лишь с одной стороны. Когда мы подходили к нему в первый раз, я ее даже не заметил. Только потом, гуляя здесь целыми днями, я увидел, что ограда есть — золотые прутья, связанные хитроумными загогулинами, похожими на петельки в вензелях. Для кладбища такая ограда была слишком празднично-золотой, а для парка — слишком высокой.

Кладбища всегда имеют границу, ограды там соответствующие. У парков границы нет, потому что в парках не живут не-живущие. Я сразу подумал: замок с одной стороны был отгорожен от мира ровно как кладбище.

И все находившиеся в нем, по таким законам, должны были быть мертвы. Даже ворота сдерживала пусть тонкая, но цепь. Это была, так бы Аксель сказал, дань жанру. Так поступали с кладбищами на протяжении долгой-долгой человеческой истории

во многих-многих местах.

А замок, где мы жили был родоначальником всех кладбищ. Первым местом, куда пришла и улеглась, как большая кошка, смерть. Аксель говорил, здесь и сейчас земля в шрамах от первого мора. Но я не был уверен, что он не приукрашивает. Земля ведь не могла умереть. Но земля бывает в шрамах от войны, я это видел. Я теперь многое видел.

Все не умолкали, я улавливал только отдельные слова, и самым частым из них было слово «обнаглел». Оно мне ни о чем не говорило. Может, это вообще я обнаглел. Так как я ничего не мог понять, то оставалось только смотреть, как Аксель ковыряется крохотным, будто игрушечным ключиком в золотом замке, а потом раскручивает длинную, тонкую цепь. Эта цепь никого не удержит, но Аксель относился к ней очень трепетно. В золотой цепи прыгало солнце, вытянувшееся по всей ее длине. Аксель раскрыл перед нами ворота, они со скрипом разошлись, и я понял, что давным-давно их не открывали, и они заскучали и застоялись. Впечатление это было таким сильным, что я в собственном теле почувствовал это неприятное ощущение, когда отлежишь ногу или руку, и потом плохо контролируешь ее, и в ней что-то бродит (на самом деле это кровь).

Аксель первый сделал шаг за ворота, потом поклонился нам, как будто мы были его зрители, а он — конферансье.

— Добро пожаловать в путешествие! — провозгласил он. Тогда я понял: будет путешествие. Только остальное оставалось загадочным. Зато впереди сияло солнце, и мне хотелось идти вслед за ним. Я видел далекую гряду гор, похожую на ряд зубов какого-то огромного и давно не ходившего к стоматологу зверя.

Мне нравилась идея прогуляться до самого конца света.

За воротами замка и дышалось свободнее, будто сам воздух вдруг стал другим, слаще и живее. Я замечал, что замок будто сосредоточие чего-то тяжелого и пустого, от чего болела голова. Когда я поделился своими соображениями с Астрид она вот как сказала: построен на старом индейском кладбище, небось.

Я не особенно понял, почему это плохо и откуда здесь индейцы, а Астрид махнула на меня рукой и объяснять не стала. Я и сейчас себя так чувствовал, как будто на меня махнули рукой и объяснять не стали. Мы нырнули в лес, и нас накрыло тенью и птичьим пением. Лес никогда не молчал, он переговаривался сам с собой на языке, которого я не знал. Я заулыбался, а потом Астрид толкнула меня в бок.

— Это было больно, — сообщил я.

А она только этого и ждала, довольно ухмыльнулась. Она всегда так по-особому ухмылялась, показывая все зубы, как

собака, но ей такое шло.

— Не хочешь узнать, куда мы идем?

Я пожал плечами:

— Грибы собирать? Я тогда не в деле, это живые существа, хоть они не двигаются и не издают звуков. Это не значит, что они не хотят жить.

— Ах, Герхард, они не наделены соответствующей рефлексией, чтобы воспринимать смерть со страхом, — протянул Адриан.

— А ты этого не знаешь, — сказал я убежденно. Я тоже не знал, но проверять мне не хотелось. Аксель шел чуть впереди, мы явно углублялись в лес.

— Прекратите над ним издеваться, — сказала Констанция. Она была серьезная, и это придало ее лицу особенную красоту — так бывают красивы люди на картинах. Мне стало жалко, что она волнуется, и я дотронулся до ее волос. Она покраснела и отошла на шаг, а потом сказала очень быстро:

— Герхард, дело в том, что Неблагой Король велел нам подняться к истоку Великой Реки, чтобы забрать кое-что, принадлежащее ему. Какой-то меч.

— А почему он сам этого не сделает?

— Потому что он не может войти в Башню, где хранится меч.

— Тогда как он его там потерял? — спросил я. Констанция и Делия переглянулись. Наконец, Констанция сказала:

— Я думаю, это меч Благого Короля. Аксель упомянул, что свой Неблагой Король уронил в исток Великой Реки, когда его выбили у него из руки. Остался меч Благого Короля, но до него еще надо добраться.

— Но раз он нужен нашему Отцу, придется нам постараться!

Аксель уже ушел довольно далеко, он продирался через густеющие заросли. Я посмотрел вверх, из-за кружева сплетенных веток даже солнце стало казаться глуше.

— Ты как политрук в Советской России, — крикнула Астрид. — Чего ж ты его сам не забрал?

— А потому что мне туда хода тоже нет. Это вы у нас все такие особенные, избранные такие. А бедный Аксель всего лишь рядовой мастер на все руки, спасающий положение! Гениальный менеджер! Психолог, маркетолог и врач-онколог в одном флаконе! Элвис во плоти!

— Ты увлекся самовосхвалением, Аксель, — буркнула Делия. — И отошел от темы.

Аксель отмахнулся:

— Словом, меч этот нужен Неблагому Королю, а вы здесь исполняете его приказы.

— А почему не кто-то один из нас? — снова спросил я.

— Заметьте, дурачок задает вопросов больше, чем вы все вместе взятые.

— Он не дурачок.

Я вдруг почувствовал себя очень радостным от того, что это сказала Констанция. Конечно, она была совсем не права, но мне было приятно даже если она так не думает, а просто говорит, потому что считает правильным.

— Но да ладно, вопрос не самый плохой. А потому, что это опасное путешествие. Потому что только взаимовыручка и удача могут помочь вам преодолеть путь к истоку! Это же великая тайна жизни, как думаете, туда можно подняться на фуникулере и сделать пару живописных снимков?

Я кое-что для себя уяснил. Идем мы, значит, за мечом. За мечом Благого Короля. Потому что в нас есть его кровь, вот мы и можем его достать, наверное. Идем к истоку реки, где какая-то Башня, но почему-то в лес. Вот я и решил спросить:

— А в лес мы почему идем?

И в этот момент увидел летящий в меня камень, а потом он и правда полетел. Я пригнулся, и камень сбил пару книжно-красное яблоко. Книжно-красное оно было в двух смыслах. Во-первых есть особый красный, который бывает на обложках книг. Обычно это старые книги из какой-нибудь родительской библиотеки или государственной библиотеки, в общем, которые еще на ощупь как жесткая ткань. А еще такими сочными делают иллюстрации яблок в книгах. Такие, что съесть хочется, с белыми бликами на толстых бочках и тем самым удивительным красным.

— Ты что делаешь?

— Слишком много вопросов. Как политрук я имею право стрелять в головы.

— Не имеешь!

Констанция явно была возмущена. И возмущение у нее было особенное, так девочки, которых назначают старостами возмущаются, когда кто-нибудь плохо себя ведет. Констанция явно задумывалась о том, что по ее мнению делать правильно, а что нет. Мне это в ней очень нравилось.

— Ладно, не имею. У меня и пистолета-то нет.

— Как ты меня раздражаешь, я просто с ума сейчас сойду!

— Астрид, он того не стоит, — сказал Адриан. Я обернулся к нему и увидел, что на губах у него играла легкая улыбка, он будто бы гулял себе, ничем не озабоченный, а Астрид кипела от ярости, казалось, пар из носа пойдет. Они были настолько не похожи, что и сомневаться не приходилось — они брат и сестра. Так иногда бывает, когда связывает людей не то, что у них общее,

а то что разделено. Тогда еще говорят: люди друг друга дополняют. Считается, что тогда они счастливы вместе. Но, наверное, так бывает тяжело. Я подумал, а ведь Констанция и я наоборот похожи. Мы оба любим книжки, нас обоих Астрид называет скучными, мы оба считаем правильным быть лучше, чем мы на самом деле есть, и оба светловолосые. Значило ли это, что мы не подходим друг другу?

— Но он меня раздражает! Я не переживу с ним поход в волшебные горы.

— Зато у тебя есть мотивация побыстрее его закончить.

— Я готова принести кольцо в Ородруин, если можно будет от него избавиться!

Аксель засмеялся, но, наверное, не так ему было весело, как он показывал. Никто никого не понимал. Мы держались вместе и часто с ним ругались, потому что он пугал нас, а ему было обидно, что он чужой. Наверное, он давным-давно не видел никого, с кем можно просто поговорить.

Я должен был сказать об Акселе что-то хорошее, но мог только смотреть на то, как тени леса ложатся на запястье Констанции, делая острее косточку на нем. За этим занятием время текло совершенно незаметно. Люди болтали, а я просто шел, и мне нравилось смотреть. Констанция не замечала, а может делала вид, что не замечает.

Так я понял, что с выживанием у меня все не очень хорошо. Я и не заметил, как лес стал густой и теплый, и влажный настолько, что дыхание стало тяжелым и неприятным. Все вокруг приобрело мутный, зеленоватый оттенок места, где большая влажность, много деревьев и мало света. Мы были в месте, которое, наверное, стоило бы назвать болотом. Земля под моими сапогами стала хлипкая, густая и приятная, как тесто. От нее начинало тянуть опасностью, и это ощущал не только я. Все притихли, разговоры угасли. Все казалось странным и чужим, я еще не был в подобном месте. Делия сказала:

— Ого.

Делия всегда выражала общее настроение очень точно. Я тоже подумал: ого. И хотя все еще был день, и капли далекого солнца струились сквозь листву, сумрак сгущался, будто марево поддернуло все. В этом ощутимом воздухе, таком крепком, что его можно было, казалось, схватить, летали светлячки. Было недостаточно темно, чтобы они казались красивыми. Это были золотые пятна, немного пугающие, как игра воображения.

— Это Долина Болот. Не самое приятное место, честно говоря. Довольно дикое.

— И довольно жаркое, — добавил Адриан. От Долины Болот

впечатление было неприятное, хотя природа часто кажется мне красивой. Но здесь все было какое-то совсем душное. Все деревья, росшие во влажной, ненадежной земле были искривлены, будто все, попадавшее в это гиблое место — непременно болело. Тощие, и в то же время будто опухшие ветки были как рахитичные пальцы. Они все тянулись в одну сторону, к воде. Я сразу и не понял, когда земля перешла в воду, настолько тонкая между ними была граница. Где хлябь переходила в грязную, мутную от земли воду было не увидеть. Топкий бассейн грязной воды притягивал к себе ветки, они были как руки нищих, просящие подаяния, прокаженные и больные, хотели милосердия и монеты. Это были рослые деревья, но из-за их неестественной искривленности в сторону воды, они казались горбатыми. Здесь всего было мало, все болело. И только дерево в центре воды, окруженное грязным золотом, казалось толстым и полным какой-то ворованной жизни. С него свисали темные лианы, оканчивающиеся какими-то странными бутонами, тоже опухшими, как будто они напитались местной влагой. Никогда не видел таких деревьев. Я посмотрел на Констанцию, ее ресницы трепетали, и хотя она ничего не говорила, я видел, ей здесь неприятно, от влажности она щурилась. Делия скривила губы в брезгливой ухмылке. Астрид и Адриан переглянулись с выражением отвращения. Хотя, если подумать, ничего особенно ужасного здесь не было. Да, душно, да, деревья уродливые, да, грязно, пахнет гнилостной, застоялой водой. Но вовсе не гниющие трупы и даже не гигантские насекомые. Только Аксель улыбался, но мне казалось, что и ему противно. Отвращение это было не сознательным, как отвращение перед монстрами, а глубоким, потаенным, таким, чьи причины не объяснишь.

— Что с этим местом? — спросила Делия. Аксель сказал:

— Однажды здесь проходила Великая Река, но в ходе битвы двух Королей ее течение изменилось — так сильна была магия, действовавшая тогда. А здесь осталось болото. Фауна мигрировала отсюда поближе к источнику магии, а флора так не сумела. То, что растет ближе всего к Реке больше всего от нее и зависит. Считайте, это деревья наркоманы, которые ловят свои крохи магии, которая им больше не причитается.

Звучало жутко и грустно. Но лучше чем то, что Аксель сказал после.

— Я бы на вашем месте их не тревожил, и на своем месте их тревожить не буду. Давайте-ка проберемся мимо них так, чтобы не задеть воду. Они могут посчитать, что мы здесь для того, чтобы…

— Посчитать?! — завопила Астрид. — Это гребаные деревья!

— Но тебе ведь тоже не хочется их злить.

Астрид нервно переступила с ноги на ногу. Ей не хотелось, и никому не хотелось.

— Идем по краю, — сказал Аксель. — И упаси вас Все Силы как-либо задеть воду.

А я даже не знал, где именно вода. Светлячки летали мимо нас, не обращая на наше присутствие никакого внимания. Аксель совершил какое-то движение, которое я несколько раз видел в фильмах про спецназ, но так как я их не любил, то не был уверен. Наверное, это движение означало что-то вроде «пошли», потому что все так и сделали. Я двигался вслед за Констанцией, тихо-тихо. Мне это все напомнило детские попытки не разбудить родителей, осталось только на цыпочках пробираться. Но я был осторожнее, чем о себе думал. Мы пробирались по краю болота, потому что деревья сгрудились настолько плотно, что пробираться хоть где-нибудь еще не было никакой возможности. Черные ветви тянулись к золотистой, мутной жидкости, жалким остаткам магии. Приходилось перешагивать их, и даже Астрид, которая обычно ломала все на своем пути, приобрела некоторое подобие тактичности, старалась не задеть ветки. Никакого ветра не было, но мне казалось, что лозы с бутонами чуть покачиваются. Центральное дерево, древесный король, как я про него думал, казалось сытым и напоенным, но при этом было таким же нездоровым, как и все предыдущие. Как монарх, страдающий подагрой. Мы друг за другом, дружной линией пробирались по ненадежной земле. Напряжение было очень большим, у меня внутри все стало как струна, натянутое и волнительное. Я убеждал себя: ну что такого, это всего лишь деревья. Даже деревья-наркоманы остаются просто деревьями. Все эти хлесткие и хрусткие ветки вселяли волнение, но на самом деле переживать было нечего. Папа говорил, что те, кого ты боишься должны бояться тебя еще больше. Только я не боялся, этого я не умел. Я ощущал что-то странное, тянущее чувство, жуть, но не страх. Светлячки парили в этом мареве, как золотые пузырьки в воде.

Мы были почти на середине топи, когда я решил, не из праздного любопытства, закрыть глаза и куда-нибудь заглянуть. Все пришло сразу, хотя иногда приходилось ждать. И все было очень-очень быстрым, как будто пара кадров сменилась друг за другом, и между ними осталась пропущенная пленка. Вот нога Констанции скользнула по грязи, совершенно неумышленно, едва коснулась золотисто-масляной пленки воды, а потом какое-то быстрое движение, невыносимо протяженное, и брызги крови, которые я увидел на своей шутовской рубашке, крови

Констанции. Я открыл глаза, моя рубашка еще была чиста, а вот нога Констанции уже коснулась ряби. Она глубоко, взволнованно вздохнула, но она не знала что будет, а я знал. С силой, которая меня самого удивила, я повалил ее на землю, прямо в грязь. Констанция издала вопль отвращения, а Аксель крикнул:

— Уединитесь!

Меньше секунды я наслаждался близостью Констанции, румянцем на ее щеках и теплотой ее дыхания. А потом все случилось очень-очень быстро, как в видении. Бросок и укус. Наверное, Констанции должны были откусить голову. Чьи-то острые зубы легко срезали дерево, ровно там, где была секунду назад голова Констанции. Оно накренилось, но его несчастные товарищи не дали дереву упасть. А я увидел: вовсе это были не бутоны. Это были закрытые пасти, они были похожи на цветки, у них были и лепестки, свернутые в подобие пиона, но по ним шли зубы, длинные, истекавшие слюной зубы. Лиана была гибкой и управляемой, как мышца. И я вспомнил, что было таких лиан много. Тогда я подумал: древесный король именно что король. Короли они говорят обществу так: мы защитим тебя, общество, а ты в обмен на это пустишь нас к кормушке. Наверное, это дерево использовало остатки магии, чтобы измениться и теперь оно могло защищать магию от чужаков для других деревьев в обмен получая больше.

Что-то вроде растительной диктатуры. Вся эта мысль пронеслась у меня очень быстро. Мои мысли всегда были быстрые, потому что я никогда не боялся.

И вот еще что я увидел прежде, чем успеть что-нибудь сделать. Эти светлячки были вовсе не такие насекомые. Они вообще не были отдельны от древесного короля. Это были такие рассредоточенные, путешествующие вокруг глаза. И они открылись. Я увидел целый рой вертикальных кошачьих зрачков.

Глава 15

И вместо того, чтобы думать о том, как я чуть не умерла или, хотя бы, о том, что грязь подо мной такая мерзкая и липкая, и холодная, я подумала о том, что Герхард в этой духоте пахнет безумно приятно, чем-то медово-молочным, сладким и нежным. Сквозь гнилостно-растительный запах болота, аромат Герхарда пробивался очень отчетливо. Я никогда не была особенно чувствительна к запахам, но сейчас ощущения были очень отчетливыми. Мы смотрели друг на друга, я придерживала корону, хотя знала, что она не падает, если только не хочешь ее снять, и не стесняет движений. В интересах Благого Короля было по крайней мере сделать наши поводки подлиннее. Я смотрела на него, а он смотрел на меня. Кончики наших носов почти соприкоснулись.

И я не могла заставить себя думать о том, что только что над моей головой просвистело нечто чудовищное и очень зубастое. Наверное, это была защитная реакция.

Герхард оставался на мне еще секунду, а потом откатился и меня оттолкнул, ровно между нами в землю впилась голодная пасть цветка. Я заверещала, надеясь, что кто-нибудь еще так же испуган сейчас.

Аксель громко выругался, кажется, для него все происходящее было неожиданностью, и это не внушало надежды. А потом я услышала голос Адриана, который сообщал кое-что еще менее оптимистичное.

— Я не могу остановить для него время!

— В нем слишком много магии. Бесполезно!

Прямо передо мной в полумраке, полудреме болота проплывали золотые, кошачьи глаза. Они смотрели на меня, фокусировались. Их было множество. Я подумала, это огромное дерево что может видеть? Я могла бы посмотреть, как это было возможно, если бы только у меня было время.

Мне стало интересно, захотелось забрать отсюда хоть веточку.

— А об этом Неблагой Король предупреждал? — крикнула Делия.

— Он предупреждал, что мне придется самому справляться со всеми трудностями.

В этот момент я увидела, как к Акселю несется один из цветков, со змеиным нахлестом, резким и невероятно пугающим. Аксель выхватил меч, легко перерубил мясистый стебель, но не прошло и секунды, как вместо единой головы цветка раскрылись

уже два бутона, стебель потянулся, будто молодое животное, а потом растение снова подалось к Акселю. Как гидра, подумала я, но на этом мысли закончились, потому что еще одна лоза кинулась ко мне. Все происходило очень быстро. Сначала лозы вокруг, а было их около десяти, ощетинились, так, наверное, могли вздыматься змеи на голове медузы Горгоны.

Все очень быстро происходило. Я выхватила из-за пояса кинжал. Никогда не понимала, зачем он мне нужен, я ведь не занималась убийствами. Однако, Неблагой Король требовал, чтобы мы носили кинжалы, как требовал и черной одежды. Я считала его элементом дресс-кода, не слишком удобным, но привычным. Сейчас мне стало жаль, что прежде я не додумалась использовать его в деле, хотелось бы точно знать свойства лезвия.

Я подумала: не стоило отрезать, но если не срезать цветок полностью, только проткнуть, то, может, новые головы не отрастут. Еще я подумала: и как это поможет, Констанция?

А потом я свалилась на землю, и на этот раз никаких приятных или даже спорных чувств по этому поводу не испытала. Хотя нет, я порадовалась, что земля очень мягкая, и я не слишком ударилась головой, могла сохранять всю ясность сознания. Я слышала, как орет Астрид:

— Подожди, Адриан!

Я подумала, что никогда не узнаю, как они там, ранен ли кто-нибудь из них. И вообще больше ничего и никогда не узнаю. Против моей воли по лицу лились слезы страха, я верещала, сама не заметив, как сильно вцепилась в лозу, я драла ее ногтями, совсем забыв про кинжал. Он валялся где-то в грязи, выбитый у меня из рук.

— Отпусти! — визжала я. — Отпусти!

Я понимала, как глупо просить об этом дерево, но слова сами рвались наружу. Мне удавалось удерживать цветок сантиметров за пять от моего лица. Я видела, как сокращаются ряды зубов, которыми были усеяны лепестки. Это было похоже на спираль, млечный путь, огромная, зубная бездна, которую я едва сдерживала своими слабыми руками. Я пыталась дернуться вправо, затем влево, но каждый раз я сдавала позиции, и цветок ближе подавался ко мне. Но вряд ли стоило и замереть в ожидании, пока меня спасут. Каждый здесь, судя по доносившимся звукам, вел собственный бой, который я не в силах была увидеть. Я могла смотреть только в розовый зев зубастого цветка. Как невероятно глупо будет умереть здесь, просто потому, что не вовремя наступила в лужу, да еще и в самом начале пути. К такому не готовили даже Акселя. Мне нужно было успокоиться, хоть на секунду. Я подумала, что если уж мне суждено здесь

умереть, хотя бы узнаю кое-что напоследок. Если бы папа был здесь, он непременно сказал бы, что блондинка в фильме ужасов всегда умирает первой. Но еще папа непременно попытался бы мне помочь. И мама.

— Мама! Мамочка! — заверещала я, и впервые поняла, как скучаю по ним, и что никогда больше их не увижу. Что я умру. Я сморгнула слезы, почувствовала грязный болотный дух, как дурное дыхание из пасти, исходящий от цветка. Все перед глазами расплылось, и я не могла вызвать свои буквы и цифры, даже они, мое единственное оружие, мои палочки вместо мечей, не пришли мне на помощь. Я уже приготовилась умирать, но мои руки не отпускали цветок. Инстинктивная, звериная часть меня сдаваться точно не собиралась. Ее было за что уважать. Лоза в руках была скользкая, истекающая соком. Пальцы соскальзывали с нее, приходилось, глухо рыча, впиваться, раздирать ее, сдирая собственные ногти. На долю секунды я почувствовала, что получаю удовольствие от этого дикого действа, подобного которому в моей жизни прежде не было. Само мое существование стояло на кону, а я чувствовала опьянение от хлынувшего в кровь адреналина. И хотя я не могла сосредоточиться, я была будто бы предельно целеустремленной, ничто, казалось, не способно было заставить меня разжать руки. Стебель извивался самым мерзким и отвратительным образом, скользил в моих ладонях, вызывая ассоциации с чем-то порнографическим и отвратительным. А потом я, не понимая, как это произошло, вцепилась зубами в стебель, ровно под бутоном. Горький, пахнущий травой сок хлынул мне в рот, как кровь. Я драла мясистую плоть, как дикая кошка, забыв обо всем. У звериной ярости были свои преимущества. Перестало быть страшно. Прямо совсем. Я никогда прежде не была такой смелой.

Но были у данной стратегии и свои недостатки. К примеру, в какой-то момент длинная, гибкая лоза обвила мое горло, дернула так, что мне показалось, кости вышли из своих положенных мест. Я даже не успела подумать, каким это хитрым образом не сломалась моя шея. Затылок пронзила боль, а потом цветочная пасть, клацая острыми зубами, устремилась ко мне снова. Вот еще что было жутко — оно не издавало никаких звуков, ни человеческих, ни звериных. Только механические удары зубов о зубы в полной тишине. Надо мной летали эти золотые глаза, рой золотых глаз, они смотрели сверху вниз, наблюдали, как я умираю.

Я успела попрощаться с жизнью и подумать, что я хотя бы точно знаю, куда попаду, и это не будет забвение и вечная темнота, которую нельзя помыслить. Внутри меня даже

зашевелилось любопытство, и я испытала крохотный импульс разочарования, когда зубастая пасть подалась назад. Рваное горло моего цветка сжимал Герхард, я узнала его руки прежде, чем увидела. Они были в крови, кровь забралась даже под ногти. Он резко сдернул с меня цветок, и я увидела, что рана у Герхарда на плече, такая сочно-вишневая, как будто истекающая сиропом.

Я кинулась к цветку, чтобы в свою очередь не дать ему поранить Герхарда, но неожиданно, в тот момент, когда я совсем этого не хотела, пришли мои буквы и цифры, пришли и сделали невозможными точные движения, заполонили все. Сначала я не могла в них разобраться, и они не уходили, как бы я ни старалась. Я сжала руками виски, остановившись на поле битвы. Цифры и буквы загораживали все. И тогда я подумала: если я не могу их убрать, я должна их понять.

Сначала я плавала между кривых формул и случайных слов, а потом они начали встраиваться в мое сознание. И я поняла все, все для всех поняла. Я закричала:

— Стойте! Глаза! Ловите глаза! Уничтожайте глаза! Глаза это его мозг!

Я услышала голос Астрид, еще более злой, чем обычно.

— Что за чушь?!

— О, думаю Констанция знает, что говорит! Она же у нас девочка-гений.

Адриан был как всегда многословен, но голос его звучал прерывисто, как после долгой пробежки. Вероятнее всего, он не был ранен. Наконец, цифры и буквы рассеялись, и я всех увидела.

Все болото представляло собой поле битвы, кое-где я видела смешанную с грязью кровь, и видела ее очень ясно. Астрид и Адриан вместе прижимали к земле цветок, Аксель затолкал Делию куда-то в кучу веток, а сам пытался пробраться к дереву в середине болота, используя свой дурацкий меч, как палку, чтобы щупать почву.

Герхард возился с моим цветком. А чудовищное дерево запускало все новые и новые лозы. Одна из них стремилась точно ко мне, я бросилась в сторону, как героиня фэнтези, пытающаяся увернуться от огненного шара, снова угодила в грязь.

Мой призыв подействовал. Астрид рванулась вперед, пока Адриан удерживал один из цветков. Она принялась, как светлячков, ловить сияющие глаза. Сжимала их в руках, и брызгал сок. Я поймала ближайший ко мне, он был неприятно-теплым, склизким. Раздавив его в ладони, я ощутила, как лопаются ткани.

— Так! — крикнул Аксель. — Работаем в парах! Один защищает офтальмолога, другой удаляет глазки!

План был понятен инстинктивно. Дерево все же не отточило

свои совершенно не свойственные растениями рефлексы. Движения у него были быстрые, но не совсем точные. Как разделиться Аксель не упомянул, но я знала, что Астрид и Адриан в любом случае работают сообща, и что я совершенно точно ничего общего не хочу иметь с Акселем. А Герхард уже спас меня сегодня. Договариваться не было смысла, и я крикнула:

— Герхард!

Он меня понял, ногой втоптал цветок, метнулся ко мне. Во всем происходящем было что-то от детской игры, щедро сдобренной жирной грязью, кровью и адреналином. Мы носились по болоту, влипая в лужи, вереща и ловя светящихся крохотных тварей. Они были медлительные, но их было много, с нами все обстояло совсем наоборот. Кроме того, лоз было на три больше, чем нас. Теперь я их сосчитала, лоз было девять. И если с одним стеблем можно было справиться, то два норовили застать врасплох. Герхард перехватывал меня, иногда вцеплялся в стебель, старался пригвоздить его к земле, пока я подпрыгивала, ловя неразумные, не пытающиеся сбежать глаза. Иногда они дергались чуть в сторону, но это было и все, на что эти глаза были способны. Постоянно надо было двигаться, иначе зубастые твари вцепились бы в нас, а так они не успевали сфокусироваться, и глаз становилось все меньше, а вместе с этим падала точность бросков. И на секунду я представила, что мы — на безумной цепочной карусели. Все вертелось, голова кружилась. Вместо длинных цепочек вокруг летали стебли безумного растения, а передвигаться нужно было самостоятельно, иногда еще и перепрыгивая через уродские цветы, впившиеся в землю. Их грязные пасти стремились меня достать, но Герхард всегда успевал вовремя. Я услышала, как кто-то вскрикнул, но не поняла, Делия это или Астрид. Нельзя было останавливаться, нужно было продолжать движение и ловить налету эти дурацкие, страшные глаза.

И тогда я засмеялась, и Герхард подхватил мой смех. Картинка двоилась в глазах, я бежала по болотной грязи, водя хоровод вокруг чудовищного дерева, и я же летела над землей, окутанная облаком запаха сахарной ваты и поп-корна, а подо мной сияли огни парка развлечений. Я летела и летела, наполовину охваченная страхом, а наполовину восторгом, и внизу сияли цветными пятнами, смазанными от моего бесконечного движения, родители. Папа махал мне, а я не видела этого, но он потом сказал. Как же все это было давно. Тогда руки у меня были липкие от яблока в карамели, которое упало с ненадежной, тонкой палочки прямо мне в ладони. И я подумала, что это здорово — потому что я его не уронила.

Сейчас мои руки были липкие от мерзкой древесной лимфы, чего-то среднего между соком и кровью. Коленки были грязные и саднили, в другой раз меня бы вывернуло от отвращения, от одной мысли о том, что кровь моя смешивается сейчас с болотной жижей, которой тут в избытке. Но сейчас все было по-другому. Я подпрыгивала, хватала сияющие глаза, выдергивала их из-под веток, и я знала, что Герхард рядом. Слышала, как он тоже смеется.

— Гляди, Герхард с Констанцией чокнулись! — крикнула Астрид. Но ее голос тоже дрожал от удовольствия. Я уверена, всему этому было физиологическое объяснение. Может, так действовал адреналин, а может — недостаток кислорода. Я впала в эйфорическое состояние, никогда прежде я не испытывала ничего подобного, никогда моя радость не была такой простой. Может быть, дерево выделяло какие-то пары? Нет, у меня не было объяснения, хотя я могла найти его в любой момент. Если уж я что-то и поняла за мое пребывание в Аркадии, так это то, что единственная на свете истина, которую можно познать в полной мере, истина, не опирающаяся на бесконечное множество изменчивых факторов состоит в том, что все устроено очень сложно. И далеко не всегда нужно понимать всю эту сложность для того, чтобы наслаждаться чем-то.

— Как здорово! — крикнула я. — Просто невероятно!

Движения дерева становились все медленнее, они угасали, как угасал и блеск его глаз, скрадываемый мной и моими братьями и сестрами. Все менялось. Опасность схлынула, скорость тоже. Наконец, я поймала последний из кошачьих глаз с вертикальным зрачком, раздавила между пальцами, отбросила и без сил упала в грязь. В третий или даже четвертый раз, и уже по своей воле. Герхард упал рядом, мы оба были красные, мокрые, измученные. Я сказала:

— Чувствуешь отвращение к себе?

Я еще не чувствовала. А он, наверное, не чувствовал подобного никогда. Я хотела было сказать что-то еще, но он поцеловал меня. Его губы были горячими, а язык — прохладным. Я не ожидала от него такого напора, все было романтично и одновременно слишком. На секунду меня даже сковали неловкость и страх, он был порывистый и почти грубый, и я испугалась, но стоило мне коснутся его плеча, даже не оттолкнув, а только обозначив такую возможность, как он отстранился.

— Прости, Констанция, — быстро сказал Герхард. — Я не хотел тебя обидеть.

А я не нашлась, что сказать, поэтому выпалила только:

— Ты не обидел. Все в порядке.

Я не знала, что щеки мои могут гореть еще жарче. Поднявшись, я осмотрела местность. Огромное дерево, вокруг которого мы водили хоровод было бездвижно, как и полагается дереву. Внутри него еще бродили древесные соки, оно еще пахло жизнью, но я знала, теперь оно мертво. Скоро оно засохнет.

— Древесный король мертв, — сказал Герхард. — Может, мы даже освободили его народ.

И я поняла, что ему плохо оттого, что мы убили это чертово дерево. Вот что было в нем самым странным: жалость к созданиям, которых я и не думала жалеть. Погасшие, пустые, растерзанные глаза валялись вокруг, как упавшие ягоды или крохотные плоды.

Астрид потирала ногу, а в плече Герхарда все еще красовалась та ужасная, сиропно-липкая рана. Остальные, по крайней мере на первый взгляд, были в порядке. Делия постучала по древесной коре, потом сказала:

— Да, реально помер.

И тогда все мы, одновременно, даже Аксель, с чьего меча струились капли зеленоватого древесного сока, даже Адриан, который задумчиво смотрел на воду секунду назад, засмеялись, как чокнутые. Как же было здорово избежать смерти. Все мы были грязные, настолько, что под слоем грязи было не различить цвет нашей одежды. Впрочем, на всех кроме Акселя все и без того было черным. Мы смеялись минут пять, и мне даже стало тяжело дышать, но остановиться я не могла. Потом все замолкли, как-то разом, будто опустошив все запасы смеха, хранившиеся внутри и ждавшие этого часа. Было тихо, ни шороха, ни треска — здесь не жило ни единого зверька. Я слышала дыхание Герхарда, и мне казалось, хотя вероятнее всего это была моя фантазия, что я слышу, как кровь вырывается из его раны.

Наконец, Адриан сказал:

— Поздравляю, друзья. Может, вернемся в замок и переоденемся?

— О, нет, возвращаться для слабаков, — сказал Аксель. Он перерубил мечом ближайшие к нему ветки и двинулся дальше.

— В любом случае, мы выбрали лучший путь, — беззаботно добавил он. Я задохнулась от возмущения.

— В смысле лучший путь, Аксель?! Нас здесь чуть не убили.

— Да, и давай лучше даже не вспоминать из-за кого, Констанция. Если ты такая неловкая, стоило предупредить меня, и я понес бы тебя на руках!

— Заткнись, Аксель! — рявкнула Астрид. Рана на ее ноге была не очень большая, но меня пугала грязь вокруг нее. Впрочем, этот испуг скорее был делом привычки и воспитания. Я

уже знала, что в Аркадии нельзя умереть от заражения крови или столбняка. Список способов, которыми можно было довольствоваться в этом удивительном месте вообще был довольно узок. Голод, болезни, старость, все то, от чего человек в мире над Аркадией имеет больше всего шансов умереть, было совершенно неважным. В Аркадии была возможна только насильственная смерть.

— Вы как всегда меня недооцениваете. Я спас вас от смерти!

— Вообще-то, — сказал Герхард. — Это Констанция нас от нее спасла.

И тогда я поняла, что да — ведь я и спасла нас всех. Выход из ситуации, в которую мы попали был совсем не очевидным, но я и моя магия пригодились. Я — героиня. Я спасла на всех. Я ожидала почестей или, по крайней мере, душевного и многоголосого «Спасибо, Констанция», но ничего подобного не получила. Вместо этого Аксель картинно приложил руку к сердцу, так же картинно закатил глаза, и все накинулись на него.

— Почему мы просто не могли идти по течению реки? — спросила Делия.

— Ты решил повыпендриваться перед нами, да?! — зарычала Астрид.

— Скажи, Аксель, неужели ты не чувствуешь ни грамма раскаяния? — поинтересовался Адриан.

Словом, все были заняты им, а про меня совсем забыли. И сама я тоже не выдержала.

— Ты серьезно считаешь, что хорошей идеей было прийти сюда?

Аксель поднял руки, покачал головой.

— Какие своевременные вопросы, друзья. Нет, нет, и нет! Просто если бы мы шли по течению реки, то попали бы в Бурю перед Холодными Лесами. Множество путников, прежде пытавшихся преодолеть ее, умирали. Буря никого не щадила.

— Ты можешь перестать представлять, что ты в фильме Питера Джексона, и объяснить? — спросила Делия. У нее у единственной хватало терпения общаться с Акселем. Еще, вероятно, мог справиться Адриан, но он всегда очень ловко избегал долгого общения с ним.

— Хорошо, — сказал Аксель. А потом развернулся и снова двинулся в заросли, и мы последовали за ним. Никому из нас этого не хотелось, но никто из нас и не желал нарушать приказы Неблагого Короля. Если Аксель был назначен нашим командиром, его стоило слушаться. Я слишком хорошо знала, сколько смертей Отец Смерти и Пустоты принес своим детям. Я знала, что он принес и саму смерть. Неблагой Король, пожалуй,

был последним человеком, которого я бы ослушалась. Остальные, я полагала, думали о том же самом, только по-другому это мотивировали. Адриан и Астрид, наверное, были убеждены в том, что с них от выполнения приказов ничего не убудет, Герхард мог думать, что отрабатывает таким образом родительский долг, Делия могла считать, что лишние проблемы ей не нужны. Но правда была, в общем-то, одна на всех. Отца Смерти и Пустоты нужно было либо слушаться, либо умереть.

Я так и вовсе никогда его не видела, а приказы Неблагого Короля передавал Аксель. И все же его присутствие чувствовалось, очень часто. Иногда я могла просто сидеть в своей башне, выписывать в своих книгах причинно-следственные ряды, стараясь рассчитать наиболее разрушительные повороты колеса истории, которые могли бы совершиться в будущем. Я теряла ощущение времени за этим занятием, комбинаторика, которой я занималась, бесконечно увлекала меня, и я забывала о том, что я нахожусь в мире, в котором не желаю быть. Я забывала о моей нормальной жизни в Стокгольме, о прежних мечтах, об одиночестве. Для меня ничего не существовало. Но кое-что всегда могло вывести меня из счастливого забытья.

Ощущение его присутствия появлялось резко. Больше всего оно было похоже на странные переживания чужого взгляда во сне, от которых иногда просыпаешься, как от кошмара. Или, может быть, на дурные предчувствия, которые не всегда оправдываются, но невыносимо тяжелы в момент их переживания.

Да, наверное, это была именно тяжесть. Я ощущала ее рядом — тяжесть взгляда и тяжесть самого существования Неблагого Короля. Иногда меня охватывала дрожь, а иногда в груди разворачивался колкий, вызывающий спазмы страх.

Он никогда не проявлял себя открыто, не говорил. Он смотрел и чего-то ждал, а потом будто исчезал, и тогда я улыбалась от счастья. Он был как неотвязные мысли о смерти, которые приходят с темнотой. Ощущение это ни с чем нельзя было спутать, будто мир оказывался загорожен тяжелой, темной пеленой, таким огромным горем, что больше ничего, кроме него не было. Но как только Неблагой Король уходил, все прояснялось, просветлялось.

Так могут воздействовать на человека, наверное, только безумие и смерть, ничего страшнее в мире и нет.

Словом, когда Аксель пошел вглубь леса, я двинулась за ним, почти не задумываясь. Все-таки страх был во мне намного сильнее злости. Аксель рассуждал:

— Что случилось бы, если бы я повел вас на верную смерть? Был бы доволен Отец? Нет! Были бы довольны вы? Сомневаюсь! В

Аркадии не так уж много способов умереть, но попасть в Бурю — самый верный.

— И поэтому ты повел нас в болото?

— Да, поэтому я повел вас в болото. Скоро мы обойдем Бурю, и вы увидите, от чего я вас сберег. И скажете мне: спасибо.

— Сомневаюсь, — сказала я, но Аксель только отмахнулся, как будто наше мнение по этому вопросу его совершенно не волновало.

Я заметила, как темно стало без сверкающих глаз. Теперь я и не сказала бы, что над головой был день. Неба почти не было видно, деревья сгрудились так тесно, что приходилось продираться через них практически с кровью. Я избегала смотреть на Герхарда. Мне и раньше иногда было неловко с ним. Он был дурачок, это не было плохо или противно, но просто стоило иметь в виду. И этот дурачок знал больше меня. В какой-то другой сфере за пределами букв и цифр, куда мне хода не было. Иногда он смотрел, и я понимала — что-то знает обо мне, что-то, что я, быть может, и сама еще знаю не в полной мере. У него был особенный взгляд, внимательный и в то же время как бы сквозь. Сфокусированный на чем-то помимо меня. А может на чем-то, что и есть настоящая я. Я старалась воспринимать его так же, как остальных, но мне это не удавалось. Он был другим, со своей рассеянной мечтательностью и странными, светлыми глазами. Мне было стыдно считать его кем-то вроде юродивого, блаженного городского сумасшедшего, но я не могла с собой справиться. И в то же время мне было приятно быть с ним рядом, и даже поцелуй, если вдуматься, был приятен. Никогда прежде я, по крайней мере, не испытывала подобного трепета, целуясь с парнями. Вообще-то, я и целовалась раз шесть от силы, в школе. И всегда с мальчиками, которым я нравилась больше, чем они мне.

Кто-то щелкнул пальцами у меня перед носом, я вздрогнула.

— Эй, Констанция, у тебя психотравма? — спросила Астрид. Я хотела сказать ей «отстань», но просто помотала головой.

— Скорее я волнуюсь, куда еще нас может привести Аксель, — добавила я чуть погодя.

— О, друзья, у меня еще множество вариантов!

И как он всегда слышал, что о нем говорят? Будто у него были локаторы, улавливающие упоминание его имени на любом расстоянии.

— Может нам сбежать? — тихо сказала Астрид. Я едва расслышала ее шепот, хотя она склонилась ко мне. Я твердо сказала:

— Вот уж точно — нет. Я не собираюсь умереть из-за вашего желания помыться.

Я даже нос вздернула. Всегда ненавидела себя за это движение, но мама говорила, что получается по-польски надменно, правильно.

— То есть, ты предпочтешь умереть из-за придурка?

— Ты думаешь, он не понимает, что делает?

Астрид пожала плечами, едва заметно. Я смотрела Акселю в спину. Он сосредоточенно ломал ветки, потом галантно сдвинулся в сторону, пропуская Делию, с комичным, таким неуместным галантным жестом.

— Я не думаю, что это хорошая идея.

Астрид усмехнулась. Я считала, что лучше не привлекать к себе внимания. Всю жизнь, больше всего на свете, я хотела быть обычной. И даже сейчас, оказавшись одной из избранных, я хотела быть самой неприметной из них. Мне не нравилось ощущать себя частью большого проекта, именуемого смертью. Но если уж пришлось в нем участвовать, то стоило выполнять свою работу хорошо и никуда не лезть.

Осторожность еще никому не повредила.

Я заметила, что земля под ногами стала тверже. Сначала я подумала, что мы просто вышли из болотистой местности, а потом увидела, что черная почва покрыта кружевной вуалью изморози. Ветки, которые я встречала, все чаще были закованы в лед. Стало холодно, и я увидела пар, исходящий от моего дыхания.

— Ну вот, — сказала Астрид. — Теперь грязь еще и замерзнет. Спасибо, Аксель.

— Не за что.

Герхард осматривался вокруг все с тем же мечтательным любопытством, будто и не замечал перемен. Он мало говорил, но я была уверена, вовсе не потому, что говорить ему не нравилось. Он еще немного себя стыдился.

Посветлело, может из-за обилия изморози и редких насыпей снега. Черный лес украсила белизна и отчаянная прозрачность льда. Так странно было попасть из зимы в лето, я с восторгом осматривалась. Верхушки деревьев, казалось, были полностью закованы в лед. Постепенно ряды деревьев начали отставать друг от друга, а сами деревья стали выше и здоровее. Прямые, как солдаты, сосны с ледяными погонами смотрели сверху вниз, и от взгляда наверх, где истыканное верхушками деревьев, стояло высокое белое небо, кружилась голова.

— Мы вошли в Холодные Леса, — объявил Аксель.

— И что это значит? — спросил Герхард. — К обеду управимся?

Но Аксель, вопреки своему обыкновению, не ответил. Он

повел нас влево, туда, где мы шли бы, если бы не сворачивали никуда и двигались по течению реки. Завывание Бури я услышала задолго до того, как увидела следы ее самой.

Это был чудовищный звук, похожий, больше всего на свете, на скорбящие голоса обезумевших плакальщиц. Я и не знала, что ветер может вырывать из природы настолько пронзительные звуки. Они рвали мне сердце. По взглядам остальных я поняла, что и у них возникли те же ассоциации. Тоска и горе взвивались в холодном воздухе. Мы двигались дальше, навстречу этому звуку. Я почувствовала, как в лицо мне швыряет острые снежинки. Наверное, скорее даже стоило назвать их льдинками. Щеки мгновенно заболели, я щурилась, но снег все равно мело мне в глаза.

— А теперь обернитесь, друзья мои! — крикнул Аксель, но ветер почти съел его голос. — Посмотрите назад!

Ветер почти сбивал меня с ног, дышать было тяжело, и единственное, чего мне хотелось, так это поскорее убраться отсюда. Но я посмотрела туда, куда указывал Аксель. Это было совершенно бесполезно. Я не видела и того, что происходит за метр от меня. Я даже испугалась, что я потеряюсь здесь, что не смогу никого найти. Все было охвачено метелью, и в глаза больно впивался снег. Вокруг было белым-бело везде, и я вцепилась в чью-то руку, на ощупь. Это оказалась рука Делии, колко-холодная и дрожащая. Саму Делию я рассмотреть уже не могла. Как легко было попасть в эту Бурю, всего шаг, и ты уже нигде. Легче в ней только потеряться.

— Полюбовались? Только мы были бы здесь не пять минут. Мы шли бы через эту бурю часа четыре. То есть, шли бы мы часа два, а потом тихо скончались бы.

Страшный вой, горестные стоны бури заглушали его голос. Я с трудом восстановила, что именно кричал Аксель. А потом кто-то дернул Делию, и я испугалась, вдруг это монстр из бури. Но это оказался Аксель. Делия следовала за ним, а я за Делией.

— Герхард? — крикнула я.

— Я здесь, — отозвался он откуда-то совсем рядом. — Я знаю, куда идти.

И это его могущество в ситуации, в которой я была абсолютно беззащитна заставило меня попросить:

— Возьми меня за руку.

Его рука оказалась неожиданно теплой.

Идти становилось все тяжелее, рука Делии в какой-то момент выскользнула из моих пальцев, и я хваталась за воздух, но у меня все еще был Герхард. Паника поднималась от горла к голове, и из-за нее я слишком поздно поняла, что Астрид и Адриана не

было рядом.

Глава 16

Что до дурацкой Бури — я мог бы обойтись и без этого сакрального знания. Когда Астрид дернула меня за руку, я побежал за ней. Под ногами хрустела промерзшая земля, мы петляли между деревьев. Я бежал, что было сил, пока в глазах не начало темнеть.

Наконец, Астрид упала в снег, а следом за ней рухнул и я. Что ж для начала, некоторое количество грязи было бы приятно оставить в этом снегу.

Холод был желанен, как никогда, он остудил мою разгоряченную кожу и ворвался внутрь вместе с дыханием.

Я сказал:

— Итак, первый пункт плана выполнен. У нас появились другие пункты?

— Ну, если они нас найдут или если с нами свяжется Неблагой Король, скажем ему, что мы потерялись в Буре и еле выжили.

— А что мы будем делать до этого?

Астрид посмотрела на меня долгим, ярким взглядом, поцеловала, и губы у нее оказались прохладными.

— А пока мы пойдем домой и переоденемся, — она засмеялась. Я знал, что ей совершенно плевать на то, в каком виде ходить, и хотя от грязи моя одежда уже казалась жесткой, я тоже не страдал так, как могла бы, к примеру, Констанция.

Но Астрид считала хорошей идеей вернуться, потому что она чувствовала то же, что и я.

Дурное, мерзкое ощущение, из-за которого особенно суеверные люди иногда отменяют поездки. Я никогда себя к таковым не причислял, но сейчас мне было не по себе. Астрид со свойственной ей импульсивностью не могла переживать это ощущение просто так, безо всякого действия.

— Думаешь, они не решат нас искать?

— Думаю, они не сунутся обратно в Бурю. Они ж не идиоты. Максимум, им станет немного грустно. Зато как обрадуются, увидев нас дома!

Астрид шла чуть впереди, голос ее был громким и беззаботным. Я подался к ней и прошептал:

— Чуть потише. А то нас раскроют раньше, чем мы того захотим.

Астрид улыбнулась, смешно сморщив нос, прошептала:

— Точно!

Я любил ее такой. Она была прекрасна в своей яркой, рыжей

смелости и в безалаберности, с которой ставила все, чего добивалась под удар. Некоторое время мы шли молча, и я любовался костром ее волос посреди зимы. Она вела меня, и я с радостью шел за ней. Воздух вокруг был хлесткий, острый и удивительно свежий. Все это напомнило мне о далеком-далеком дне, когда мы с Астрид были еще маленькими. Мы гуляли в парке вместе с мамой, которая читала «Капитализм и шизофрения» Делеза и Гваттари. Мы интересовали ее меньше, чем шизоанатиз и овеществление. Мы с Астрид валялись в снегу позади ее скамейки и смотрели в высокое белое небо. Астрид смеялась, а я просто смотрел, как оно течет наверху, как глазурь. Это было одно из воспоминаний, бережно хранимых моим разумом, которые начинались с неожиданного места и обрывались будто посередине. У этого воспоминания не было ни начала, ни конца, но оно приносило мне странное ощущение радости, спокойствия и единения с Астрид. Такую радость, тихую и нежную, могли приносить только воспоминания, истинные ощущения от которых затерлись, и осталось лишь приятное послевкусие, как у стойких духов после душа.

— Знаешь, что обидно? — спросила Астрид, вырвав меня из моих неторопливых размышлений. Теперь она исключительно шептала — полумер Астрид не любила, если уж говорить тише, то непременно почти не слышно.

Не дожидаясь моего ответа, она продолжила:

— У тебя есть магия, и у Герхарда есть магия, и у Делии есть магия, и уж конечно у умницы Констанции есть магия. А у меня магии нет!

— Это несправедливо, моя милая, — протянул я. Но сделать с этим ничего было нельзя. Я умел останавливать время, и это было потрясающе. Иногда я делал это просто так, чтобы посмотреть, как замрут стрелки множества часов в комнате. Мы с Астрид украсили нашу башню всеми часами, которые в замке нашли. И когда все они останавливались одновременно, я ощущал, как замирает главная категория вселенной, наряду с пространством, конечно. Поистине буддийское удовольствие — выключиться из движения времени, ходить под небом, на котором недвижимо замерли птицы.

Впрочем, по-настоящему буддистким был бы отказ и от этого удовольствия. Я улыбнулся собственным мыслям.

— Астрид, я думаю, тебе стоит подождать.

— Ты говорил это неделю назад.

— Это значит только то, что тебе стоит подождать дольше недели.

По-зимнему быстро темнело. Почему-то я был уверен, что в

более летних частях Аркадии все еще день. На чернильном небе засветились первые звезды.

— Ты выполняешь свою работу.

— Это не сложно!

Я пожал плечами. У меня работы пока что не было. Иногда я думал, что однажды, быть может, мне придется убить кого-то из моих новых приятных знакомых. Я надеялся, что это будет Аксель. Об убийстве Астрид речи в моей голове никогда не шло, даже в терминах экзистенциального ужаса. Я просто знал, что скорее умру, чем трону Астрид. В данном случае вопрос бы, наверняка, именно так и стоял, и я бы принял смерть. Как и она приняла бы смерть за меня. Тут все всегда было очень просто.

Так что в будущее я смотрел со сдержанным интересом, не без неприятного ожидания, но и не без любопытства. Пока что делать мне было совершенно нечего, и я целыми днями читал книжки, которых благо по моему желанию появилось великое множество. Осилив треть Трипитаки, я был собой доволен. У Астрид же наоборот был много работы, которую она выполняла со страстью и охотой. Она с восторгом рассказывала о том, как бывала в горячих точках, слышала разрывы снарядов, хруст железа под танковыми гусеницами, выстрелы, заглушающие голоса. Она никогда не рассказывала про крики и кровь, и я думал, что для нее это все игра. Не потому, что Астрид была глупой и не понимала, что происходит и не потому, что она была бессердечной. Это был особый вид защиты — с восторгом, взахлеб рассказывать о том, как хороша война. Задача Астрид была в том, чтобы просто быть, присутствовать во время боя, и тем самым раззадоривать воюющих. Ее даже никто не видел, никто не замечал, и она ничего не делала сознательно. Но одно ее присутствие питало войну.

Она рассказывала, как хотела бы взять меня с собой, и хотя я бы воздержался охотнее, нежели последовал за ней, я понимал, что ее так привлекает. То же самое, что без сомнения привлекало папу — близость к смерти. Астрид, наверное, раз семь рассказывала историю, произошедшую дня четыре назад. Шальная пуля оцарапала ее плечо, и рана вызывала у Астрид языческую, невоздержанную радость. Я не разделял ее восторгов, ведь несмотря на то, что шальная пуля сумела ее задеть, сама она не могла ни к чему прикоснуться, будто была призраком, только в очень неудобном, одностороннем смысле.

— А ты хочешь сложностей? — спросил я. Астрид пожала плечами. Ее нога уже не кровила. Зубы древесной твари только мазнули Астрид по коже, и кровь быстро остановилась.

— Я рождена для сложностей!

— Ты рождена для финальных миссий «Call of Duty», моя дорогая.

Я хотел сказать еще что-то, но мы одновременно запрокинули головы вверх и увидели северное сияние. Мне казалось, ничто в Аркадии больше не может поразить меня или удивить. Эта страна красоты сделала свое дело, и теперь ей будет сложно превзойти первое впечатление. Однако, я ошибался.

— Невероятно! — выдохнула Астрид. Я был с ней совершенно солидарен. Что такое северное сияние само по себе, я представлял. В конце концов, однажды меня брали в Норвегию, и после задания родителей мы ездили в город под названием Альта, где нельзя было высунуть нос из-под шарфа ни на секунду. Гид в шубе из овечьей шкуры говорил, что это самый северный город мира и предлагал попробовать напиток из ревеня, чтобы согреться. Мы стояли, вместе с замерзшими еще больше американскими туристами, под огромным небом, и впереди я видел только барханы снега, а позади горели окна, отмечая границу цивилизации. Далекие гребешки лесов были едва видны из-под белых насыпей. А потом я увидел Северное Сияние. Блестящее, отчаянно-зеленое, оно разнеслось по небу далеко-далеко. Оно дрожало, как живое, туманная зелень путешествовала надо мной, переливалась. Тогда мы с Астрид очень впечатлились, и на следующий день рыдали, покидая этот неприветливый, никому, кроме туристов не нужный город на окраине мира.

С тех пор к северному сиянию у меня были самые нежные чувства. Поэтому моя радость от того, что я видел сейчас не была удивительной. Но, я мог бы поклясться, никогда прежде я не видел подобной красоты.

Северное сияние заволокло все небо, и на бледной коже Астрид остывали его блики. Цвета сменялись друг за другом, перетекая, переливаясь, пребывая в непрерывном становлении. Только оно не было сплошным, наоборот, сияние будто состояло из тонких, разноцветных нитей, оно образовывало нежное, удивительное кружево, непрерывно сплетались его части во все новых и новых комбинациях. Примерно настолько же прекрасен должен был быть мир вокруг в наших с Астрид подростковых мечтах об экспериментах с ЛСД. Чья-то рука сплела эти удивительные узоры, и цвета страстно сплетались в них. Небо как будто дрожало под этой невероятной вуалью. Никогда прежде я не видел подобной красоты в подобном масштабе. До самого горизонта все сверкало. Странное дело, из замка ничего подобного видно не было.

Но здесь было царство севера, и мне вдруг в один момент

перестало вериться, что где-то есть юг, что он вообще нужен. Ничего не было прекрасней этих северных земель, этих звезд, проглядывавших в лакунах, оставленных сиянием.

— Это потрясающе, Адриан!

— Да, Астрид. Оно того стоило, я бы сбежал и снова, лишь бы иметь возможность насладиться этим с тобой.

— Да уж! Я бы сбежала только чтобы не услышать комментарий Акселя по этому поводу.

Астрид приложила руку к сердцу и выдохнула с драматическим надрывом, присущим Акселю:

— Почти такое же красивое, как я.

Мы не сговариваясь двинулись вперед, побрели по вымерзшей, мертвой земли под удивительным небом, ради которого и стоило жить. Все заботы остались где-то далеко, и меня уже совершенно не волновало, как мы доберемся домой. Замерзнуть или умереть от голода мы не могли, а с лесными существами, я не сомневался, мы справимся.

Я даже не смотрел под ноги, мы шли легко, и холод отступал. Я потерял счет времени, что было для меня, с момента обретения моей магии, довольно удивительно. Мы с Астрид молчали, но и без слов могли обмениваться впечатлениями. Бесконечное удивление и восторг, вот что поглощало меня и Астрид полностью. Я читал про синдром Стендаля и, без сомнения, это был именно он. Сколько доверчивых путников, увидевших эту красоту, могли здесь погибнуть, лениво думал я. Но даже эти, определенно разумные для Аркадии мысли, не заставили меня отвести взгляд от неба.

В таком забытьи мы провели совершенно неопределенное количество времени. Могло пройти около пяти минут, а могла наступить глубокая ночь. Может быть, я случайно остановил время, и мы стояли здесь столетиями. Из этого долгого и прекрасного сна, эстетического анабиоза, я вышел так же быстро, как и нырнул туда. Астрид ткнула меня локтем в бок, довольно ощутимо. И хотя еще секунду назад я полагал, что даже умереть смогу безболезненно и бесстрашно, созерцая подобную красоту, тычок я воспринял довольно чувствительно.

— Тебе наскучило? — спросил я. Астид покачала головой, ничего не ответив. Это значило, что и мне лучше помалкивать. Она едва заметно кивнула куда-то в сторону. Там, в густой роще, кто-то был. Нельзя было сказать, что там кто-то был несомненно, мне могло и показаться, я мог быть слишком впечатлен взволнованным видом Астрид. И все-таки сердце внутри скакнуло вверх, к основанию горла.

Мы с Астрид пошли быстрее, но не побежали. Побежать

значило выдать преследователям, что мы знаем об их присутствии. А это, на открытом пространстве, пожалуй был наш единственный козырь. Для того чтобы остановить их во времени, мне нужно было видеть их и суметь совершить условный жест.

Почему-то я с самого начала не мог заставить себя думать, что это Аксель, Делия, Герхард и Констанция. Наверное, стоило благодарить какое-то особенное чутье. А можем им просто не пришло бы в голову таиться.

Страх, который меня накрыл, был инстинктивным и не обоснованным. То есть, с точки зрения разума он, безусловно, имел право на существование — мы с Астрид были одни в ночном лесу и не имели понятия о том, как выбраться отсюда без потерь. И посреди этой идиллии кто-то смотрит на нас из темноты.

И мы не знаем, чего от него ждать.

Словом, ситуация располагала к страху определенного толка, но пришла тревога совсем другого рода. Смутная, необоснованная тревога, которая частенько охватывает, когда, к примеру, идешь по пустынной улице далеко за полночь, и тут ветер внезапным порывом поднимает ворох листьев, и их безобидный шелест едва душу из тебя не вышибает.

Настолько он страшный и настолько непонятно, чем именно.

Вот что-то подобное и вызвало у меня движение в темноте. Не рациональный, естественный страх, а внутренний трепет перед неопределенностью. Мы с Астрид старались сохранять спокойствие. Нужно было пересечь относительно открытое пространство, а затем пуститься бежать. В лесу петлять будет легче. Главное вовремя заметить того, кто прячется.

А потом мне пришла такая интересная мысль: а вдруг он не один. Тот, кто наблюдает из темноты мог наблюдать и вместе с приятелями. Что нам тогда делать? Я ничуть не жалел, что мы с Астрид сбежали.

Вполне возможно, что остальные давным-давно мертвы благодаря сомнительному волшебному менеджменту Акселя, а мы еще неплохо продержались.

Я видел, что Астрид потянулась к ножу. Я же не утруждал себя столь бессмысленным действием. Мои руки должны были быть свободны, чтобы я сумел остановить время.

— Ты готов? — спросила Астрид. Голос ее дрожал от волнения, но в каком-то более приятном смысле, чем я ожидал. Кажется, она чувствовала радость от неожиданного приключения. Я надеялся, что вскоре мне передастся ее восторг.

— Как и всегда, — ответил я.

Некоторое время мы шли молча, северное сияние над нами продолжало изливать свою удивительную красоту, но я больше не

запрокидывал голову, чтобы полюбоваться. Я смотрел в темноту. Там, среди деревьев, было что-то. Может быть, только ночной зверь. А может быть кто-то похуже. Или что-то похуже. Я пожалел, что мы с Астрид были не в Стокгольме. Там у нас было бы куда меньше вариантов ответа.

Преследователь или преследовали упрямо не показывали себя. Я даже стал думать, что все это мне показалось. Мы вошли под ненадежное укрытие деревьев, и никто не потревожил нас.

Но все-таки я не мог перестать ощущать чужое присутствие. Все было тихо, движений в темноте тоже не было, но я ощущал каким-то иным чувством, чувством под номером шесть — за нами продолжают следить.

Если бы они хотели напасть, наверное, напали бы. Я знал, что в таких случаях полагается иметь при себе пистолет, но в Аркадии я все еще не встретил огнестрельного оружия, хоть Герхард и говорил, что у его отца здесь был пистолет. Справедливо было бы дать его и мне, раз я занимаю ту же должность. Однако справедливостью Неблагой Король был озабочен в последнюю очередь. Мы с Астрид убыстрили шаг, я с радостью узнал вокруг ту же местность из которой мы пришли. По крайней мере, мы с Астрид не заблудились. Даже если мы умрем здесь и сейчас, в свой список достижений напоследок сможем внести ориентирование в волшебном лесу.

Когда мы оба поняли, что знаем в каком направлении двигаться, то одновременно побежали. На этот раз веселый азарт ни у меня, ни даже у Астрид никак не находился. Мы бежали просто для того, чтобы бежать, взволнованные и взъерошенные. Я подумал, в последнее время мы с Астрид только и делаем, что бегаем.

Мы бегали от родителей, от ответственности, от неизвестных ночных преследователей. Один раз и вовсе сбежали с особым размахом — аж из человеческого мира.

В сущности, времяпрепровождение хорошее, для сердца, опять же, полезно, но нужно было все-таки поразмыслить над тем, чтобы остепениться. Из всех дорог на свете я все-таки больше предпочитаю Восьмеричный Путь.

Северному сиянию я теперь был благодарен вовсе не за его удивительную красоту, а за то, что оно освещало нам путь.

Наши преследователи, возможно, тоже пришли в движение, но я этого совершенно не замечал. С точки зрения логики им, вероятно, стоило бы перейти на бег вместе с нами, если они только хотели продолжать коммуникацию, но их движения были невидимы и почти бесшумны. Не сказать, чтобы это нас успокоило. Тот, кто может двигаться так тихо не имеет

человеческой природы или, по крайней мере, сильно ее изменил.

Впрочем, а чего это я ожидал? Что здесь откуда-то появятся другие, нормальные люди?

Мы с Астрид остановились одновременно, глотая воздух, как рыбы, выброшенные на берег — безнадежно и отчаянно. Легкие рвались под напором цветка боли, распускавшегося в них. Я сказал себе: Адриан, ты должен бежать дальше. Наверное, я мог бы придумать и более жизнеутверждающую фразу, но времени было в обрез, и пришлось брать ту мотивацию, которая была под рукой. Я поцеловал Астрид в горячую щеку, и мы снова побежали. Этот марафон длился совсем недолго. Нам навстречу из ночной темноты под зеленовато-синий свет, испускаемый небом выступили неясные тени. Скорее всего они были вполне себе ясными и даже не тенями, но в глазах у меня темнело от недостатка кислорода и волнения. Даже странно было, давно я так не волновался.

Мы развернулись, но тени были и там. Нас окружили и, честно говоря, следовало этого ожидать. Я мысленно поставил себе двойку за тактику. А потом поднял руки и сказал:

— О, вечер добрый, господа!

И мысленно поставил себе двойку за стратегию. Впрочем, спешить было некуда. Я их видел, хоть и в некотором темном ореоле, теперь я мог остановить время. Я сжал и разжал пальцы, движение вышло даже вальяжное, я не знал, почему мою силу активирует столь странное движение, но всегда представлял, как выбрасываю шестеренки от часов — образ был сочный и соприкасающийся с тематикой остановки времени. В конце концов, все это глупости, решил я. Пока ты можешь останавливать время, что страшного вообще может произойти?

Вероятно я был наказан за свою самоуверенность, а может за какие-то кармические преступления, совершенные в моих прошлых жизнях, потому что тени продолжили двигаться. Астрид громко выругалась, а я вопросил у неба:

— Зачем мне эта сила, если она ни на ком в этом лесу не работает?

Сегодня был первый по-настоящему опасный день в Аркадии, и моя невероятная магия ничем мне не помогла. Астрид могла чувствовать себя отомщенной.

— Но давайте не будем спешить! — добавил я.

— Мы живыми не дадимся!

— Астрид, милая, но мы ведь с радостью дадимся живыми, — напомнил я.

— То есть дадимся, но если вы решите нас убить, будем драться до последнего!

Астрид снова выругалась, а потом выпалила:

— Да у них оленьи головы!

Я увидел силуэты рогов, вытянутые морды, меня передернуло. Впрочем, Астрид была не совсем права.

— Нет, милая, у них не оленьи головы, но они носят оленьи головы как шапки.

— Мне не стало легче!

Будь на месте наших преследователей кто-нибудь приятнее, обладающий по крайней мере чувством юмора, мы бы его позабавили. Но существа, выходившие к нам со всех сторон, сужавшие кольцо, были явно не чувствительны к тому обаянию из-за которого множество людей умиляется двойняшкам. А может это значило, что мы с Астрид безнадежно вышли из этого возраста.

Тени, наконец, превратились в нечто похожее на людей. Именно похожее. То ли я забыл, как выглядят люди, то ли с этими ребятами и вправду было что-то очень сильно не так. Самыми эстетически привлекательными частями их облика казались оленьи головы, распластанные по их головам, как рогатые, подтекающие кровью шапки. И хотя вокруг была вечная, непоколебимая зима, и не так далеко отсюда завывала древняя Буря, эти существа были полуголыми, закутанными лишь в какие-то части шкур, не похожие на одежду. Рванье кое-где демонстрировало гнилую плоть, оставшуюся под шкурами, плохо счищенную. Запах тоже стоял своеобразный, вероятно именно так пах копальхен, столь любимый народами крайнего Севера. Тела этих существ украшали зубы и кости, почти не выделявшиеся на бледной коже. Мудреные, витые украшения могли соседствовать с костями, с которых не сошло еще мясо, окровавленными костями, обтянутыми жилами.

Впрочем, весь этот плотоядный антураж был далеко не самым отвратительным. Как раз на него-то я бы смотрел с большей радостью. В конце концов, я мог представлять, что это фотосессия в шаманском стиле для очень небрезгливых моделей.

Самым худшим были тела и лица этих существ. Безнадежно изуродованные люди, вот кто это были. Наверное, они все были подростками. Мне так казалось, потому что в их лицах и телах еще угадывались подростковая угловатость и тонкокостность. Они были небольшого роста, все тощие настолько, что кости торчали, угрожая прорвать мертвенно белую кожу. Лица были искажены самым разным образом. У одних не было зубов, будто кто-то спешно удалил их, но так и не вставил искусственные. У других глаза будто расползлись, располагались как бы сбоку. Были зияющие черно-красные дыры вместо носов, я мог

рассмотреть в них пазухи. Были гидроцефалические черепа, были выдающиеся вперед трахеи, готовые продрать кожу. Были искривленные в целом лица, подчеркнуто уродливые. Были большущие зубы. А были зубы маленькие, как крошечные иголочки в пастях хищных рыб. У некоторых руки казались лапками насекомых. Пальцы других были сантиметров на пять длиннее, чем им бы полагалось. Это было шоу удивительных уродов, способных вызвать жалость, смешанную с удушающим отвращением. Они были не просто уродливы и неполноценны, а неполноценны самым болезненным образом, явно причиняющим им постоянные физические страдания. Лица некоторых были искривлены от боли. Я смотрел прямо в черные, будто паучьи глаза на некрасивом лице существа, чей рот с искривленными зубами разной длины кровил и кровил, будто кто-то включил внутри кран.

Мы с Астрид попятились, забыв, что и позади нас стоят эти существа. Впрочем, почему существа? Это были люди, определенно люди. Я вспомнил монстров, прислуживавших в Замке. Они были изменены окончательно и потому не так пронзительно страшны. Даже те из них, кто казался похожим на человека имели слишком отдаленное сходство, чтобы по-настоящему пронзительно выглядеть.

— Твоя магия действует на монстров и на людей, — сказал один из них, тот что был чуть повыше. Он был полностью закутан в шкуру, его щеки пробивали жвалы насекомого, они сокращались при разговоре. Речь его была безумно искажена, но в Аркадии проблемы языкового барьера никогда не стояло.

— А мы не то, — сказал он. — И не другое.

В его горле зияла дыра, поэтому оттуда вырывалось сипение с трудом складывавшееся в слова, но понимаемое очень легко.

— Чего вам надо?!

— Астрид, милая! Мы имели в виду, что если мы каким либо образом зашли на вашу территорию, то это было случайно и не…

Главный поднял руку, и я замолчал. У меня было инстинктивное понимание того, что означает этот жест, но кроме того меня одолевал страх, и я был не прочь помолчать. Я видел в руках людей-нелюдей вокруг заточенные костяные клинки. Не хотелось бы почувствовать что-то такое в своей плоти.

Кольцо вокруг нас сузилось еще немного, и теперь я уже понимал — у них нет дыхания. Тогда, по этому не такому уж необычному для Аркадии признаку, я понял, с кем мы столкнулись.

Это были Потерянные Души. Души, сбежавшие от Неблагого Короля прежде, чем он изменил их окончательно и окончательно

же лишил разума. Аксель упоминал о них, как о жестоких и опасных жителях Аркадии. Я не был удивлен — случись со мной такое я тоже отличился бы жестокостью и опасностью.

Костяные клинки уперлись мне в спину, и я сделал шаг вперед. Главный сказал:

— Я — Жадина.

Я едва не засмеялся. Не потому, что ситуация в самом деле располагала к тому, чтобы посмеяться, а потому, что именно так я отреагировал свой стресс. Абсурд — столь жуткое существо, искаженное, болезненное, звало себя таким детским, милым словом. Жадина.

А ведь когда-то у него было имя. У них всех. Я даже знал, почему они подростки — потерянные мальчишки и девчонки, герои «Питера Пэна» в исполнении Гильермо дель Торо.

Аксель говорил, что Отец Смерти и Пустоты вылавливает души из очень определенного отрезка реки. Души проходят по реке вниз, отматывая всю свою жизнь назад. Вроде как, они смотрят все, что нажили, пока не становятся бесформенными сгустками энергии, готовыми стать новыми людьми. В том отрезке Реки, где рыбачит Неблагой Король души как раз переживали снова свой подростковый возраст. И вот, когда они грезили о первых поцелуях и первых походах на рок-концерт, кто-то вырывал их из теплого золота и ковал из них монстров.

Любой бы сошел с ума. А некоторые из них еще и потеряли изрядную долю разума. Я видел это по глазам, тем, которым удалось остаться целыми. Некоторые были почти бессмысленными. Наверное, кто-то из Потерянных способен был только исполнять приказы, как наши слуги. Другие же горели от злобы.

Жадина сказал:

— Я не хочу, чтобы вы ходили по нашей земле.

Эта земля была всем, что у них было. Знал бы я, что она принадлежит им, тоже поостерегся бы по ней ходить. Я сказал:

— Мы приносим свои извинения.

А Астрид сказала:

— То есть, мы не хотели! Ваша земля, значит ваша земля. Мы пришли с миром! И хотим уйти с миром!

Астрид все еще сжимала кинжал, и я не успел (что довольно иронично, учитывая мою способность) предотвратить то, что случилось в следующий момент. Жадина скинул с себя шкуры, и я увидел, что человеческим у него был лишь торс. В темноте его силуэт казался странным и неопределенным, и теперь я понимал, почему. Нижняя часть его тела даже не была паучьей, как я подумал в первую секунду. Она состояла из тонких паучьих

лапок, многочисленных, служивших самим остовом тела. Он был похож на куклу, чей торс оторвали и приделали к странной, тонкой конструкции. Чудовищная фантазия парня вроде Босха, неестественная и отвратительная. Одна из лапок выбила у Астрид кинжал, порезав ее руку — на концах паучьих ног были острые шипы. Астрид прижала руку ко рту, слизнула кровь.

— Эй!

Одна из девушек, в прошлом, вероятно, миловидная, но теперь на вид совсем неразумная, с открытым ртом, из которого то и дело вылетали мухи, прикрыла Жадину шкурами.

Он сказал:

— Я не хочу, чтобы вы делали больно. Пойдете туда, куда и мы.

И мы пошли. А что еще нам оставалось?

Мы брели по зимнему лесу, окруженные Потерянными. Одни из них мычали, ноги у них заплетались, другие отличались удивительной быстротой. Девушки и юноши, которым полагалось быть воплощением жизни и молодости были мертвы и изуродованы. Я впервые задумался о том, что Неблагой Король делает что-то действительно мерзкое. Чудовища замка не вызывали такой жалости — они вообще не ассоциировались с людьми.

Впрочем, мою сентиментальность изрядно остужали клинки, упиравшиеся в нас с Астрид постоянно. Мы шли в глубину зимы, и чем дальше, тем больше становилось снега. Мы обходили бурю, но ее завывания то и дело раздавались рядом. Я спросил у Астрид:

— Думаешь, не стоило сбегать?

И она сказала:

— Думаю, не стоило.

Таким образом, все неясности были решены, и оставалось только идти вперед по ужасающему холоду. Грязные, замерзшие, мы наверняка напоминали пленников дикарей из древних времен. Такой себе малобюджетный антропологический триллер, чтобы занять людей, потерявших работу в «Цирке уродов». Я называл их уродами, чтобы не испытывать жалость и смутное, неясное ощущение злости за то, что кто-то может поступить так с человеческими душами и за то, что я сам не обращал на это внимания прежде.

А такие чувства мне были совсем не свойственны.

Мы пришли в место, где они жили. Искусственно очищенная от деревьев поляна, окруженная костяным забором. Внутри — великое множество шалашей из кожи на остовах из костей. Эти ребята умели употреблять оленя с головы до хвоста. Рога

украшали их жилища, внутренности сушились на веревках вокруг, явно тоже имевших органическое происхождение. Они явно посвятили себя охоте целиком и полностью.

— Вы убьете нас? — поинтересовался я у Жадины. Он не ответил. Перед входом в поселение он склонился у амулета из сломанных рогов и черных, блестящих оленьих глаз, три раза коснулся головой покрова снега и прошел дальше. Остальные от этой формальности были освобождены.

Нас вели в самую дальнюю часть лагеря. Клетки из костей были похожи на большие версии птичьих домов — округлые и затейливо украшенные. Толпа разделила нас с Астрид, и хотя она рвалась ко мне, а я выкрикивал ее имя, нас впихнули в разные клетки.

Я упал, колено засаднило. Клеток впереди я видел много, некоторые из них были измазаны кровью. Здесь было не так много людей, поэтому я предположил, что так развлекаются с лесными существами.

И я подумал: зря мы все-таки ушли. Могли бы прожить чуть дольше, можно было дать Акселю шанс.

А потом я увидел то, что изрядно подняло мне настроение. Через клетку от меня, чуть левее, сидел Аксель. Вид у него был самый драматичный и даже немного растерянный.

Ради этого стоило сюда попасть. Что бы ни случилось дальше, мои шансы умереть счастливым росли в геометрической прогрессии.

Глава 17

Я даже расстроилась. Только я подумала: сейчас достанем чертов меч и хоть поем, как оказалась в плену. То есть, между моей мыслью и моим заточением в клетке прошло, наверное, около часа, и я не то чтобы все время думала о еде.

Но о еде я думала много. Настало не просто время обеда, а время ужина. Даже помыться хотелось меньше.

Все произошло, когда мы пытались выбраться из Бури. Наверное, так даже хорошо. Вот, люди, которые не являются готами, обычно говорят, что хорошо прожить еще немного, чуть дольше протянуть. Вот мы и протянули чуть дольше. В Буре, куда привел нас Аксель, мы могли умереть. Герхард знал, куда идти, но мы оказались намного дальше от края, чем думали. Я сказала, вернее крикнула, что это невозможно, мы же только вошли. На что Констанция, чью руку я никак не могла найти в этом холоде, сказала, что возможно, и меня насмешило, что она отстаивала реальность чего-то настолько антинаучного.

А потом мне в бок впился клинок. Сначала я подумала, что это Аксель совершенно потерял совесть, а потом поняла, что это кто-то чужой — по этому грубому и порывистому движению, которым меня схватили за предплечья.

Наверное, это было даже хорошо, потому что кроме колючего холода я уже ничего не чувствовала, потому что еще час ходу, и мы бы здесь насмерть замерзли, если только в Аркадии можно было замерзнуть.

А если замерзнуть было нельзя, мы бы от холода сошли с ума.

А так — мы вышли быстро, то есть нас вывели. Я не видела людей, которые меня вели. Я думала, что они люди, но точных сведений у меня не было. У них были человеческие руки, вот. Почти. Пальцы были длинные, их бы хватило, чтобы дважды мое предплечье обхватить. Но они определенно были человеческими.

В буране нас легко разлучили. Я звала, и меня звали, но это было довольно бесполезно, так что я вскоре перестала, а вот Констанция голосила дольше всех.

Ну точно как в фильме ужасов, подумала я. Вероятно, Астрид и Адриан уже мертвы. Это было в высшей мере странно — я-то думала первой погибнет Констанция, потому что она блондинка.

Тот, кто вел меня, явно знал тайные ходы в Буре. Не прошло и пяти минут, как мы оказались снаружи. Снег, свивавший Бурю образовывал кокон, и я удивилась, как мы вообще умудрились туда пройти. Это же было совершенно непроницаемое

пространство. А ведь мы плутали там, наверное, полчаса, а может и больше, искали Астрид и Адриана, пытались выбраться сами. Некоторое время я ничего не соображала — у холода есть такое свойство — иногда он будто выталкивает из реальности, и твое тело как бы перестает существовать, и в голове не единой мысли. Я пришла к выводу, что от холода в Аркадии умереть нельзя — потому что то, что происходило с моим телом было совершенно невыносимым. Снаружи Бури тоже было холодно, поэтому о том, чтобы отогреться не могло быть и речи. Я плыла в каком-то тумане, существовала как будто помимо себя, и все казалось незначительным.

Некоторое время спустя я обнаружила, что иду в неровном, длинном строю. Он тянулся будто бы вдоль всего леса, по крайней мере впереди у него не было конца, а обернуться назад мне не позволял клинок, упиравшийся в мою спину всякий раз, когда я двигала головой.

Я видела перед собой длинные, бледные, горбатые, грязные спины, спины с выпирающими костями, спины с костями, пропоровшими кожу, спины, украшенные волдырями. Спины, спины, спины, и огромное количество оленьих рогов, которые казались коронами в удивительном, зеленоватом свете луны. Когда я запрокинула голову, то поняла, что так светит вовсе не луна. Над моей головой разгоралось северное сияние, но очередной тычок клинка не позволил мне насладиться им. Я просто шла, изучая спину идущего впереди меня. Наверное, так шли евреи от Египта до Ханаана. Усталые, до предела измотанные и ненавидящие спины впереди идущих.

Я не знала, живы ли мои братья и сестры (кроме Астрид и Адриана, про тех я была абсолютно уверена, что они мертвы). Аксель, кажется был жив. Где-то далеко впереди я расслышала его голос, а может быть мне только показалось, и я выдала желаемое за действительное.

А потом мы пришли в место, где одурительно пахло мясом, мне даже еще больше есть захотелось. Меня втолкнули в клетку, и я на некоторое время просто отключилась. А когда открыла глаза, увидела свои руки. Они все были в мелких царапинах. Сначала я подумала: меня порезали, пока я была здесь.

А потом я поняла — из-за того, что мне было слишком холодно, я просто не замечала боли в израненных руках. А мои руки были практически красными от крови. Наверное, то же самое было и с моим лицом. Это все Буря, и вот от чего там умирали люди. Может быть, и моя слабость была вызвана не только и не столько холодом, сколько ранами.

Умереть там можно было очень легко. Но я была жива и была

в месте, назначение которого мне было очевидно. Я была в клетке, как какая-то птица или дурацкий грызун. Прутья были частые, сделанные из какого-то гладкого, кремово-белого материала со странными разводами.

Некоторое время я пребывала в недоумении, а потом поняла: это кость. То есть, все это было весьма готично, но руки я тут же отдернула, отошла, пока не уперлась в заднюю стенку клетки и не испытала такие же чувства. Что-то холодное и вязкое капнуло мне на нос, я запрокинула голову и увидела, что под потолком болтается сердце, явно вырванное из какого-то крупного млекопитающего. Я только надеялась, что это не сердце Астрид или Адриана. С него все еще капала вязкая, темная кровь, так что принесено оно, видимо, было совсем недавно.

Я предположила, что это могло быть ужином. Чтобы не смотреть на сердце, я упорно вглядывалась в темноту между прутьями. Тут и там горели глаза костров. Рыжие и непослушные, они взвивались высоко и плясали весело. Я вспомнила об Астрид, и мне стало очень грустно. Я бы не сказала, что мы особенно подружились, но я привыкла к тому, что она жива.

Между цветами костров вздымались купола темных хижин. Между ними ходили безликие тени, но иногда свет костра выхватывал их лица, и тогда я думала, что мне кажется — от потери крови или стресса.

Я видела множество монстров, но никогда не видела таких страшных людей. Мне стало грустно за них, хотя я не понимала, с чего бы мне жалеть людей, которые меня похитили. Впрочем, может они спасли меня из Бури, а эта клетка отражала их представления о лазарете.

Я попробовала расшатать прутья, но ничего не получилось, и я выругалась. В этот момент я услышала голос Акселя:

— Делия? Делия, ты очнулась?

Он даже сейчас говорил так, будто здесь был полный зрительный зал вовлеченных в представление поклонников его творчества. Я испытала раздражение, но вместе с ним и радость — Аксель был жив. Я обернулась к Акселю, который в темноте казался просто напуганным подростком, бледным и даже грустным. Его глаза блестели в темноте.

— Где остальные? — быстро спросила я.

— В других клетках, — Аксель неопределенно махнул куда-то в сторону. Далеко-далеко, за хижинами и кострами вправду виднелись остовы клеток. Рядом с нами было еще по две клетки — с моей стороны и со стороны Акселя, но они пустовали.

— Все живы?

— На момент, когда я видел их в последний раз — были, —

ответил Аксель. Он, без сомнения, умел успокоить. Но я была почти благодарна ему за его типичную бесчувственность. Она позволяла мне примириться с моей собственной сентиментальностью и с тем, что я больше волновалась за остальных, чем думала о себе.

— Скажи хотя бы, что ты знаешь, где мы?

— О, несомненно знаю. Тебе стало от этого легче?

Он вдруг сел на землю, постучал пальцами по прутьям, будто решив, что они поддадутся легчайшему прикосновению.

— Прости, — сказал он искреннее. — Я не хотел, чтобы мы попали в беду. Просто мой имидж, ты же понимаешь…

— Требует жертв?

Мы оба засмеялись, а потом Аксель сказал:

— Мы у Потерянных.

— Это те ребята, что больше всего на свете ненавидят Неблагого Короля?

— Их можно понять, им есть за что…

Но едва начав паясничать, Аксель вдруг замолчал. Через некоторое время он сказал:

— В общем, да, мы не в самой приятной ситуации. Думаю, они попытаются нас убить.

— А как же твои навыки суперубийцы? — не удержавшись выпалила я. Но Аксель пожал плечами, как ни в чем не бывало:

— Конечно, я попытаюсь убить как можно больше врагов, но думаю, численное превосходство в этом случае решает больше, чем непревзойденное мастерство.

— Аксель, ты можешь хоть на пару минут признать, что мы здесь из-за тебя, ты облажался и теперь тебе стоит подумать, что нам делать?

— Кроме как принять смерть несломленными?

— Да, кроме этого.

Аксель надолго замолчал. Он вскинул голову, и в этот момент кровь с такого же сердца, как то, что болталось наверху моей клетки, капнула на его губы. Он безо всякой брезгливости слизал эту кровь.

— У Потерянных сложные обычаи и правила племени, которые они всегда соблюдают. Я подумаю, что можно сделать.

— Уж сделай милость! Я есть хочу!

— Я думал, ты хочешь выжить!

Я сложила руки на груди и замолчала. Аксель смотрел на меня, и глаза его говорили куда больше, чем он сам. Мне вдруг стало его жалко и захотелось сказать, что не так уж я и злюсь. Я, конечно, злилась, но не настолько сильно, чтобы Аксель так страдал. Впрочем, это могла быть и очередная его уловка. Я так и

стояла, смотрела на него, а он смотрел на меня, и мы не могли решить, что сказать друг другу. Когда пауза стала по-настоящему неловкой, я услышала чьи-то крики. Никогда прежде я не встречала этот противный голос с большей радостью.

— Пустите! Я требую разговора с вашим главным, с этим Жадиной! Нам есть что ему предложить! Да пустите же уже! Не надо меня трогать, я и сама могу дойти! Вот ты придурок! Вот вы все придурки!

— Астрид! — крикнула я. Двое крепких ребят с искривленными черепами и волдырями по всему телу закинули Астрид в клетку и закрыли дверь. Ее закрывал засов с железной пряжкой. Когда охранники ушли, я тут же попробовала до него дотянуться, однако это оказалось безнадежным предприятием.

— Делия! — ответила Астрид с радостью, которую я мало у кого в жизни видела. Астрид в целом на все реагировала слишком бурно, в этом не было никакой театральности, присущей Акселю, но смотрелось все равно странно. Астрид тут же пожала плечами, будто устыдилась собственного столь теплого приема.

— Я-то думала, вы померли.

— А я думала, что вы.

— А я подозревал, что вы живы.

И тогда мы с Астрид в порыве женской солидарности, подобной которой мир не видел прежде рявкнули:

— Заткни уже хлебало!

И это была, пожалуй, самая длинная фраза, которую я сказала с кем-то в унисон, если не считать хоровых занятий в первом классе.

— А вообще, — сказала Астрид. — Не так уж мы и облажались.

— В смысле?

— В смысле, мы сбежали.

Я немного разозлилась, хотя и понимала, что вряд ли, если бы они не сбежали, с их помощью мы смогли бы удрать от Потерянных. В этот момент я увидела, как взгляд у Астрид изменился. Она с нескрываемым, искренним волнением припала к прутьям и посмотрела куда-то поверх моей головы. Я увидела, как ведут Адриана. Вид у него был самый умиротворенный, хотя и потрепанный. Что меня всегда удивляло в них с Астрид — они ни к чему не относились серьезно. Будто все вокруг существовало исключительно ради их интереса и не имело никакой практической значимости, и все что с ними происходило лишь забавляло их, как просмотр серии любимого сериала.

Когда Адриана втолкнули в клетку, он сказал:

— Спасибо за компанию.

А потом обернулся к Акселю и сказал:

— Привет.

Вид у него стал еще более довольный. И хотя я видела, как он бледен даже в свете огня, который горел не так далеко от его клетки, он ничем не показывал, что измотан. Словно бы душа и тело Адриана существовали каким-то совершенно отдельным образом, не были связаны друг с другом ничем, кроме формального соприсутствия.

— Ну, не так уж плохо, — постановил Адриан. — И надолго мы здесь?

— На жалкий остаток нашей жизни, — протянул Аксель. А Астрид сказала:

— Да нормально все, чего вы паритесь.

Я оглядела лагерь Потерянных, жилища из шкур, людей, раскачивающихся у костра и снующих туда-сюда по своим делам, их здесь было невероятно много, сотня, может две. Все совсем юные. Где-то далеко раздавался вопль умирающей скотины, наверное это был олень. Судя по всему, с ним развлекались долго. Присмотревшись я увидела в далеком зареве костра силуэт животного, находившегося в такой же клетке, как мы, только больше. Оно металось по тесному для него пространству, то и дело напарываясь на длинные копья. Зрелище, наверное, не из приятных. Хотя вообще-то в любой дикости есть свой кайф — когда-то мы все были первобытными, жестокими тварями. В нас это осталось и сейчас.

— Ну, — сказала Астрид. — Может и не совсем нормально. Но не так уж плохо.

Через полминуты она сменила свое решение в третий раз, постановив, что нам конец. И, наконец, еще через некоторое время Астрид сказала:

— Но этого так оставлять нельзя!

Адриан подтвердил, я пожала плечами, не желая выдавать чрезмерную заинтересованность в столь мелочных вещах, как сохранение собственной жизни. Аксель сказал:

— Я, кажется, придумал гениальный план.

Это заявление было встречено с ожидаемым скепсисом. Я не особенно верила в гениальность планов Акселя, мне казалось, что это будет что-то драматичное, больше подходящее пьесе Шекспира, чем роману Голдинга. Сейчас нам требовались жесткие меры, дикие меры. Наверное, стоило попросить Астрид подумать, но Астрид была занята тем, что пыталась достать до засова, сломать прутья клетки и даже перегрызть их. Зубы у нее действительно были крепкие. Наверное, в каком-то смысле это было хорошо, но совершенно неактуально для того, чтобы

освободиться. Стоило объяснить это Астрид, но я как-то не решилась вмешиваться в ее сложные отношения с клеткой.

— И в чем же он заключается? — спросил Адриан. Руководила им, по видимому, не надежда, а интерес.

— В моих антропологических изысканиях, — охотно ответил Аксель. — Один из непреложных законов Потерянных состоит в том, что вопросы власти, как это частенько бывает в традиционных обществах, решаются боем. Если кто-нибудь, например ваш герой, вызовет Жадину на бой при всех, он не сможет отказаться.

— Тогда зови его! — сказала Астрид, но Аксель только покачал головой.

— Я же говорю, при всех. Один на один, он меня убьет, я полагаю. По крайней мере, я бы так и сделал. Нет свидетеля, нет проблемы. В общем, когда наш потащат казнить, тогда я и выступлю.

— Ты просто хочешь, чтобы тебя услышала орава людей, да?

— Нет, Астрид, я хочу обезопасить нас всех!

— А с чего ты вообще взял, что нас потащат на казнь? — спросила я. Аксель пожал плечами.

— Не знаю, а как бы ты поступила с детьми своего злейшего врага, будь ты изуродованной душой, лишенной шанса на следующую жизнь?

Я задумалась. У меня не было ощущения, что я стала бы кого-то убивать. Но, может быть, это только потому, что на самом деле я подобной жизнью не жила. Я посмотрела, как между кострами путешествовали люди, втянула запах всякого мяса: жареного, свежего и гнилого. Наверное, эта убогая жизнь, где единственными украшениями были костяные аналоги «музыки ветра», мало кого делала добрее. И все же эти люди держались друг за друга, у них было что-то вроде города, огромного лагеря с палатками.

Такой извращенный, олененавистнический Вудсток. Я должна была чувствовать к ним неприязнь, но у меня не получалось. Впрочем, это наверняка пройдет, когда они решат выпустить нам кишки.

— А что еще известно о Потерянных? — спросила я.

Но вместо кровавых подробностей, которых я ожидала, я услышала:

— Да ничего особенного. Живут своей жизнью, какая уж им доступна. Стараются не попадаться на глаза Неблагому Королю, боятся, что он завершит их превращение. Цепляются за остатки своей души. Их вожак, Жадина, вроде бы за ними следит, он поумнее.

Я нахмурилась. Мне совсем не нравилось, как он об этом говорил. Астрид выразила свою мысль за меня:

— Короче, не сладко им здесь, а ты еще и издеваешься.

— Лучше подумайте о том, как там Герхарду и Констанции.

Я всматривалась в темноту, пытаясь увидеть их силуэты или хотя бы силуэты их клеток. Но темнота была изменчива, она отступала перед людьми у огня, но позволить мне увидеть моих брата и сестру не могла.

— На случай если мы умрем, Делия, мне жаль, что ты не сходила со мной на свидание!

Голос Акселя вытянул меня из забытья, и я почувствовала благодарность за то, что своими глупостями он вырвал меня из хватки волнения.

— А я жалею, — сказал Адриан. — Что этот разговор происходит при мне.

— А я жалею, — добавила Астрид. — Что нельзя дать в табло тому парню, который нас сюда притащил.

А я, наконец, сказала:

— Я жалею, что здесь не кормят.

Мы засмеялись. Сегодня мне то и дело было с ними хорошо. Наверное, общие беды и страхи и вправду сближают. Мы сидели в разных клетках, но были, кажется, близко-близко, как после истории с деревом на болоте. Я снова пожалела, что Герхарда и Констанции рядом нет.

А потом я увидела, как к нам направляются Потерянные. Они двигались странным образом, вселявшим в меня волнение и вину. Многие их из них пошатывались, как мертвецки пьяные, другие же непрестанно дрожали, как некоторые из моих монстров. Я подумала, что соскучилась по Говарду и Эдгару. И что зря я их никогда не жалела.

Мой кинжал изъяли, и я увидела его болтающимся на поясе какой-то девчушки, она то и дело поглаживала его с той радостью, которую дает нам приобретение новой, красивой вещи. Чувство совершенно детское, очень знакомое. Я посмотрела на ее лицо, испещренное то ли двигающимися под кожей темными венами, то ли странного вида червями, живущими в ней. Она вместе со вторым Потерянным, крепким парнем со слепыми бельмами вместо глаз, открыла засов, вытащила меня. Грубовато, но вполне терпимо.

— Эй! Куда вы ее ведете? Подождите! — крикнул Аксель. Астрид принялась стучать по прутьям клетки, и только Адриан помахал мне.

Мы пошли через лагерь, меня держали с двух сторон. Я шла по подтаявшему снегу и мокрой земле, между кострами. Я

ощутила и другие запахами, кроме бьющего в нос аромата мяса, вызывавшего отвращение и аппетит одновременно. Пахло травами и горькими, кислыми ягодами, брусникой, наверное. Этот северный, неприветливый край мог бы вызвать у меня чувство легкой ностальгии по Швеции, но нет, не вызвал. Я спросила:

— Вы убьете меня?

Нам навстречу шли еще двое Потерянных. Наверняка, они шли за Акселем, Астрид или Адрианом. Нас все-таки боялись, боялись, как бы мы чего не выкинули. А мы и не могли — моих монстров тут не было, сила Адриана, судя по тому, что он вообще здесь, не особенно помогала, Герхард мог максимум рассказать, когда мы умрем, Констанция рассчитать, как быстро будут обескровливаться наши тела, к примеру, а у Астрид вообще никакой силы не было.

Словом, не были мы так опасны, как они о нас думали. Но может и они не были так опасны, как думали мы.

Никто не мне отвечал. Я повторила, обращаясь к девушке:

— Вы убьете меня?

Мы с ней даже были немного похожи — у нее были темные, как у меня волосы, бледная кожа и светлые глаза, и даже наши черты имели определенное сходство. Было странно видеть извивающиеся под ее кожей вены. Я словно посмотрела в зеркало и увидела там нечто отвратное, что-то из того, что воображала себе после Хеллоуиновского марафона фильмов ужасов в прошлом году. Да уж, тогда Хеллоуин лучше удался.

Девушка некоторое время шла молча. Она кусала губы, будто сдерживаясь, чтобы не ответить мне. Вены на ее лице жили своей жизнью, уходили под ненадежное, плохо сшитое одеяние из шкур.

— Ты — молчи, — сказала она, наконец. В голосе ее была строгость, но такая, словно она скорее пыталась казаться злой, чем была таковой. Я услышала за спиной голос Астрид. Ее вели на приличном расстоянии от меня, но такие мелочи никогда не были для нее помехой.

— Давай, тронь меня еще раз, и я покажу тебе ярость Принцессы Воинов!

Это она, конечно, преувеличила. Скорее всего сама фраза была взята из «Зены, королевы воинов» и чуть адаптирована к ситуации. Я не выдержала и едва не засмеялась.

Меня привели к круглой арене, огороженной костяным забором, где каждую балку венчал металлический, острый наконечник. Сначала я увидела Герхарда. Он был без сознания, бледный, губы его приобрели почти синий оттенок. Он не стоял на ногах, но его поддерживали в вертикальном положении двое

Потерянных в перекинутых через плечи шкурах, на которых еще топорщилось мясо. В центре я увидела алтарь, будто склеенный ребенком из бесчисленного количества костей. Алтарь был нелепый и пугающий одновременно. Он не имел определенной формы, нагроможденные кости разных размеров, степени остроты и формы топорщились в разные стороны. Примерно такие же произведения искусства я в семь лет составляла из зубочисток.

Только вот детскость и нелепость алтаря придавали ему пугающий вид. На нем лежала Констанция.

Ее голова была запрокинута, она тоже была без сознания, тело казалось совсем маленьким, незначительным на фоне протяженного алтаря. Жадина стоял над ней и вливал ей в рот кровь из мехового подобия фляги, испачканного и влажного. И я подумала, сложно сказать, почему, что они уже отравили Герхарда, что он не без сознания, как я сначала совершенно автоматически подумала, а мертв.

А теперь они травят Констанцию, и она умирает. Словно в доказательство моим словам ее неподвижное тело прошила легкая дрожь. Видимо, не только меня посетила эта ужасная догадка. Я и не думала, что одна мысль о смерти Герхарда и Констанции вызовет у меня столько ужаса, но я словно не могла сдвинуться с места.

Астрид крикнула:

— Не смей их тронуть!

И, в принципе, от этих слов было бы мало толку, но Астрид кое-что громко добавила, так что услышали точно все. Наверное, где-то на пути к нам убивался Аксель, мечтавший об этой минуте.

— Я вызываю тебя на бой!

И если раньше вокруг то и дело доносились обрывки чьих-то коротких разговоров, то теперь все захлестнул только треск многочисленных костров, показавшийся мне очень и очень громким.

Жадина поднял голову, посмотрел на Астрид. У него были покрасневшие, выглядевшие розовыми под отсветом костра белки глаз. Бледные губы задвигались будто бы в усмешке, под которой не скрывалось зубов. В этот момент он был особенно страшным, еще страшнее, чем когда скидывал свои бесформенные одеяния.

Потерянные замерли, и даже шепот их смолк. Я обернулась на Астрид, и никто меня не остановил. Она стояла прямо, глаза ее были совершенно злыми, такой злости я прежде ни в одном человеке не видела, эта злость даже будто бы делала жарче костры, которые цвели вокруг.

— Нет-нет-нет, разумеется, она не подумала, что говорит, — начал было Аксель, но Жадина сказал, перебив его с варварской

властностью, будто слова Акселя для него совершенно ничего не значили.

— Вызов принят. Выходи.

Потерянные вокруг начали раскачиваться, будто все мы были на концерте и заиграла хитовая песня, ради которой все и пришли.

— Астрид, не смей! — крикнул Аксель. Может он даже волновался. Адриан, наверное, волновался больше, однако он знал, что отговаривать Астрид бесполезно. Она растолкала мерно раскачивавшихся Потерянных, которые теперь не останавливали ее и даже не смотрели на нее. Они вообще не отвлекались от своего занятия, и их движения были такими синхронными, будто разум у них был один на всех, как у пчел в ульях и муравьях в муравейниках.

Я снова посмотрела на залитую кровью Констанцию. Я не понимала, это ее кровь или может быть кровь, которой ее поили. Мне стало грустно, и я впервые поняла, почему взрослым не нравится, что я гот.

Потому что смерть это не круто, и они не хотят о ней помнить.

Потому что это последняя Констанция, которую я увижу, других не будет. Не будет Констанции, которая смеется и которая ругается, и Констанции, которая расчесывает волосы. Не будет Констанции, которая сцепляет пальцы и расцепляет их снова и снова, как только задумывается. Никакой другой Констанции больше не будет. А может и никакого Герхарда. Так вот все просто. И никаких черепов, крестов и черной помады не нужно будет, чтобы никогда об этом не забывать.

Я по-настоящему поняла, что такое смерть. И что за драгоценные камни приносят мои монстры. Мне не понравилась эта мысль. Впервые этот сказочный мир стал казаться мне не жутким, не волшебным, а по-настоящему страшным.

И меня окружала сотня по-настоящему мертвых людей.

Ветер стал пронизывающим до костей, и я испугалась, что Буря уже рядом.

Астрид открыла ворота едва ли не пинком. Жадина оставался неподвижным, будто был картинкой, которую кто-то приклеил в этот ночной пейзаж, а волосы Астрид развевались от ветра и были похожи на локоны костра.

— Чего ты хочешь? — спросил Жадина. Голос его был спокойным, и даже сипение, вырывавшееся из его глотки не казалось таким болезненным. Они стояли друг напротив друга, принцесса и вождь.

Астрид сказала:

— Отпусти нас. Я не хочу забрать твое племя или вроде того.

— Ты можешь загадать все, и я выполню это. Ты хочешь, чтобы я просто отпустил вас?

— Еще я хочу переодеться и поесть. И чтобы нога не болела.

Да, подумала я, Астрид можно доверять. Самое главное она упомянула. А потом мой взгляд наткнулся на бледного Герхарда, и я почувствовала стыд за то, что думаю о еде. Я была бесчувственной и одновременно не по-своему стыдливой.

— А если ты проиграешь, — сказал Жадина после паузы. — Я хочу, чтобы твои друзья поглядели на Хрустальный Грот.

— То есть, ты больше экскурсовод, чем убийца?

— Ты не поглядишь. Тебя я убью, — сказал Жадина. Но для него явно было важно, чтобы Астрид согласилась. Она кивнула. Тогда Жадина взял костяной клинок и дотронулся им до своей щеки, надавил так сильно, чтобы выступила кровь. Он крикнул:

— Верните ей оружие.

Почти тут же кто-то бросил за ограду кинжал. Он приземлился в снег, свет огня не доходил до него, и кинжал выглядел пятном из темноты, будто кто-то вырезал кусок снега в фотошопе.

Астрид подхватила кинжал. Жадина постучал пальцем по своей окровавленной щеке.

Астрид кивнула. Они понимали друг друга намного лучше, чем я думала. Она порезала свою щеку, не поморщившись и, кажется, сама была удивлена этому.

Все было готово к бою, и напряжение стало таким ощутимым, будто сам воздух был напоен электричеством.

А потом посреди этого невероятно жесткого, ощутимого пространства вдруг раздался стон Констанции, я отшатнулась, Аксель рядом вздохнул, Адриан сохранил свойственное ему спокойствие, а Астрид даже вскрикнула, впервые проявив испуг. Некоторое время глаза у Констанции были дикие, первобытные — совсем ей не свойственный взгляд, роднивший ее скорее с Потерянными. А может в ней все еще было что-то умирающее или даже мертвое.

— Констанция! — крикнул Аксель, она обернулась на его голос, на лице ее не сразу отразилось узнавание, и сказать она ничего не успела.

— Выбор сделан, — сказал Жадина. Движение у него было стремительное, такое быстрое, что и заметить его было сложно.

Тогда я подумала, что с Акселем они могли бы сражаться на равных или почти на равных.

Констанция испуганно вскрикнула, а Астрид не успела сделать ровным счетом ничего. Все случилось очень быстро, и я

увидела клинок в руке Жадины, только когда он вошел в ее плечо. Астрид выглядела удивленной, а Жадина как-то совсем по-звериному зашипел.

Если одна моя сестра жива, значит скоро умрет вторая. Плохой сегодня день или карма плохая, как сказал бы Адриан.

Жадина скинул с себя шкуру, и я вновь увидела его уродливое тело, будто сложенное из двух таких неподходящих кусков. Он передвигался очень быстро, словно его длинные паучьи ноги были созданы для того, чтобы делать движения стремительными и тонкими, как узор.

Астрид на секунду прижала руку к ране, ее пальцы тут же стали красными, но на лице вместо испуга мелькнула радость, а может даже облегчение. И хотя я стояла достаточно близко, я не могла точно считать ее эмоции, золотой свет костра делал ее лицо сказочной иллюстрацией, придавая ему смелость и красоту, но смягчая и смешивая все оттенки эмоций. Она бросилась навстречу Жадине, фактически это был рывок, сильный и нелепый, как у молодого, большого зверя. Жадине было легко его избежать. Он двигался вокруг нее, и она то и дело разворачивалась, чтобы он оставался в ее поле зрения, но это было совершенно бесполезно. Его движения были слишком быстрыми, чтобы их можно было предсказать. Астрид никак не могла сориентироваться, и хотя движения ее изобиловали силой и решительностью, она не могла добраться для него — он был слишком ловким.

Сама же Астрид покрывалась порезами, некоторые из них были довольно глубокими. Они могли быть и глубже. Вся сила Астрид будто ушла в резкость ее уворотов. И хотя она не могла избежать клинка, она умудрялась не впускать его слишком глубоко.

Но это не могло продолжаться вечно. Она слабела. Вернее, она должна была слабеть.

Только Астрид улыбалась, лицо ее было почти спокойным, а вот лицо Жадины было искажено гримасой боли.

Словно бы это он был изрезан клинком Астрид. Ее кинжал и вправду был в крови, только это была ее кровь.

Сначала я все думала, что за сирена здесь визжит, откуда вообще сирена. Мысли текли вяло, словно были щедро, как поделка младшеклассника, смазаны клеем.

А потом я поняла, что это Констанция визжит, на какой-то невероятной ноте:

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста прекратите!

Слов «прекратите» и «пожалуйста» было так много, что они даже потеряли свой смысл, затерлись от многократного

повторения.

Но никто, конечно же, не прекращал.

Я думала, Астрид ведь уже должна была свалиться, но это движения Жадины стали менее точны, смазаны, как у человека, который не может сосредоточиться.

А потом он закричал, когда клинок вошел в плечо Астрид, в уже оставленную им рану, так ему подходящую, и прошил его насквозь.

Они все еще были связаны, но только кричал Жадина. Кинжал Астрид прошелся по его второй щеке, довершая жуткий грим, и мог легко скользнуть к шее. Лапки танцевали, но не сдвигали тело Жадины с места. Астрид пнула его, и он упал, словно все эти лапки были мягкими, игрушечными.

Астрид, как ни в чем ни бывало выдернула клинок из своего плеча, чем вырвала из горла Жадины еще один крик. Она взяла два клинка, свой, металлический и его, костяной. Оба они были готовы пронзить его грудь, а он трясся на земле, этот мертвый мальчик.

Астрид сказала:

— Я поступила нечестно. Но я не знала всего, что могу.

Я лишь интуитивно понимала о чем она. Не Астрид чувствовала причитавшуюся боль, а Жадина. Раны Астрид истекали кровью на снег, но это Жадина дрожал от боли.

Мне казалось, она была готова бросить оба клинка, хотя ими, конечно, стоило бы воспользоваться.

Интересно, если он и есть душа, куда он попадет после смерти?

Констанция крикнула:

— Нет! Пожалуйста, Астрид, не убивай его, они спасли нас с Герхардом! Пожалуйста!

И я поняла, что не видела как вели Герхарда и Констанцию. Я слышала ее крики, но это могли быть крики боли и страха, а не вопли о спасении.

Я вспомнила, как легко умереть в Буре, и как быстро я потеряла там каждого.

Астрид замерла. У нее было совершенно дикое выражение лица, злое и голодное. И хотя ее руки были готовы отпустить клинки, глаза не были готовы.

— Что? — спросила она, будто Констанция говорила с ней на другом языке. Теперь Астрид и Жадина поменялись местами. Она была варваром, дикой воительницей, а он — поверженным королем, глаза его были наполнены совсем не свойственной подросткам гордостью, которая равна смирению с неизбежным.

— Я поступила нечестно, — хрипло повторила Астрид, будто

и не было всего, что сказала Констанция. Для Астрид было важно только одно.

Жадина улыбнулся, зубы у него были острые и кривые.

— Я тоже хотел поступить с тобой нечестно. У каждого есть что-то, что дает ему победу. Не бывает честных побед. Тебе удалось меня обмануть. Я не видел в тебе магии, когда соглашался.

— Я не знала.

— Тебе повезло. Это тоже победа.

— Я не буду тебя убивать. Но ты проиграл. Отпусти нас.

— Слово победителя.

— Но я не считаю, что это правильно. Поэтому мы зайдем в этот ваш Хрустальный Грот.

Стоило посмотреть на лицо Акселя в этот момент, но я не могла отвести взгляда от Астрид. Она была по-особому красива.

— Только скажешь где этот ваш Хрустальный Грот, — добавила она медленно и задумчиво.

Наконец, Астрид отбросила оба клинка.

— С чего ты взяла, что я не убью тебя сейчас? Или не прикажу этого.

— Ни с чего.

А потом она без сил опустилась на снег. Ее волосы и кровь, казалось, были одинакового цвета.

Глава 18

Мне снились всякие вещи, они мелькали передо мной и кружились, и я ощущал себя на большой высоте. Мне снились Стокгольм, родители, а еще какие-то чужие люди, которые спрашивали у меня, как я поживаю и нужно ли мне что-нибудь. Они говорили со мной, как будто я был совсем беспомощным, и это мне не понравилось. Я и сам ощущал себя, как будто только что очнулся после высокой температуры — когда все кажется не совсем реальным и каким-то мутным, как зеркало, запотевшее от жара. Сон был прерывистый и тревожный, я что-то искал, но никак не мог найти. Я ходил по улицам, которые казались мне незнакомыми, а когда я оборачивался, то уже не мог понять, как здесь оказался и как найти обратную дорогу. В конце концов я оказался у незнакомого мне моря, оно было северным и злым, должно было показаться привычным, но сразу мне не понравилось. Надо мной летали птицы, шальные и потерявшие курс, как взбесившиеся стрелки на компасе. Они о чем-то кричали, но было больше похоже на плач. Мне было странно. Этот сон не был страшным, мне вообще никогда не снились кошмары, но он был непривычным и холодным, такое мне обычно не снилось.

И я подумал, что заболел и что нужно проснуться, потому что мне холодно, как будто я уже окунулся в это море из моего сна. Нужно было проснуться и взять парацетамол, а утром мама сделает мне чай с малиной, и я смогу ничего не делать целый день, только читать книжки и слушать, о чем говорят родители.

Только нужно было проснуться, а то здесь я совсем замерз. Я стоял на вершине отвесной скалы, внизу хлестало камни злое море. Нужно было сделать шаг и оказаться в коротком и сжимающем внутренности полете, и тем самым проснуться, но я не мог решиться.

Почему-то я подумал, что меня ждут не мама и папа, и не приятный день в температурной, ленивой расслабленности, а что-то другое.

Но, наверное, даже более важное. Еще я подумал, очень отчетливо, как для сна, где мысли текут, как сироп, вязкие и однородные. Я подумал вот что: осталось чуть-чуть.

И тогда я сделал шаг в раскрывшуюся передо мной пустоту, где не было уже никакого моря.

Но я не проснулся. Я нырнул вниз, оказался в толще воды, как муха в синем янтаре. Я забыл о воздухе и дышал водой, так бывает только во сне и это очень приятно. Я опускался все ниже и

ниже, и бледный свет севера съедала глубина, мне было очень темно. Интересно, подумал я, может я умираю. Мне стало жаль, что я умираю, но и интересно тоже было. Тяжесть воды давила на меня, подталкивая ко дну. Наконец, я ощутил под ногами мокрый песок. Я не был уверен, песок ли на дне Океана. Теперь я не чувствовал себя в море, я был, наверное, в Марианской впадине или в каком-то подобном месте, где не бывало людей и куда никогда не проникал свет.

Не совсем — никогда, но очень-очень давно не проникал. Вот так: был силурийский период, и в море плавали трилобиты и древние рыбы, и тогда сюда не проникал свет. А сейчас люди возвели государства и города, полетели в космос, и света это место все еще не видело и не знает о нем.

Но быть здесь было легко, хотя вообще-то даже умей я дышать под водой, давно должен был умереть от давления, но только голова чуть-чуть болела. Я знал, что я во сне, поэтому мне не казалось странным, что все происходит так. Я брел в темноте и видел огни наверное источаемые слепыми рыбами из передач про глубокие воды. Эти огни проплывали далеко, не были ни желтоватыми, как лампочки, ни золотыми, как солнце, ни рыжими, как огонь. Совсем иные огни.

Его голос я услышал в темноте. Это был голос теплый, такому не полагалось быть в этом холодном месте. Контраст между тоном голоса и происходящим вокруг так меня удивил, что я даже понял, где нахожусь.

Это было пространство, где все мы есть, когда не видим снов. Маленькая смерть, тренировочная.

Голос мне сказал:

— Здравствуй, Герхард.

— Здравствуйте, — ответил я, потому что мама учила меня быть вежливым с людьми всегда и везде, а это означало, что даже во сне.

— Я хотел бы тебя увидеть, но не могу.

И я не мог увидеть того, кто говорит. Но мне нравился его голос — теплый и светлый, красивый голос, немного звенящий. Было слышно, что человек привык говорить громко, чтобы его все слышали.

Свет глубоководных рыб не освещал ничего вокруг, и не освещал моего собеседника, и даже мои руки не освещал, и я не был уверен, что здесь у меня есть тело, потому что даже дно под ногами стало не ощутимо. Я присутствовал и не присутствовал одновременно, и я скорее осознавал, чем испытывал.

— Твоя сестра Астрид в большой опасности, Герхард.

— Тогда мне нужно наверх, — сказал я, ни на секунду не

задумавшись. — Я хочу ей помочь.

— Там ты ей не поможешь, — сказал мне голос. В нем была и грусть и великая мудрость, и я подумал, что здорово стать таким, когда я вырасту. Голос мне сказал:

— Ты поможешь ей здесь. Я хочу, чтобы ты нашел здесь вещь, принадлежащую ей.

И я понял: это все сны, они символичные и за вещами и безделицами скрывается то, что на самом деле важно.

— Она ее потеряла. Так иногда случается.

И я все понял, и тогда сказал:

— Эту вещь унесло в Великую Реку, и она впала в Океан.

Он засмеялся, но как-то по-доброму.

— Ты очень умный мальчик, Герхард. Поэтому я и надеюсь на тебя. Ты справишься.

Я кивнул, почему-то мне казалось, что он меня не видит, но знает, что я делаю, будто кто-то, как когда читаешь пьесу, поясняет ему мои действия.

— Ты очень похож на маму.

— Это неправда, — сказал я. — Я — вылитый папа.

— Но у тебя сердце твоей мамы. Я очень любил ее.

И тогда я понял, кто со мной говорит в этой глубокой темноте. Это был Благой Король, мамин Отец, которого она так любила. И я хотел что-то ему сказать, но времени не было. Так что я сказал только:

— Мама по вам очень скучала. И сейчас, наверное, скучает.

А потом больше всего на свете я захотел оказаться там, где я могу что-нибудь сделать. Свет залил все, даже глаза заболели, но не было времени медлить, и я помотал головой, стараясь настроить свою голову. Я оказался в комнате, здесь всюду были плакаты. Плакаты были про все, будто человек, живший здесь, свидетельствовал обо всем, что ему нравится на стенах своей комнаты. Это делало ее очень личной. Были здесь плакаты про злые компьютерные игры, про модную музыку, про героев фильмов о войне. Они были исписаны красным маркером, разрисованы. Кое-где было написано «обожаю», а кое-где «стало казаться, что отстой». Все было написано на датском, и я с легкостью узнал почерк Астрид. Плакаты почти заменяли обои, и их жизненный цикл был строго определен. Те, на которых было написано «классно» могли рассчитывать на жизнь, а те, которые вдруг были определены в отстой, даже если эта надпись красовалась поверх прежних восхвалений, ждали забвения. Это были обреченные плакаты, которым скоро предстояло расстаться с жизнью.

Вещей здесь было множество, они были разбросаны тут и там:

пустые банки, исписанные стикеры, джойстик, школьный альбом, пульт от телевизора. Кровать была большая, в середине нее была яма, наверное, образовавшаяся от того, что кто-то систематически прыгал на ней. Торшер казался единственным предметом в комнате, принесенным взрослым. Такой вполне стандартный торшер, наверное, из «Икеи», черный, с цветком плафона на тонком стебле.

Я смотрел на все очень внимательно, мне нужно было найти ту самую важную вещь, которая могла помочь Астрид. Ни от чего в комнате я с первого взгляда не чувствовал того укола, почти болезненного где-то в области сердца, который я и считал интуицией.

Все было пустым и стало для Астрид совсем неважным, когда она была там, в Аркадии.

Но если бы я только был Астрид, наверное, я бы прятал все, что дорого мне по-настоящему. Я был бы смелым, но скрывал бы то, что делало бы меня слабым. Я ходил по комнате, стараясь никуда не наступить, как в заповеднике. Мне хотелось быть максимально аккуратным с тем, что прежде было дорого Астрид. Я встал на колени, пошарил под кроватью. Пыль была на ощупь, как какое-то крохотное и пушистое животное. Поэтому англичане и называют комки пыли — пыльными зайчиками.

Сначала все было пусто, и ничего не кололо, а потом вдруг стало именно так — колко и волнительно, когда я наткнулся на коробку. Я вытащил ее на свет, она была картонная. Мне было немного неловко смотреть на вещи самые личные для Астрид, но я должен был.

Коробка оказалась наполнена доверху. Там были фотографии Астрид и Адриана, и этого стоило ожидать, книжные закладки, девичьи и с бабочками, и это было неожиданно и мило, резиновая лягушка, крышечки от стеклянных бутылок, разноцветные, но израненные металлического цвета царапинами. Еще была банка, на которой детским почерком, в котором без труда угадывался почерк маленькой Астрид, было написано: «Черви». Червей там, к счастью, не было, ни живых, ни мертвых. Все это многие люди назвали бы мусором, но я знал, что для Астрид оно дороже всего на свете и случись в ее доме пожар, она в первую очередь схватила бы эту коробку.

Я чувствовал тепло под пальцами, продолжал рыться в коробке. Что-то чуждое этому миру и при этом еще более близкое Астрид было тут. Под книжкой «Племянник Чародея» я обнаружил рубин. Огромный, и красота его тоже была большой. Такой красный, такой блестящий, такой теплый, что даже горячий. Держать его в руках было невероятно приятно, и он

сиял, как крохотное солнце. Вернее, наверное, он сиял, как если бы Марс был звездой. А еще Констанция говорила про каких-то Красных Гигантов, но я больше представлял великанов из саг, когда она так говорила.

Я сжал рубин, крепко, но бережно. Он был очень похож на камни из улья, которыми осы кормят осиных детей. И я был уверен, что если бы я надломил это сокровище, и из него бы хлынул золотой мед, сгущенная магия Великой Реки. Все стало меркнуть и темнеть, как если внезапно наступило затмение. Исчезали в темноте и постеры, и мусор, и взрослый, так не подходящий это подростковой комнате торшер. Все меркло и оставалось позади, как и жизнь Астрид с тех пор, как она попала в Аркадию. Но рубин продолжал сиять, его блестящая красота разбивала тьму, была как открытая рана, как горящее сердце из сказки. Благой Король сказал мне:

— Ты молодец, Герхард.

Снова плыли огни подводного царства. Рубин стал рассыпаться. Я в отчаянии попытался закрыть его руками, но капелька за капелькой от него отслаивались искры.

— Все правильно, — сказал Благой Король. — Это магия, и она возвращается к тому, кому она принадлежит.

И я раскрыл ладони, как будто держал птичку, можно было так подумать, потому что рубин был такой же теплый. И я смотрел, как он исчезает, и мне стало не жалко его, потому что он возвращался домой.

— Спасибо тебе, — сказал Благой Король.

— Не за что. То есть, я так говорю не потому, что это вежливо, а потому что правда не за что. Это было легко. Еще и в гости сходил.

Он засмеялся, и я подумал, что он нравится мне, такой обаятельный смех.

— Теперь пора отправляться назад. Время здесь течет по-другому. И там за тебя уже волнуются.

— Подождите! — крикнул я. — Почему вы спите? Вы нужны Аркадии! Возвратитесь!

— Я не могу, — сказал он.

— Но почему? Почему не можете? Может быть мы поможем?

Но голос не отвечал мне еще долго. А потом вдруг сказал:

— Вот тебе совет, Герхард. Это хороший совет, хотя ты и не сразу это поймешь. В сердце нет правильных ответов, следуй за тем, что невозможно ни увидеть, ни почувствовать.

— За невидимыми вещами?

— За вещами больше, чем невидимыми.

Все внутри сжалось и разжалось, и я проснулся. Холод обжег

меня так, будто я правда тонул и сразу все свело. Но на губах было тепло и вкус монеток. Я понял, что пью кровь и что глотаю ее жадно, как что-то вкусное.

Вкус у нее был несносный. Я отстранил от себя чьи-то руки, постаравшись не оттолкнуть и сплюнул кровь на снег. Вот я понял, где я и обрадовался моим братьям и сестрам, и даже немного Акселю, но глаза мои не сразу стали работать правильно, некоторое время все перед глазами плыло, было странное, хотя и говорило, как Констанция.

— Герхард, Герхард, ты в порядке?

От крови пахло не только кровью, но и какой-то травой. Стало жалко того, в ком текла кровь и траву, которую сорвали. Я потрогал свои руки, и тем самым ощутил, что я есть и вполне осязаем. Я медленно кивнул, потом сказал:

— Мне лучше.

— Отлично, — взволнованно сказала Констанция. — Это очень хорошо. Я думала, что ты умер.

— Да, мы надеялись убедить в этом Констанцию, чтобы больше тебя не тащить!

— О, Астрид, милая, нет у тебя сердца. Надеюсь, ты не скажешь ему, что мы в любом случае выбросим его в канаву.

Мне понравился голос Астрид, веселый, торжествующий и живой, но от нее пахло кровью.

— Прекратите, вы что думаете, что ему приятно это слушать?

— Мы даже не уверены, что он все понимает.

— Но он все понимает.

— Я все понимаю, — подтвердил я. — Хотя Астрид и говорит почти слишком быстро.

А потом я понял, что я не иду вместе со всеми и не лежу на месте, а передвигаюсь под воздуху. Запрокинув голову, я увидел Адриана. Он помахал мне рукой, и я накренился.

— О, прости.

А Констанция шла рядом со мной, не отставая и не перегоняя, будто именно со мной и хотела быть. И я понял, что тоже хочу быть с ней всегда.

И я увидел, что за ноги меня держит Астрид. Аксель вышагивал впереди, он ей помогать не собирался. С того момента, как я понял, что меня несут Астрид и Адриан, я сразу понял — сейчас будет больно. Они отпустили меня, и я грохнулся в снег. Констанция крикнула что-то, наверное, недовольна была.

А я раскинул руки и уставился в холодное, северное небо, дрожащее от ветра. Сугробы облаков уходили дальше на запад, а я лежал.

— Поднимайся, придурок! — сказала Астрид. Она выдернула

у Констанции флягу и отпила, облизала окровавленные губы. Я видел, что она вся в крови, только ран совсем не было заметно. Только одна — на щеке. Длинная, жестокая. Я подумал, как же так, Астрид же такая красивая. Потом подумал, что она и с этим шрамом все равно будет очень красивая. А потом длинная, алая полоса начала затягиваться, прямо под моим взглядом.

— Чего лежишь? — спросила Астрид. Она коснулась здоровой кожи там, где еще минуту назад пролегала траншея глубокого пореза.

Я не стал ей говорить, что, может быть, это я спас ей жизнь. Во-первых, может быть и не я. Сны бывают разные, в том числе и очень реалистичные. Во-вторых, она выглядела радостной, глаза у нее светились, как у людей, которые победили в самой важной из схваток. Я тогда подумал: может это не я достал рубин с ее магией, заключенной внутри. Может не помог Астрид ни я, ни Благой Король. Все она сама сделала.

Делия и Астрид вздернули меня на ноги. Видимо, решили, что надежды на то, что я пойду сам, у меня уже нет.

— Кстати, лучше тебе не нарываться, — как бы между делом сказала Астрид. Я подумал, хочет похвастаться. И со всем вниманием посмотрел на нее. Я ведь и вправду не знал, что случилось. Я помнил Бурю, а потом ничего не помнил, кроме сна.

— Потому что я не чувствую боли! И могу передавать свою боль другому! Вот, например, тебе!

Она вдруг ущипнула себя за запястье, а я почувствовал, что мне больно.

— Эй! — сказал я. Но порадовался за нее. Она явно с удовольствием развлекалась таким образом.

— Видел бы ты, как я завалила того парня, Жадину. Он правда в итоге оказался не таким уж плохим… Ну, это не так важно! Я сражалась как львица!

— Она буквально залила его своей кровью! — засмеялся Аксель.

— Заткни хлебало, иначе ты следующий! Так вот, я вызвала его на бой, чтобы спасти вас с Констанцией. А потом оказалось, что это вас с Констанцией спасали, а ты чуть не умер, пока я дралась. Но все хорошо закончилось!

— Спасибо тебе, что ты быстро победила в таком случае.

— Там были такие уроды! Ну такие уроды!

— Астрид, — сказал Адриан. — А ты довольно бесчувственна.

— Но я пообещала этим уродам зайти в какой-то Хрустальный грот. И я выполню свое обещание.

— Надо же, — хмыкнула Делия. — Да ты благородный воин.

Было солнце, бледное, как стеклянное, только чуточку

желтоватое и не греющее. Мы шли все дальше на север, снова куда-то направлялись.

Констанция пояснила:

— Аксель, конечно, не в восторге, но Астрид настояла на том, чтобы мы зашли в этот Хрустальный Грот. Не думаю, что там что-то страшное. Потерянные оказались не такими уж жуткими парнями.

Я пожал плечами:

— Это одно из моих базовых убеждений: люди не такие жуткие, как нам кажется.

И она улыбнулась, а я подумал — надо же, как красива ее улыбка.

Мы шли в гору. Где-то далеко, как спица, торчала вверх белая башня. Она почти сливалась с зимним небом. Аксель указал на нее:

— С точки зрения профессиональной этики — нам туда.

Башня стояла на скале, и к ней вели ступени, выдолбленные прямо в камне, как подступ к древним храмам.

— С точки зрения того, во что верит Астрид, нам явно куда-то еще, — пожала плечами Делия. — Но я не против. Что нам уже терять?

Астрид сказала, что знает, куда идти. Я спросил, есть ли у нее карта, но Астрид сказала, что карта у нее в голове. Я не совсем ей поверил. Тогда Астрид дернула себя за волосы, и я почесал голову. Было больно. Теперь она так долго могла развлекаться.

Меня утешало, что Акселю доставалось больше. Странное дело, я совсем не чувствовал себя усталым. Наоборот, будто проспал часов восемь, сытно пообедал и хорошенько расслабился. Может быть, даже и сексом занялся — такое приятное, разморенное и удовлетворенное чувство было.

И даже холод казался освежающим. Я кивнул на пушистую флягу, такие в книгах еще иногда называли «меха».

— Что это?

Здесь я, конечно, не совсем правильно поступил. Я воззвал к самому что ни на есть темному, что было в Акселе, к его тайной сущности экскурсовода. Но мне было интересно послушать.

— О, я так рад, что кто-то наконец спросил! Вот в чем смысл твоего существования, Герхард! Задавать правильные вопросы! В правильное время! Это одна из тех вещей, которой славятся Потерянные! Они умеют готовить из оленьей крови, трав и ягод удивительнейший напиток. Он залечивает любые раны живых, снимает голод, усталость и жажду. В принципе, не необходимость для Принца Аркадии, но иметь такое приятно. Однако рецепт

Потерянные хранят очень бдительно. Дело в том, что у них напиток имеет куда более важную функцию.

Оставалось только спросить «какую». Я думал, это придется сделать мне, но неожиданно спросила Делия. Хотела сделать Акселю приятно, а может просто стало любопытно.

— Потерянные, как вы понимаете, мертвы. А душам хорошо либо в Великой Реке, либо в физическом теле. Кроме того, они страдают от искажений, боли и ужаса пережитых при встрече с Неблагим Королем.

Аксель говорил об этом так легко, будто все эти страдания невинных душ ничего не значили для него.

— Так вот, они ощущают холод, голод, боль, страх, и вообще все вероятные человеческие дискомфорты в утроенном размере, они страдают, в прямом смысле, как в аду. А этот напиток помогает им облегчить их боль, поддерживать вполне сносное физическое состояние. Они и трех дней не протянут без него.

Тогда я понял, почему в деревне Потерянных было столько оленьих костей и шкур, все из них было сделано. Это сколько же им надо убить оленей, чтобы добыть такое количество крови. И куда девать трупы? Потерянные использовали их от рогов для копыт, чтобы избавиться от невероятного количества мертвых оленей.

— А напиток, к слову, называется Кровь Королей. У Потерянных считается, что в лесных оленях содержится частичка крови самих Королей. Что, безусловно, неправда. Просто олени безбоязненно пьют из Великой Реки и умеют перерабатывать содержащуюся в ней магию в подобающий для Потерянных вид. Но легенда красивая.

— Ты никогда не думал стать экскурсоводом? — спросил Адриан.

— Конечно, думал! Но мне повезло, ведь я незаменим.

— Я его ненавижу, — сказал Адриан. — Он не понимает или делает вид, что не понимает, что мы над ним издеваемся.

— Все его ненавидят, — примирительно сказала Констанция.

Я видел, что теперь мы шли веселее, фактически гуляли. Кровь Королей творила чудеса. Я даже не помнил, когда это я чувствовал себя настолько хорошо. И все мои заботы тоже ушли, меня как будто помыли, как папин Мерседес, и я стал новеньким и сияющим, и сам собой восхищался.

Мы долго шли вперед, и дорога теперь уходила несколько вверх. Когда мы почти добрались до ступеней, ведущих к Башне, Астрид резко свернула. А я думал, она забыла про свой Хрустальный Грот. Мы шли вдоль скалы, черный камень был присыпан снегом, как зачерствевшее пирожное сахарной пудрой.

— Ты серьезно? — спрашивал Аксель. — Ты можешь забыть это дурацкое обещание! Какая разница, что ты сказала этому мертвому парню?

— Он спас меня! — сказал я. Насколько я понял из рассказа Астрид, она обещала ему, что мы посмотрим что-то. Вряд ли этот парень по имени Жадина хотел просветить нас духовно. Но я считал правильным выполнить то, что он попросил. Может быть, он не просто так помог нам.

— А если там ловушка? — допытывался Аксель.

— А если то, а если се. Можете оставаться тут, хлюпики.

Астрид и Адриан пошли вперед, а я устремился за ними. Констанция перехватила меня за руку.

— Ты уверен, что нам стоит?

Я кивнул. Делия шла рядом. Ей явно было плевать в каком направлении двигаться. Она выглядела вполне довольной. Я подумал, это потому, что она сытая.

Аксель так и стоял, отставая от нас. А потом сорвался с места, нагнал меня.

— Это глупая затея, — сказал он Констанции.

— Если бы нас хотели убить, давно бы это сделали.

— Делия?

— Слушай, Аксель, перестань. Давай посмотрим на этот Грот и пойдем дальше.

Грот оказался не так уж далеко от нашего маршрута. Всего лишь небольшая заснеженная щель в скале, одна из многих, но Астрид указала на нее.

— Точно тут! Сердцем чувствую!

Я закрыл глаза, и под веками у меня заблестел лед, а где-то звенели, ударяясь о воду, холодные капли. Я сказал:

— Она правильно сердцем чувствует.

И мы пошли внутрь. Было очень скользко, и я держал Констанцию, чтобы она не упала, и она совсем не была против. Я чувствовал ее тепло, и запах от ее волос вперемешку с запахом крови.

Внутри было очень светло, хотя я не видел ни единого источника этого света. И все же он был, дрожал в ледяных гранях. Лед был повсюду, сковывал стены. Длинные его кристаллы, как замысловатые инсталляции тянулись вверх и вниз. Мы шли вперед, по узкой дорожке между двумя половинками подземного озера.

А больше здесь ничего не было. Адриан пожал плечами:

— Что ж, вот мы и посмотрели. Пойдемте дальше!

Но Астрид стояла и не шевелилась, будто прислушивалась к чему-то. Капли срывались вниз и оглушительно разбивались об

озеро, делая его на мельчайшую частичку больше, так оно росло.

Воздух здесь был невероятно чистый, почти острый в своем холоде, я такого прежде не вдыхал. Будто его вообще до нас прежде никто не вдыхал. Воздух был напоен кислородом, и я закрыл глаза, почти опьянев.

И перед глазами замелькали инструменты и драгоценные камни, и сгустки золота, похожие на маленьких детей, постепенно обретающие плоть под ножом, будто рука скульптора отсекала лишнее. Скальпель, отсекавший золото, возвращался из-под него в крови.

Я видел знакомые руки, украшенные кольцами пальцы Неблагого Короля. Он насвистывал что-то, и в потрясающей, звенящей тишине, которая царила здесь в остальном, это казалось жутковатым. Он работал споро, а получившихся существ клал на полку, как игрушки. Они не шевелились, просто лежали. Но их глаза двигались.

Это были души нерожденных. Те, которые еще никогда не жили и сопротивляться не могли. Маленькие души, не знавшие ни единой жизни, только готовящиеся впервые увидеть мир. Неблагой Король доставал из них драгоценные камни — магию, свою магию, свою пищу. А их уродовал, просто ради забавы.

Чтобы они никогда не могли вернуться в реку. И они лежали, будто игрушки, и никто не мог помочь им. Все это было давным-давно.

Я открыл глаза и передо мной снова был сияющий лед. Меня позвала Констанция, но я не обернулся.

— Там, под водой, — сказал я. В моем видении об этом ничего не было, но я все знал. Все пришло ко мне в голову, как часто бывало.

— Слушайте, мы не будем прыгать в воду, потому что умственно отсталый сказал нам сделать это, — вздохнул Аксель. А потом, совершенно неожиданно, он сказал:

— Или будем.

И тогда я понял: он правда хочет помочь Астрид, которая чувствует вину. Но Аксель недолго казался мне хорошим. Он толкнул меня в ледяную воду, и я почувствовал себя во сне. Вместо того, чтобы выплыть, я нырнул дальше. Направление было мне ясно, будто я снова был папиным Мерседесом со встроенным навигатором.

Поверните направо.

Легкие жгло, и все тело жгло от холода. Можно ли в Аркадии утонуть? Мне не хотелось бы проверять. В стене под водой был проем, тоннель. Я плыл по нему почти беспамятный. К тому моменту, как я вынырнул, я едва ли видел хоть что-то вокруг.

Меня обдало теплом. Я с трудом вскарабкался на берег и обнаружил, что он скользкий. Мои ногти скользили по паркету. Выбравшись, я ощутил, что вовсе здесь не холодно. И стены были не ледяные. Я очутился в какой-то мастерской с паркетом и обоями в стиле пятидесятых. Играло радио, и я подумал — здесь кто-то был, еще недавно. Но сейчас я не чувствовал тяжести от присутствия Неблагого Короля. Были стол и стул, и на столе инструменты, разбросанные будто в беспорядке, но на самом деле казалось, что это было их художественное, тщательно выдуманное расположение.

Старинное радио, смотрящее со стены, с черным, широким динамиком, изливало потоки беззаботной музыки про глупую любовь и танцы. Всю комнату опоясывали полки, идущие вдоль стен, до углов, и продолжающиеся дальше. И на этих полках лежали младенцы. Я никогда не любил детей — они казались мне непонятными и странными, лет до десяти я даже не понимал, что дети это не другой вид людей, а маленькие взрослые. Но сейчас мне было ужасно жалко эти души, объеденные и изуродованные ради развлечения, не годившиеся даже для того, чтобы быть слугами, грустные-грустные, безо всякого будущего.

Я видел их, таких разных, и не понимал, как могу им помочь. Здесь был младенец, будто бы полностью сделанный из стекла, у него не было глаз, но он легонько подрагивал, только этим показывая, что живой, и свет настольной лампы, окольными путями проникавший в него, плясал в его прозрачном, полом нутре.

Здесь был малыш, чьи глаза горели как угли, а сам он был создан из тени, текущий, меняющийся непрестанно.

Был малыш изуродованный настолько, что больше напоминал лысого козленка с отвисшими ушами и выдающейся вперед челюстью.

Был малыш, у которого под прозрачной кожей, между внутренними органами путешествовала вода, как будто он был шариком, наполненным ею.

Был малыш, у которого на голове была голова другого малыша, у которого тоже были живые глаза.

Был малыш-циклоп, у которого был большой, слезящийся глаз, занимавший пол-лица.

Странные, гротескные существа, совершенно беззащитные. Я вспомнил, как мама рассказывала мне о синдроме запертого человека. Это когда у парализованных людей даже нет возможности пошевелить языком. Они не могут ничего сказать, даже кончиком пальца не могут двинуть. И мы совсем не знаем, работает ли их разум и как он работает. Я убивал таких, став

Принцем Аркадии, это и было милосердной смертью в моем понимании. Такая жизнь казалась мне слишком страшной.

В детстве кое-что в моей жизни было похожим, хотя и намного легче. Когда я ничего не мог сказать, и был совсем беззащитным тоже. Я закрыл глаза, чтобы понять, что им нужно, этим младенцам.

Ответ всплыл в голове легко и быстро, как глупая мысль, когда засыпает мозг.

Им нужны были имена.

Нас всех зовут, когда хотят разбудить.

Глава 19

Я вынырнула из воды, и на берег, казавшийся мне необычайно приятным, теплым и гладким, меня вытащил Герхард. У него были сильные руки, и я бы обязательно покраснела, потому что это было волнующе.

То есть, если бы у меня под кожей хоть кровинка осталось. Мне казалось, будто абсолютно вся моя кровь скрылась от холода, отхлынула от меня и не было ничего, что бы меня грело.

Я даже злилась на Герхарда. Если бы он не нашел хода в это место, Астрид не прыгнула бы в воду, и меня бы не стянула. Точно ведь знала, что я сюда не хочу.

Неожиданно, здесь оказалось тепло. Даже приятно, я ведь давным-давно в тепле не была, уже и забыла, что это такое. То есть, сутки, однако ощущалось, будто я настолько сроднилась с заснеженным лесом, что антропологически сравнялась с народами севера, вроде каких-нибудь якутов из России.

А теперь я шмыгала носом и чувствовала, что здесь работает отопление. Как в нормальном мире, как в мире, который не был Аркадией. Я улыбнулась, а потом услышала еще и радио. С песнями я тоже давным-давно не сталкивалась, но они не вызывали у меня шока.

Чей-то мягкий, ласковый голос вещал о своей бессмертной и мертвой любви. Я любила такие песни, в детстве я представляла, что их поет мой папа.

Герхард помог мне подняться на ноги. Рядом, как собака, отряхивалась Астрид. Ее пышная рыжая шевелюра наотмашь ударила меня по лицу.

— Итак, это уютное место в стиле пятидесятых годов двадцатого века и есть то, что хотел показать Жадина? — спросил Аксель. — Дизайн интерьера, вот что интересовало его по-настоящему…

Но Адриан сказал:

— Да нет. Не думаю. Я думаю, его интересовали мертвые младенцы.

Мертвые младенцы? Я терпеть не могла живых младенцев, их беззубые умилительные улыбки вызывали у меня мучительное отвращение. Лет с тринадцати я обсессивно не любила детей, не могла перестать думать о том, какие они мерзкие. Может быть, я все еще не могла смириться с тем, что мое собственное детство было омрачено заботой о родителях. С трех лет я умела готовить яичницу, и это не тот самый навык, который чем раньше осваиваешь, тем совершеннее он становится.

Глупо было не уметь прощать детям отсутствие собственного детства, и я прекрасно знала, что сказал бы мне психотерапевт. Словом, я никогда не задумывалась о своих детях и старалась не иметь ничего общего с чужими. Однако никогда я не желала детям ничего плохого.

Тем более я не желала им ничего настолько плохого.

Младенцы лежали на полках, они были как зрители, взявшие в кольцо сцену.

— Хрена себе, — сказала Астрид. И впервые ее грубоватая реплика будто бы была взята из самых личных глубин моей души. Все эти младенцы были душами, они не были полностью мертвы. И изуверство такого масштаба было сложно себе представить. Мне казалось, что комната кружится у меня перед глазами, и я смотрела и смотрела, не в силах отвести взгляд. Я никогда не понимала, почему люди говорят про кровавые моменты в фильмах, что не могут их смотреть и не смотреть не могут. Я всегда могла отвернуться.

Но вот сейчас эта моя способность мне отказала. Я видела детей, чья плоть частично и полностью была заменена металлом, грубо взрезанным и грубо впаянным. Видела детей, раздувшихся как воздушные шарики. Видела детей, опухших, как утопленники и детей, похожих на лягушек.

Все мое существо наполнялось невыразимым отвращением, но самым неожиданным образом не к детям, а к тому, кто это с ними сотворил. Все это было настолько мерзко и неестественно.

Монстры — просто монстры, вызывали страх и отвращение, хотя я знала, из чего они сделаны.

Потерянные вызывали жалость и ужас, потому что я видела из чего они сделаны.

А местные безымянные младенцы вызывали боль.

Герхард сказал:

— Он от них питался. Вытаскивал из них камушки. Их магию, их суть. Теперь они пустые оболочки.

— Как если бы из клетки вытащили ядро, — сказала я тихо. — Если мы представим, что душа — это клетка.

— Он их уродует просто для развлечения.

— Медленно до нас доходит? — пожал плечами Адриан. — В принципе можно было так ужаснуться еще когда мы увидели монстров.

На лице Делии застыло выражение отвращения. Кажется, ей вовсе не нравилось до конца осознавать, кем она на самом деле управляла. И что за камушки ее монстры приносили Неблагому Королю. Это были ядра душ, семя и кость, самое важное.

Мы некоторое время стояли молча. Я не знала, что и думать.

Аркадия враз опротивела мне. Пребывание здесь казалось теперь совершенно невыносимым. Наверное, примерно так чувствуют себя люди, носящие мех, которые впервые увидели, как сдирают шкуру со зверьков. И их забрызгало кровью.

Я почувствовала, что сейчас заплачу.

Адриан сказал:

— Зрелище и вправду довольно отвратительное.

— Оно не просто отвратительное. Это, пожалуй, худшее, что я видел за свою жизнь, — сказал Аксель, а потом развернулся к воде.

— Ну, что ж, пора и честь знать!

— Стоять! — рявкнула Астрид.

— Это я могу тебе приказывать, а ты мне — не можешь.

— А ты меня ударь!

— Мне нужно движение, чтобы тебя убить.

— Хочешь посмотреть, кто из нас умрет?

— Кроме того, если ты не забыл, я могу остановить время.

— Не для меня, неудачник! Приказ, у нас есть приказ. Делия, пойдем. А вы можете оставаться в музее уродцев сколько захотите, натуралисты.

— Иди на хрен, Аксель!

— Мы должны выполнить приказ!

— Если я и выполню этот приказ, то только для того, чтобы этим мечом отрезать голову твоему Королю, — рявкнула Астрид.

Слово было сказано, я замерла и все замерли, и тишина, которая образовалась, была неприятной. Как тишина за секунду перед тем, как цунами обрушится на берег. А потом все заорали еще громче.

— Ты не смеешь ослушаться его приказа!

— Это ты не смеешь!

— В противном случае ты умрешь!

— Да я лучше умру, чем буду знать, что тут такое творится! Сначала Потерянные, потом это…

Астрид даже могла произнести слово «младенцы». Хотя именно младенцы в существах, как игрушки разложенных на полках, угадывались за всеми их уродствами безошибочно.

— И что ты будешь делать?! Куда пойдешь?!

— Да хоть к Потерянным!

— Прекратите!

— Делия, разве ты хочешь туда возвращаться?!

Все ругались так шумно, что мне захотелось зажать уши. А потом Герхард крикнул, неожиданно громко:

— Заткнитесь!

И все, может быть больше от неожиданности, чем из

исполнительности, замерли. Лица у всех стали удивленные, и впервые в нас промелькнуло что-то родственное, я видела, что какие-то черты у нас у всех общие. Это было забавно, но совершенно никак не соотносилось с серьезностью ситуации. Герхард казался злым, я впервые видела его таким. Черты его лица потеряли всю мягкость, и сейчас он казался похожим совсем на другого человека, которого я прежде не знала.

— Им нужна помощь, — сказал он мягче, и лицо его прояснилось.

— В смысле, помощь? — спросила Делия. Она явно была готова помогать этим существам, а я даже не знала, в силах ли я приблизиться к ним.

— Им нужны имена, — сказал Герхард. Мне захотелось смеяться. Вот уж имена последнее, что нужно было этим деткам. Может быть, им помогла бы аннигиляция, но уж точно не выбор имени. Я представила себя, называющей их, одного за одним, как счастливая родительница. Но лицо Герхарда оставалось серьезным, его светлый взгляд блуждал по полкам. Он сказал:

— Имя заявляет, что мы существуем.

— Напоминает плохую интерпретацию Гегеля.

Тут уже я обиделась:

— Гегель ничего подобного не писал, Аксель!

— Тогда очень плохую.

— Не начинайте, — повторил Герхард. — Я просто знаю. Позвать тебя, значит разбудить. Пока у тебя нет имени, ты в небытии. Мы ничем не можем помочь Жадине и другим Потерянным, потому что их больше никак не зовут. То есть у них есть имена, но их никто не знает. А у этих душ — нет еще никаких имен. Их можно назвать. А потом мы вернем их в исток Великой Реки. Как всех мертвых.

— Имя, то есть м-м-м, например, Эльза или Гуннар? — спросила Делия.

— Любое. Имя это не то, что в паспорте. Это кто ты такой. Если мы дадим им имена, они смогут войти в Великую Реку. Даже покалеченные, все равно смогут. А там — очистятся.

Мы все стояли молча, никто не решался. Я не решалась даже смотреть на этих существ. Мне было тошно и противно, и жалко их всех в то же время.

Герхард сделал шаг к полкам, и меня передернуло. Я не могла понять, как он может позволить себе приблизиться.

— Это Милый Малыш, это Гневный Малыш, это Малыш Скелет, это Лоботомированный Малыш, это Поврежденный позорный Малыш, это Зубастый Малыш, это Прогнивший Мясной Малыш, это Привлекательный Малыш, это Апатичный Малыш,

это Малыш со Странным ртом, это Хороший Малыш, это Облезший Малыш, это…

— Герхард! Заткнись! Их здесь полно!

— Да, поэтому не отрывай меня, у меня много работы.

Он подходил к младенцам, которые вызывали у меня отторжение, сравнимого с которым я прежде не чувствовала. У него было много работы. И тогда я сказала, указав на покрытую сыпью малышку.

— Сюзанна.

А потом на малыша со слюнявым раззявленным ртом.

— Карл.

И они зашевелились. Будто их замерзшие, едва подрагивавшие тела начали вдруг отогреваться. Они задергались, задвигались, залепетали, а потом заплакали. Я попыталась перекричать их:

— Стефан! — указала я на уродливого малыша поблизости. А потом имена полились с моего языка, я только кидала на малышей взгляд и выкрикивала, пытаясь перебороть плач проснувшихся:

— Эллиот! Анна! Йохан! Генрик! Эмиль! Ингрид!

Все они обретали имена, и крещендо криков разрывало мне голову. Я слышала, как Астрид кричит:

— Придурок!

Сначала я подумала, что она на кого-то ругается, скорее всего на Акселя. Но потом я поняла, что Астрид дает имена. Может быть, она слишком близко приняла к сердцу имя Жадины.

— Размазня! Маленькая тварь! Безмозглый младенчик! Козлина!

Последующие ее варианты были исключительно нецензурными. Я подумала, что истинные имена данные этим детям мной понравились бы им куда больше.

Адриан стоял с совершенно невозмутимым видом, иногда он подавал голос, не считая, что обязан перекрикивать кого-либо. Я услышала лишь два имени, данных им:

— Мария-Антуанетта. Калигула.

Он говорил и еще что-то, но перекричать тех же Марию-Антуанетту и Калигулу не старался. Делия выкрикивала с неожиданной яростью, как будто она Дейенерис, Матерь Драконов или кем она там себя считала:

— Бела Лугоши! Алдуин! Фредди Крюгер! Джейсон Вурхиз! Ленор!

Набор получался необычный. Дети шевелились, хотя я не могла себе представить, как существа, так сильно изуродованные могут вообще приходить в движение. И все же они оживали. Не

полностью, но их пронзительные крики, кажется, голову мне готовы были разорвать. Их здесь было много-много, и они все казались мертвыми или почти мертвыми.

Только Аксель стоял неподвижно, как главный герой «Бойцовского клуба», когда наблюдал, как рушатся дома. Я была даже уверена, что он подразумевал эту аллюзию. И что он только и ждал шанса взять Делию за руку.

Его лицо выражало целую гамму эмоций. И не то, чтобы мне очень хотелось смотреть на Акселя, но на младенцев я уже насмотрелась. Никогда не могла похвастаться тем, что хорошо разбираюсь в людях, но Аксель явно находился в бездне, так бы он сам это непременно охарактеризовал, смешанных чувств.

Я видела, что Аксель восхищается происходящим, он ведь никогда не дарил жизнь, только отнимал. Я видела, как он радуется тому, что видит. Я даже видела, что ему не окончательно все равно, и эти бедные души и в нем будет жалость. Я видела и то, что Аксель завидует нашей смелости. И то, что он не понимает, зачем мы это делаем.

Что для него все намного проще. Он бы никогда не совершил такого ради кого-то. Его мысли занимала причина, по которой решились на это мы. Он не понимал и не принимал такие аргументы, как жалость и сочувствие. Он понимал совсем другой язык, и в первую очередь это был язык власти.

И самое большое, что он мог сделать для этих бедных малышей — не назвать их, не дать им жизнь, а ослушаться приказа Неблагого Короля, может быть, впервые в жизни. И дать нам совершить это.

Наверное, это даже было намного больше, чем делали мы. Мне стало странно от того, что я понимаю Акселя. Я даже понимала, что он делал это не из чистых духовных порывов, а потому, что этого страстно хотела Делия. Я чувствовала, что при мне совершается какое-то таинство.

В Аркадии прежде нас некому было назвать этих существ. Теперь это были души, у которых есть имена. И их становилось все больше.

Я подумала, что не знаю, всеведущ и вездесущ ли Неблагой Король. Если да, почему он не здесь? А если нет, почему так часто, в другие, совершенно неважные моменты он оказывался рядом? Впрочем, я ведь даже не знала, как он выглядит и от этого он всегда казался мне страшнее, чем другим.

Наконец, я увидела, что Герхард замер. Он сел прямо на пол и обхватил голову руками, принялся раскачиваться. Ему явно было слишком шумно. Все закончилось, кроме бесконечных криков и плача. А Аксель тогда спросил, и его голос, на этот раз

не такой уж громкий, самым неожиданным образом был слышен всем, даже несмотря на визг младенцев.

— Довольны?

И Астрид сказала:

— Еще бы.

Они стояли ровно друг напротив друга. Я даже засмеялась, подумав, что они похожи на потерявших всякое терпение мужа и жену, готовых к разводу, ошалевших в маленькой квартире пятидесятых годов, среди моря детей.

И тогда я поняла, что все уже случилось. Назад дороги нет. А путь вперед был мне совершенно неясен. Я стояла в пустоте, и все остальные чувствовали себя примерно так же. Все вышло глупо и бестолково, то есть ровно так, чтобы я возненавидела этот поступок. Но я неожиданным образом ни о чем не жалела.

То, что мы сделали было правильным. И, наверное, даже единственно верным.

— И что вы теперь планируете делать? Сунулись в мастерскую Неблагого Короля, а дальше?

— Мастерская? — переспросила Астрид. Казалось, она сейчас зубы, как собака, обнажит.

— Вы испортили его вещи.

— Ах, вещи?

Но Аксель не обращал на нее никакого внимания.

— И чего вы добились? Пойдете перетаскивать младенцев к истоку Великой Реки? Вы сами скоро в ней окажетесь.

Но он не помешал нам, ведь не помешал, значит и для него во всем происходящем был смысл.

Астрид сказала:

— Ты считаешь, что все это правильно?

Чтобы перекричать младенцев, ей самой приходилось орать. У меня голова болела, было ощущение, что я засунула ее в турбину самолета.

— Так просто есть. Меня не волнует то, что правильно, а что нет. Как меня не будет волновать ваша смерть.

Это было неправдой или, в крайнем случае, не совсем правдой. Я видела, что Аксель волнуется. И даже оценила эту каплю, крохотную искру человеческого в нем. А потом все случилось очень быстро. Адриан взял со стены тяжелый радиоприемник, висевший на гвоздях, Аксель выхватил нож. И я подумала, Адриан ведь точно не успеет. Он стоял рядом с Астрид, а Аксель был за метр от него. Я уже представила, как Адриану в горло воткнется нож. Уже представила, как кровь хлынет из него, и я впервые увижу смерть человека. Надо же, мертвых людей я видела, а смерть нет. Делия и Герхард попытались удержать

Акселя, но он легко вывернулся. И ровно перед тем, как Аксель метнул бы нож, когда я уже совершенно точно знала, что ничего Адриан не успеет, он сделал то, чего я от него совсем не ожидала.

Тяжелый радиоприемник с деревянным, зловещим стуком, как земля по крышке гроба, сказала бы Делия, опустился Астрид на голову.

Я глазам своим не поверила, Астрид и Адриан был совершенно едины, казалось они читали мысли друг друга, и то, что я видела противоречило самым базовым моим установкам, касающимся личностей, целей и поступков Астрид и Адриана. Впрочем, умом я все понимала. Астрид не отреагировала никак, продолжая смотреть на Акселя. А через секунду глаза у Акселя стали затуманенными, он пошатнулся и упал. А Астрид обернулась к Адриану, показала ему большой палец, и я увидела у нее на голове небольшое кровавое пятно. Но Астрид будто бы было плевать. Она взяла флягу, выдавила остатки Крови Королей себе на язык, и рана медленно, но начала затягиваться.

Астрид сказала:

— А теперь давайте-ка сваливать отсюда, пока он не пришел в себя.

У меня было к ней море вопросов: куда мы пойдем? зачем она это сделала? что нам теперь делать?

Но я понимала, что лучше не задавать этих вопросов здесь и сейчас. Делия сказала:

— Ни хрена себе, как все обернулось.

Она переступила через Акселя, прошла по мокрому паркету и прыгнула в воду. Герхард опустился на корточки, пощупал его пульс, удовлетворенного кивнул.

— Да жив он, и так ему и надо, — сказала Астрид.

— Неправильно оставлять его здесь, — пожал плечами Герхард.

— Неправильно, — сказал Адриан. — Кинуть его сейчас в воду. А все остальное — вполне правильно. А теперь пойдем, пока он не вызывал своего папеньку.

— Но он же не вызывал, — сказал Герхард. — Хотя мог бы.

— На том ему и спасибо, — сказал Адриан. — Иначе был бы мертв.

Тут я не выдержала:

— Он жив, потому что ты не мог убить Астрид!

— Лучше оцени красоту нашего плана.

— Нашего? — переспросила я. Но Адриан сказал, что настолько не хочет об этом говорить, что уйдет в воду. Я последовала за ним. Герхард все еще сидел рядом с Акселем, а мне вот вовсе не хотелось быть поблизости, когда он проснется.

Астрид, видимо, поставила себе цель забрать Герхарда.

Я знала, что это должна была сделать я, но мне слишком хотелось оказаться подальше.

Дыхания едва хватило, чтобы проплыть через тоннель, так я волновалась. Вынырнув посреди кристаллов и льда, я глубоко вдохнула. Адриан и Делия помогли мне выбраться. Больше у нас Крови Королей не было, поэтому я почувствовала безудержную дрожь, и как сводит холода все тело. Мне казалось, что болела каждая моя клеточка. Герхард и Астрид выбрались самостоятельно, не прибегая к помощи остальных, и я почувствовала себя слабой.

Мы вышли из пещеры и, дрожа, шли назад. Я лично шла куда глаза глядят, видела спину Астрид, и только это было причиной, почему я шла вместе со всеми. Только когда мы подошли к ступеням, ведущим на гору, я поняла, что у нас есть какой-то план. Тогда я и спросила:

— Астрид?

Астрид передернула плечами и остановилась, и все мы остановились. Холод сделал нас полными болванами.

— У тебя есть какой-то план? — спросила Делия.

— У меня есть лучший план на земле.

Мы уже совершили непростительное, все думала я. Все уже случилось, спешить было некуда. Оставалось только покориться судьбе. Я вспомнила про земляничное поле, о котором рассказывала Делия. Меня прошил какой-то первобытный ужас при мысли о том, что оно и станет моим новым домом. Моим последним домом. Я думала и думала о том, как буду лежать под землей, и красные ягоды, будто наевшиеся моей крови, будут цвести надо мной.

Я ужасно боялась умереть сегодня. И только этот страх заставил меня забыть о холоде. Может быть, нам стоило вернуться к Потерянным? Сказать, что мы спасли их… младших братьев? Жадина знал, что мы можем помочь этим существам. И теперь, после компульсивного добра, мне хотелось причинить не менее компульсивное зло. Но я была зла не на Жадину, и даже не на Герхарда, а на себя. Стоило подумать головой и уйти оттуда, ничего не трогая, то есть не меняя. Жадина был прав, говоря, что нам нужно только посмотреть.

А теперь мы испортили вещи Неблагого Короля, и все должно было развиваться, как в сказке о Синей Бороде. Мы полезли туда, куда не нужно было и сделали то, чего не стоило.

Я глубоко вдохнула и поняла, что на самом деле вряд ли эти младенцы были так уж ему нужны. Они были не больше, чем сувениры на полочке. Да, мы ослушались, тронули его вещи, но

вполне возможно, что это вовсе не повод нас убивать.

А потом Астрид сказала:

— Мы убьем Неблагого Короля.

И я отлично, в самой сути своей, понимала, почему Астрид этого хотела и даже почему это сказала. Она хотела этого, потому что, как и я, видела в нем истинное зло, а еще большее зло видела в себе, которая ему служила. В том, что все мы ему покорились, в том, что ничего не сделали для того, чтобы его остановить. То, что мы видели было неосмысляемо, и с каждой секундой я все больше понимала, что смириться с этим нельзя.

Вот почему Астрид этого хотела. Потому что очень просто захотеть уничтожить великий ужас, потому что когда мир разделен на добро и зло, никаких других вариантов не остается. Или нужно нести ответственность за это зло, отказавшись его остановить.

Нужно будет нести ответственность, когда зло победит.

Астрид не хотела этого. Я понимала, как она думает. А вот зачем она это сказала: потому что лучше умереть в бою, чем на коленях. По крайней мере, если ты Астрид.

Что думала об этом Констанция, я не понимала. Констанция, судя по всему, очень замерзла и хотела домой.

— Аксель же сказал, что этот меч может убить Благого Короля. А значит, он может убить и Неблагого Короля. У них были одинаковые мечи. Тот, который принадлежал чокнутому деду, улетел в пропасть, а тот, который принадлежал благородному деду, остался здесь. Мы найдем этот меч и прикончим его. Нас много! У нас есть магия!

— Разве он не всесилен? — спросила Делия.

А потом я заметила, что мы поднимаемся по лестнице. Что мы вовсе не обсуждаем все, стоя у подножья горы, а идем вверх. Будто мы все уже решили. Впрочем, забираться вверх было довольно долго, так что стоило начинать скорее. Кроме того, полезно будет в любом случае забрать этот меч, выполнить приказ, по крайней мере.

Но кого я обманывала? Я не хотела выполнять чертов приказ. Я просто хотела положить всему этому конец. Мы ведь могли раз и навсегда победить смерть. Я вспомнила цитату из Послания Коринфянам, которую зачитывали на какой-то из бесконечных служб, куда водили меня родители. И хотя я не стала истовой католичкой, одну фразу я запомнила.

«Последний же враг истребится — смерть.»

— Серьезно? Вы хотите убить чувака, который вроде как первый человек на земле и сама смерть? — спросила Делия.

И по ее голосу я поняла, что на самом-то деле идея ей очень нравится. Герхард сказал:

— Я не думаю, что убийство, это выход.

— Но убийство смерти, Герхард, дорогой, это выход, — пожал плечами Адриан. — Мы и так его разозлили. Не думаю, что он отличается легким нравом и все нам простит.

А мне казалось, будто какая-то сила ведет меня вверх по лестнице, едва ли не за шкирку, а что до меня — я просто ищу оправдания себе, поддающейся этой силе.

Я сказала:

— Даже если бы это была хорошая идея, с чего мы взяли, что могли бы убить его? С чего мы взяли, что сделаем то, что никто другой не сделает.

— Потому что мы здесь не зря, — сказал Герхард. — Я думаю, что не только он хотел, чтобы мы здесь были. Наверное, не он хотел, чтобы мы вообще появились на свет.

И я поняла, о ком он говорит. О том, другом Короле.

— Я думаю, что это он нам помогает. Он уже помог Астрид.

— Мне вовсе не нужно было помогать! — взвилась Астрид. Но Герхард только мотнул головой. Астрид продолжила:

— В любом случае, мы наделали глупостей. Лучшим выходом будет взять меч, потом взять младенцев, сплавить их в реку и вступить в бой!

— С младенцами? — хмыкнула Делия. А я заметила, что без Акселя как-то почти одиноко. Не хватало его реплики, которая в разговоре пришлась бы как всегда не к месту. Мне было жаль, что он сейчас не с нами.

— Мне кажется, что это самый бессмысленный план на свете, — сказала я, но в глубине души мне было все равно. Я освободилась, когда помогла этим дурацким младенцам. Не сразу, но я освободилась от страха, от ожидания, от тревоги. Была, наконец, только я.

Мы поднимались все выше, ступеньки были скользкие, и я вся дрожала. Я подумала, каким же образом мы будем сражаться. А потом я увидела, как воинственна Астрид и поняла, что сражаться будет она.

Шпиль башни приближался, и теперь я видела, что никаких окон там не было. Это была игла, вонзающаяся в небо, она, будто кокон, состояла из нитей. Я не понимала, из чего он сделаны. Это мог быть столь мастерски скроенный камень, могла быть кость, как в поселениях Потерянных, но не ассоциировалось ни с тем, ни с другим. Материал казался мне похожим на воск, но должен был быть намного тверже. Я попыталась вызвать знания о нем, но не смогла.

— Признай, Астрид, — услышала я голос Делии. — Вы просто испугались, поэтому вырубили Акселя.

— Для испуганных людей мы действовали на редкость разумно, — сказал Адриан.

— Прекрати восхвалять свои глупости.

— Это ты совершил глупость, Герхард, начав называть чужие вещи.

— Я сделал хорошее дело.

— А я сделал хорошее дело, избавив нас от Акселя. Он бы позвал Неблагого Короля.

Путь наверх казался бесконечным и в то же время недостаточно далеким. Издалека гора казалась больше. Солнце вошло в зенит, и его бледный глаз уставился на нас с середины неба. Мы все ближе подходили к башне, а ступеньки все труднее были различимы из-за снега. Я с облегчением вспомнила, что Неблагой Король не мог войти в саму башню, поэтому и послал нас. Что ж, если все пойдет совсем плохо, можно будет остаться там жить.

Впрочем, вряд ли это было хорошей идеей на ближайшую вечность.

Когда мы поднялись к башне, я увидела, что она — дышит. Сплетение белых нитей, из которых она была сделана, словно было живым. Оно легонько пульсировало, будто это были белые, крепкие сосуды, составлявшие ее. Гигантский, чуждый организм, как атолл, который коронуют губчатые кораллы.

Мы замерли, запрокинув головы вверх. Шпиль башни будто пронзал солнце.

— Здесь все случилось. Бой. Вон там, — Герхард показал рукой в сторону бескрайней снежной пустыни. Вершина горы была плоской, широкой, как большое, покрытое белым поле.

Я посмотрела за горизонт и увидела там высокий, неспокойный океан. А дальше ничего не было. Так и заканчивалась Аркадия.

Мы все, не сговариваясь, остановились. Нужно было сделать еще пару шагов, чтобы оказаться под сенью дышащей башни. Нужно было приложить еще немного усилий. Герхард сказал:

— Мы ведь хотим домой.

— Я об этом не вспоминала, — пожала плечами Делия. — Но между смертью и возвращением домой я, пожалуй, выберу возвращение домой.

Все мы были наслышаны о Детях Неблагого Короля, которых он приносил в жертву по ничтожнейшим поводам.

Астрид сказала:

— В любом случае, мы должны быть смелыми, разве нет?

Она первая вошла в башню, пролезла между двумя скоплениями нитей, которые будто расступились, пропуская ее. Я услышала странные, тихие звуки — так воздух проходит в легкие при дыхании, с неясным, почти неощутимым свистом.

Внутри не было никакой мебели, лестницы или чего-то такого, что ожидаешь увидеть в помещении. Просторный зал не имел пола, под нашими ногами был снег, а над нами тянулись ввысь нити, образующие башню. Я коснулась одной из них, она оказалась твердая, но гибкая. Как мышца. Она задвигалась, и я отдернула руку.

Это не было нечто до предела физиологическое, хотя оно не кровило, не истекало слизью. Но оно определенно было живым. Я подумала, что некоторое время нам придется искать меч, но он оказался на самом видном месте. Его сжимало, будто в руке, очередное скопление нитей. Оно поддерживало его, словно постамент. У меча была золотая рукоять, такая красивая, и я не сомневалась, удобная.

И бриллиантовое лезвие, казалось, готово было взрезать не то что металл, но даже саму смерть. Солнце, лившееся сквозь щели в башне, танцевало внутри меча. Я удивилась и восхитилась его красотой.

Нам нужно было прийти за ним, даже если это стоило бы нам жизней, настолько он был красив. Казалось, в каждой его грани тонут самые удивительные вещи на земле — зелень лета, синева моря, красная ярость огня. Он переливался намного ярче, чем это было физически возможно. В нем были не призраки цветов, как в земных бриллиантах, а их прообразы.

То, из чего была сделана эта вещь могло быть древнее самой земли.

А потом все потемнело, так резко и быстро, что даже меч поблек. И пришло ощущение, к которому невозможно было привыкнуть.

Ощущение присутствия Неблагого Короля.

Глава 20

Я метнулась к мечу, представляя себя никак не меньше, чем королем Артуром. Как только я коснулась рукояти, волокна, крепко сжимавшие меч, расслабились, опали. Рукоять оказалась теплой и подходящей моей ладони просто идеально.

Я понятия не имела, правильно ли мы поступаем. Но я была вдохновлена, как никогда. Возможно я, восемнадцатилетняя Астрид из Копенгагена, могла бы сделать для мира намного больше, чем все известные полководцы, врачи и законодатели. Я могла построить лучший мир.

Мы все держались рядом, перепуганные наступившей темнотой. Но я знала, что я смогу сражаться. Последние отблески исчезающего солнца исчезли, утонули в бриллиантовом лезвии меча. Я выставила его вперед, крепко обхватив рукоять. Небо, которое было видно в просветах между нитями, менялось. Вся утренняя, зимняя прозрачность исчезла из него, оно становилось темнее, и вместо солнца сверху в белую башню, в живую башню, заглядывала ягода красной звезды. Спецэффекты были недурны, я это признавала. Но струсить мне не захотелось ни на секунду.

Зато я видела, как хотелось Констанции. Она переглянулась с Делией. Девочки благоразумно держались от меня подальше, и я их понимала, и мне даже было их жалко.

Но то, что я могла сделать с помощью этого меча ведь было намного ценнее моей жизни и даже их жизней. Я сделала шаг вперед, и в этот момент за ненадежными, подвижными и несплошными стенами башни мелькнула какая-то тень.

Констанция завизжала, хотя я не понимала, что страшного в том, кого мы все ждали. И чье присутствие все мы чувствовали. Тень скользила вокруг. Он прохаживался рядом с башней, и я услышала, как Неблагой Король насвистывает какую-то странную, атональную мелодию. Все стихло, я, казалось, дыхания собственного не слышала, а его — слышала.

Он, как и всякий порядочный злодей, появился в свое время, композиционно он был очень к месту. Только он не мог проникнуть внутрь. Кажется, Констанция тоже это заметила. Она приложила руку к губам, будто молилась.

Адриан спросил меня:

— Ты уверена, дорогая?

А я была уверена, как никогда и кивнула.

— Дети, дети, дети, — сказал Неблагой Король. — Какие глупости вы себе напридумывали!

Он ни на секунду не прекращал движение. Он ходил по кругу,

как стрелка часов, ровно и неостановимо. Иногда мне казалось, будто в щели между волокнами башни, кружевными, сцепленными друг с другом, проникают тени, проникают, и тут же, будто обожженные, дергаются обратно.

— Неужели вы считаете, что я такого уровня чудовище, что за ваши безобидные шалости, уничтожу ваши же жизни?

Голос его раздавался будто внутри, в помещении, а тень, расхаживавшая снаружи оставалась молчаливой, у нее было только движение.

— Выходите! И мы договоримся! Мы с вами сможем друг друга понять!

Нужно было заманить его поближе. Пообещать выйти и проткнуть ему глотку. В теории все было очень просто.

— Хорошо! — крикнула я. — Мы выходим!

— Но мы же не выходим! — сказал Герхард, а Адриан отвесил ему подзатыльник.

— Мы забрали меч! — крикнула я. Конечно, он ведь не мог сюда войти. Он в такой же патовой ситуации, как и мы.

— А как же наши гарантии, что мы не умрем? — спросил Адриан. — В противном случае я вот совершенно не против здесь посидеть.

— Вечно! — сказала Констанция.

— И, кроме того, помогите Акселю, ему сейчас плохо!

— О, мне, как и всем вам, сейчас не до Акселя! — засмеялся Неблагой Король. — Но у вас есть кое-что, что нужно мне. А у меня есть кое-что, что нужно вам! Свобода, детки! Полная свобода! Хотите ее получить?

А я думала, скольким ты обещал свободу, а? Сколько там из них, наших теть и дядь бесконечных, уже сдохли и лежат?

И сказала:

— Отпустишь нас домой?

— Всенепременно отпущу! Только отдайте меч!

Голос его был почти издевательски-елейным, будто он и не пытался сделать вид, что говорит правду, будто он был героем плохого фильма, где авторы с самого начала дают понять, что случится в конце. Я сделала пару шагов к выходу, и тень резко метнулась в другую сторону. Я вздрогнула и почувствовала, как вздрогнул Адриан. Мы оба остановились.

— Ну что же вы, что же вы, дети? Неужели мы совсем не видим друг в друге равных партнеров?

Он засмеялся, и голос его зазвенел о кости моего черепа, присутствуя внутри, будто я сходила с ума. Я даже так подумала — на секунду. У меня онейроидный синдром или как там это называется, и всю эту Аркадию я вижу вместо больничной стены.

Констанция бы обрадовалась, но я — точно нет. У меня был шанс стать героиней. И как до меня раньше не дошло, что стоило бы ему получить меч, он бы все равно нас убил?

Мы его не интересовали, его интересовала кровь Благого Короля в нас. Наверняка, пытался забрать его меч, как только Благой Король заснул, но он оказался здесь. Хотел завладеть его силой, хотел его убить, хотел всех нас убить.

В этот момент я услышала скрежет. Чьи-то когти, казалось, раздирали башню. Звук шел будто бы со всех сторон, обнимал все здание. Я увидела, как одна из нитей надтреснула, и тяжелое дыхание башни, ее медленная пульсация на секунду прервались.

Мы ведь не могли ждать здесь вечно. Да и кого нам было ждать? Я обернулась к ребятам. Герхард кивнул мне, как будто знал, что я хочу спросить. Делия сложила руки на груди с таким видом, будто ей абсолютно все равно, что будет. Констанция жалась к стене, а потом, услышав очередной взвизг когтей, кидалась вперед. Мне стало жалко ее, и я подумала, что все скорее нужно заканчивать любым путем. На Адриана я смотреть не стала. Я знала, что он поддержит меня, когда я пойду. И я пошла.

— Мы выходим!

Я не знаю, зачем я соврала, ведь выходила только я. Мне хотелось защитить моих друзей, но так же хотелось, чтобы они могли броситься на него вместе со мной. А рядом был только Адриан.

Тень в мгновение ока оказалась у выхода. Она впервые за это время оформилась и стала напоминать человеческую. Неблагой Король сказал мне:

— Только давай ты не будешь делать глупостей, Астрид, дорогая?

Он сказал ровно то, что сказал бы Адриан, я скривилась от злости.

— Ты же не хочешь, чтобы все закончилось трагедией?

Я хотела, чтобы все закончилось триумфом, но это была слишком пафосная фраза, которую нельзя было произнести, если ты не находишься в фэнтезийном боевике, на который большинство зрителей пришло из-за того, что погода на улице окончательно испортилась. Поэтому я сказала просто:

— Никаких глупостей, мой Король.

Жуткий страх охватил меня у самого выхода. Я подумала, что сейчас все случится очень быстро. Я буду вылезать из этого хитросплетения волокон неизвестного науке материала, и тут нож вонзится мне под горло или, может быть, я просто почувствую удушье, и все закончится очень быстро.

А потом я услышала голос Адриана. Он шепнул мне на ухо:

— Ничего не бойся.

И я ничего не стала бояться. Я перехватила меч поудобнее и рубанула по пульсирующим волокнам. Я не хотела быть уязвимой, когда буду покидать башню. По крайней мере, сразу же умереть будет совсем обидно.

Вот так вот расплачиваются люди за свою глупость, которой иногда являются в том числе и добрые дела.

Материал, казавшийся твердым как камень, несмотря на свою подвижность и подобие жизни, разошелся под лезвием меча, как ткань. Неблагой Король стоял передо мной. Он был так близко, что я могла бы ощутить его дыхание, если бы только оно у него было. Я подумала, вот оно — сражение с чудовищем. А потом что-то блеснуло, заискрилось и устремилось прямо на меня. Это однозначно был огонь, и я знала, что от него не защититься так просто, и что у меня не будет времени, чтобы избежать его широкой волны, и отчего-то, не понимая, что все может так и закончиться, я выставила меч, как бейсбольную биту, словно я готовилась отбить мяч. Натолкнувшись на бриллиантовое лезвие, огонь развернулся вспять, словно поток света, отразившийся от линзы в учебнике по физике. С ревом он ринулся в сторону Неблагого Короля, но он лишь двинул рукой, будто отмахнулся от назойливой и незначительной мошки. Огонь угас, зато меч заблестел.

Тогда я улыбнулась. Теперь я была готова сражаться, и страх ушел.

Я сделала выпад, но он легко парировал. В его руке появился меч, как будто полностью из тьмы состоящий, тени сплетались в нем, словно волокна того загадочного материала из которого была сделана башня. Мой меч ударился о его, и раздалось шипение, будто доносящееся из пробирки на уроке химии. Мой меч остался неповрежденным, а вот меч Неблагого Короля будто кислотой разъело. И хотя бреши в нем в секунду залатались будто сами собой, я поняла, что мое оружие — лучше.

Но он был намного более умелым. У него, если верить антропологам, было не меньше сорока тысяч лет практики. И он был очень быстрым.

Я успевала блокировать его удары, скорее чудом, чем благодаря каким-либо умениям. Мне очень хотелось победить, и только это позволяло мне не проиграть.

— Ах, Астрид, неужели должно было этим кончиться? — спросил он. Тон у него был совершенно светский, и это очень меня насмешило. Я шаг за шагом отступала назад, но когда я рванулась ко входу в башню, он едва не отрезал мне руку. Я

продолжила отступать, стараясь не отходить далеко от башни, я шла по кругу, а он надо мной смеялся.

— Думаешь, Астрид, ты победишь? Столь юная особа, обладающая столь поразительной самоуверенностью встречается мне в первый раз!

Он никогда бы не понял. Я могла и не победить, а теперь и вовсе была почти уверена в том, что проиграю. Но я должна была попробовать.

— Почему ты не сдалась? — спросил он, почти с сочувствием. Словно кичился тем, что для него это все — ничто, что вовсе он не устал. А вот мое дыхание сбилось, колени подкашивались от волнения, но я была сосредоточена исключительно на мече, и только поэтому все еще была жива. Я выпалила:

— Потому что я вам не верю!

— Разумное решение, — сказал он. — Осторожнее, не упади. Там — Исток.

Я услышала близкий и громкий шум воды, но оборачиваться не стала. Только двигайся, пока двигаешься — будешь жива. При этом я старалась не сосредотачивать мысли на движениях, дать телу самому управлять ими с помощью зрения и рук. В компьютерных играх у меня всегда так бывало, я была сосредоточена каким-то особенным, физическим вниманием, думала о своем и никогда не проигрывала. Но стоило мне хоть чуть-чуть обратить внимание на результат, как пальцы будто становились каменными, а внимание притуплялось. Адриан говорил, я начинаю невротизировать процесс.

Так что сейчас я старалась думать о чем угодно, только не о движениях моих рук. А Неблагой Король, казалось, расслаблялся, движения его были легкие, он о них не задумывался вообще, так люди подкуривают сигарету, будучи не вполне трезвы — по-пижонски изящно и совершенно бессмысленно.

Я подумала, надо же, умру в одиночестве. А ведь я всегда думала, что рядом будет Адриан. Впрочем, ему нужно было оставаться в безопасности. Он знал, что так будет лучше, и я это знала. Хотела бы я, чтобы он увидел, как я умираю? Нет! Но я бы хотела, чтобы он увидел, как я убиваю.

Я совершила выпад, впервые за некоторое время опьяненная счастьем успешной атаки. Меч пронзил Неблагому Королю бок. Рана была как голодная пасть, в которую уже ничего не лезло, но которая еще не насытилась. Кровь утекала сквозь нее, а рана сокращалась от движения, словно пытаясь ее удержать. Я смотрела на это, перепуганная тем, что сделала и в то же время счастливая этим. И я забыла, что это все — еще не победа. Только на секунду, но этого хватило, чтобы меч полоснул мое плечо. И

именно в то же место, куда вошел клинок Жадины.

Я не почувствовала никакой боли, но и Неблагой Король не скривился. Что касается моего состояния, магия работала, но на него, наверное, повлиять не могла. Я даже не испугалась, просто очень удивилась. Тени проникли под рану, и я увидела, как они охватывают мою руку, сжимавшую клинок.

Неблагой Король пинком повалил меня на землю, и я, последним движением умирающей, по крайней мере мне так казалось, руки, отшвырнула меч, который был так ему нужен, назад, туда где раздавался шум воды. Я запрокинула голову и увидела исток Великой Реки. Два водопада стремились вниз с горы, будто в бездну срывались два потока, золотой был такой яркий на фоне белого снега, такой теплый. Чистая магия била в нем, и я чувствовал звон и жар, доходившие от этой магии и сюда. То, что извергал второй водопад сложно было назвать жидкостью. Скорее это были клубы дыма, принимавшие то и дело отчетливые, человеческие очертания. Дым заволакивал многое, если не все, поэтому никого было не различить в полной мере. Похоже на эксперименты с жидким азотом, которые химики-любители обожали снимать на видео и выставлять в интернете — выглядит интересно, дыма много, но за из-за него ничего, собственно, не понять. Оба потока сливались в единый шквал, рушившийся вниз.

Это и есть жизнь, подумала я. И смерть тоже. Еще я подумала, что скоро там окажусь, а потом двинусь вниз. Мой меч, а вернее меч моего деда, мне доставшийся по случайности, пролетел над землей и готов был рухнуть в пропасть и раствориться в Великой Реке, как все так растворяется, но ровно перед тем, как инерция его полета закончилась, и он устремился бы вниз, меч замер, впитывая в себя свет красной звезды. И я подумала, что этот меч вот еще что умеет. А потом увидела, как капли крови Неблагого Короля, которые должны были стремиться вниз, тоже замерли, похожие на разрозненные ягодки, отъединенные от грозди. И тогда я поняла, что в одиночестве не умру. А еще через секунду я увидела Адриана. Он перехватил меч, он был готов продолжать. Но я не обрадовалась, я испугалась. И еще я понял, что не мертва. Герхард оттолкнул от меня Неблагого Короля, и я попыталась встать, но не смогла. У меня были лишь секунды, но я не могла воспользоваться ими. Я скосила взгляд на свою руку, тени распространялись все дальше, и я не могла ей пошевелить, словно ее удерживали уродливые пальцы теней, внутри все было мертвым, рука не двигалась, и я ничего в ней не ощущала. Но тени не только проникли в руку, они пустили корни в снег и в землю, и как я ни пыталась встать,

видимо это было возможно только если бы я оставила здесь руку. Рывки не отзывались болью, и я продолжала пытаться, даже раздался ощутимый хруст, может что-то себе и потянула, но тени только сильнее тянули меня к земле, связывали. Они добрались до моей кисти, укутав ее, как бархат перчатки, вырвавшись из-под ногтей, тени устремились в снег. Я чувствовала себя куклой, неумело пришитой к ткани какой-то злой девочкой.

Адриан бросился к Неблагому Королю, Герхард, безоружный, наоборот отскочил. Я увидела Констанцию и Делию. Они пришли спасать меня, хотя это было и глупо. Констанция Неблагого Короля даже увидеть не могла. Но и я бы тоже пришла их спасать.

Я улыбнулась, сквозь слезы, навернувшиеся от усталости и страха. Меч Неблагого Короля и меч Благого Короля в руке Адриана встретились, снова раздались шипение и треск. Герхард бросился на Неблагого Короля, а я, чтобы сделать хоть что-то, нащупала под снегом камень, швырнула его, попав точно в оставленную мной рану. Девочки некоторое время медлили, а потом тоже кинулись к нему, Констанция явно ориентировалась на Делию. С ними у Адриана были все шансы. Неблагой Король одним движением меча снял корону с головы Констанции, больше ему ничего делать было не нужно, Констанция повалилась на землю, хватаясь за горло, казалось, она готова была ногтями его себе разодрать, лишь бы вдохнуть.

— Дети, совершенно ни к чему эти грубости, — сказал Неблагой Король. Его голос все еще оставался насмешливым, хотя рана, оставленная мной, не переставала кровоточить.

А в следующую секунду не было уже никакого Неблагого Короля, по крайней мере такого, каким мы привыкли его видеть. Он не изменялся как оборотень, он просто стал другим, будто на щелчок пальцев, как сменившаяся в воображении картинка, совершенно не завися от реальности. Делия и Герхард отлетели в сторону от одного движения существа, которое стояло теперь перед Адрианом.

И тогда-то я поняла, что именно Неблагой Король делал все эти годы, зачем ему все эти камушки, кормившие его магией и слуги, и изуродованные игрушки. Он сам себя кроил. Существо было огромным, похожим на кусок вязкой, черной, текучей, блестящей смолы из которой торчали подобные лапкам насекомых конечности. Некоторые из них были тонкие, острые, приспособленные быть оружием, другие — носили это необъятное тело. Я видела и многочисленные, посеянные всюду фасетчатые глаза. Казалось, будто какой-то мальчишка соединил сотню насекомых в липкой, отвратительной смоле или гудроне. Одуряюще пахло медом, и я подумала — вовсе никакая это не

смола, это мед, магия, он просто стал черным от злобы и безумия Неблагого Короля. Иногда из смолы выглядывали, высовывались на длинных, костяных шеях пасти с острыми зубами и несоразмерно большими, слюнявыми языками. У существа не было никакой определенной формы, нельзя было сказать, где его голова, где спина, всюду было нагромождение частей тела, в которых я узнавала бесчисленных монстров, населявших Аркадию.

И именно с этим существом предстояло сражаться Адриану.

Я почувствовала, что становится еще темнее, и даже краснота на небе блекла, угасала. Слабость одолевала меня, накрывала, почти приятная, как теплое одеяло, под которым душно и в то же время очень уютно. Сердце мое билось тем не менее упрямо и болезненно. Я не могла повернуть голову, рука намертво прилипла к снегу. Теперь, я была уверена, тени забираются мне в горло.

Никакого меча у Неблагого Короля больше не было, однако острые лапки, на концах у которых были лезвия, выдвигались вперед, будто приобретая дополнительные суставы, или что там у насекомых.

Мы с Констанцией лежали друг напротив друга. Минус два, подумала я. Кинжалы Герхарда и Делии не причиняли существу никакого вреда, разве что отбивали атаки его быстрых ножек. Адриан воткнул меч, вытащил его, он был испачкан в черной, липкой слизи. Но рана тут же затянулась. Это и не рана была, так, брешь в меде, в магии, из которой сделан был Неблагой Король.

Он почти не сопротивлялся, Адриан снова и снова полосовал мечом это липкое тело, но не мог причинить Неблагому Королю никакого вреда.

Но у меня же получалось, думала я, и слезы наворачивались на глаза. В какой-то момент существо выбило из руки Герхарда кинжал, легко, будто все предыдущее было только игрой. Из черноты, окружавшей его, вырвался острый, хитиновый крюк, он вошел под ребра Герхарда с хрустом, который услышала даже я.

— Герхард! — крикнула Делия. И тогда остались только она и Адриана. Неблагой Король отбросил Герхарда, и он ударился о снег, и я подумала, сколько из него сейчас вытечет крови. А из меня — ни капельки, но мы оба умрем. Герхард крикнул, и я увидела брызги крови, срывающиеся с его губ. Зрение вообще стало ярче, острее, я так и поняла, что все заканчивается.

— Сердце! Я все знаю! Это как в сказках! Ищи его сердце!

Слова его были еще более неразборчивыми, чем обычно, и я сама удивилась, что поняла их. И очень надеялась, что понял

Адриан.

Сердце, сердце, чертово сердце. Я хотела найти его сама, для Адриана. И хотя язык уже начинал неметь, я надеялась, что успею справиться. Сначала в густой, черной массе я не различала ничего. Продирающиеся сквозь нее и исчезающие лапы — не в счет. Мерзость какая, словно внутри испытывали муки рождения сотни гигантских насекомых. Где было это гребаное сердце? Все пульсировало, двигалось, извивалось. Мой взгляд никак не мог сосредоточиться, выхватить нужное. Тогда я попыталась отметить хотя бы что-то неизменное в этом текучем образе. И тут мне в голову пришла мысль — сердце ведь может выглядеть не как сердце, не давать никаких подсказок. И я увидела, что по всему телу этого существа тут и там путешествует, возникая и исчезая, отросток совершенно нефункциональный — сплетенные друг с другом в единый, тесный клубок извивающиеся черви. Длинные, похожие на дождевых и могильных одновременно, жирные. Они напомнили мне материал, из которого была создана башня. А, может быть, и являлись им. Я тут же захотела крикнуть, что сердце, вот оно. Червивое сердце, сердце Короля Червей! Бей в него Адриан, бей!

Но голоса не было, язык не двигался, как бы я ни старалась, и даже рот открыть не получалось, будто его зашили. Я была так близко к тому, чтобы спасти Адриана, и я не могла. Сердце появилось перед ним, и тут же снова утонуло, будто подразнив. Адриан отрубал лапу за лапой, меч легко их резал, но все новые вылезали, вылуплялись из густого, черного сиропа, похожего на мерзкую лакрицу.

В очередной раз, когда Адриан срезал какие-то странные части тела, похожие на жвала, одна из лап перехватила его, отбросила к стене башни. Адриан ударился об нее, и тут же сполз вниз, уже совершенно бессознательный. И я только надеялась, что бессознательный, а вовсе не мертвый. Я увидела, как с уголка его губ стекает кровь.

Для меня тоже все заканчивалось, дышать становилось тяжелее, тени проникали в легкие, и я знала, что очень скоро они сожмут мое сердце. Оставалось только надеяться, что я перестану дышать раньше. Вот к чему я всех привела. Делия метнулась к Адриану и мечу, но Неблагой Король перехватил ее, зажал ее руки в одной из своих огромных пастей, из-под острых зубов потекла кровь.

Делия вырывалась, дергалась, и я надеялась, что каким-то чудом, даже лишившись кожи на запястьях, она сумеет выскользнуть. Высунулись и другие пасти, раскрылись, и из них, неподвижных, будто они были лишь устройствами

воспроизведения, полился звук.

— Хватит, хватит, детишки. Так было со всеми до вас и со всеми, кто будет после. И, конечно, спасибо за меч. Вот твоя награда, Делия, за хорошо проделанную работу.

Голос был чудовищен. Даже не голос, а голоса, все они выли одновременно, разные, хриплые и визгливые, механические и больше напоминающие звериные. Голоса многочисленные и громкие, поглотившие все. Острота зрения теперь окончательно меня покидала, все расплывалось, и я видела только движение, но цеплялась за него. Удушье из нестерпимого стало легким, незаметным, и все ускользало.

Последним, что я увидела, перед тем как окончательно потерять сознание, а может и жизнь вместе с ним, были существо, вдруг замершее, как будто кто-то поставил фильм на паузу, выгнувшееся неестественно настолько, насколько это могло быть для существа, даже не имевшего определенной формы. Мне в голову пришла мысль, которая показалась мне глупой и почти смешной: так умирают драконы. Хотя с чего бы им умирать?

Пасти существа вдруг снова разжались и издали страшный в своем отчаянии крик. Делия выскользнула из его хватки и упала на землю, ее руки были изранены, но она определенно была жива.

Мысль эта была успокаивающей. И все поблекло, а я успела подумать, что умирая ощущаю себя так, словно не досмотрела интересный фильм.

А потом и глупостей не осталось.

Глава 21

Я сначала подумала: вот, я умираю, а это даже сфотографировать некому. Впрочем и смерть, наверное, будет не самая эстетичная. Я смотрела в эти огромные пасти на вытянутых костях, похожих на набалдашники тростей. Представляла, как они вцепятся в меня, розовые, слюнявые бездны. Я не могла думать ни о чем другом, я, казалось, забыла о настоящей боли в запястьях, сжатых зубами, но вот боль, которая ожидала меня уже фантомом бродила по всему телу.

А потом существо, в которое превратился Неблагой Король, взвыло так, что я едва слух не потеряла, его отчаянный голос воем отозвался внутри, гудел, как ветер в моих костях, я физически ощущала его. Расслабились челюсти, и я выскользнула, необычайно плавно, как в замедленной съемке, и упала на землю, уже быстро. Руки были окровавлены, и, наверное, на моих запястьях навсегда останутся шрамы.

А существо, всем телом, в последний раз, напряглось и свалилось набок, больше не дернувшись ни разу. Я быстро вскочила на ноги, сделала шаг назад. Мы стояли друг напротив друга, я и Аксель. В одной руке у него был меч, а в другой — сплетенные друг с другом черви, длинные и непрестанно двигающиеся. Их было много, и они составляли нечто единое, по силуэту похожее, хоть и отдаленно, на человеческое сердце. Черный мед лился с пальцев Акселя и с меча Благого Короля.

Аксель улыбнулся, совершенно очаровательным образом. Он сказал:

— Привет.

И я сказала:

— Привет.

Вот тогда я поняла, что все закончилось. Я хотела снова посмотреть на существо, чтобы убедиться в том, что оно не двигается. Мне не верилось, что мы можем убить столь древнюю тварь. Не верилось, что все может произойти так просто и достаточно будет меча.

Вместо склизкого чудовища со множеством частей, фасеточными глазами, рассредоточенными по вязкой плоти, на снегу, заляпанном черным медом, лежал Неблагой Король в его человеческом, импозантном виде. Только теперь я поняла, на что похожа была его одежда. Он словно заранее продумал свой собственный похоронный костюм и ходил в нем все это время. Даже стрелки на его брюках остались идеальными, только там, где сердце, красовалась дыра, внутри которой алела плоть. Его

червивое сердце сжимал в руке Аксель. Неблагой Король улыбался расслабленной, умиротворенной улыбкой, будто даже смерть не могла испортить ему настроение. Я захотела присесть рядом с ним на колени и нащупать его пульс, но испугалась, что он, как в фильмах ужасов, откроет свои желто-алые глаза. Я посмотрела на Акселя и сказала еще:

— Спасибо.

А он сказал:

— О, я сделал это исключительно, потому что в последнее время меня не устраивали условия работы. Если ты думаешь, что я способен испытывать жалость или склонен к командной работе, или даже просто не обижен на Астрид, ты ошибаешься.

А потом он подался ко мне, и мы поцеловались. Я, наверное, очень боялась умереть, потому что целовалась жадно и долго, целовалась до головокружения от нехватки воздуха и до искусанных губ. И отстранилась я так же резко, как подалась к Акселю — в один момент. Я вспомнила, что мои братья и сестры — мертвы или в большой беде. Я метнулась к Констанции, она была бледная, ее губы казались синими от нехватки крови. Она не дышала. Я надела на нее корону, заботливо прижала ее к макушке Констанции, но ничего не произошло.

— Констанция, — позвала я. — Констанция!

Я и не заметила, что из глаз у меня льются слезы. Констанция не отозвалась, и я этому не удивилась, но внутри у меня загорелась злоба. Я ударила Констанцию по холодной щеке.

— Очнись!

Но я знала, что и это не сработает. Просто нужно было куда-то выместить поток ярости, грозивший меня снести. Я на коленях отползла к Герхарду. Его глаза были открыты, и я удивилась, насколько же они светлые, какой это жуткий оттенок, как ассоциируется он со смертью. Его рот был заляпан кровью, как будто он очень неаккуратно съел какого-то зверька. У меня не возникло ощущения несправедливости и злости, как с Констанцией. Когда я увидела ее, мне захотелось кричать от того, как несправедливо, что она мертва безо всяких видимых повреждений, будто во сне скончалась. Ребра Герхарда были разворочены, под ними я видела внутренние органы, меня затошнило.

— Адриан! — крикнула я без особой надежды. Он сидел, привалившись к стене. И вроде как можно было предположить, что он жив. Но я отчего-то знала, что нет. Что-то в его лице и теле говорило об этом, какая-то излишняя, даже для Адриана, расслабленность. Когда я подошла к нему, а бежать было уже совсем не нужно, я увидела, что голова его чуть склонена набок и

по шее вниз за воротник уходят подтеки крови. Но кровь больше не текла. Я не стала прикасаться к голове Адриана, боялась нащупать его мозг, боялась, что меня стошнит. Я прикоснулась пальцами в его шее, но пульс не прощупывался.

К Астрид я шла нарочито медленно. Я видела, как ее опутывают тени, но теперь их не было. Темными казались только сосуды в белках ее глаз, почти черными. В остальном — она была, как и Констанция, просто мертва, безо всяких видимых причин.

И я завыла и зарыдала, хотя вообще-то считала себя очень уравновешенным человеком. Мне не стало за себя стыдно, стало просто удивительно от себя. Я все думала: вот и нет больше Констанции, как я и боялась. Нет Герхарда, и я не услышу его голос. Адриан не улыбнется и не скажет ничего в этой своей расслабленной буддийской манере, а Астрид не будет громко до отвратительного смеяться.

Астрид, Астрид — этого она хотела. И мы все хотели, раз ее послушались.

Я посмотрела на Акселя, от слез он передо мной расплывался. Он стоял надо всем этим нелепым полем битвы, посреди трупов всех, кого за долгое-долгое время, проведенное в Аркадии, знал. Аксель был как актер, который ждет аплодисментов, и тогда я подумала, может он и правду говорил, может сделал все только потому, что надоел ему Неблагой Король. И совсем ему не грустно, надо же.

Еще я подумала, что, согласно всем канонам, именно сейчас вся сказка должна была закончиться. Больше никаких братьев, никаких сестер, никакого Неблагого Короля. Я посмотрела на темное небо и красную звезду в его центре. Несомненно, оно должно было начать светлеть, и кровь должна была уходить из солнца, и я должна увидеть моих мертвецов еще раз, посреди дня.

Вот только ничего подобного не случилось. Небо рванула надвое молния, и все задрожало, как будто начиналось землетрясение. Еще одна вспышка расколола небо, и из черного оно стало рыже-алым, как волосы у Астрид, а потом снова черным. Снег под ногами начал таять, превращаясь в воду, а затем — в ничто. И я больше не слышала за спиной шума воды. Обернувшись, я увидела, что золота больше нет, поток, вырывавшийся вроде бы из горы, а на самом деле из ниоткуда, из самой пустоты, угас, и теперь из двух, остался лишь один. В замершую реку лились души, но их эфемерной силы было недостаточно для того, чтобы нести их по реке. И сама река, далеко внизу, застыла, похожая на золотую цепочку. Магия остановилась, и я вспомнила болото, от которого кормились деревья.

Тогда меня настигло ужасное, детское ощущение — мы что-то сломали. Только это была не папина вещь, не мамина вещь — это было само мироздание. Я крикнула Акселю:

— Так и должно быть?

А он сказал:

— Абсолютно точно — нет.

Я метнулась к нему. Небо вспыхнуло снова, заклубилось рыже-алым. И я поняла — оно горело. Я видела, как бушует за горизонтом огромный, дикий океан. А когда я обернулась, там, откуда мы пришли, осыпался лес, больше не было видно никаких верхушек деревьев, только валежник до самого края.

Мы с Акселем стояли рядом и смотрели, как рушится весь мир. И я подумала — если исчезнет Аркадия, как быстро исчезнет и все остальное? Никаких больше душ, никакой больше магии. Мир, откуда я пришла, был обречен жить дольше Аркадии и постепенно истощиться, а потом так же умереть. Я хотела броситься вниз по лестнице, удержать хоть что-то, хоть одно деревце. Снег под ногами превратился в воду и уносил с собой кровь и мед, ими перестало так одуряюще пахнуть. Аксель сказал:

— Что ж, этого никто не ожидал.

— Что происходит?!

— А ты не видишь? Аркадия разрушается. Видимо, смерть Неблагого Короля была для нее, минутка для плохой иронии, смертельна.

— То есть, как и смерть Благого Короля?

— Вероятно. Я полагаю, Отец хотел умереть и сделал бы это в любом случае.

— Сейчас мы умрем?

— Да, — сказал Аксель. — Знаешь песенку «Завтра никогда не наступит»? Хочешь, споем?

И он обнял меня, и это получилось по-особенному тепло. Мне было страшно умирать, но еще страшнее осознавать, что из-за меня умрут все. С неба зарядил дождь, обжигающий и ледяной. И я подумала: так вот как кончится мир. Вселенским потопом.

И мы утонем, как в аквариуме. Ревел океан, вырывавшийся из берегов, его воды показались мне черными, и я, чтобы не видеть, уткнулась в Акселя.

— Ну-ну, — сказал он. — Все не так уж плохо.

Но все было плохо, и он это знал. Я плакала и не могла остановиться, и дождь не останавливался тоже. Аксель все еще сжимал в руке сердце Неблагого Короля, его ненужный трофей. И я чувствовала, как оно копошится в его руке, когда он меня обнимал, иногда черви касались моего плеча.

А потом я услышала голос, прекрасный голос, прекраснее

него ничего на свете не было. Голос сказал мне:

— Ты ни в чем не виновата, Делия. Никто ни в чем не виноват.

Голос был похож на голос Неблагого Короля, только интонация была совершенно другая. Я в ужасе обернулась и увидела перед собой совсем другого Короля. И как же они были похожи. Он был во всем белом, царственный, просто невероятно красивый человек. Дождь, казалось, обходил его стороной, и он стоял в воде и сверху лилась вода, но оставался абсолютно сух и абсолютно аккуратен. Благой Король сказал, и голос его вселил в меня тепло, хотя он говорил грустные, страшные вещи:

— Все случилось так, как он хотел. Моя смерть и его смерть абсолютно равноценны для Аркадии. Думаю, в сущности ему было все равно, когда умереть. Хотя, быть может, вы и лишили его радости посмотреть на конец мира.

— Конец мира? — спросила я.

— А ты не видишь, Делия? Аркадия рассыпается. Она была доверена мне и моему брату, и жизнь в ней поддерживают наши сердца. Если бы он смог заставить кого-то из вас отдать ему меч, чтобы он, скажем, отсек мне голову, все сложилось бы так же. Мы в точке, где историю невозможно или почти невозможно изменить.

Благой Король смотрел на небо, разрываемое молниями, с философской грустью, свойственной состарившимся преподавателям. Я сказала:

— А что вы можете сделать?!

— А ты считаешь, что что-то делать нужно?

Он был очень спокоен, и я понимала почему. Существо столь древнее смирилось уже со всем, в том числе и с концом всего. Но я так не могла. Я крикнула:

— Мои друзья мертвы! Мои братья и сестры!

Благой Король мягко улыбнулся.

— Так тебя тоже, оказывается, волнует совсем не мир. К счастью для них, их души еще не оказались в Великой Реке, поток остановился. Я уверен, что с этим я могу тебе помочь, дитя.

— А со всем остальным миром? — спросил Аксель. — Для меня это более актуально.

— А со всем остальным миром только вы сможете помочь себе. Я-то на своем месте, и на чужом быть не могу.

Я разозлилась, он говорил загадками, как будто у нас было желание и время для того, чтобы их отгадывать. Я уже совсем было возненавидела Благого Короля, хотя и не так сильно, как его брата, но в этот момент туман поднялся к вершине горы, на которой мы стояли. Туман был абсолютно безвидным, вряд ли он

чем-то отличался от тумана из фильмов про Шерлока Холмса. Так что я не сразу догадалась, что это было все, что составляло Констанцию, Герхарда, Астрид и Адриана. Благой Король стоял очень спокойно, смотрел, как белый туман проникает в моих мертвых друзей, впитывается в них.

Мне все это казалось чем-то не только личным, но и запретным. Тайны смерти и жизни, секс, рождение, агония и умирание, все это должно было быть скрытым от чужих глаз. Точно так же и с воскрешением. Мы с Акселем не сговариваясь развернулись к океану. Он с ревом бился о скалы, и каждый удар вырывал дрожь из камня, на котором мы стояли. Океан окружал Аркадию со всех сторон, это он был и за клубничным полем.

— Море Бед, — сказал Аксель.

— Оно так называется?

— Неа. Это я его так назвал. Когда я только попал сюда, представлял, что за этим Морем Бед — реальность, которая мне не нужна. И все Море Бед состоит из житейских неудач. Ну, знаешь, ненаписанных книг, ненарисованных картин, несказанных слов. И только тот, кто делает все, что хочет, может преодолеть Море Бед и попасть сюда, в Аркадию.

— А ты ее любишь.

— Любил.

Он смотрел на меня, и я не знала, что еще сказать. Мы впервые разговаривали так, что я начинала понимать, что Аксель за человек. Мы разговаривали, как люди, которые хотят друг друга узнать. Он сказал:

— Не бойся, они все оживут, и мы умрем вместе.

— Слабое утешение.

— Разве? Я думал, всегда приятно умереть с кем-то, вроде ты не один такой неудачник.

— Аксель!

А потом он снова поцеловал меня. Поцелуй вышел ласковым, очень мягким, я и не думала, что Аксель способен на такую нежность. В этот момент я услышала, почти пожалев о торжестве жизни над смертью, голос Астрид:

— Твою мать! Противно-то как!

— Делия, дорогая, есть вещи хуже, чем герпес. Несмываемый позор, например. Несмываемый позор не намажешь ацикловиром.

— Заткнись, Адриан! — сказал Герхард. — Это любовь.

— Вам что менее интересно, что мы умерли и воскресли, чем то, что Акселя не послала Делия?

Я засмеялась, отстранившись. Они поднимались на ноги, Герхард тряхнул головой, как после сна. И хотя рубашка его все еще была в крови, никакой раны больше не было. Адриан потирал

затылок:

— Больно, но терпимо.

— Меня чуть не убила какая-то тератома! — завопила Астрид. Но в ее голосе было намного больше торжества, чем злости. Хорошо снова быть.

Я ощущала единство со всеми ними и даже Аксель ощущал, мы кинулись друг друга обнимать. Вообще-то — не самое удобное мероприятие. Все время чьи-то руки метят тебе в глаз, тебя неловко сгребают, твой нос утыкается в чью-то подмышку. Мало приятного — обниматься с шестью людьми одновременно, каждый из которых хочет тебя обнять.

И Акселя тоже хотели обнять, и он хотел обниматься. А ведь они даже не знали, что это Аксель нас спас. Аксель, впрочем, не был бы собой, если бы тут же не упомянул об этом.

— Кстати, я убил Неблагого Короля. А вот — Благой.

— Я его даже не заметила!

— Стоит так тихонько!

— Я…

— Никому не интересно, Аксель!

А потом очередной удар грома ворвался в мою черепную коробку, захотелось зажать уши. Я запрокинула голову и увидела, что с неба одна за другой падают звезды. Резко, едва не сбросив нас всех, просела скала.

— Ты можешь отправить нас домой? — взмолилась я.

Благой Король с совершенно спокойным видом обернулся к нам. Небо позади него слезало клоками, оставляя не черноту, но пустоту, окончательное ничто — вроде такого же цвета, однако намного более магнетическая и страшная субстанция.

— Я верну вас домой, непременно.

— И меня? — спросил Аксель. И вместе с сарказмом, я услышала в его голосе надежду. Я не знала, получиться ли у нас с ним хоть что-то, он мне даже не нравился еще пару суток назад. Но я хотела попробовать. Я взяла его за руку и крепко сжала пальцы.

— И тебя, — спокойно сказал Благой Король. — Всех вас. А что по-вашему будет с этим миром?

— Он разрушится, — сказал Герхард. — И наш увянет.

— Правильно. Он умрет. А затем, не сразу, но в перспективе, увянет и ваш мир.

— А в какой именно перспективе, простите? — спросил Адриан.

— Ты заметишь разницу уже через пару недель. Но есть выход. Кто-то должен занять его место. Смерть не может не существовать. Аксель, покажи сердце Неблагого Короля.

Аксель вытянул руку. Черви извивались, но уже медленнее. Могло ли вообще сердце смерти умереть? Сердце тьмы.

— Кто-то должен стать им, — сказал Благой Король. Он ничего не предлагал, просто информировал о том, что имеется и такая возможность. — И остаться здесь навсегда. Или почти навсегда.

— Точно, нашу с Адрианом мамку он же как-то сделал.

А потом все замолчали. Каждый думал о ценности собственной жизни и ценности чужих. Я пыталась найти свое место среди будущего ученого — Констанции и Адриана, который обещал позвонить сотне шведских девушек.

Я не хотела отпускать Акселя. Он столько не видел, и мне неожиданно для меня самой захотелось многое ему показать. Астрид не стала бы разлучаться с Адрианом.

Я взглянула на небо, чтобы не смотреть на всех остальных, решавших свои дилеммы. На небе больше не было ни одной звезды. Становилось очень-очень холодно. А ведь это мог быть и никто из нас. Можно уйти и смотреть, как гибнет мир.

Благой Король не торопил нас. Он стоял у трупа своего брата, и я снова удивилась, до чего они похожи.

Наконец, Герхард сказал:

— Давайте это буду я. Я учился в коррекционной школе, вряд ли я стану ученым или врачом, вряд ли у меня будет семья. В общем, я точно менее полезный, чем все.

Я засмеялась, не потому что мне хотелось, чтобы ему было обидно — наоборот. Герхард спасал нас, Герхард старался утешить нас, Герхард был с нами честным и никогда, никого не обижал.

— Герхард! — воскликнула Констанция. И хотя в ее голосе сквозило облегчение от того, что это решение приняла не она, ей не хотелось и чтобы его принял Герхард. Герхард сделал шаг вперед, и мне захотелось его удержать. А потом, совершенно неожиданно, Аксель сказал:

— Не отдам. Это мое по праву! Я его вырезал, значит вся эта сила — моя! Отправляйтесь к своим жалким реальным жизням, сосунки!

И я знала, что он говорит не искренне, играет впечатляющего социопата, а на самом деле хочет посмотреть, что там с миром и отправиться туда вместе со мной. И я понимала, что он приносит жертву ради нас всех, потому что ему легче. Но это не значит, что он не хотел бы иначе.

Аксель рванул воротник рубашки, ткань легко поддалась. Он приложил комок червей туда, где должно было быть его собственное сердце.

И я поняла — они сожрут его. Они вцепились, зашевелились, как маленькие бурильные установки принялись вклиниваться в его плоть. Они медленно сожрут его сердце, и он станет смертью. Неблагим Королем.

Я заплакала. Никто, кроме меня, не понимал до конца, что сделал для нас Аксель.

— Я всемогущ! — крикнул Аксель, он засмеялся, настолько опереточно-злодейски, что и я засмеялась, но — сквозь слезы. И тогда я поцеловала его. Плечом я ощущала копошение мерзких червей, все дальше вгрызавшихся в его плоть. Кем он станет, когда они сожрут его сердце?

— Вернись ко мне! Хоть раз! — сказала я.

— Кстати, ты не забыла? — спросила Астрид. — Что он твой дядя?

— А Адриан — твой брат, — пожал плечами Герхард. — А мы с Констанцией — кузены. Не мешай людям. Они прощаются.

Я, наконец, отстранилась. Аксель улыбался, хоть глаза у него и были болезненными. Я не смотрела на его сердце, просто не могла.

Дождь закончился, а шум источника снова возобновился. Золото пронзило тьму, яркое, спадающее вниз и несущее человеческие души к новому началу. От смерти к жизни. Великая Река снова обрела свое течение.

Выбор был сделан.

Герхард сказал:

— Нужно теперь перетащить всех наших младенцев в начало Великой Реки.

— Я сделаю это, — сказал Благой Король. — И займусь Потерянными. Это моя работа даровать этим душам покой. А что до вашего выбора? Вы хотите домой?

Конечно, все мы хотели. Я соскучилась даже по Розе. И хотя я все еще не могла поверить в то, что она принцесса хоть чего-то, кроме папиного сердца, я поняла, что по-своему ее люблю.

Минут десять мы, как в детском лагере, когда оканчивается лето, обменивались телефонами и адресами, которые могла запомнить с первой попытки только Констанция. Мы целовались и обнимались, говорили друг другу приятные слова и вспоминали все, что было в Аркадии хорошего. Адриан спросил Благого Короля:

— А в Стокгольме у меня останется сила?

— О, конечно, нет, Адриан. Ты сделал выбор, а это всегда значит не только что-то получить, но и от чего-то отказаться. Вы готовы?

Я не была готова. Я взяла Акселя за руку и прошептала:

— Найди меня.

А он улыбнулся, хотя я и знала, что ему больно — черви прогрызают дорогу к его сердцу.

— Где бы ты ни была.

Я как никогда почувствовала, что кончается лето, хотя была посреди зимы и мне, наверное, предстояло вернуться в осень. Прощайте, новые друзья. Прощай, придуманный летний мир. Прощай, дурацкая летняя любовь.

Лето, прощай.

Мы подошли к Благому Королю, и он сказал:

— Это правильный выбор. Проживите свою человеческую жизнь и однажды возвращайтесь в Аркадию. Спасибо вам.

Этот красивый и спокойный человек, от которого исходило тепло, был так похож на чудовище, с которым мы сражались, умирая за то, чтобы уничтожить смерть.

А оказалось, что уничтожить смерть значит уничтожить все. Я запрокинула голову вверх, и там снова оказались звезды. Я взяла за руку Герхарда, а он Констанцию, а Констанция Адриана, Адриан — Астрид, а Астрид — меня.

Я успела обернуться на Акселя и поймать его взгляд, совсем не радостный. Мне не хотелось оставлять его.

Но я оставила его.

Сначала я почувствовала себя очень легкой, а потом и вовсе — не существующей. Мои ладони никто не сжимал, да и не было у меня ладоней. Я никем не была и ничем не была, и поднималась все выше и выше, оставляя Акселя и Благого Короля внизу. То есть, Неблагого и Благого Королей.

Аксель помахал нам рукой, и я видела кровавый подтек на его рубашке, он для меня был как крохотное пятнышко. Он махал мне рукой, но не знал, где я. Я не видела никого рядом и сама была невидима. Я почувствовала себя обманутой — никаких посиделок в поезде, прощаний в аэропорту, долгих проводов. Мы уже расстались.

Я вспоминала телефон Адриана, такой простой — он его специально выбрал, чтобы цеплять побольше девушек, которым легко будет его запомнить. Когда я отвлеклась и перестала, как сказала бы Констанция, невротизировать процесс, все пошло легче. Я оказалась в небе и была небом, летала между звезд. А потом я увидела золотой свет, и поняла, что водопад берет свое начало много выше, чем я думала, что мы видели не первый его порог. А вот это — первый. Усеянное звездами, как пляж ракушками, небо, извергало золото, стремящееся вниз. Здесь уже ничего не было, кроме неба, звезд и этого золота.

И я нырнула в него, и это было потрясающе тепло.

А очнулась я уже в холоде и одна. Я почувствовала, что скучаю — по всем и по Акселю. Никогда бы не подумала, что стану по нему скучать, что захочу его лучше узнать. Я лежала на снегу между могилок Лесного Кладбища. Зима уже наступила, как я и ожидала. Может быть, это была даже не зима две тысячи шестнадцатого года.

Это мне и предстояло выяснить.

Я раскинула руки, коснувшись холодных могильных камней, и засмеялась. Каким блеклым было небо Стокгольма после Аркадии. Как, наверное, скучно было здесь родителям. И как хорошо.

Прощай, Аркадия.